

Per A-1169
-182

TARTU RIIKLIKU ÕLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 182 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÖID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

V

И. РЕБАНЕ

Убеждение и принуждение в деле борьбы
с посягательствами на советский правопорядок

TARTU 1966

Реч. А-1169
-182

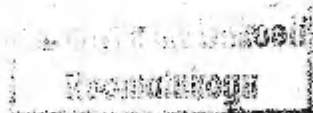
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 182 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÕID ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ V

И. РЕБАНЕ

Убеждение и принуждение в деле борьбы
с посягательствами на советский правопорядок

Тарту 1966

VII 2102

ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

V

На русском языке

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Ответственный редактор А. Кирис
Корректор Ю. Сарв

Сдано в набор 24/XII 1965 г. Подписано к печати 11/IV 1966 г. Бумага фабрики «Кокила», 60 × 90, 1/16. Печ. листов 19,75. Учетн.-издат. листов 23,6. Тираж 500 экз. Заказ № 9921. MB-03483.

Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. II.

Цена 1 руб. 58 коп.

ВВЕДЕНИЕ

1. Осуществить принципы коммунизма могут только люди, глубоко убежденные в идеалах коммунизма, добровольно соблюдающие правила коммунистического общежития, готовые отдать все свои силы на благо общества. Чем выше сознательность членов общества, чем полнее и шире разворачивается их творческая активность, тем быстрее и успешнее будет претворяться в жизнь программа построения коммунизма.

Человек с новыми чертами, с новым сознанием и образом действий — активный и сознательный строитель коммунизма — уже существует. Он уверенно шагает по советской земле. Ныне процесс формирования нового человека, пройдя социалистический этап, вступил в высший, коммунистический этап. Теперь задача состоит в подготовке поколения всесторонне развитых людей, которые будут жить, работать и управлять общественными делами при коммунизме, и в вовлечении всех членов советского общества в непосредственное осуществление принципов коммунизма, в практическое строительство нового общества.

Благодаря смелой и мужественной политике, направленной на преодоление культа личности и восстановление и развитие ленинских принципов, наша партия смогла определить научно обоснованный, ленинский политический курс, который обеспечил все возможности для формирования нового человека и открыл широкий простор созидательным силам народа. В воспитании этого нового человека — члена будущего коммунистического общества — и в повышении творческой активности трудящихся партия усматривает важнейшую составную часть своей программы.

Программой КПСС определяется также роль Советского государства в воспитательной и организаторской работе в период развернутого строительства коммунизма. Когда социализм победил в нашей стране полностью и окончательно, то исчезли те условия, которыми была вызвана необходимость в диктатуре пролетариата, внутренние задачи ее были выполнены. Ныне Советское государство является общенародным государством. Начался процесс его перерастания в коммунистическое общественное самоуправление.

Марксизм-ленинизм учит, что при коммунизме государство отомрет, что функции общественного управления утратят свой политический характер и превратятся в непосредственное народное управление делами общества. Развитие в этом направлении идет путем всемерного разворачивания демократии, активности и самостоятельности широких народных масс, расширения задач общественных организаций и постепенного перехода к ним функций государственных органов, в том числе и органов, уполномоченных применять меры принуждения. Этому развитию содействует и само государство. Оно призвано, в частности, воспитывать народные массы в духе сознательной дисциплины, коммунистического отношения к труду, неуклонного соблюдения норм общественного поведения.

При этом в процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора, активнее используется авторитет общественности в борьбе с нарушителями правил общежития. Соответственно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми.

В связи с этим первостепенную теоретическую и не меньшую практическую важность приобретает научная разработка вопроса об убеждении и принуждении при решении государственных задач. Всесторонняя разработка этого вопроса позволит более точно определить пути, по которым идет нормативное регулирование поведения людей в период развернутого строительства коммунизма, более исчерпывающе установить ход перерастания норм права в правила коммунистического общежития, более полно раскрыть закономерности развития советского общества в этот новый исторический период и, тем самым, использовать их в деле построения коммунизма.

Разработка вопроса об убеждении и принуждении является одной из важнейших задач юридической науки, ибо убеждение и принуждение — это те стимулы, которые побуждают к соблюдению норм права. В то же время этот вопрос имеет также общетеоретическое значение. Разработка его не может быть исчерпана в плане юридическом.

Что касается, в частности, убеждения, то оно является одним из основных средств коммунистического воспитания трудящихся, в том числе и воспитания в духе соблюдения норм общественного поведения. Но именно потому, что делу коммунистического воспитания трудящихся служит не только советское право, а к средствам убеждения прибегают не только в сфере юридического регулирования, разработка общего вопроса о коммунистическом воспитании трудящихся, а также общего вопроса о методе убеждения выходит далеко за рамки советской правовой науки.

В плане юридического исследования не может быть исчерпан

также вопрос о мерах принуждения, в частности, о необходимости и обоснованности применения их в отношении лиц, допустивших посягательства на советский правопорядок. Этот вопрос должен быть также поставлен шире, с учетом того, что с переходом общества из «царства необходимости в царство свободы» изменяется сам характер принуждения. Все в большей мере принуждение сочетается с воздействием на внутренние, нравственные побуждения человека. Этого, более общего аспекта вопроса не должна упускать из виду и советская юридическая наука. Но прежде всего она изучает убеждение и принуждение с точки зрения значения их в деле охраны установленного в Советском государстве правопорядка.

Программа КПСС указывает на необходимость дальнейшего укрепления правопорядка как важного орудия в деле решения задач коммунистического строительства. В связи с этим актуальным остается вопрос о методе претворения юридических норм в жизнь и о средствах охраны советского правопорядка.

Посягательства на правопорядок в корне противоречат природе советского общества. Ряд объективных обстоятельств содействует претворению в жизнь норм общеправового права. Среди этих обстоятельств решающими являются советский общественный и государственный строй, культурный уровень нашего народа, последовательное укрепление социалистического правосознания. В результате этого юридические нормы выполняются добровольно подавляющим большинством должностных лиц и граждан Союза ССР. Роль убеждения все более возрастает.

Объективные законы развития советского общества позволяют принимать эффективные меры для предупреждения правонарушений. В этом деле важное значение имеет хозяйственно-организаторская работа Советского государства. Предупреждению посягательства на правопорядок служит также культурно-воспитательная работа, проводимая Советским государством и общественными организациями (в том числе правовое и нравственное воспитание трудящихся, правовая пропаганда и т. д.).

Однако в современных условиях развития советского общества нормы права еще не всегда выполняются добровольно. Поэтому нельзя пока отказываться от применения мер государственного принуждения в отношении лиц, совершивших правонарушения. За опасные для общества преступления должны применяться строгие наказания. Тем не менее, Советское государство неуклонно придерживается принципа экономии мер принуждения. Оно рассматривает их применение как крайнее средство. Лишения и ограничения личности, связанные с применением принудительных мер, не вызываемых необходимостью, несовместимы с природой советского строя.

При разработке вопроса о роли убеждения и принуждения

в деле охраны советского правопорядка под углом зрения принципа экономии мер принуждения следует исходить из необходимости максимального содействия посредством по возможности минимально острых мер воздействия развитию и укреплению социалистической, общенародной законности, неизбежность которой является одним из основных начал в деятельности Советского государства. Вместе с тем должно быть учтено и то обстоятельство, что в Советском государстве сами меры принуждения не могут быть применены иначе, как на правовом основании, в строгом соответствии с нормативными актами, при соблюдении всех законных прав граждан.

2. При раскрытии роли убеждения и принуждения в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок необходимо уделять большое внимание вопросам методологии. Прежде всего, следует иметь в виду, что исходные положения отдельным отраслям юридической науки, изучающим определенную сферу деятельности Советского государства, дает марксистско-ленинская общая теория государства и права. Разработка общих для всех юридических дисциплин проблем и формулировка общих, обязательных и исходных для всех отдельных правовых дисциплин положений, не входят в задачи отдельных отраслей советской юридической науки, а простираются далеко за их пределы.

Однако, с другой стороны, при анализе отдельных правовых институтов нельзя ограничиваться только этими общими, исходными положениями. Необходимо установить и то особенное, чем характеризуется именно данный институт. При этом изучение конкретных юридических институтов служит, в свою очередь, доказательством обоснованности общих, исходных положений теории права.

Учение о мерах убеждения и принуждения в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок тоже не основывается и не может основываться только на том нормативном материале, который содержится в отдельной отрасли советского права. Безусловно, необходима глубокая разработка вопроса об убеждении и принуждении общей теорией государства и права. Это является предпосылкой для изучения различными отраслями советской юридической науки отдельных видов мер убеждения и принуждения как средств правоохраны. С другой стороны, положения, сформулированные отраслевыми науками при изучении роли убеждения и принуждения в деле правоохраны, могут и должны служить предметом важнейших научных обобщений. Эти положения являются не чем иным, как конкретным выражением общих закономерностей развития советского общества. Как конкретное выражение общего они и должны быть рассмотрены.

Наука советского права не может допускать дробления

юридической мысли и проблем, имеющих общее значение, между отдельными, отраслевыми правовыми дисциплинами. Подобное дробление — это пережиток буржуазных влияний в науке советского права. При богатстве нормативного материала и освящении юридических норм, после крушения т. н. классической философии и ее всеобъемлющих мировых систем пришедшая к власти буржуазия сосредоточила внимание на узко-догматическом изучении права. Она пыталась устранить из доктрины вопросы, выходящие за пределы изучения норм действующего права. Буржуазные правоведы избегали смелых научных обобщений, отказались от установления основных закономерностей развития и загнивания буржуазного общества в сфере правовых явлений. В результате этого энциклопедиям права как цельным и законченным правовым системам пришел конец. Буржуазная юриспруденция заинтересована в пульверизации общетеоретических проблем.

От такой замкнутости при изучении правовых явлений решительно отказывается марксизм-ленинизм, как единственное подлинно-научное и цельное мировоззрение. Узкий догматизм чужд советской теории права, все равно идет ли речь об общей теории государства и права или об отдельных юридических дисциплинах. Нельзя изучение правовых явлений свести к рассмотрению одних только нормативных источников — к логическому анализу юридических норм.

Отказавшись от одностороннего, узко-догматического изучения правовых явлений, наука о Советском государстве и праве последовательно раскрывает их социально-политическую сущность. Этот творческий процесс А. Н. Трайнин метко охарактеризовал, как процесс материализации правовых понятий, процесс наполнения правовых форм новым содержанием.¹

Не обойтись без материализации юридических понятий и при изучении роли убеждения и принуждения в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. И тем не менее при этом имеют в виду, главным образом, статику советского права. Вместе с тем необходимо, безусловно, глубокое и всестороннее изучение также динамики советского права.

Для этой, пока еще недостаточно разработанной области в науке советского права, учение об убеждении и принуждении как мерах правоохраны представляет богатейший материал.

Под динамикой советского права следует понимать прежде всего процесс самого становления юридических норм. Далее динамика советского права проявляется в процессе реализации юридических норм в жизни, во всем многообразном воздействии, оказываемом правом на прогрессивное развитие общества.

¹ См. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 237.

Социалистическое общенародное право является величайшей мобилизующей, организующей и преобразующей силой. Между тем советская юридическая наука все еще недостаточно глубоко изучает конкретные формы, методы, способы воздействия, оказываемого юридическими нормами на поведение человека, а в конечном итоге — и на советские общественные отношения.

Только в результате изучения конкретных форм и методов воздействия, оказываемого правом, представляется возможным установить механизм обслуживания правом экономического строя общества, раскрыть закономерности в механизме этого обслуживания, сознательно руководить последними и пользоваться ими при разрешении назревших задач, стоящих перед советской страной на данном этапе его развития.

Отказавшись от узко-догматического рассмотрения правовых явлений, марксизм-ленинизм исходит из необходимости их всестороннего изучения, установления их обусловленности от более общих социальных процессов и, вместе с тем, из необходимости раскрытия их тесной взаимосвязи. Это положение полностью применимо и к изучению роли убеждения и принуждения в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. В силу этого положения на достигнутом уровне человеческих знаний, при чрезвычайно быстром темпе развития науки все большее значение принадлежит комплексной разработке крупных проблем различными отраслями науки. Вопрос о мерах борьбы с посягательствами на советский правопорядок является одной из таких проблем. Он имеет, кроме юридического, также социологический, психологический, педагогический, физиологический и другие стороны. Наличие многих из них объясняется в период развернутого строительства коммунизма, между прочим, тем, что в развитии самих юридических институтов все яснее вырисовывается процесс перерастания права в иные формы нормативного регулирования. В ходе этого процесса, который происходит не по воле законодателя, а в силу объективных законов развития общества, правовые (государственные) и общественные формы все более сближаются и в конце концов сливаются. Это относится и к борьбе с посягательствами на советский правопорядок. Юридизация, рассмотрение одной только государственно-правовой стороны этой борьбы, не способствует всестороннему раскрытию действительности и дезориентирует практику.

В связи с необходимостью комплексной разработки крупных проблем, еще большее значение приобретает марксистско-ленинская философия как средство разрешения пограничных вопросов, ушедших своими корнями в различные дисциплины, и вместе с тем как методологическая основа для приведения в систему данных различных отраслей человеческих зна-

ний. Она предотвращает разрыв между теорией и практикой и ускользание в узкий эмпиризм.

Итак, проблема убеждения и принуждения как проблема средств борьбы с правонарушениями не является «исключительной компетенцией» юристов, подобно тому, как сама правоохрана выходит за пределы деятельности одних только органов юстиции и требует согласованных действий ряда органов Советского государства и общественности. Это, однако, не означает, что данный вопрос не должен привлекать к себе внимания также юристов и не может служить предметом правовых исследований. Такие исследования тем более необходимы, что только еще накапливается фактический материал и опыт для сочетания социологических и пр. исследований с юридическими. Такие исследования, по-видимому, не под силу одному ученому.

Поэтому нельзя отказаться и от другого пути исследования — от юридической формы к выявлению ее материального содержания.² При таком пути имеют в виду необходимость расширения рамок самих юридических исследований и, во всяком случае, комплексного подхода к изучаемым явлениям — сочетание правовых и социологических, а также прочих аспектов проблемы в рамках юридического исследования. Этот путь и избран в настоящей работе. Она начинается с рассмотрения правовой нормы и ее структуры с тем, чтобы в дальнейшем выяснить социальное содержание правового регулирования и на этой основе раскрыть природу посягательств на советский правопорядок и сущность юридической ответственности. Такой подход к проблеме позволяет в последних четырех главах настоящего исследования разработать вопрос об убеждении и принуждении в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок с привлечением материала, выходящего за пределы изучения действующего права.

² См. также Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, М., 1960, стр. 63.

Глава 1

СОВЕТСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК И ЕГО ОХРАНА

§ 1. Механизм правового регулирования и советский правовой порядок

1. Под правовым регулированием следует понимать все формы воздействия советского права на поведение людей, а в конечном счете — на общественные отношения периода развернутого строительства коммунизма.³

Правовое регулирование имеет своей целью претворение в жизнь юридических норм. Для достижения этой цели необходимо соответствие поведения людей, которое регулируется правом, юридическим правилам поведения, из которых право состоит.

Но поведение людей воплощается в советских общественных отношениях, участниками которых люди являются. Именно потому правовое регулирование имеет в конечном счете предмет своего воздействия советские общественные отношения периода развернутого строительства коммунизма.

Правовое регулирование — это определенный процесс. Его начальным пунктом является издание юридической нормы, ибо из последней берет свое начало и правовое воздействие.

Правовому воздействию присущи специфические закономерности, в рамках которых протекает сам процесс правового регулирования, состоящий из ряда звеньев. В связи с этим можно говорить о структуре правового регулирования как об устой-

³ См. также И. Быстржина, М. Лакотш, Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе, «Советское государство и право», 1964, № 2, стр. 15; В. М. Горшенев, Участие общественных организаций в правовом регулировании, М., 1963, стр. 31—32; Б. В. Шейндин, Сущность советского права, Л., 1959, стр. 110; Л. С. Явич, Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, М., 1961, стр. 26. Вопросам уголовно-правового регулирования, а также многим другим вопросам, рассматриваемым в настоящей работе, посвящена содержательная монография В. Г. Смирнова Функции Советского уголовного права, Л., 1965. К сожалению, она поступила в продажу уже после завершения работы над рукописью настоящего исследования.

чивой, закономерной связи и взаимоотношении частей целого. Поскольку, однако, структура правового регулирования является строением определенного процесса, целенаправленно используемого для достижения желаемого результата, то следует иметь в виду, что речь идет о структуре в высшей степени динамического явления. В связи с этим возникает вопрос о механизме правового регулирования, о тех методах и средствах, при помощи которых оказывается правовое воздействие.⁴

Важнейшее значение в любом механизме принадлежит его движущим силам. В деле правового регулирования таковыми являются убеждение и принуждение, мотивирующие, побуждающие людей вести себя в соответствии с требованиями норм права. При сознательном пользовании ими они обретают качество средств правового регулирования, необходимых для побуждения к правомерному поведению людей и, следовательно, для реализации юридических норм.

Вопрос о мотивационном воздействии права возникает потому, что нормы права способны оказывать прямое воздействие только на людей — участников общественных отношений. Непосредственно правовому регулированию подвергается именно поведение людей. Ни вещи, ни так называемые личные нематериальные блага, ни события (т. е. естественные, природные явления) сами по себе не являются доступными правовому воздействию, если они в той или иной степени не связаны с юридически значимым поведением людей. «События, — справедливо указывает О. С. Иоффе, — признаются юридическими фактами лишь в той мере, в какой они порождают необходимость в правовом регулировании поведения людей, которые либо могут предотвратить наступление события, либо должны принять на себя порожденные им последствия»⁵. Правовая норма как таковая никакого воздействия на вещь, на событие не оказывает. Лишь посредством регулирования поведения людей нормы права могут воздействовать и на общественные отношения.⁶

⁴ Поэтому нельзя признать правильным отождествление структуры и механизма правового регулирования. Подобное отождествление допускает, в частности, В. М. Горшенев. См. В. М. Горшенев, Участие общественных организаций в правовом регулировании, М., 1963, стр. 32.

⁵ О. С. Иоффе, Правоотношение по советскому гражданскому праву, Л., 1949, стр. 121.

⁶ См. также А. С. Пиголкин, Правовая норма — регулятор общественных отношений, Уч. зап. ВЮН, вып. 17, М., 1963, стр. 38 (статья написана при участии И. С. Самощенко). В монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 118, И. С. Самощенко указывает, что главное в правовом регулировании — это поведение участников общественных отношений. Далее И. С. Самощенко утверждает, что имеются общественные отношения, существующие и без каких-либо действий его участников (отношения гражданства, семейные отношения между супругами, фактически разошедшимися, и т. п.). Право, по И. С. Само-

Однако, правовому регулированию может подлежать не всякое поведение человека. Право, как обоснованно отмечает Н. Г. Александров, способно регулировать поведение людей лишь постольку, поскольку действия человека выражаются или, по крайней мере, могут выражаться в актах волевого поведения.⁷ Ф. Энгельс указывает, что «... у отдельного человека, для того чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли...».⁸

Волевое поведение человека предполагает возможность выбирать между различными, объективно возможными вариантами этого поведения. Совершение действий, фатально предопределенных, или несовершение действий, объективно невозможных, не зависит от воли человека.

Возможность выбирать между различными вариантами поведения не исключается вследствие обусловленности индивидуальной воли материальными условиями существования человека. Действие объективных экономических законов не вызывает фатальной предопределенности его поступков. В рамках существующих общественных отношений за человеком сохраняется возможность самому определять линию своего поведения.

Именно в этом заключаются объективные предпосылки для правового регулирования. При отсутствии различных объективно возможных вариантов поведения правовое, точно так же как любое нормативное регулирование, было бы лишено всякого смысла вообще. Правовое регулирование потому и возможно, что человек сам может определить линию своего поведения в пределах имеющихся вариантов. Только в этих пределах мыслимо правовое регулирование.⁹

Регулируя поведение людей, советское право не действует автоматически. «Для выполнения требований правовых норм государство должно стимулировать такие решающие мотивы,

щенко, регулирует и эти волевые общественные отношения. Следует, однако, отметить, что регулируя правовое положение граждан, связи между людьми и пр., право в самом деле регулирует лишь условия и формы сношений между людьми, т. е. условия и формы их общественного поведения.

⁷ См. Н. Г. Александров, Сущность права, М., 1950, стр. 34—35. См. также его же, Законность и правоотношения в советском обществе, М., 1955, стр. 86. В связи с этим Л. С. Явич в монографии Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, М., 1961, стр. 24, с полным основанием указывает на субъективные пределы правового регулирования. Невозможно, например, подвергнуть регулирующему влиянию действия лица, не отдающего себе отчета в своих действиях в силу возраста или психического состояния.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 310.

⁹ Многие из затронутых выше вопросов рассматриваются специально в статье И. С. Самощенко, Свобода воли и ее значение для правового регулирования общественных отношений, «Советское государство и право», 1963, № 12, стр. 34—40.

которые побудили бы человека действовать в соответствии с требованиями этих норм, чтобы в его сознании созрела решимость следовать их предписаниям».¹⁰

Выбирать между отдельными видами поведения побуждают человека различные мотивы, многообразные факторы, прежде всего, однако, убежденность в правильности и необходимости соблюдать нормы права, а также угроза применением принуждения в случае невыполнения правовых предписаний. К действию именно этих стимулов государство прибегает в деле правового регулирования поведения людей.

Тем не менее было бы неверно отнести убеждение и принуждение в деле правового регулирования в область только психологии. Это — факторы также социальные, ибо в вышеуказанных пределах правовому регулированию подвергается общественно значимое поведение людей, их общественные действия,¹¹ т. е. поведение их как участников общественных отношений, действия их по отношению друг к другу.

В Советском государстве при правовом регулировании основное значение принадлежит убеждению. Роль принуждения вспомогательна. По мере продвижения вперед к коммунизму сфера применения принуждения сужается.

В период развернутого строительства коммунизма вместе с ростом значения субъективного фактора в прогрессивном развитии общества неизмеримо возрастает активная роль права. Значительно усиливается оказываемое им регулирующее воздействие. Вследствие этого все более редким становится несоблюдение норм советского права.

Важнейшим фактором повышения регулирующей роли советского права на современном этапе развития нашего общества является рост сознательности населения, укрепление коммунистических убеждений трудящихся. Именно коммунистические убеждения лежат в основе добровольного соблюдения норм права.

Наряду с коммунистическими убеждениями определенную и пока еще весьма важную роль в правовом регулировании играет также принуждение. Оно имеет форму либо государственного, либо общественного принуждения и свою мотивационную функцию выполняет, прежде всего, посредством угрозы принуждением. Фактическое применение мер принуждения имеет место в тех случаях, когда ни убеждение, ни угроза принуждением не оказали достаточного мотивационного воздействия и нормы права были нарушены.

То, что убеждение и принуждение являются основными источ-

¹⁰ А. С. Пиголкин, К вопросу об основных способах обеспечения норм советского социалистического права, «Правоведение», 1964, № 2, стр. 134.

¹¹ Этим термином пользовался В. И. Ленин, см. Сочинения, т. 1, стр. 385.

никами мотивационного воздействия права, не вызывает каких-либо сомнений и на достигнутом уровне развития советской науки не нуждается в доказательстве. Перед ней стоят задачи более ответственные. Решение их должно идти в основном в двух направлениях. Во-первых, необходимо всестороннее изучение механизма этого воздействия с целью раскрытия в нем закономерностей, присущих психическим процессам вообще. Для решения этой задачи юридические исследования сочетаются с психологическими. Второе направление состоит в исследовании социальной эффективности убеждения и принуждения в деле правового регулирования. При этом юридические исследования сочетаются с социологическими.

Раскрытие закономерностей в механизме мотивационного воздействия, оказываемого убеждением и принуждением в ходе правового регулирования, которые присущи психическим процессам вообще, — задача первостепенной практической важности. В результате решения этой задачи открывается широкий простор для использования этих закономерностей с целью развития правосознания и закрепления его в мировоззрении человека, формирования морального облика людей периода развернутого строительства коммунизма, изыскания средств для усиления воспитательного воздействия права и предупреждения правонарушений.

Раскрытие социальной эффективности убеждения и принуждения в деле правового регулирования является составной частью анализа эффективности действующих норм права вообще. Эта задача была поставлена перед советской юридической наукой в редакционной статье журнала «Коммунист».¹² Значение этой проблемы заключается в проверке эффективности действующих норм живой общественной практикой и в разработке на этой основе предложений по усовершенствованию законодательства.

Раскрытие социальной эффективности убеждения и принуждения в деле правового регулирования — задача вполне четко и точно ограниченная. Она не может быть решена умозрительным путем. Необходимо исчисление на основе конкретных социологических исследований коэффициента полезного действия убеждения и принуждения в практике правового регулирования. Эти исследования должны иметь своим предметом положительное действие права,¹³ правосознание граждан, их правовой быт.

¹² См. Юридическая наука в условиях коммунистического строительства, «Коммунист», 1963, № 16, стр. 26.

¹³ Об этом хорошо сказано в статье С. С. Алексеева, Д. А. Керимова и П. Е. Недбайло, Методологические проблемы правоведения, «Правоведение», 1964, № 4, стр. 26. В указанной статье, между прочим, утверждается: «Прежде всего надо исследовать нормативное действие

В советской уголовно-правовой литературе утверждалось, что существует категория лиц, «... которые не совершают преступлений потому, что боятся наказания. Достаточно только поставить вопрос, увеличилось ли бы число преступлений, если бы были отменены нормы уголовного права, чтобы всякий понял, что число преступлений в таком случае, безусловно, возросло бы».¹⁴ С подобным утверждением нельзя не согласиться. И тем не менее практическое значение этого положения весьма невелико. Важно установить, хотя бы приблизительно, коэффициент полезного действия угрозы наказанием в деле предупреждения преступности в данных условиях места и времени. Конкретные социологические исследования возможны также в этой области, и они могут дать полезные результаты.

В прошлом делались попытки конкретного социологического исследования положительного действия права. По сообщению В. П. Казимирчука, в 1927—1928 гг. секцией общей теории права и государства Коммунистической академии посредством анкетирования исследовался «правовой быт рабочего класса» и разрабатывались такие темы, как отрицательное влияние быта, советский суд в рабочем быту, преступления и борьба с ними и др.¹⁵ Еще раньше, в 1924 г. М. М. Исаевым¹⁶ проводилась

права в правомерных поступках людей» (стр. 26). Это положение А. С. Пашков и Д. М. Чечот подвергли критике в статье Эффективность правового регулирования и методы ее выявления, «Советское государство и право», 1965, № 8, стр. 8. При этом названные авторы ссылаются на нормы советского уголовного права, а также на некоторые институты советского гражданского права (возмещение внедоговорного вреда). По нашему мнению, эта критика несправедлива. Она исходит из того, что основная функция советского уголовного права и возмещения внедоговорного вреда по советскому гражданскому праву состоит в борьбе с уже совершенными правонарушениями. Между тем, и советское уголовное право, а также нормы советского гражданского права о возмещении внедоговорного вреда ставят целью, прежде всего, предупреждение правонарушений, т. е. регулируют правомерную деятельность людей. Стимулирование соблюдения юридических норм — основная функция всех видов правового регулирования в советском обществе. На необходимость изучения социальной эффективности норм советского права и всего правового регулирования обратил внимание также А. А. Пионтковский в статье Юридическая наука, ее природа и метод, «Советское государство и право», 1965, № 8, стр. 74, 79.

¹⁴ М. Д. Шаргородский, Наказание по советскому уголовному праву, М., 1958, стр. 22.

¹⁵ См. В. П. Казимирчук, Наука права и метод конкретно-социологического исследования, «Советское государство и право», 1964, № 1, стр. 34.

¹⁶ См. М. М. Исаев, Общая часть уголовного права РСФСР, Л., 1925, стр. 150—151. Г. А. Злобин в весьма содержательной статье О методологии изучения эффективности уголовного наказания в советском уголовном праве и криминологии, Вопросы предупреждения преступности, вып. 1, М., 1965, стр. 50—74, совершенно правильно ставит вопрос об изучении эффективности правовых мер, используемых в борьбе с преступностью, и с полным основанием обращает внимание на необходимость выявления степени достижения целей наказания. Г. А. Злобин указывает на психологический (изменение не только мотивации поведения, но и самого поведения преступника

анкета среди т. н. «непреступного населения» с целью выяснить путем ряда вопросов, насколько сдерживающим началом является угроза наказанием. Центральным был вопрос: «Приходилось ли вам быть в таком положении, когда совершение уголовно-наказуемого деяния было удобно по обстоятельствам дела и практически полезно, но деяния не было совершено?» Находясь в таком положении преступление не было совершено по следующим мотивам:

	Мужчины	Женщины
	в процентах	
Совесть не позволяла	24,3	36,0
Страх наказания	19,6	20,0
Неловко перед людьми	3,8	4,0
Из отвращения к поступку	30,8	28,0
Из принципиальных соображений	19,6	12,0
По нерешительности	1,9	—

В настоящее время посредством анкетирования изучаются, главным образом, конкретные причины преступности и обстоятельства, способствующие достижению преступного результата. Исследования причин преступности, бесспорно, позволяют разработать более эффективные меры борьбы с преступностью. Это содействует усилению положительного действия права.

Но это лишь одна сторона вопроса. Необходимо обобщение также самого положительного опыта правового воздействия на правосознание граждан и разработка на этой основе наиболее целесообразных форм сочетания убеждения и принуждения как движущих сил в механизме правового регулирования.

Такие исследования пока отсутствуют. Ниже намечается программа подобных исследований путем анкетирования. Такие анкеты должны проводиться раздельно по возрастным и социальным группам населения с учетом уровня образования (промышленные и др. рабочие, колхозники, служащие и т. д.). При этом опрашиваться не должны лица с юридическим образованием и работники юстиции, ввиду отсутствия у них «непосредственности» уголовно-правовых переживаний, а также лица, осужденные в прошлом за преступления.

Вот примерное содержание анкеты таких обследований по вопросу «правосознание граждан в борьбе с преступностью».

в результате отбывания наказания) и социальный (отражение применения наказания в общественном сознании и отношении общественного мнения к эффективности и справедливости наказаний) аспекты этой проблемы. Вместе с тем Г. А. Злобин обстоятельно разработал методологию изучения эффективности наказаний. В основном те же вопросы стояли в центре нашего внимания при изучении правосознания граждан в борьбе с преступностью (см. дальше основной текст) и при обследовании лиц, условно освобожденных от наказания (см. гл. III, § 2, п. 1). Впрочем, Г. А. Злобин уделяет также значительное внимание методологии изучения эффективности условно-досрочного освобождения от наказания.

I. Анкетные данные: 1) возраст, 2) пол, 3) национальность, 4) образование, 5) профессия, 6) семейное положение.

II. Юридические знания: 7) интересуют ли опрашиваемого юридические вопросы, 8) к кому опрашиваемый обращается в случае необходимости получить консультацию по юридическим вопросам, 9) читал ли опрашиваемый статьи, брошюры или книги на юридические темы, посещал ли лекции на такие же темы, читал ли кодексы или иные нормативные материалы (в том числе уголовный кодекс) и имеется ли у него юридическая литература, 10) достаточно ли, по мнению опрашиваемого, освещаются юридические вопросы в печати, в школе, на работе и достаточно ли доступны ему законодательные материалы, 11) из каких источников получены знания, на основании которых опрашиваемый ответил на вопросы раздела III настоящей анкеты?

III. Знания в области уголовного права: 12) допустимо ли, по мнению опрашиваемого, убийство в состоянии самообороны, 13) что понимает опрашиваемый под хулиганством, 14) в чем состоит, по мнению опрашиваемого, различие между кражей и разбоем, 15) является ли, по мнению опрашиваемого, уголовно-наказуемым не оказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении (при условии, что оказание помощи возможно без серьезной опасности для самого опрашиваемого), 16) какие виды наказаний известны опрашиваемому, 17) на какой срок, по мнению опрашиваемого, может быть назначено лишение свободы?

IV. Отношение к отдельным вопросам уголовного права: 18) с какими преступлениями, с которыми опрашиваемый имел дело (был потерпевшим, очевидцем и пр.), ведется, по его мнению, недостаточно решительная борьба, 19) как относится опрашиваемый к передаче лиц, совершивших преступления, на поруки общественности и оправдывает ли себя, по мнению опрашиваемого, общественное поручительство как мера исправления и перевоспитания преступников, 20) что необходимо, по мнению опрашиваемого, предпринять для искоренения хулиганства, 21) защитил ли бы опрашиваемый другого гражданина против хулигана и при каких условиях, 22) сообщил ли бы опрашиваемый органам власти (в милицию, прокуратуру) о тяжком преступлении, совершенном членом его семьи или близким ему человеком?

V. Отношение к лицам, отбывшим лишение свободы: 23) приходилось ли опрашиваемому встречаться с лицами, отбывшими лишение свободы, 24) если да, то при каких обстоятельствах (по работе, в семье, среди знакомых и пр.), 25) если да, то за какие преступления эти лица были осуждены, 26) как относился опрашиваемый к таким лицам (избегал

встреч, с предубеждением, было неловко и пр., и почему), 27) как отнеслись к отбывшему лишение свободы члены семьи опрашиваемого, его друзья, товарищи по работе, 28) беседовал ли опрашиваемый с отбывшим лишение свободы о совершенном последним преступлении, напомнил ли об этом преступлении или дал понять, что не желает с ним встреч, 29) считал ли опрашиваемый отбывшего лишение свободы исправившимся?

VI. Опрашиваемый и товарищеский суд: 30) избран ли по месту работы (жительства, учебы) опрашиваемого товарищеский суд, 31) присутствовал ли опрашиваемый на заседаниях товарищеского суда, 32) оказал ли товарищеский суд, по мнению опрашиваемого, воспитательное воздействие на присутствующих и на лицо, чье дело рассматривалось, 33) какие недостатки опрашиваемый отмечал при проведении заседания товарищеского суда, 34) как можно было бы, по мнению опрашиваемого, повысить качество работы товарищеского суда?

VII. Опрашиваемый и суд: 35) присутствовал ли опрашиваемый на заседаниях суда при рассмотрении уголовных дел, 36) если да, то в качестве кого (свидетеля, потерпевшего, слушателя и т. д.), 37) какое дело рассматривалось, 38) жалел ли опрашиваемый подсудимого и почему, 39) выступление кого, прокурора (общественного обвинителя) или адвоката (общественного защитника) было, по мнению опрашиваемого, более обоснованным, и почему, 40) оказал ли суд, по мнению опрашиваемого, воспитательное воздействие на присутствующих и на самого подсудимого, 41) доволен ли опрашиваемый приговором суда, и почему, 42) какие недостатки опрашиваемый отмечал при проведении заседания суда?

VIII. Опрашиваемый и предупреждение преступлений: 43) приходилось ли опрашиваемому быть в таком положении, когда совершение уголовно-наказуемого деяния было удобно и практически полезно, но преступление не было совершено, 44) если да, то почему преступление не было совершено (принципиальные соображения, совесть не позволяла, отвращение к поступку, неловко перед коллективом или людьми, нерешительность, страх перед наказанием и пр.), 45) был ли опрашиваемый в дальнейшем доволен своим поведением или же он имеет на этот счет другие соображения?

Конкретные социологические исследования, относящиеся к определению коэффициента полезного действия убеждения и принуждения в механизме правового регулирования, имеют большое значение для понимания тех процессов, которые имеют место в объективной действительности. При этом юридическая наука не должна забывать значения данной проблемы для практики. Она должна указать наиболее эффективные способы правового регулирования, наиболее целесообразно сочетающие в данных условиях на достигнутом уровне обществен-

ного развития полезное действие убеждения и принуждения. Задача ее состоит также в внесении предложений по усовершенствованию правовых норм и всего механизма правового регулирования с целью максимального использования действия убеждения и принуждения при возможно большей экономии мер принуждения.

Данные конкретных социологических исследований являются одним из показателей сознательности граждан. На основании этих данных можно установить, в какой мере правовая норма соблюдается из внутренней потребности и в этом отношении начинает фактически терять свой принудительный характер, превращаясь на самом деле в общественное правило, которое будет существовать также при коммунистическом самоуправлении.

Поэтому не следует забывать и о более дальних перспективах. Как только в определенной сфере общественной жизни назреют условия для перехода от государственно-правовых форм нормативного регулирования к формам общественным, наука должна поставить программные требования. Перерастание юридических норм в правила коммунистического общежития, соблюдаемые без применения государственного принуждения и угрозы таким принуждением, происходит в значительной мере на базе самих норм права и при их помощи.¹⁷ Ответить на вопрос, достаточно ли сильны моральные стимулы для того, чтобы обеспечить соблюдение тех или иных правил поведения, можно только на основании научных данных. Наличие таких данных необходимо и для ответа на вопрос, в какой мере правовая надстройка на самом деле служит данному этапу развития советского общества?

В плане настоящего исследования необходимо обстоятельное изучение всего процесса правового регулирования. При этом, однако, особое внимание привлекают к себе две взаимопроникающие проблемы: во-первых, проблема правопорядка, являющегося результатом правового регулирования, и во-вторых, проблема убеждения и принуждения, являющихся движущими силами в механизме правового регулирования.

Вторая проблема предшествует первой. До того как ставить вопрос о наиболее существенных характерных признаках советского правопорядка, о его охране и о мерах борьбы с посягательствами на него, должно быть установлено, как он возникает.

¹⁷ Неверным представляется высказанное в советской философской литературе мнение о том, что правовая норма, в отличие от норм морали, не имеет программного характера на будущее, а является осмыслением и закреплением того, что в основном достигнуто уже в данном обществе. См. В. Г. Иванов и Н. В. Рыбакова, Очерки марксистско-ленинской этики, Л., 1963, стр. 39; Я. Энгст, Некоторые проблемы научной этики, М., 1960, стр. 33.

При этом внимание акцентируется на самом процессе правового регулирования, на его формах и видах, на ходе реализации юридических норм в жизни, т. е. на самом возникновении советского правопорядка.

В то же время анализ процесса правового регулирования включает в себя изучение механизма последнего и, в частности, убеждения и принуждения как его движущих сил, а также оказываемого ими воздействия. При этом прежде всего должен быть поставлен вопрос о роли убеждения и принуждения как средств мотивационного воздействия, оказываемого на человека в процессе правового регулирования. Раскрытие этого основного свойства убеждения и принуждения в механизме правового регулирования позволяет в дальнейшем под углом зрения роли убеждения и принуждения в праве вообще разработать вопрос об их роли в борьбе с посягательствами на советский правопорядок в частности.

Раскрытие отличительных особенностей процесса правового регулирования в целом и в том числе его отдельных разновидностей, в равной мере существенное с точки зрения обеих проблем, немислимо без анализа юридической нормы и ее структуры. Ведь именно юридическая норма реализуется в ходе правового регулирования. Ее структурой в значительной мере обусловлена специфика процесса претворения норм права в жизнь, а следовательно, и специфика образования советского правопорядка. В то же время от того, как процесс реализации норм права протекает, зависят, в свою очередь, не только конкретные способы, но и сама возможность пользования убеждением и принуждением как движущими силами в механизме правового регулирования.

2. Норма права — указатель тех видов, вариантов поведения, которые Советское государство, прибегая к юридическому регулированию, стимулирует.¹⁸

Указывая на определенные виды, варианты поведения, норма права тем самым признает их общественно необходимыми.¹⁹ Необходимость, как говорил К. Маркс, это —

¹⁸ Это делается путем установления правил поведения. Последние носят всегда общий характер и называются диспозицией юридической нормы. Диспозиция нормы не тождественна диспозиции статьи закона. Например, в диспозициях статей особенной части уголовных кодексов описываются составы преступлений, но диспозиция нормы права (правило поведения) в них не сформулирована. Она лишь предполагается.

¹⁹ Часто об этом прямо говорится в нормативном акте. См., например, статьи 6, 7, 21, 29, 33, 36, 38 и др. Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 1, ст. 5). Б. С. Никифоров в монографии «Объект преступления по советскому уголовному праву», М., 1960, стр. 62, пользуется термином «правовая невозможность».

форма закона.²⁰ В ней находит свое выражение нормативность права.

В плане настоящего исследования вопрос об общественной необходимости поведения, виды которого указаны в норме права, привлекает к себе особое внимание. От понимания общественной необходимости зависит не только объем понятия самой юридической нормы, но также признание указания на возможность применения мер принуждения неотъемлемой частью логической структуры норм права.

В советской юридической литературе на вопросе об общественной необходимости поведения, предусмотренного нормой права, подробно останавливался С. Ф. Кечекьян. По его мнению, характеристика этого поведения как должного не выражает сущности явлений. Это поведение является общественно необходимым, причем в смысле особого состояния связанности, несвободы (при этом С. Ф. Кечекьян ссылается на дореволюционного юриста Л. И. Петражицкого), создаваемого правопорядком, в смысле необходимости, диктуемой нормами права и всей системой поведения людей в обществе. Следствием нарушения этой нормы является принуждение, а возможность принуждения стоит за каждой нормой социалистического права.²¹

Действительно, в данном случае необходимость поведения не следует связывать с понятием объективной закономерности — с необходимой последовательностью событий и их повторяемостью. Говоря об общественной необходимости поведения, виды которого указаны в диспозиции нормы права, следует иметь в виду диалектическое соотношение не необходимости и случая, а необходимости и с в о б о д ы. Этот вывод прямо вытекает из известного положения Ф. Энгельса о том, что невозможно рассуждать о праве, не касаясь вопроса об отношениях между необходимостью и свободой.²²

Общественная необходимость определенных видов поведения вполне совместима со свободой. Признание поведения общественно необходимым не исключает выбора между его различными, объективно возможными вариантами. Хотя юридические нормы и предусматривают возможность применения к правонарушителям мер принуждения, физически, за редкими исключениями, вполне возможно как соблюдение, так и несоблюдение правил поведения.

Свобода находится в непосредственной противоположности не к необходимости, а к принуждению (подробнее см. гл. IV, § 1, п. 2). Но ни свобода, ни принуждение не исключают общественной необходимости поведения.

²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 126.

²¹ См. С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, М., 1958, стр. 9—10, 60—61, 66—67.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 115.

В случае противопоставления необходимости и свободы и рассмотрения принуждения как свойства, внутренне присущего необходимости, напрашивается вывод, что указание на возможность применения принуждения является составной частью каждой отдельной нормы права, предусматривающей определенный вид общественно необходимого поведения. Подобный вывод в самом деле нашел широкое распространение в советской литературе. Неприемлемость этого вывода обнаруживается, однако, при дальнейшей его конкретизации.

Положение о том, что указание на возможность применения принуждения является составной частью каждой отдельной нормы права, может быть развито в двух направлениях.

Под принуждением подразумевается ли б о только государственное принуждение, возможность применения которого рассматривается как отличительный признак любой юридической нормы. Придерживаясь этой точки зрения, следует признать, что норма лишена правового характера во всех тех случаях, когда в содержание ее не входят указания на возможность применения государственного принуждения. В самом деле, однако, встречаются нормы, установленные государством, за несоблюдение которых применимы исключительно меры общественного воздействия, включающие в себя, тем не менее, также определенный момент принуждения. Между тем, отнесение таких норм к правовым вряд ли подлежит сомнению.²³

Ли б о понятием принуждения охватываются все принудительные меры воздействия, указание на возможность применения любых из которых признается неотъемлемым признаком юридической нормы. Но этот вопрос уже перерастает проблему структуры правовой нормы и должен быть решен применительно ко всем видам социальных норм. В этом, более общем плане речь идет о строении социальных норм вообще. Таким образом, вопрос сводится к следующему: является ли указание на возможность принуждения (безотносительно к его видам) необходимым элементом логической структуры любой социальной нормы?

Подобная постановка вопроса вполне обоснованна. Поскольку возможность применения принуждения не ограничена случаями нарушения одних только норм права, то указание на эту возможность должно быть подвергнуто анализу с точки зрения логической структуры социальных норм как таковых. Однако,

²³ В качестве примера можно сослаться на Указ Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 29 февраля 1964 г. «О внесении изменений в примечания к статьям 118 и 125 Кодекса законов о браке, семье и опеке, действующего на территории Эстонской ССР» («Ведомости Верховного Совета ЭССР», 1964, № 10, ст. 53), согласно которому единственным последствием невыполнения гражданами требований этих статей является передача материалов либо общественной организации, либо коллективу трудящихся для применения мер общественного воздействия.

в связи с этим возникает и другой вопрос: осуществимо ли нормативное регулирование при отсутствии возможности применения принуждения в случаях, когда фактическое поведение людей отклоняется от видов поведения, признанных общественно необходимыми?

Ответ на первый вопрос отрицательный. Указание на возможность принуждения в отношении лиц, не соблюдавших социальные нормы, очевидно, не вытекает из логической структуры самой нормы. Об этом наглядно свидетельствует хотя бы тот факт, что советскому праву известны случаи, в которых за правонарушения меры принуждения не могут быть применены вообще.²⁴ В нормах морали тоже отсутствует указание на возможность применения принуждения к нарушителям нравственного долга. Конечно, возможность принуждения в виде морального осуждения со стороны советской общественности не исключена и в этих случаях. Но подобное осуждение является чисто фактическим последствием несоблюдения норм нравственности. Возможности таких фактических последствий, разумеется, налицо и в случае несоблюдения правил поведения, установленных государством.

Принуждение в виде осуждения со стороны общественного мнения не является, однако, структурным элементом социальной нормы. Оно этой нормой не предусмотрено и нормативному, по крайней мере правовому регулированию, не поддается вообще. Следовательно, социальная норма не перестает быть нормой от того, что в содержание ее заранее не включено указания на возможность применения принудительных мер.

Это положение применимо и к юридическим нормам. Указание на возможность принуждения не вытекает из логической структуры самой нормы права, являющейся лишь одним из видов социальных норм. Такое указание — необязательный элемент нормы права. Иногда оно может отсутствовать.

В методологическом отношении должно быть отмечено следующее. Сущность любой социальной нормы, в том числе и юридической, заключается в нормативном регулировании общественно значимого поведения людей. Сердцевиной юридической нормы являются правила поведения, указывающие виды общественно необходимого поведения. Роль принуждения вспомогательна. Уже в силу этого недопустимо при раскрытии природы юридической нормы преувеличение значения принуждения. Даже О. Э. Лейст, который считает указание нормативного акта на меры государственного принуждения в отношении нарушителей

²⁴ См., например, ст. 171 «Устава железных дорог Союза СССР» (СП СССР, 1964, № 5, ст. 36), согласно которой не допускается предъявление требований грузоотправителей, грузополучателей и железных дорог на сумму менее 10 рублей по каждой накладной.

норм права (санкцию)²⁵ необходимым атрибутом любой нормы права, вынужден признать: «анализ норм по трехчленной схеме (гипотеза, диспозиция, санкция — И. Р.) хотя и необходим, но в ряде случаев недостаточен для познания природы и социального значения многих правовых норм».²⁶

Отрицателен ответ и на второй вопрос. Особенно в условиях победившего социализма и постепенного перехода к коммунизму не исключена возможность нормативного регулирования поведения людей в определенных сферах общественной жизни, не прибегая к мотивационному воздействию принуждением.²⁷

Как метко заметил Ф. Энгельс, свобода является «продуктом исторического развития».²⁸ Она последовательно растет, пока в коммунистическом обществе не получит своего полного развития. В процессе развития к свободе человечество постепенно освобождается не от необходимости, а от принудительного характера ее проявления по отношению к людям.²⁹

Это положение применимо и к общественной необходимости поведения, виды которого указаны в норме права. В период развернутого строительства коммунизма соблюдение норм права становится все более свободным и сознательным выполнением требований, предъявляемых нормами права, с которыми лица, обязанные их соблюдать, вполне согласны.³⁰

Если указание на возможность применения принуждения не является неотъемлемым элементом социальных норм и может отсутствовать так же, как элемент структуры юридических норм, то очевидно, что специфика отдельных видов социальных норм и правовых норм в том числе, вытекает из особенностей самих правил поведения данного вида нормативного регулирования. Ими обусловлено и своеобразие отдельных разновидностей процесса нормативного регулирования. При этом специфика видов социальных норм, в свою очередь, разумеется, зависит от более глубоких социальных процессов, а в конечном счете определяется условиями материальной жизни общества.

Специфику норм права следует искать в диспозиции этих норм. В соответствии, прежде всего, с разновидностями диспозиций, следует различать также способы юридического регулирования и отдельные виды правовых норм, структура каж-

²⁵ См. О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 12.

²⁶ О. Э. Лейст, К вопросу о структуре правовой нормы, Уч. зап. ВЮН, вып. 15, М., 1962, стр. 39.

²⁷ С. С. Алексеев, Д. А. Керимов и П. Е. Недбайло правильно указывают в статье Методологические проблемы правоведения, «Правоведение», 1964, № 4, стр. 26: «Правовое регулирование логически мыслимо без правонарушений, а тем самым без воздействия суда».

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 116.

²⁹ См. Д. И. Чесноков, Исторический материализм, М., 1964, стр. 52.

³⁰ См. также А. М. Нашиц, Необходимость и свобода в области соблюдения права, «Правоведение», 1962, № 4, стр. 30.

дого из которых обладает некоторыми особенностями. Лишь при учете этой специфики можно предотвратить опасность гипертрофирования значения принуждения в праве.

Право создается государством, являющимся «официальным представителем всего общества».³¹ «... все потребности гражданского общества, — писал Ф. Энгельс, — ... неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение».³² Эта воля, выражая потребности общества и сама нашедшая выражение в нормативных актах, официально провозглашается от имени государства или его органов в определенной, строго установленной государством форме, и опирается на весь авторитет государства. Как правило, она поддерживается также возможностью применения мер государственного принуждения к правонарушителям. С этой волей граждане не могут не считаться. В самом деле, она имеет всеобщее значение.

Советское общенародное государство, которое является действительным представителем всего общества, не перестает в официальной форме выражать его потребности в нормативных актах. Эти акты содержат нормы права. Следовательно, они имеют всеобщее значение. В них от имени Советского государства или его органов устанавливаются правила поведения людей. Тем самым определенные виды этого поведения признаются общественно необходимыми.

Нет оснований утверждать, что авторитет государственной воли должен быть в процессе правового регулирования всегда поддержан возможностью применения принудительных мер. Такой вывод противоречил бы переходному характеру Советского общенародного государства от социалистической государственности к коммунистическому самоуправлению и функциям его в период развернутого строительства коммунизма. Анализ советской действительности лишний раз подтверждает, что принуждение не является неперенным свойством необходимости.

3. Элементами юридической нормы, кроме диспозиции, являются, как правило, также гипотеза и санкция. Д и с п о з и ц и я, само правило, указатель вида общественно необходимого поведения людей, представляет собой ядро, сердцевину нормы. Вокруг нее группируются и служат ей остальные элементы нормы — гипотеза, определяющая условия применения диспозиции, и санкция, предусматривающая меры воздействия в виде неблагоприятных последствий.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 291.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 310. Следует отметить, что до последнего времени в русском переводе вместо слов «всеобщее значение» пользовались выражением «общеобязательное значение». См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 375. Очевидно, что между этими формулировками имеется существенная разница.

гоприятных последствий, которые могут быть применены в случае несоблюдения правил поведения.³³

Диспозиции могут быть сформулированы по-разному. Они различаются и по содержанию.

В большинстве случаев признание того или иного вида поведения общественно необходимым сочетается с указанием на недопустимость, недозволенность, противоправность деяний, находящихся в противоречии с юридическими правилами поведения. Такое поведение запрещается ввиду общественной вредности его³⁴ (т. н. запретительные нормы права). Элементы запрета содержатся и в нормах, которыми Советское государство властно возлагает на граждан обязанность совершать те или иные действия (т. н. обязывающие нормы права): несовершение этих действий запрещается.

Широкое распространение нашли также диспозиции, предоставляющие управомоченному субъективные права, которыми он по своему усмотрению может пользоваться (т. н. управомочивающие нормы права).³⁵ Предоставленная возможность действовать определенным образом гарантирована государством от нарушений со стороны третьих лиц.

В науке советского права господствующим является мнение о том, что субъективное право так или иначе включает в себя меру возможного поведения управомоченного лица. Следует, однако, подчеркнуть: характеристика субъективного права только как меры поведения отнюдь не исчерпывающая. Мера — это критерий государственной оценки.³⁶ Он не может отсутствовать. В то же время субъективное право — это нечто

³³ Нельзя согласиться с тем, что правовая норма является условным суждением по схеме «если—то». Подобное утверждение было высказано Н. П. Томашевским в статье О структуре правовой нормы и классификации ее элементов, Вопросы общей теории советского права, М., 1960, стр. 207. Оно порочно потому, что принижает нормативное значение права как регулятора общественно значимого поведения людей. Вопреки мнению Н. П. Томашевского (см. там же, стр. 254), уголовно-правовая норма тоже регулирует, прежде всего, поведение граждан с целью предотвратить совершение ими преступлений. Содержание этих норм вовсе не исчерпывается предписаниями суду определить конкретную меру наказания преступнику. Правильно указывает С. А. Голунский в статье К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права, «Советское государство и право», 1961, № 4, стр. 30, что схема «если—то» предоставляет ход дела самотеку. См. также П. Е. Недебайло, Советские социалистические правовые нормы, Львов, 1959, стр. 95.

³⁴ Следует, однако, отметить, что в нормативном акте такая диспозиция крайне редко выражается в словесной форме прямого запрета. Подробнее см. гл. II, § 2, п. 1.

³⁵ О. Э. Лейст рассматривает в статье К вопросу о структуре правовых норм, Уч. зап. ВИНУ, вып. 15, М., 1962, стр. 33, разрешительные нормы в качестве разновидности управомочивающих норм.

³⁶ В частности, С. Ф. Кечекьян в статье Норма права и правоотношения, «Советское государство и право», 1955, № 2, стр. 25, возражает против термина «мера» и полагает, что субъективное право создает воз-

большее. Это — гарантированная государством возможность. Путем предоставления субъективных прав регулируется также поведение третьих лиц. Воздержание от нарушения ими этих прав признается общественной необходимостью. В отношении же самого управомоченного лица общественная необходимость находит свое выражение в том, что управомоченный может использовать предоставленные ему возможности только в определенных пределах, из которых он не должен выходить.³⁷

В условиях развернутого строительства коммунизма управомочивающие нормы права имеют особое значение, ибо с помощью их сами граждане, управомоченные лица, привлекаются к активному участию в претворении права в жизнь.

В структуре вышеуказанных видов правовых норм санкция играет более или менее важную роль. Приказ не был бы приказом, запрет — запретом, если за переступление их не были бы заранее предусмотрены неблагоприятные последствия. Отсутствие санкций за нарушение этих норм является редким исключением (см. выше, п. 2) и не может получить одинакового для всех случаев объяснения.

Как правило, санкция — это указание на возможность применения мер государственного принуждения. Но это именно общее правило. Встречаются санкции, не допускающие применения не только мер государственного принуждения, но и принуждения вообще.³⁸

При этом следует снова подчеркнуть, что санкция нормы права имеет вспомогательное значение. В советской юридической литературе на необходимость отличать материально-правовые институты от институтов вспомогательно-правовых указал, в частности, С. И. Аскназий. Посредством первых из этих институтов, по мнению С. И. Аскназия, социалистическое государство закрепляет типичные для нашей общественной системы отношения. Во вспомогательно-правовых же институтах, как полагает С. И. Аскназий, получают выражение, главным образом, различные методы воздействия социалистического государства на производственные и иные общественные отношения, когда нормальный ход этих отношений нарушен и возникает необходимость устранить эти нарушения.³⁹

возможность и вызывает необходимость определенных действий. Впервые высказал мнение о том, что субъективное право — это мера поведения управомоченного лица, С. Н. Братусь в статье О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав, «Советское государство и право», 1949, № 8, стр. 31—35.

³⁷ Специально этому вопросу посвящена статья О. С. Иоффе и В. П. Грибанова Пределы осуществления субъективных гражданских прав, «Советское государство и право», 1964, № 7, стр. 76—85.

³⁸ См. об этом подробнее ниже, п. 4.

³⁹ См. С. И. Аскназий, Некоторые вопросы гражданско-правовой ответственности, Уч. зап. ЛГУ, вып. 151, Л., 1953, стр. 159—160.

4. Согласно господствующему в советской литературе мнению, которое основывается, прежде всего, на анализе логической структуры правовых норм, виды их исчерпываются нормами обязывающими, запретительными и управомочивающими. Придерживаясь этого взгляда, закономерен вывод, что советское право — это совокупность приказов и запретов, поддерживаемых угрозой применения мер государственного принуждения. При отсутствии санкции, якобы, нет самой нормы права.

Но жизнь и законодательная практика богаче теоретических конструкций и неумолимо пробивают себе дорогу в кабинеты ученых. Да и вряд ли советские люди согласны с тем, что взаимоотношения их с общенародным государством должны быть урегулированы исключительно на основе приказов и запретов.

Результаты изучения советских официальных изданий нормативных источников с точки зрения содержания опубликованных в них актов в данном случае весьма показательны и могут быть выражены в ряде таблиц.⁴⁰

1. «Ведомости Верховного Совета Союза ССР»

а) Предмет опубликованных в «Ведомостях» законов Союза ССР

Таблица 1

	Число законов			итого
	1962 г.	1963 г.	1964 г.	
1. Бюджет, государственный план	3	3	2	8
2. Утверждение указов Президиума Верховного Совета Союза ССР	12	6	7	25
3. Государственный аппарат	—	—	1	1
4. Прочие вопросы	—	—	2	2
Итого	15	9	12	36

Из числа утвержденных в 1962 г. указов — 1, в 1963 г. — 3 и в 1964 г. — 2 имели своим предметом вопросы ответственности. Из прочих законов один установил пенсионное обеспечение колхозников, а один предусмотрел повышение заработной платы ряда категорий работников.

б) Предмет опубликованных в первой части «Ведомостей» указов Президиума Верховного Совета Союза ССР (см. таблица 2).

Число указов, признавших утратившими силу юридические акты, регулирующие и вопросы ответственности, в 1962 г. — 5, в 1963 г. — 1, а в 1964 г. — 12. О содержании указов «по прочим вопросам» (см. таблица 2, графа 8) можно получить представление из таблицы 3.

⁴⁰ Следует отметить, что распределение многих нормативных актов по соответствующим графам таблиц носит до некоторой степени условный характер.

Таблица 2

	1962 г.	Число указов		итого
		1963 г.	1964 г.	
1. Назначения, освобождения, присвоения званий	71	63	32	166
2. Международные соглашения и их ратификации	26	44	37	107
3. Административно-территориальное деление	1	1	2	4
4. Государственный, в том числе хозяйственный аппарат (его реорганизация, компетенция и пр.)	14	11	3	28
5. Медали, знаки отличия, государственные премии, праздники и т. п. вопросы	10	2	3	15
6. Выборы, созыв Верховного Совета Союза ССР	9	1	2	12
7. Утрата силы нормативных актов	8	3	16	27
8. Прочие вопросы	15	5	6	26
Итого	154	130	101	385

в) Предмет опубликованных в первой части «Ведомостей» указов Президиума Верховного Совета Союза ССР «по прочим вопросам» (см. таблица 2, графа 8)

Таблица 3

	1962 г.	Число указов		итого
		1963 г.	1964 г.	
1. Уголовное право и уголовный процесс	7	2	—	9
2. Гражданское право и гражданский процесс	2	—	—	2
3. Административная ответственность	2	2	2	6
4. Дисциплинарная ответственность	—	—	1	1
5. Трудовое право	1	—	—	1
6. Налоги	2	—	1	3
7. Воинская обязанность	1	1	—	2
8. Образование	—	—	1	1
9. О переселении немцев Поволжья	—	—	1	1
Итого	15	5	6	26

Следует отметить, что к указам, регулирующим вопросы административной ответственности, отнесены и те акты, которые, кроме вопросов административной ответственности, имели своим предметом также другие вопросы административного права.

Примерно такая же картина наблюдается в союзных республиках. По данным Эстонской ССР соответствующие таблицы выглядят так:

II. «Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР»

а) Предмет опубликованных в «Ведомостях» законов Эстонской ССР

Таблица 4

	1962 г.	Число законов		итого
		1963 г.	1964 г.	
Конституция Эстонской ССР	1	1	1	3
1. Бюджет, государственный план	3	—	5	8
2. Утверждение указов Президиума Верховного Совета Эстонской ССР	10	6	11	27
4. Прочие вопросы	1	—	2	3
Итого	15	7	19	41

В 1964 году законами Эстонской ССР утверждены Гражданский кодекс и Гражданский процессуальный кодекс.

б) Предмет опубликованных в первой части «Ведомостей» указов Президиума Верховного Совета Эстонской ССР

Таблица 5

	1962 г.	Число указов		итого
		1963 г.	1964 г.	
1. Назначения, освобождения	11	10	7	28
3. Административно-территориальное деление	7	4	15	26
4. Государственный и хозяйственный аппарат (реорганизация, компетенция и пр.)	12	12	2	26
5. Почетные звания, Красные знамена	—	1	2	3
6. Выборы, созыв Верховного Совета Эстонской ССР	6	12	2	20
7. Утрата силы нормативных актов	—	—	3	3
8. Прочие вопросы	9	10	9	28
Итого	45	49	40	134

Из числа указов «по прочим вопросам» (см. таблица 5, графа 8) к области уголовного права и процесса относятся — 5, гражданского права и процесса — 3 и административной ответственности — 10.

Значительные трудности представляет собой систематизация постановлений, опубликованных в «Собрании постановлений Правительства Союза ССР» (СП СССР). Распределение этих постановлений по предмету регулирования носит в значительной мере условный характер. Нередко в постановлениях Совета Министров Союза ССР рассматриваются различные вопросы. В подобных случаях при отнесении их в соответствующие графы таблицы в качестве дополнительного критерия учтен характер регулируемых взаимоотношений (отношения граждан между собой, между гражданами и государственными органами, между самими государственными органами или между ними и хозорганами).

III. «Собрание постановлений Правительства Союза ССР»

Таблица 6

Число постановлений
1962 г. 1963 г. 1964 г. итого

1. Общее число опубликованных постановлений
в том числе:
 - а) совместные постановления Совета Министров Союза ССР, ЦК КПСС, ВЦСПС и др.
 - б) международные соглашения и вопросы международного права
2. Число постановлений Совета Министров Союза ССР

184	221	152	557
24	36	15	75
4	4	—	8
156	181	137	474

Предмет изданных Советом Министров Союза ССР постановлений (см. таблица 6, графа 2).

Таблица 7

Число постановлений
1962 г. 1963 г. 1964 г. итого

1. Назначения, освобождения, присвоения званий
4. Государственный, в том числе хозяйственный аппарат, (его структура, компетенция, задачи, руководство государственным и хозяйственным строительством, взаимоотношения между государственными органами, предприятиями и пр.)
5. Медали, награды, увековечение памяти
7. Утрата силы нормативных актов
8. Прочие вопросы

66	111	55	232
28	40	45	113
4	2	—	6
12	8	3	23
46	20	34	100
156	181	137	474

Итого

Акты, отнесенные в таблице 7 (см. графа 8) к постановлениям «по прочим вопросам», регулируют, главным образом, взаимоотношения между государственными органами и гражданами, а также между самими гражданами. Они имеют своим предметом следующие вопросы.

Таблица 8

Число постановлений
1962 г. 1963 г. 1964 г. итого

1. Трудовое право (в том числе премии)
2. Социальное обеспечение
3. Изобретательство, авторское право
4. Образование, учеба, культурное строительство
5. Налоги
6. Цены (вкл. оптовые)
7. Вопросы ответственности (в том числе начеты)

11	4	9	24
7	2	9	18
3	—	2	5
6	5	6	17
—	1	2	3
18	2	6	26
1	6	—	7
46	20	34	100

Итого

Приведенные статистические данные могут служить основанием для ряда выводов.

Во-первых, Советское государство воздерживается от издания нормативных актов в случаях, когда воздействие, оказываемое иными социальными нормами, представляется достаточно эффективным.⁴¹

Во-вторых, опубликованные в официальных источниках акты в подавляющем большинстве случаев имеют своим предметом руководство государственным и хозяйственным строительством, задачи и структуру государственного и хозяйственного аппарата, взаимоотношения внутри государственного аппарата, а также между социалистическими предприятиями. Весьма немногочисленны нормативные акты, регулирующие взаимоотношения между гражданами. Это объясняется отнюдь не тем, что поведение граждан вообще не нуждается в регулировании, а тем, что в силу своих убеждений они, как правило, придерживаются принципов морального кодекса строителя коммунизма, что их направляет Коммунистическая партия Советского Союза, что они привыкли жить в коллективе и уважают его мнение. Большинство нормативных актов, отнесенных к группе «постановления по прочим вопросам», касается взаимоотношений между гражданами и органами государства.

Особо должно быть отмечено то обстоятельство, что среди нормативных актов Советского государства акты, устанавливающие юридическую ответственность, занимают одно из последних мест. Не только в ежедневной жизни, но и в законодательной практике меры государственного принуждения отодвинуты на задний план.

В-третьих, число отмененных нормативных актов во много раз превышает количество изданных. В перечни актов, признанных полностью или частично утратившими силу, включено:

Таблица 9			
	«Ведомости Верховного Совета Союза ССР»	СП СССР	Итого
1962 г.	143	1228	1371
1963 г.	20	1258	1278
1964 г.	263	187	450
Итого	426	2673	3099

В-четвертых, значительное число постановлений издается

⁴¹ Каких размеров достигает правовое регулирование в буржуазных государствах, об этом можно судить по данным, относящимся к буржуазной Эстонии с населением немногим выше миллиона. В буржуазной Эстонии в 1936 г. в «Государственных ведомостях» было опубликовано 206 законов и 134 постановления и решения правительства, а общее число опубликованных нормативных актов доходило до 860.

совместно Центральным Комитетом КПСС, Советом Министров Союза ССР и ВЦСПС.⁴² Общее число их в 1962—1964 гг. равно 75. С точки зрения структуры и содержания они представляют значительный интерес.

Совместные постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР, в издании многих из которых принимает участие также ВЦСПС, имели своим предметом важнейшие вопросы коммунистического строительства. Участие Центрального Комитета КПСС в их издании придает им исключительный политический и моральный авторитет, указывает на особую важность их соблюдения, мобилизует население на разрешение конкретных задач, стоящих перед страной, и вместе с тем по партийной линии возлагает определенные обязанности на коммунистов и партийные органы. В то же время участие Совета Министров Союза ССР в издании этих постановлений подчеркивает их официальный характер, их государственно-правовое значение.

Форма изложения ряда совместных постановлений носит в значительной мере также специфический характер. В введении их, как правило, раскрываются допущенные в коммунистическом строительстве теми или иными органами ошибки, делаются передовым опытом, обосновывается издание постановления и излагаются принципы, которыми следует руководствоваться в дальнейшем. В резолютивной части постановлений одобряется полезная инициатива и осуждается порочная практика. В ней намечаются дальнейшие задачи, возлагаются определенные обязанности на учреждения, предприятия, организации и должностные лица, а также даются рекомендации, в том числе Центральным Комитетам коммунистических партий и Советам Министров союзных республик. Наконец, в этих постановлениях трудящиеся призываются поддерживать полезную инициативу и, вместе с тем, выражается уверенность в том, что постановление будет претворено в жизнь.

Постановления Совета Министров Союза ССР, в издании которых Центральный Комитет КПСС и ВЦСПС участия не принимали, изложены в более категорической форме. Но и в них содержатся различные рекомендации не только колхозам, но и руководителям государственных предприятий и учреждений.⁴³ Порой в них определяется лишь общее направление дальнейшей работы государственных учреждений и предприятий,⁴⁴ а иногда

⁴² Следует отметить, что ранее число таких актов было весьма небольшое. Например, в 1948 г. в СП СССР было опубликовано одно, а в 1949 г. три совместных постановления Центрального Комитета ВКП (б) и Совета Министров Союза ССР.

⁴³ См., например, СП СССР, 1964, № 3, ст. 17, п. 1; 1964, № 6, ст. 39 п. 7.

⁴⁴ См., например, СП СССР, 1964, № 16, ст. 108, п. 1, в котором указывается: «резко повысить оперативность...», «лучше использовать...» и т. д.

устанавливается производственное задание в количественном выражении.⁴⁵

Раскрытие природы рассматриваемых постановлений нередко связано со значительными трудностями.⁴⁶ Если под нормами права подразумеваются властные, авторитарные веления государства,⁴⁷ соблюдение которых обеспечивается возможностью применения мер государственного принуждения,⁴⁸ то следовало бы признать, что в постановлениях Совета Министров Союза ССР содержатся нормы не только правового, но и неюридического характера. Однако, такой вывод неприемлем. Нормы неюридического характера (предписания морали и правила общежития) не устанавливаются государством. Государство либо их санкционирует, либо они постепенно складываются в практике применения юридических норм.

При раздвоении содержания рассматриваемых постановлений, отношении части из них в область права, а части — в область морали, возникают непреодолимые трудности. Моменты «правовые» и моменты «морали» порой слиты в одном акте до того тесно, что разъединение их практически вряд ли представляется возможным. К тому же едва ли целесообразно сведение части постановлений Правительства до уровня «чистой морали».

В связи с этим интерес представляют высказанные в советской юридической литературе многими учеными соображения, преследующие, по сути дела, цель расширения объема традиционного понятия юридической нормы. При этом ряд авторов считает, что повелительный характер не является обязательным признаком юридических правил поведения, другие же идут по пути отнесения к санкциям также мер, в содержание которых принуждение не входит.

Первая точка зрения сводится к расширению объема понятия диспозиции нормы права.

Так, например, различными учеными к нормам права отнесены сформулированные в нормативных актах принципы советского права,⁴⁹ а также определения тех или иных правовых по-

⁴⁵ См. СП СССР, 1963, № 2, ст. 12, п. II.

⁴⁶ Следует отметить, что указанные постановления содержат также предписания индивидуального характера, не являющиеся общими правилами поведения.

⁴⁷ См., например, А. С. Пиголкин, Правовая норма — регулятор общественных отношений, Уч. зап. ВЮН, вып. 17, М., 1963, стр. 13—14.

⁴⁸ См., например, И. С. Самощенко, Теоретические вопросы систематизации советского законодательства, М., 1962, стр. 42.

⁴⁹ См., в частности, Д. А. Керимов, Кодификация и законодательная техника, М., 1962, стр. 63; А. С. Пиголкин, Правовая норма — регулятор общественных отношений, Уч. зап. ВЮН, вып. 17, М., 1963, стр. 9—10; И. С. Самощенко, Теоретические вопросы систематизации советского законодательства, М., 1962, стр. 69; А. Ф. Шебанов, О воздействии права на общественное развитие в условиях общенародного государства, «Советское государство и право», 1963, № 12, стр. 13.

нений,⁵⁰ в том числе правосубъектности граждан и структуры организаций, признаваемых субъектами права.

В настоящее время вряд ли вызывает сомнение положение о том, что нормы-принципы и нормы-определения являются нормами права, которые «...регулируют поведение людей, но не непосредственно, а в конце концов через посредство тесно связанных с ними других норм, устанавливающих конкретные варианты поведения».⁵¹

Другими авторами на разных основаниях нормами права признаются содержащиеся в нормативных актах различные декларации, обращения, призывы,⁵² рекомендации,⁵³ а также поощрительные нормы,⁵⁴ «которые регулируют поведение людей путем установления мер поощрения за совершение определенных действий как особенно полезных для общества».⁵⁵

С. А. Голунский предлагает включить в понятие нормы права и т. н. нормы-задания, в которых указываются не запрещаемые или дозволяемые действия, а намечается результат, которого надо добиться, ставится задача, которую надо разрешить.⁵⁶ По мнению С. А. Голунского, т. н. нормы-задания являются правовыми нормами потому, что их реализация «требует сложной и длительной, но в то же время строго согласованной

⁵⁰ См., в частности, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 169; Д. А. Керимов, Кодификация и законодательная техника, М., 1962, стр. 63; А. С. Пиголкин, Правовая норма — регулятор общественных отношений, Уч. зап. ВЮОН, вып. 17, М., 1963, стр. 9.

⁵¹ А. С. Пиголкин, Правовая норма — регулятор общественных отношений, Уч. зап. ВЮОН, вып. 17, 1963, стр. 10.

⁵² См. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 141; Н. Петров, К вопросу о нормативности правовых актов, «Советское государство и право», 1963, № 9, стр. 126—127.

⁵³ См. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 141—142; П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, М., 1960, стр. 85; Н. Петров, К вопросу о нормативности правовых актов, «Советское государство и право», 1963, № 9, стр. 127; А. С. Пиголкин, Правовая норма — регулятор общественных отношений, Уч. зап. ВЮОН, вып. 17, М., 1963, стр. 26—27 (в то же время он специально оговаривает: при условии, что эти нормы обладают управомочивающим или разрешительным характером); Теория государства и права, М., 1962, стр. 438; А. Ф. Шебанов, Некоторые вопросы правовой нормы и нормативных актов в советском общенародном праве, «Советское государство и право», 1964, № 7, стр. 100, примеч. 7.

⁵⁴ См. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 141; О. Э. Лейст, К вопросу о структуре правовой нормы, Уч. зап. ВЮОН, вып. 15, М., 1962, стр. 34.

⁵⁵ Теория государства и права, М., 1955, стр. 349.

⁵⁶ С. А. Голунский, К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права, «Советское государство и право», 1961, № 4, стр. 23—24. Там же имеются примеры подобных норм-заданий. См. также С. А. Голунский, О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма, «Советское государство и право», 1961, № 10, стр. 44.

деятельности очень большого числа лиц и организаций, не всегда заранее известных. В этом смысле и нормы такого типа имеют общий, а не индивидуальный характер».⁵⁷

Точка зрения С. А. Голунского разделяется многими советскими исследователями.⁵⁸ При этом не подлежит сомнению, что многие из норм-заданий, не говоря о призывах, рекомендациях, поощрительных нормах и т. п., не обладают государственными принудительными санкциями. Расширение объема понятия диспозиции приводит в конце концов к отрицанию необходимости государственной принудительной санкции как обязательного элемента правовой нормы вообще.

В связи с этим заслуживает внимания положение О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского о том, что хотя норма права представляет собой тот способ, который придает воле господствующего класса общеобязательную силу, но «общеобязательность юридической нормы в условиях социализма основывается в первую очередь на убежденности народа в ее правильности».⁵⁹ Еще ранее в советской юридической литературе было высказано мнение о том, что обязательность и принудительность права — понятия не тождественные.⁶⁰ Если это так, то рассматриваемые нормы в самом деле могут быть признаны правовыми, несмотря на отсутствие государственных принудительных санкций.

Отсутствие государственных принудительных санкций служит, однако, большинству советских правоведов основным доводом исключения из числа правовых норм деклараций, обращений, призывов, рекомендаций и пр. При этом не всегда оспаривается даже их обязательность и нормативность. В советской юридической литературе прямо утверждалось, что это —

⁵⁷ С. А. Голунский, К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права, «Советское государство и право», 1961, № 4, стр. 25.

⁵⁸ См., например, Н. Г. Александров, Развитие социалистического права в нормы коммунистического общежития, «Советское государство и право», 1961, № 9, стр. 35; Н. Петров, К вопросу о нормативности правовых норм, «Советское государство и право», 1963, № 9, стр. 126—127; А. Ф. Шибанов, Некоторые вопросы правовой нормы и нормативных актов в советском общенародном праве, «Советское государство и право», 1964, № 7, стр. 100; Л. С. Явич, Творческая роль советского права в строительстве коммунизма, «Советское государство и право», 1962, № 2, стр. 25—26, а также О. Э. Лейст, К вопросу о структуре правовой нормы, Уч. зап. ВЮИОН, вып. 15, 1962, стр. 9—10.

⁵⁹ О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 141.

⁶⁰ См. Ц. А. Ямпольская, Об убеждении и принуждении в советском административном праве. Вопросы советского административного и финансового права, М., 1952, стр. 169, а также С. В. Курылев, Санкция как элемент правовой нормы, «Советское государство и право», 1964, № 8, стр. 49. При этом, однако, Ц. А. Ямпольская придерживалась мнения, что нормы права без санкций — это парадокс. Свой вывод она обосновывала ссылкой на положение И. В. Сталина о необходимости всемерного усиления органов государственного принуждения.

социальные нормы, следовательно, они вносят обязательный характер; они, якобы, не имеют лишь юридически обязательной силы.⁶¹

Но и эти доводы неубедительны. Из природы Советского общенародного государства вовсе не вытекает, будто государственная воля в советском обществе непременно должна быть выражена в нормах, снабженных государственными принудительными санкциями. Было бы странно, если Советское государство, признавая необходимым достижение определенных положительных результатов, вдохновляя советских людей на трудовые подвиги, действовало бы посредством угрозы и принуждения. В самом деле Советское государство широко пользуется особым способом правового регулирования — признанием определенных видов поведения общественно необходимыми в силу их общественной полезности (т. н. поощрительные нормы права). Этими нормами дается высокая оценка выдающимся для общества достижениям людей: конкретный образец для подражания. И поскольку эти нормы установлены государством, выражают волю советского народа, осуществляющего государственную власть, и, вместе с тем, поддерживаются авторитетом государства, то они содержат юридические правила поведения, несмотря на отсутствие принудительных санкций.

Иначе обстоит, конечно, дело с нормами запретительными (и обязывающими). Они адресованы к совершенно иному кругу лиц — к гражданам, общественно вредные поступки которых должны быть предотвращены. Здесь роль принудительных санкций совершенно иная.

Вторая точка зрения по рассматриваемому вопросу сводится к расширению объема понятия санкции нормы права. По этому пути идут исследователи, полагающие, что указание на возможность применения мер государственного принуждения не является обязательным признаком санкции. Такая позиция позволяет сохранить традиционное представление о юридической норме как совокупности трех ее элементов — гипотезы, диспозиции и санкции.

Согласно этой точке зрения понятие санкции шире понятия меры государственного принуждения.⁶² В частности, С. А. Голунский полагал, что не все нормы права предусматривают даже возможности применения принуждения.⁶³ Другими исследо-

⁶¹ См. Д. И. Бернштейн, Социалистическая правовая норма и особенности ее охраны в современный период, «Правоведение», 1964, № 2, стр. 132.

⁶² См., например, С. В. Кuryлев, Санкция как элемент правовой нормы, «Советское государство и право», 1964, № 8, стр. 48—49.

⁶³ См. С. А. Голунский, К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права, «Советское государство и право», 1961, № 4, стр. 31. Противоречивую позицию в этом вопросе занимают авторы книги Теория государства и права, М., 1962, где утверждается, что в случае не-

вателями указываются также виды непринудительных санкций. Например, О. С. Иоффе и В. Н. Грибанов относят к санкциям отказ в принудительном осуществлении права и пр.,⁶⁴ а А. С. Пиголкин, кроме того, — признание сделки недействительной, отказ от акцепта платежного требования и т. п.⁶⁵

Под несколько иным углом зрения к данной проблеме подходит О. Э. Лейст. Утверждая, что охрана с помощью государственного принуждения является необходимым признаком правовой нормы и что санкцию имеет любая норма права, он полагает, что санкцию все же не следует рассматривать как составную часть отдельно взятой нормы права. Санкция — это необходимый ее атрибут. Связь санкции с нормой права в ряде случаев имеет сложные формы: имеются санкции общие и опосредствованные.⁶⁶

соблюдения норм права всегда сохраняется возможность их принудительного осуществления (стр. 429), но в то же время проводится точка зрения, согласно которой «право включает в себя, по общему правилу (разрядка наша — И. Р.), в качестве составной части санкцию, т. е. указание на юридические последствия, которые сопровождают нарушение нормы» (стр. 397).

⁶⁴ См. О. С. Иоффе и В. П. Грибанов, Пределы осуществления субъективных гражданских прав, «Советское государство и право», 1964, № 7, стр. 81—84.

⁶⁵ См. А. С. Пиголкин, Нормы советского социалистического права и их структура. Вопросы общей теории советского права, М., 1960, стр. 179, 180—181, 184. Санкция недействительности (ничтожности) предусмотрена ст. 14, ч. 3 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (ст. 51, ч. 1 ГК Эстонской ССР), согласно которой «недействительна сделка, не соответствующая требованиям закона». Каких-либо моментов принуждения в недействительности сделки не содержится. Санкция ничтожности известна и другим отраслям советского права. См. С. С. Студенкин, Военно-административные нормы и их особенности, Труды Военно-юридической академии Красной Армии, вып. IV, М., 1945, стр. 51.

⁶⁶ См. О. Э. Лейст, Санкция в советском праве, М., 1962, стр. 7, 21, 23—25. Нельзя согласиться и с другими выводами О. Э. Лейста по вопросу о структуре правовых норм. В статье К вопросу о структуре правовой нормы, Уч. зап. ВЮИОН, вып. 15, М., 1962, О. Э. Лейст утверждает (стр. 19), что норма права тождественна диспозиции (правилу поведения). Следовательно, право — это совокупность диспозиций (стр. 21, примеч. 1). Гипотеза и санкция юридической нормы, по мнению О. Э. Лейста, как таковые в состав права не входят. Под гипотезой О. Э. Лейст понимает определение обстоятельств, при наступлении которых необходимо руководствоваться данной нормой права, а также круга лиц, которые должны соблюдать эту норму (стр. 7); под санкцией же — указание на меры государственного принуждения, с помощью которых норма права охраняется от нарушений (стр. 10). Гипотеза и санкция — это не составные части нормы права, а ее атрибуты (стр. 16) и как таковые в состав права не входят. Однако при рассмотрении их в «определенном аспекте» они, по мнению О. Э. Лейста, становятся диспозициями и в качестве диспозиций включаются в состав права (стр. 19). При этом преобразовывается и сама диспозиция. В связи с этим О. Э. Лейст говорит о «перевернутой» диспозиции, о правиле поведения, взятом с «отрицательной» стороны (стр. 28). О. Э. Лейст утверждает, что диспозиция этой «перевернутой» нормы, диспозиция в «отрицательном аспекте» становится гипотезой другой нормы права, а санкция — правилом поведения (диспо-

Представляется, что О. Э. Лейст имеет на самом деле в виду случаи, когда норма права не имеет санкции вообще, но с этой нормой связаны другие нормы, за нарушение которых

зицией) для суда, за нарушение которого судьи несут персональную ответственность. При этом О. Э. Лейст полагает, что «перевернутая» диспозиция — это описание состава преступления (стр. 22). Между тем подобные «преобразования» элементов норм права вряд ли возможны. Как на самом деле выглядит метаморфоза нормы уголовного права по схеме О. Э. Лейста, можно увидеть на следующем примере.

I вариант: гипотеза

а) кому исполнилось четырнадцать лет и кто при этом отдает себе отчет в своих действиях, способен руководить ими и причинит тяжкие последствия либо

б) кому исполнилось шестнадцать лет и кто при этом отдает себе отчет в своих действиях и способен руководить ими, независимо от того, причинены ли им тяжкие последствия или нет, тому

диспозиция

запрещается умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, иначе

санкция

он может быть наказан в соответствии со ст. 98 УК РСФСР.

II вариант: гипотеза

при рассмотрении дела об умышленном уничтожении или повреждении государственного или общественного имущества

а) лицом, достигшим четырнадцатилетнего возраста, отдающим себе отчет в своих действиях и способным руководить ими, если это лицо причинило тяжкие последствия, либо

б) лицом, достигшим шестнадцатилетнего возраста и отдающим себе отчет в своих действиях и способным руководить ими, независимо от того, причинены ли им тяжкие последствия или нет, суд

диспозиция

должен назначить наказание в соответствии со ст. 98 УК РСФСР, иначе

санкция

к судьям могут быть применены меры дисциплинарной ответственности либо наказание в соответствии со ст. 177 УК РСФСР.

Прежде всего необходимо обратить внимание на гипертрофирование гипотез норм права по этой схеме, при этом гипотеза нормы права по варианту I остается гипотезой, и «перевернутой» гипотезы нормы по варианту II, поскольку гипотеза по варианту II тождественна описанию состава преступления. Поэтому О. Э. Лейст неправильно снимает вопрос о включении указания на гипотезы в определение права (стр. 21, примеч. 1). Гипотезу вообще нельзя преобразовать в диспозицию. Возникает и ряд других вопросов. Если гипотезой нормы права является определение круга лиц, которые должны соблюдать норму права, то оказывается, что адресата нормы права можно установить лишь после нарушения ее — ведь до нарушения нормы права неизвестно, причинит ли лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, тяжкие последствия или нет. Между тем, причинение тяжких последствий, как элемент состава, О. Э. Лейст относит к диспозиции. Если с этим согласиться, то спрашивается, сколько вообще в данном случае по схеме варианта I диспозиций и, следовательно, норм права? Если одна диспозиция и две санкции, а такую возможность О. Э. Лейст допускает (стр. 18—19), то оказывается, что диспозиция одновременно включает в себя и исключает указание на квалифицирующие признаки состава, а условия применения санкции на самом деле не определены. Если же налицо две санкции, то оказывается,

отвечают адресаты именно этих норм.⁶⁷ Следует добавить, что понятие принуждения определено О. Э. Лейстом исключительно широко (см. гл. IV, § 1, п. 1).

При всей важности анализа логической структуры правовых норм он все же не есть конец научного исследования. Разумеется, раскрытие механизма правового регулирования, а вместе с тем также роли убеждения и принуждения в этом механизме невозможно без такого анализа.⁶⁸ Но он отражает все же состояние лишь относительного покоя, относительной устойчивости данного явления. Об этом ни в коем случае нельзя забывать в период перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление. Задача состоит во внесении ясности в вопрос о пределах этой относительности и познании известной устойчивости в мире правовых явлений как определенной стадии в развитии к более высоким общественным формам, зарождающимся уже сейчас и постепенно достигающим все большей зрелости.

Нормы права находятся в период развернутого строительства коммунизма в стадии перерастания в правила коммунистического общежития. В ходе этого процесса некоторые признаки их теряют вес и уходят в прошлое, значение других же возрастает и в конце концов приводит к качественным изменениям, связанным с утратой советским правом юридического характера.

Было бы неверно представлять себе перерастание юридических норм в правила коммунистического общежития упрощенно или только в одном плане. Это не просто смена одних социальных норм другими, а процесс диалектического развития. В ходе этого процесса постепенно наращиваются, накапливаются и начинают занимать все больший удельный вес в праве черточки, клеточки, элементы, которые будут характерны для будущего коммунистического регулирования.⁶⁹ С другой стороны, определенные изменения претерпевают и нормы коммунистической нравственности. Они воспринимают некоторые новые черты и в

что диспозиция содержит, кроме запрета, также указания на условия ее применения («запрещается... в случае причинения тяжких последствий»). Но эти условия, наличие которых в конкретном случае опять-таки может быть установлено только после нарушения диспозиции, должны быть указаны в гипотезе, куда они отнесены и нами в вышеприведенной схеме (вариант I). Неясно также, куда отнести описание состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РСФСР, а также условия наступления дисциплинарной ответственности по схеме варианта II.

⁶⁷ На наличие таких норм указывали О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский в монографии Вопросы теории права, М., 1961, стр. 160. Доводы их не опровергнуты О. Э. Лейстом.

⁶⁸ В статье С. С. Алексеева, Д. А. Керимова и П. Е. Недабайло Методологические проблемы правоведения, «Правоведение», 1964, № 4, стр. 24, правильно указывается, что «характер нормы определяет и характер ее воздействия на поведение людей...».

⁶⁹ См. Перерастание норм права в правила коммунистического общежития, редакционная статья журнала «Советская юстиция», 1964, № 21, стр. 2.

конечном счете сливаются с нормами права, еще сохранившимися, в единых нормах коммунистического общежития.

Не является неизменным и структура правовых норм. Она тоже подвергается определенным преобразованиям, обусловленным характером и степенью развития общественных отношений. Конечно, не любые изменения в общественных отношениях находят отражение в структуре правовых норм. Такого автоматического соответствия нет и быть не может. Но, с другой стороны, имеются общественные процессы, которые в той или иной мере сказываются и на структуре правовых норм. Это, в частности, относится к изменению роли убеждения и принуждения в советском обществе на данном этапе его развития, обусловленному в свою очередь, разумеется, более общими социальными процессами.

Значительное повышение роли убеждения в руководстве советским обществом и, в частности, в области правового регулирования — это закономерность, свойственная периоду развернутого строительства коммунизма. Это — одно из проявлений перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление, которое ведет к постепенному преобразованию норм права в правила коммунистического общежития.

Повышение роли убеждения в жизни советского общества имеет своим последствием, прежде всего, сужение сферы фактического применения мер государственного принуждения при сохранении санкции как элемента правовой нормы. Такое сужение является результатом сокращения преступности и иных правонарушений, замены мер государственного принуждения мерами общественного воздействия и т. д. Оно имеет своей основой убежденность советских граждан в общественной необходимости правовых норм, глубокое понимание своего долга всеми членами нашего общества, высокую сознательность советского народа. Наряду с этим, соблюдение правовых норм все более обеспечивается также мерами организационного порядка. В связи с этим необходимость в фактическом применении принуждения постепенно отпадает.

Возможности законодателя отказаться от угрозы принуждением находятся также в непосредственной зависимости от поднятия эффективности регулирующего воздействия убеждения. По мере повышения роли убеждения в жизни советского общества санкции сделаются излишними и будут исключены из содержания норм права. Тем самым государственные принудительные санкции, которые с возникновением государства появились как необходимый элемент ряда социальных норм, постепенно «отомрут». Нормы поведения будущего коммунистического общества будут соблюдаться добровольно в силу всеоб-

шей убежденности в их общественной необходимости. Выполнение их станет внутренней потребностью, превратится в привычку.

Именно в связи с этим значительный интерес представляет исключение уже сейчас из ряда правовых норм указаний на возможность применения мер государственного принуждения. Во всех этих случаях правило поведения, установленное государством, сохраняется как сердцевина нормы права, но принудительной государственной санкции не будет. Государственное принуждение здесь перестало быть одной из движущих сил правового регулирования.

Само по себе исключение из содержания ряда правовых норм государственных принудительных санкций не свидетельствует еще о замене юридических норм другими видами социального регулирования. Диспозиция нормы остается и в этом случае юридическим правилом поведения. Государство и впредь будет охранять соблюдение его своим авторитетом, хотя оно направит все свои усилия при этом на расширение базы убеждения как основы для добровольного выполнения общественного долга.

Появление норм права, лишенных государственных принудительных санкций, свидетельствует не о замене или вытеснении норм права другими видами социальных норм, а о сближении их, о начавшемся процессе их слияния. При этом развитие всех видов социальных норм происходит на основе не только общих для всех них, но и специфических для каждого их вида закономерностей. «В этом процессе, — отмечает П. Е. Недбайло, — каждый из видов норм не теряет своих специфических свойств, а, наоборот, полностью исчерпывает свои внутренние возможности и особенности в регулировании поведения людей в соответствии с потребностями коммунистического строительства».⁷⁰

Однако, на современном этапе развития советского общества пока еще преобладают нормы права, согласно которым поведение, признанное в нормативном акте общественно необходимым, наряду с силой убеждения обеспечивается и всеми остальными средствами, имеющимися в распоряжении Советского государства, вплоть до применения мер принуждения. В этих случаях принудительная государственная санкция нормы не исключена и на достигнутом уровне общественного развития не может быть исключена.

Перерастание юридических норм в правила коммунистического общежития подготавливается накапливанием элементов, зерен будущего коммунистического регулирования также в составе д и с п о з и ц и й правовых норм. Этот процесс тесно связан с тем, что санкции уже не имеют прежнего значения в структуре правовых норм. Следовательно, первостепенную практическую важность приобретает задача повышения регулирующего

⁷⁰ П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, М., 1960, стр. 50.

воздействия самих правил поведения, содержащихся в юридических нормах. Именно по этому пути идет советский законодатель. Сужение роли принуждения в механизме правового регулирования он пытается с избытком компенсировать посредством поднятия эффективности средств убеждения. Законодатель теперь, как правило, не ограничивается одним только изложением правил поведения, а тем более не загораживает себя традиционными формулами по схеме «если—то». Он переступает эти границы и обращается прямо к убеждениям людей, апеллируя к их сознательности, мобилизуя их общественную инициативу.

Наращивание черточек будущего коммунистического регулирования в лоне социалистического права нельзя рассматривать как механическое включение в состав права норм нравственности и иных неюридических норм, которые по усмотрению могут быть исключены, например, в ходе работ по систематизации и кодификации законодательства. Связь элементов юридических и «неюридических» в составе права периода развернутого строительства коммунизма представляется неразрывной, и именно это органическое целое составляет предмет научных исследований. «Если бы, — указывает К. Маркс, — форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня».⁷¹

Иллюстрацией конкретных способов повышения регулирующего воздействия правовых норм, не связанного с угрозой принуждением, могут как раз служить т. н. нормы-задания, а также включаемые в нормативные акты политические оценки, обоснование необходимости и цели издания соответствующего акта и четко изложенные принципы советского права.

Н о р м ы - з а д а н и я в большинстве случаев не являются подробными, детализированными правилами поведения. Они выдвигают на первый план указание на задачу, которую надо разрешить, предоставляя выбор средств творческой инициативе советских граждан. В связи с этим указание на результат приобретает значение общего принципа, которым следует руководствоваться в повседневной практической деятельности.

Так, например, Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»⁷² в ст. 6 в общей форме признает «важнейшей задачей учителей, родителей и общественных организаций... дальнейшее улучшение работы по воспитанию навыков культурного поведения учащихся в школе, семье, на улице». В ст. 36 Закона также в общей форме указывается: «При подготовке специалистов с высшим образованием серьезное внимание должно быть обращено на формирование у студентов научного метода позна-

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 25, ч. 2, стр. 384.

⁷² «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1959, № 1, ст. 5.

ния, творческого подхода к овладению науками, ответственного отношения к учению, самостоятельности в работе. Лица, окончившие советскую высшую школу, должны являться образцом выполнения государственного и общественного долга». Но, разумеется, законодателем могут быть поставлены и вполне конкретные задачи (например, увеличение производительности труда на 5 процентов в год).

Эффективность правового регулирования посредством нормативных актов в значительной мере обеспечивается сложившейся в Советском государстве практикой правотворчества. Принятию нормативных актов, как правило, предшествует широкое обсуждение их проектов советской общественностью, а порой — общенародные обсуждения. К подготовке проектов нормативных актов привлекаются советские общественные организации. По мере продвижения нашего общества вперед к коммунизму роль общественности в нормотворческой деятельности значительно возрастает.⁷³ Советский закон является в самом деле творением миллионов.

В результате этого еще до принятия нормативных актов выкристаллизовывается общественное мнение, решительно поддерживающее закон. «Мнение, — отмечает А. К. Уледов, — всегда выражает отношение к вопросам, затрагивающим интересы людей, причем к таким вопросам, которые требуют практического решения».⁷⁴ Решение этих вопросов и является целью законодателя. Тем самым общественное мнение, вырабатываемое еще до издания закона, получает путем принятия последнего также официальное, авторитетное одобрение со стороны государственной власти, а воля советской общественности облекается в государственно-правовые формы.

Роль убеждений, которые служат основой для добровольного соблюдения правовых норм, значительно возрастает и вследствие того, что в нормотворческой деятельности Советского государства последовательно проводится принцип демократического централизма. В важнейших областях правотворчества общесоюзные органы нередко ограничиваются установлением одних только основ данной отрасли законодательства, предоставляя их конкретизацию компетентным органам союзных республик. Это содействует повышению творческой активности в союзных республиках, а в конечном итоге играет немаловажную роль при расширении сферы убеждения в деле правового регулирования.

Сложившаяся в Советском государстве практика правотвор-

⁷³ Участие общественных организаций в правотворчестве является в науке советского права темой самостоятельных исследований. См., например, В. М. Горшечнев, Участие общественных организаций в правовом регулировании, М., 1963.

⁷⁴ А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 50.

чества в высшей мере содействует повышению регулирующей роли именно норм-заданий. Эти нормы обращены в первую очередь к честным и сознательным советским гражданам, которые сами участвуют в их подготовке. У этих граждан моральные стимулы уже сейчас весьма сильны. Они и заставляют осмыслить не только общественную, служебную и производственную деятельность, но также личную жизнь под углом зрения поставленной законодателем задачи, которая рассматривается как составная часть более общей цели — цели построения коммунистического общества.

Но для претворения норм-заданий в жизнь этого явно недостаточно. Разрешение задач, поставленных в нормах-заданиях, требует, как правило, согласованных действий не только отдельных лиц, но и целых организаций и коллективов в полном их составе. Им принадлежит организующая роль в претворении этих норм в жизнь.

Например, задачи, поставленные в статьях 6 и 36 Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», а тем более задания в сфере производства материальных благ, бесспорно, предполагают усилия не только отдельных лиц, но и целых коллективов трудящихся. Последние конкретизируют нормы-задания применительно к данному коллективу и, вместе с тем, намечают мероприятия, необходимые для их выполнения. В результате этого коллективы, а также их отдельные члены берут на себя конкретные обязательства. В то же время коллективы осуществляют руководство практической деятельностью своих членов, направленной на достижение желаемых результатов, ведут учет выполнения обязательств, подводят итоги и заслушивают отчеты о работе. При такой постановке дела очень быстро обнаруживается самоустранение любого члена коллектива от выполнения поставленной задачи и допущенные ошибки могут быть исправлены. Не исключена и персональная ответственность отдельных лиц перед коллективом за невыполнение своих обязанностей.

Органы Советского государства оказывают коллективам трудящихся всевозможное содействие в деле выполнения поставленных задач. Содействие это организационное, хозяйственное. Меры государственного принуждения во всяком случае неприменимы в отношении лиц, по тем или иным причинам не выполнивших социалистические обязательства, которые они добровольно взяли на себя. Тем более эти меры неприменимы в отношении самих коллективов трудящихся. Своеобразие регулирования посредством норм-заданий заключается именно в том, что на основе этих норм, опираясь на коммунистические убеждения советских граждан, организуется воля целых коллективов трудящихся с целью добровольного выполнения поставленных задач.

Эта воля воплощается в положительных действиях, в передовой общественной практике.

Регулирование посредством норм-заданий является прекрасной школой воспитания людей, принимающих деятельное участие в непосредственном осуществлении принципов коммунизма как в трудовой деятельности, так и в личной жизни. При этом способе регулирования приобретаются навыки, опыт и умение жить и трудиться по-коммунистически. Объясняется это тем, что складывающаяся в процессе выполнения норм-заданий практика имеет своей основой коммунистические убеждения и проверена жизнью. Она одобряется общественным мнением и люди привыкают к ней.

Природа механизма регулирования посредством норм-заданий имеет свою специфику. Нормы-здания являются правовыми нормами. Они устанавливаются государством, и выполнение их поддерживается авторитетом государства. В процессе претворения этих норм в жизнь, однако, их правовой характер отступает на задний план. Хотя органы государства и оказывают содействие выполнению поставленных задач, государственно-правовое регулирование не имеет при этом существенного значения. Действительно, при регулировании посредством норм-заданий правовых обязанностей в собственном смысле слова не возникает. Как коллективы трудящихся в целом, так и отдельные члены их сами, в силу своих собственных убеждений добровольно берут на себя конкретные обязательства с целью выполнения задач, поставленных в нормативном акте в общей форме. Не являясь правовыми, эти обязательства, тем не менее, носят нормативный характер и отнюдь не представляют собой просто определенного состояния фактического соблюдения норм-заданий. Не случайно, что этот новый способ регулирования получил распространение прежде всего на передовых участках коммунистического строительства.

Впрочем, изменение природы обязанностей и места их в механизме нормативного регулирования наблюдается и в некоторых других случаях. Можно привести следующий пример.

Поощрительные нормы не возлагают каких-либо юридических обязанностей на лиц, определенные виды поведения которых в силу их общественной полезности стимулируются. Этими нормами указанным лицам предоставляется лишь право на поощрение. Тем не менее имеют место случаи, когда эти лица сами добровольно берут на себя обязательства в связи с изданием поощрительных норм.⁷⁵ При этом право и обязанность не просто меняются местами, а в значительной мере сливаются.

⁷⁵ Например, в связи с принятием постановления Совета Министров Союза ССР от 21 мая 1964 г. «Об усилении материальной заинтересованности строителей в обеспечении ввода в действие в срок и досрочно производственных мощностей и объектов строительства» (СП СССР, 1964, № 9,

Общие нормативные принципы (см. также гл. II, § 2, п. 1) оказывают регулирующее воздействие при включении их не только в текст т. н. актов-заданий, но и других нормативных актов юридического характера, в том числе и тех, в которых содержится весьма подробно и тщательно разработанная система различных правил поведения (см., например, преамбулу «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик»). Раскрытие в тексте самих нормативных актов принципов, для осуществления которых они изданы, имеет мобилизующее значение, оказывает воспитательное воздействие, закрепляет правовые убеждения членов советского общества и показывает неразрывное единство правовых и нравственных требований. В частности, преамбула нормативного акта — это призыв к действию.⁷⁶

Если в самом законодательном акте, включающем в себя целую систему различных правил поведения, излагаются положенные в основу его принципы, то данная система правил поведения выступает в неразрывном единстве с этими принципами. Последние по своему содержанию не отличаются от нравственных принципов, сформулированных XXII съездом КПСС в моральном кодексе строителя коммунизма, справедливость и общественная необходимость которых очевидны. Раскрытие в нормативных актах непосредственной связи правовых требований с нравственными принципами придает юридическим правилам огромный, притом моральный авторитет.

Изложение в нормативных актах правовых принципов и раскрытие их неразрывной связи с принципами нравственности имеет непосредственное регулирующее значение.

Советское право предоставляет простор положительным действиям человека. Хотя оно и содержит развернутую систему правил поведения, но вовсе не допускает мелочной регламентации поведения людей, ограничения творческой инициативы человека. Нормы советского права должны быть применены вдумчиво, со знанием дела. Как раз принципы советского права имеют при этом путеводное значение. Они учат самостоятельно

ст. 66), предусматривающего премии за завершение в срок отдельных этапов возведения объектов, на ряде строек были приняты конкретные социалистические обязательства.

⁷⁶ А. Ф. Шебанов указывает в статье О воздействии права на общественное развитие в условиях общенародного государства, «Советское государство и право», 1963, № 12, правильно, как мы полагаем, что правовое воздействие на общественное развитие в социалистическом государстве происходит, между прочим, «путем провозглашения в праве государственной политики, которой должны руководствоваться все государственные органы, должностные лица, общественные организации, отдельные граждане» (стр. 13), а также «путем воспитания членов общества в духе коммунистической идеологии... Посредством провозглашения в праве определенных идей и принципов можно, безусловно, влиять на сознание членов общества...» (стр. 14).

применять нормы права, задумываться над содержанием закона и не упускать из виду цели, ради которой нормативный акт был издан. Все это не может не содействовать укреплению правовых убеждений, которые при единстве правовых и моральных принципов выступают и как нравственные требования советского общества.

Развитие правовых форм в обществе, строящем коммунизм, — это процесс сложный и многогранный. В ходе этого процесса нередко возникают переходные от права к иным социальным нормам формы нормативного регулирования, которые основываются исключительно на силе убеждения. Юридические нормы и правовые институты в конечном счете перерастут в правила коммунистического общежития или же отомрут, так как полностью отойдут в прошлое те социальные явления (например, преступность), с которыми они были связаны.⁷⁷ Однако весь ход развития форм правового регулирования в период развернутого строительства коммунизма не может быть понят в отрыве от изменения роли убеждения и принуждения в советском обществе, а также от роста творческой активности советской общественности и участия ее в правовом регулировании.

5. При анализе структуры правовых норм отправной точкой являются юридические правила поведения, а в качестве предмета воздействия рассматривается само поведение человека. Но право — явление сугубо социальное. Выражая назревшие потребности развития советского общества целеустремленно, оно стремится к определенным социальным результатам. Раскрытие до конца роли убеждения и принуждения в праве как факторов не только психологических, но и социальных невозможно поэтому без учета воздействия, оказываемого в конечном итоге посредством юридического регулирования на советские общественные отношения.

В плане настоящей работы вопрос о правовом регулировании советских общественных отношений привлекает к себе внимание также потому, что отсюда берет свое начало путь, по которому следует идти при разрешении ряда других, не менее

⁷⁷ См. также Н. Г. Александров, Развитие социалистического права и нормы коммунистического общежития, «Советское государство и право», 1961, № 9, стр. 30. Впрочем, в советской правовой литературе нет единого понимания правил коммунистического общежития. В частности, по-разному решается вопрос об отнесении норм права к правилам коммунистического общежития. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский в работе Вопросы теории права, М., 1961, стр. 117—118, проводят различие между правилами общежития в широком и собственном смысле. По их мнению, только правила общежития в широком смысле включают в себя также нормы права. Непросто, однако, убедиться в том, что понятие правил общежития в широком смысле совпадает с понятием социальных норм (норм общественного поведения). Вряд ли введение нового термина вызвано необходимостью.

важных вопросов, в частности: об общественной опасности правонарушений, о вреде, причиненном ими советскому правопорядку, и о возмещении этого ущерба, а также некоторые другие.

В отличие от правового воздействия на поведение людей, воздействие права на общественные отношения не проявляется непосредственно. Оно возможно только посредством воздействия, оказываемого на поведение людей. Это вполне закономерно и объясняется природой общественных отношений.

Марксизм-ленинизм рассматривает общественные отношения, среди которых человек живет, в которые он вступает, как необходимые формы, в рамках которых осуществляется вся материальная и духовная деятельность людей, как необходимые формы общения их между собой.⁷⁸ Наряду с этим общественные отношения характеризуются и как «...определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид (разрядка наша — И. Р.) их жизнедеятельности, их определенный образ жизни».⁷⁹ В то же время общественные отношения создаются самими людьми. Они складываются как необходимый результат (продукт) их общественной деятельности.⁸⁰

Общественные отношения распадаются на производственные и идеологические отношения. Специфика последних состоит в том, что они, прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей,⁸¹ «...что люди, производящие общественные отно-

⁷⁸ В рамках настоящего исследования могут быть изложены лишь некоторые основные выводы, к которым автор пришел в результате изучения произведений основоположников марксизма-ленинизма. См., в частности, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 35, 71—75, 322; т. 6, стр. 441—442; т. 20, стр. 98, 150—155; т. 27, стр. 402—403, 406; В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 122, 134, 385.

Вопрос об общественных отношениях требует самостоятельного монографического рассмотрения. В связи с этим отметим лишь, что общественные отношения характеризуются не только их содержанием — общественно необходимым поведением, которое является основным элементом (стороной) их структуры, но и рядом других признаков, в том числе их субъектным составом. Еще Ф. Энгельс писал: «Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 13, стр. 497—498). С. С. Алексеев относит в работе Общие теоретические проблемы системы советского права, М., 1961, стр. 39—40, к элементам (сторонам) общественных отношений: субъекты общественных отношений, содержание последних, их объекты и внешние условия их возникновения и движения, а Б. С. Никифоров в работе Объект преступления по советскому уголовному праву, М., 1961, стр. 30, — субъекты «сами по себе», отношения между ними и условия реализации этих отношений. Аналогичные соображения высказаны также И. С. Самощенко в работе Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 117—119.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 19.

⁸⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 71; т. 27, стр. 402, 408; В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 134.

⁸¹ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 122.

шения соответственно своему материальному производству, создают также и идеи и категории; то есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений».⁸² В соответствии с этими идеями и категориями складываются конкретные общественные идеологические отношения, в том числе и правоотношения, которыми облекается фактическое общение людей. Поэтому следует различать и право, как отвлеченное выражение всех возможных правоотношений данного вида, и правоотношение, как форму фактического общения людей друг с другом.

Правоотношение, которым облекается фактическое поведение людей в обществе, нельзя смешивать с самим фактическим поведением людей, которое подвергается правовому регулированию. В силу присущих ему структурных особенностей правоотношение выделяется как самостоятельное социальное явление, как определенный вид жизнедеятельности людей и выступает именно как правоотношение.⁸³

Структурная особенность правоотношений заключается в том, что участники их связаны друг с другом взаимными правами и обязанностями. Благодаря этому у одного из участников правоотношения имеется гарантированная Советским государством возможность требовать определенного поведения от другого участника этого отношения.

Было бы, однако, неверно раскрыть содержание правоотношений только через взаимосвязь прав и обязанностей их участников. Правоотношения — это реальное общественное отношение, форма и вид фактического поведения людей,⁸⁴ признанного Советским государством общественно необходимым и закрепленного в нормах права. Совершенно правильно отмечает Виктор Кнапп, что «общественные отношения, являющиеся предметом правового регулирования, во всех случаях и исключительно являются отношениями действующих людей. Эти отношения не находятся где-то вне или над действующими людьми, но обретают свою реальность именно в определенных действиях людей».⁸⁵

Правоотношения возникают в процессе реализации норм права. Нормы права определяют их субъектный состав, условия

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 27, стр. 408—409.

⁸³ В советской юридической литературе социалистическое правоотношение оказалось в центре внимания многих исследователей. Объем нашей работы, а также ее построение не позволили включить в нее раздел, посвященный анализу социалистических правоотношений и критическому разбору мнений, высказанных по этому вопросу в литературе. Эти вопросы требуют самостоятельного монографического исследования.

⁸⁴ См. также П. А. Рачков, Наука исторического материализма и теория государства и права, «Советское государство и право», 1963, № 10, стр. 61.

⁸⁵ Виктор Кнапп, По поводу дискуссии о системе права, «Советское государство и право», 1957, № 5, стр. 115.

их возникновения, изменения и прекращения, а также конкретные права и обязанности их участников. Вместе с тем нормы права предусматривают меры, обеспечивающие реализацию этих обязанностей в необходимых случаях посредством мер государственного принуждения.⁸⁶

Правоотношение не находится в статическом состоянии. Это явление в высшей мере динамичное. Возникнув в силу юридических фактов, правоотношение на первой ступени своего развития характеризуется как форма потенциального, как вид должного поведения людей. Применительно к этой стадии уместно говорить о содержании правоотношения как о правах и обязанностях, т. е. о мере, виде возможного, гарантированного государством поведения управомоченного и общественно необходимого поведения обязанного лица. В дальнейшем правоотношение становится формой, видом фактического поведения лиц, вступивших в правоотношение. Оно прекращается с выполнением одним из его участников своих правовых обязанностей и осуществлением другим из них своих субъективных прав.⁸⁷ Тем самым функции правоотношения исчерпаны. Если иметь в виду этот процесс развития правоотношения и вместе с тем учесть, что и поведение человека является определенным процессом, то отпадают опасения, что при таком понимании правоотношения оно не реальное явление, а обладает только номинальным, лишь обретаемым позже содержанием.

Не всегда процесс правового регулирования проходит стадию правоотношения. Правоотношение не возникает в тех случаях, когда на граждан нормами права возложен общий запрет⁸⁸ совершать те или иные действия, и этот запрет не был нарушен. Подобный запрет обязателен для всех граждан,

⁸⁶ И. С. Самощенко утверждает в работе Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 118—119, что главное место в правовом регулировании занимает регламентация поведения участников общественных отношений. С этим можно согласиться, ибо остальные вопросы, перечисленные выше, регулируются нормами права лишь постольку, поскольку без этого невозможно установление видов общественно необходимого поведения людей.

⁸⁷ По сути дела С. Ф. Кечекьян тоже предполагает в монографии Правоотношения в социалистическом обществе, М., 1958, наличие различных стадий развития правоотношения. Он рассматривает правоотношение как норму права в ее действии, осуществлении (стр. 19, 31) и различает субъективные права, еще не осуществленные, и субъективные права, конкретизированные в правоотношении либо осуществленные иным способом. В связи с этим С. Ф. Кечекьян говорит о «модификациях субъективного права, которые связаны с его осуществлением» (стр. 33—34). Статику и динамику правоотношений, а также всех общественных отношений вообще четко различает Б. С. Никифоров в монографии Объект преступления по советскому уголовному праву, М., 1960, стр. 63—65.

⁸⁸ Такие общие запреты содержатся, в частности, в нормах советского уголовного права, а также в нормах гражданского права, регулирующие ответственность за т. н. внедоговорный вред.

независимо от наступления юридических фактов и вступления людей в конкретное правоотношение.

Не вступает в конкретное правоотношение, в частности, лицо, которое приобрело абсолютное субъективное право.⁸⁹

Это, конечно, не значит, что поведение обладателя абсолютного субъективного права, не вступившего в конкретное правоотношение, изолировано от поведения других лиц. Хотя управомоченный в этих случаях и не является участником конкретного правоотношения, он все же член советского общества, включающего в себя всю совокупность социалистических общественных отношений. Именно потому обратной стороной абсолютных субъективных прав является общий запрет нарушать эти права. Тем не менее и в тех случаях, когда нормы права не претворяются в жизнь посредством правоотношений, они все же реализуются только в рамках общественных отношений, являющихся необходимой формой данного вида поведения людей.⁹⁰ Вне рамок общественных отношений само правовое регулирование поведения человека невозможно.

Следовательно, право может быть социальным регулятором и тогда, когда человек не вступает в конкретные правоотношения. Но и в этих случаях для права человек существует исключительно как участник общественных отношений.

Уже сама норма права, независимо от наличия конкретного правоотношения и конкретной обязанности, побуждает людей вести себя должным образом.⁹¹ С возникновением же правоотношения

⁸⁹ См. Д. М. Генкин, *Право собственности как абсолютное субъективное право*, «Советское государство и право», 1958, № 6, стр. 92—102. С. А. Голунский указывает в статье *О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма*, «Советское государство и право», 1961, № 10, стр. 48—52, что действие многих норм социалистического права вне правоотношений имеет место и тогда, когда норма права предъявляет позитивные требования, направленные на организацию активной творческой деятельности.

⁹⁰ В связи с этим заслуживает внимания положение Н. И. Матузова в статье *Вопросы теории субъективных прав граждан*, «Советское государство и право», 1964, № 7, стр. 132, о том, что «Ни одно субъективное право невозможно вне всяких правовых отношений, но сами эти правоотношения по своему характеру различны. Поэтому то или иное субъективное право может не входить в конкретное правоотношение и не являться его элементом, но находиться в составе других (длящихся) юридических отношений, которые можно было бы назвать правоотношениями общего характера или общими правоотношениями».

⁹¹ Это справедливо, в частности, и в отношении уголовно-правовых норм, которые уже с момента их издания оказывают воспитательно-предупредительное воздействие. С. С. Алексеев, Д. А. Керимов и П. Е. Недбайло в статье *Методологические проблемы правоведения*, «Правоведение», 1964, № 4, стр. 26, совершенно правильно указывают: «...о действии права нельзя судить только по деятельности суда ..., изучать надо прежде всего по правилу, а не по исключению (хотя и это необходимо)».

ношения обязанности и права, предусмотренные в нормативном акте в общем виде, находят, как правило, дальнейшую конкретизацию. При наличии такой конкретной обязанности мобилизующее и организующее воздействие норм советского права неизмеримо возрастает. Советские люди, сознавая свой общественный и гражданский долг, в огромном и подавляющем большинстве напрягают все свои силы для выполнения конкретных обязанностей, вытекающих из норм советского права. Вступая в конкретные правоотношения, советские люди на самом деле осуществляют свое поведение в формах и при условиях, предусмотренных юридическими нормами. Конкретные правовые и иные общественные отношения действительно оказываются видом их общественно необходимого поведения. Они поистине служат активной деятельности людей, стремящихся достичь поставленных целей.

Воздействие, оказываемое правом на поведение людей, воплощается не только в идеологических общественных отношениях, но переносится также на производственные отношения: на базис советского общества. Это объясняется тем, что производственные отношения, как, впрочем, все общественные отношения вообще, складываются как необходимый результат деятельности людей. Ввиду того, что объективные законы экономического развития общества могут быть познаны, а поведение человека поддается правовому регулированию, вполне возможно посредством мер юридического воздействия, опираясь на эти законы, не только закрепить и усовершенствовать существующие производственные отношения, но сознательно и планомерно содействовать возникновению и развитию также новых производственных отношений.

Тем не менее, это имеет свои пределы. В. И. Ленин указывает, что складывающаяся из действий людей объективно-необходимая цепь развития, цепь событий, объективная логика хозяйственной эволюции, никогда полностью не охватывается общественным сознанием. Она охватывается лишь в общих и основных чертах.⁹² Через сознание людей порой, однако, проходят отдельные отношения, складывающиеся в сфере производственной деятельности. Но и этими отдельными отношениями никогда не исчерпывается вся совокупность и все стороны общественных отношений, складывающихся в силу объективных экономических законов в процессе производ-

⁹² См. В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 14, стр. 311. В связи с этим необходимо отметить и следующее. Порой изменение норм права обусловлено не изменениями в базисе, а тем, что при издании нормативного акта законодатель не в состоянии был предусмотреть, какие последствия в данном случае правовое регулирование фактически вызовет. Практика применения нормативного акта является основой для проверки истинности представлений законодателя и может служить поводом для изменения этого акта.

ства (формы собственности, положение различных социальных групп, формы распределения) и образующих в каждом обществе некое единое целое,⁹³ общественно-экономическую формуацию, развитие которой есть естественно-исторический процесс.⁹⁴

Совокупность, систему общественных производственных отношений, образующих экономический строй общества, не следует смешивать с отдельными отношениями и даже отдельными видами отношений, складывающимися в сфере производства и обмена. Эти отношения могут быть в законодательном порядке признаны общественно необходимыми формами общения людей, т. е. облекаться правовыми формами.⁹⁵ Хотя государство при этом и не поступает произвольно, а учитывает экономические возможности и потребности, подчинение действию объективных экономических законов, тем не менее эти отношения могут быть установлены по его воле. Примером подобной регламентации могут служить акты, регулирующие распределение продукции, объявление трудовой повинности, правила эксплуатации транспорта⁹⁶ и пр.

Например, постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 15 сентября 1933 г. «Об улучшении использования молодых специалистов» и Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах» отрегулировали подготовку, распределение на работу и использование молодых, квалифицированных кадров и в то же время содействовали общему расширению нашей промышленности, а также укреплению положения рабочего класса в советском обществе.

Равным образом, Закон Союза ССР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»,⁹⁷ регулирующий дело подготовки молодых кадров, закрепляет общий ход развития производственных отношений в нашей стране и во многом служит их дальнейшему развитию. Этот Закон является важной вехой на пути постепенной ликвидации существенных различий

⁹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 133.

⁹⁴ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 124—125.

⁹⁵ Эта мысль высказана и в советской юридической литературе. См. Д. А. Керимов и Б. В. Шейндлин, Некоторые вопросы теории правоотношения, Уч. зап. ЛГУ, вып. 255, Л., 1958, стр. 77—78, и особенно Л. С. Явич, Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, М., 1961, стр. 82—83, а также Л. С. Явич, Право и коммунизм, М., 1962, стр. 65—66.

⁹⁶ Если т. н. технические правила санкционированы государством, то это подлинные правовые нормы. См. также А. Ф. Черданцев, Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании общественных отношений, «Советское государство и право», 1964, № 7, стр. 134.

⁹⁷ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1959, № 1, ст. 5.

между трудом физическим и умственным, вследствие чего утверждается единение обоих. Тем самым этот Закон еще более укрепляет единство рабочих, колхозников и интеллигенции в нашей стране. Вместе с тем он содействует мощному росту производительных сил в СССР. Но предусмотреть все общественные последствия действия этого Закона невозможно.

Воздействие юридических норм на производственные отношения — это процесс обратного воздействия надстройки общества на его базис. Следовательно, правовое регулирование служит и тем глубинным процессам в самом базисе, которые связаны с функционированием его как системы, совокупности общественных производственных отношений.

Обратное воздействие правовой части надстройки на базис распространяется на весь экономический строй. Надстройка, в которую входит и право, возвышается на совокупности производственных отношений, образующих экономический строй общества и, как правило, вовсе не отражает непосредственно конкретные отношения в сфере производства.

Правовое регулирование в высшей степени содействует укреплению и развитию также различных частей надстройки, призванной служить своему базису. В результате этого правовое воздействие переносится на базис также посредством других частей надстройки общества, испытавших воздействие правового механизма и оказавших, в свою очередь, воздействие на базис.

Воздействие, оказываемое правом, как частью надстройки, переносится также на производительные силы общества. Правда, на орудия производства как на «мертвые факторы», точно так же как на общественные отношения, юридические нормы сами по себе, автоматически не могут воздействовать.⁹⁸ Такое воздействие может быть оказано лишь целеустремленной деятельностью людей. Однако, поскольку, как указывает О. С. Иоффе, эти «мертвые факторы» производства приводятся в движение благодаря рабочей силе человека, который является участником производственных отношений, испытывающих на себе прямое воздействие надстройки, то указанное воздействие переносится им также и в сферу производства,⁹⁹ на производительные силы.

Исторический материализм раскрывает взаимосвязь правовых и иных общественных отношений с отношениями производственными, а также последних с производительными силами через категории формы и содержания. Эти же катего-

⁹⁸ Правильно указывает И. С. Самощенко в монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 49, примеч. 3, что «...право непосредственно производственных отношений ... не регулирует».

⁹⁹ О. С. Иоффе, Об основных вопросах советского гражданского права, Уч. зап. ЛГУ, вып. 151, Л., 1953, стр. 19.

рии имеют значение и для понимания взаимосвязи юридических норм с правоотношениями. Дело в том, что следует различать ближайшие и глубоко лежащие пласты содержания, подобно тому как В. И. Ленин различал сущности первого, второго порядка и т. д.¹⁰⁰ По весьма ценному указанию Н. Н. Полянского, «... содержание формы общественных явлений может быть само формой более глубоко лежащего содержания».¹⁰¹

Но различные виды общественных отношений (правовые и иные идеологические отношения, производственные отношения) соотносятся не только друг с другом как форма и содержание. Они находятся в таком же соотношении и с поведением человека.

Как указывалось выше, все общественные отношения, в том числе и правоотношения имеют своим содержанием фактическое поведение людей, лишь необходимой формой которого эти отношения являются. Поведение людей, однако, может быть рассмотрено не только в его индивидуальности и жизненном многообразии, но и как явление типовое — как необходимый вид, способ жизнедеятельности людей. Общественные отношения и суть необходимые виды жизнедеятельности людей, необходимый образ их жизни.¹⁰² Необходимость производственных отношений заключается

¹⁰⁰ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 249.

¹⁰¹ Выступление Н. Н. Полянского на Совещании по координации научно-исследовательской работы секторов права академий наук союзных республик, «Советское государство и право», 1951, № 5, стр. 76.

Наряду с категориями формы и содержания, при раскрытии взаимодействия юридических норм и правоотношений необходимо иметь в виду также категории возможного и действительного, ибо сам процесс реализации права представляется не иначе как превращение возможного, должного в действительность. С этой точки зрения конкретное правоотношение является правовой нормой в действии, в ее осуществлении. Вместе с тем значение имеют и категории абстрактного и конкретного, так как представление о всех возможных конкретных правоотношениях данного вида содержится в той или иной юридической норме в отвлеченном виде. Оно выражено как общее правило поведения, т. е. правило, имеющее в отношении данного поведения нормативное значение.

¹⁰² О структурных элементах общественных отношений было сказано выше. Огромное количество общественных отношений конкретный субъект находит как данные. С этой точки зрения характерно, что основоположники марксизма-ленинизма говорили о гражданском обществе, т. е. о совокупности всех общественных отношений, как истинном очаге и арене всей истории, об унаследованных формах, об условиях, при которых и среди которых живет человек (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 35, 69, 72; т. 6, стр. 441; т. 20, стр. 98, 153; т. 27, стр. 403). Из такого понимания общественных отношений вытекает их относительная самостоятельность, необходимость их по отношению к поведению отдельного человека. Это особенно ярко проявляется в тех случаях, когда общественные отношения материализованы, обладают овеществленным характером. С этой точки зрения исключительный интерес представляет следующее положение Ф. Энгельса: «Продукт, вступающий в обмен, является товаром. Но он является товаром только потому, что в этой вещи, в этом продукте, завязывается отношение между

в том, что они складываются независимо от воли и сознания людей. Наоборот, необходимость правоотношений выражается именно в том, что они устанавливаются по воле законодателя. Ей присущ момент нормативности, правовой невозможности иного поведения.

Вполне возможно, что правоотношениями охватываются виды поведения (или стороны этих видов), доселе входящие в содержание других видов общественных отношений. При этом существующие ранее общественные отношения могут терять свой прежний характер и принимать форму правоотношений.¹⁰³ Чаще, однако, в таких случаях объем существующих общественных отношений только сужается: правовому регулированию подвергаются лишь отдельные стороны поведения людей, составляющего содержание также других видов общественных отношений. Никогда право не может поглотить другие виды общественных отношений в целом, представляющие собой, подобно правоотношениям, тоже необходимые виды жизнедеятельности людей.

Понимание правоотношений как необходимых видов жизнедеятельности людей позволяет объяснить ряд сторон взаимодействия отдельных частей механизма правового регулирования. При этом следует иметь в виду, что движущими силами этого механизма являются убеждение и принуждение, стимулирующие общественно необходимое поведение людей.

Как известно, всякое явление оказывает воздействие на любое другое явление прежде всего своим содержанием. Поскольку общественные отношения имеют своим содержанием поведение людей, то путем отрегулирования этого поведения можно придать форму правоотношений тем общественным отношениям, которые доселе правовым характером не обладали.

В советской юридической литературе общепризнано, что право регулирует общественные отношения. При конкретизации этого положения, однако, высказываются различные соображения.

Так, например, к общественным отношениям, регулируемым правом, были отнесены производственные отношения. В то же время в советской юридической литературе справедливо отмечалось, что в случае правильности этого положения «правоотношения не могут быть отнесены целиком к области составных частей надстройки, к числу идеологических общественных

двумя лицами или общинами, отношение между производителем и потребителем, которые здесь уже не соединены в одном и том же лице» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 13, стр. 498).

¹⁰³ Вопрос о том, следует ли в связи с этим говорить о превращении или преобразовании общественных отношений в правовые отношения или о том, что они принимают форму правоотношений, имеет, по нашему мнению, скорее терминологическое значение.

отношений, а это неверно».¹⁰⁴ Между тем, встречаются даже утверждения о наличии, якобы, общественных отношений, именно являющихся одновременно и идеологическими (правовыми) и материальными (производственными).¹⁰⁵

С этим согласиться нельзя. Общественные отношения не могут обладать надстроечно-базисным характером. Что касается, в частности, правоотношений, то это явления надстроечные. Лишь в основе их лежат производственные отношения, порождающие их. Но в процессе обратного воздействия надстройки на базис отдельные виды или стороны производственной деятельности людей могут быть подвергнуты правовому регулированию. В связи с этим базис иногда, выражаясь образно, «уступает» отдельные производственные отношения надстройке.

Делались попытки отнести к общественным отношениям, регулируемым юридическими нормами, также правоотношения.¹⁰⁶ Однако и этот вывод не встретил поддержки и был отвергнут. Действительно, если было бы верно, что правоотношение регулируется правом, то следовало бы признать, что оно обладает качествами правоотношения еще до того, как оно подвергается регулированию. Но сообщить такие качества правоотношению может только само право.¹⁰⁷

Однако дело не только в этом. Имеется значительное число общественных отношений (процессуальные, уголовно-правовые и пр.), не существующие иначе, как в виде правоотношений. В этих случаях нет каких-либо отличных от правоотношений общественных отношений, подвергаемых, якобы, правовому регулированию. Указанные отношения возникают только на основании юридических норм и прекращают свое существование, коль скоро последние отменены. Следовательно, если признать, что право всегда регулирует общественные отношения, то придём к неосновательному выводу, что, по крайней мере, в рассматриваемых случаях право регулирует правоотношения.

Выход из этого положения теория советского права пытается найти в конструкции т. н. фактических общественных отношений. Последние рассматриваются ею в качестве объекта правового регулирования, в частности, в тех слу-

¹⁰⁴ С. Ф. Кечекьян, Нормы права и правоотношения, «Советское государство и право», 1955, № 2, стр. 24.

¹⁰⁵ См. выступление Р. О. Халфиной на обсуждении рукописи учебника Теория государства и права, «Советское государство и право», 1954, № 1, стр. 134.

¹⁰⁶ См. выступление М. П. Карева в Институте права АН СССР, «Советское государство и право», 1956, № 3, стр. 127—128, а также М. П. Карева и С. Ф. Кечекьян, О социалистических правоотношениях. Тезисы докладов, М., 1956, стр. 9.

¹⁰⁷ См. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 182.

чаях, когда общественные отношения иначе, чем в виде правоотношений, существовать не могут.

Между тем марксизму-ленинизму чуждо деление общественных отношений на фактические и нефактические. Общественные отношения всегда существуют в реальной действительности. Возникновение их — объективный факт.¹⁰⁸ С этой точки зрения правоотношения являются также фактическими отношениями. Но нередко они обладают этим характером лишь постольку, поскольку они представляют собой правоотношения. На самом деле общественные отношения распадаются на производственные (экономические) и идеологические. Именно это деление В. И. Ленин считал основным в мировоззрении К. Маркса и Ф. Энгельса.¹⁰⁹

Рассмотрение фактических общественных отношений как объекта правового регулирования противоречит общепринятому определению права как совокупности юридических норм — правил поведения людей. Попытки дополнить определение права указанием и на правоотношения¹¹⁰ пока не приняты.¹¹¹

Фактические общественные отношения как объект правового регулирования нередко имеют явно номинальное значение. Они конструируются, а затем возводятся в ранг объекта правового регулирования. Так, например, в советской юридической литературе утверждалось, что предметом регулирования административного права являются общественные отношения, складывающиеся в сфере исполнительной и распорядительной деятельности органов Советского государства,¹¹² государственного права — отношения, возникающие в процессе осуществления государственной власти,¹¹³ и т. д.

Подобная конструкция идет в разрез с принципом социалистической законности. Оказывается, что право регулирует не саму исполнительную и распорядительную деятельность органов Советского государства, не само осуществление государствен-

¹⁰⁸ По сути дела это не отрицает и Л. С. Явич в статье К вопросу о предмете и методе правового регулирования, Вопросы общей теории советского права, М., 1960, стр. 57—58, утверждая, что возникновение общественных отношений есть вопрос факта, вопрос жизненных потребностей и фактического соотношения классовых сил.

¹⁰⁹ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 133—134.

¹¹⁰ См., например, А. А. Пионтковский, Некоторые вопросы общей теории государства и права, «Советское государство и право», 1956, № 1, стр. 19—21.

¹¹¹ См. также М. С. Строгович, Вопросы теории правоотношений, «Советское государство и право», 1964, № 6, стр. 53.

¹¹² См., например, Г. И. Петров, Место административного права в системе советского права, «Советское государство и право», 1957, № 1, стр. 93—94.

¹¹³ См., например, С. С. Кравчук, Государственно-правовые отношения в Советском социалистическом государстве, «Советское государство и право», 1956, № 10, стр. 100.

ной власти, а лишь отношения, возникающие позже в результате этой деятельности.¹¹⁴ В связи с этим сама деятельность органов Советского государства лишается правового основания.

Конечно, имеются общественные отношения, возникающие независимо от того, подвергается или нет правовому регулированию тот или иной вид общения людей (например, фактические, т. е. юридически неоформленные брачные отношения). В других случаях общественные отношения в связи с правовым регулированием лишаются характера т. н. «фактических» отношений вообще и впредь существуют только как правоотношения (например, отношения, возникающие вследствие спасения социалистического имущества).¹¹⁵ В результате этого и в рассматриваемых случаях т. н. фактические отношения перестают быть предметом правового регулирования.

Но суть дела не в этом, а в раскрытии механизма правового воздействия на общественные отношения, в установлении взаимодействия общественных отношений и поведения людей, единственного из всех явлений, доступного правовому регулированию. Решение этой проблемы следует искать в признании общественных отношений необходимым видом жизнедеятельности людей.

Тем самым отпадает практическая надобность в конструкции т. н. фактических общественных отношений, в основе которой лежит смешение понятий. Фактическое поведение людей, их жизнедеятельность как предмет правового регулирования, подменяется понятием фактических общественных отношений, которые и признаются предметом регулирования. В самом деле т. н. фактические общественные отношения — это не что иное, как фактическое поведение людей в той или иной сфере общественной жизни. К этому выводу по сути дела пришли даже сторонники конструкции т. н. фактических общественных отношений.¹¹⁶

¹¹⁴ См. также обзор нашей статьи О построении системы советского социалистического права, «Советское государство и право», 1958, № 1, стр. 102—103.

¹¹⁵ До принятия «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (см. ст. 95) эти отношения не были предусмотрены нормами советского права. См. также С. Н. Ландкоф, Новая категория обязательств в советском гражданском праве, Уч. зап. Киевск. гос. ун-та, вып. 7, сб. № 3, Киев, 1948, стр. 99—113.

¹¹⁶ Так, например, Л. С. Явич в статье К вопросу о предмете и методе правового регулирования, Вопросы общей теории советского права, М., 1960, стр. 52, указывает: «Право есть совокупность норм общего характера, рассчитанных не на единичное поведение, а на определенный типичный вариант поведения людей, то есть на определенный вид общественных отношений» (разрядка наша — И. Р.). Но в монографии Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, М., 1961, правильно исходя из того, что право регулирует поведение человека (стр. 74—75), которое является содержанием правоотношений (стр. 120), Л. С. Явич утверждает вместе с тем, что непосредственным пред-

Вышеизложенное может служить основанием для следующих выводов. Право регулирует фактическое поведение людей как участников общественных отношений, признанных Советским государством необходимой формой их жизнедеятельности. Убеждение и принуждение потому и являются факторами не только психологическими, но и социальными, что они побуждают людей осуществлять свою деятельность в рамках этих общественных отношений.

6. Осуществление своей деятельности в рамках общественных отношений, признанных с точки зрения права необходимой формой поведения людей, возможно не иначе как путем исполнения и соблюдения юридических норм, т. е. путем их реализации. Право в реализованном виде — это и есть состояние фактического исполнения и соблюдения юридических норм. Поскольку, однако, право регулирует определенные виды поведения людей, то и в реализованном виде оно предполагает наличие не единичных общественных отношений, а определенных их видов, которыми облекается фактическое поведение людей.

Подобно тому, как действие норм права проявляется в его непрерывности,¹¹⁷ состояние фактического исполнения и соблюдения юридических норм характеризуется также определенным его постоянством. Это постоянство, однако, не совпадает с неизменностью всех тех конкретных отношений, которыми облекается фактическое поведение отдельных лиц. Отдельные конкретные отношения сменяются. Они прекращаются в случае выполнения их участниками своих обязанностей либо реализации ими своих прав. В то же время в процессе правового регулирования возникают все новые общественные отношения, облекающие фактическое поведение лиц, вступающих в эти отношения.

Состояние исполнения и соблюдения юридических норм имеет две, неразрывно связанные стороны. Так как в этом состоянии воплощается общественная необходимость регулируемых правом видов жизнедеятельности людей, то это — и состояние необходимости.

Этими двумя сторонами характеризуется состояние соблюдения не только каждой отдельной нормы права, но и всей их совокупности, образующей определенное единство. Это единство предполагает согласованность всех норм советского права и на-

метом правового регулирования являются определенные виды конкретных общественных отношений (стр. 75—76). Впрочем, поскольку имеются отношения, существующие только в виде правоотношений (стр. 79), то Л. С. Явич допускает тем самым возможность правового регулирования правоотношений.

¹¹⁷ См. И. С. Самошенко, Теоретические вопросы систематизации советского законодательства, М., 1962, стр. 67.

ходит свое выражение в том, что все они служат единым принципам, закрепленным законодателем в соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма в нормативных актах, а порой прямо изложенным в них.

Единству всех норм советского права соответствует также единство видов общественных отношений, наличием которых характеризуется состояние исполнения и соблюдения норм права. Единство этих отношений есть советский правовой порядок.¹¹⁸

Следовательно, правопорядок включает в себя целую сеть общественных отношений, рассматриваемых в единстве их многообразия. В совокупность их входят и все правоотношения, хотя правопорядок далеко не исчерпывается одними только правоотношениями.¹¹⁹

Правопорядок не является просто суммой отдельных общественных отношений. Это — система, внутренне согласованный строй общественных отношений. Именно в этом своем качестве совокупность этих отношений выступает в виде порядка, претворяющего в жизнь нормативность советского права в целом.

Различение состояния соблюдения норм советского права, взятых каждая в отдельности, с одной стороны, и результата правового регулирования в целом, с другой, имеет существенное значение для понимания правопорядка и его роли.

Говоря о правовом регулировании применительно к отдельной норме права, речь идет о поведении отдельных лиц как о предмете этого регулирования и об отдельных правовых или иных отношениях между этими лицами. Установить воздействие, оказываемое в отдельных конкретных случаях в результате реализации отдельно взятых норм права на базис советского общества, вряд ли представляется возможным. Если же иметь в виду правовое воздействие в целом, то положение су-

¹¹⁸ В советской юридической литературе проблема правопорядка пока недостаточно разработана. Наиболее содержательно вопрос о правопорядке рассматривается Г. С. Котляревским в статье Некоторые вопросы советского социалистического правопорядка, Уч. зап. ВЮЗИ, вып. XI, М., 1959, с большинством из положений которой мы согласны. Г. С. Котляревский в основном правильно, как мы полагаем, определяет также понятие советского общественного порядка (стр. 100). Понятие общественного порядка рассматривается и в работе Ю. С. Соколова, Участие трудящихся в охране советского общественного порядка, М., 1962, в которой справедливо подчеркивается нормативный признак этого порядка (стр. 9). Чехословацкие юристы И. Богушак и З. Иичинский рассматривают в работе Социалистическое право и законность в народно-демократической Чехословакии, М., 1958, стр. 65, социалистический правопорядок как «... систему выраженных и закрепленных в праве отношений людей и в то же время форму реализации соответствующих прав и обязанностей, то есть фактическое состояние соблюдения и исполнения мер социалистического права».

¹¹⁹ Мы имеем здесь в виду те случаи, когда юридические нормы реализуются помимо правовых отношений.

ественно меняется. Надстройка общества, в которую входит и право, возвышается над совокупностью производственных отношений. И как раз в этом аспекте понятие правопорядка приобретает огромное значение. Воплощая в жизнь советского общества результат правового регулирования в целом, правопорядок выступает по отношению к базису общества как весьма активная сила.

Оно и понятно. Правопорядок как совокупность, единство, система общественных отношений складывается как необходимый продукт деятельности людей. Поскольку их поступки, отрегулированные правом, являются волевыми, то и правопорядок представляет собой совокупность волевых общественных отношений. Именно потому его активность по отношению к базису исключительна. В условиях развернутого строительства коммунизма, где основной движущей силой в механизме правового регулирования является убеждение, правопорядок, говоря образно, способен поглотить значительное количество общественных отношений, складывающихся в производственной деятельности людей.

Отсюда вытекает ряд теоретических выводов.

То, что отдельно взятое правовое отношение между конкретными лицами является не чем иным как отдельным, урегулированным правом, эпизодом общественной, в том числе и производственной деятельности людей, в совокупности со всеми остальными правоотношениями представляется в виде составной части определенной системы общественных отношений и именно в этом своем качестве играет определенную роль.

Далее. Правопорядок как единство, система общественных отношений, как результат правового регулирования в целом, относительно самостоятелен. Он сохраняется и тогда, когда нормы права подчас не соблюдаются. Отдельные правонарушения не могут иметь своим последствием крушение советского правопорядка. Они лишь вызывают соответствующую государственную и общественную реакцию и влекут за собой предусмотренные нормой права меры воздействия, применение которых является тоже одним из видов реализации правовых норм. Вред от этих нарушений тем менее ощутим, чем прочнее правопорядок и ни один случай несоблюдения юридических норм не остается без соответствующего реагирования.

Наконец, правопорядок более или менее стабилен. Стабильность — специфическое свойство советского правопорядка, который имеет своей основой полную и окончательную победу социализма в нашей стране и еще более укрепляется по мере роста значения убеждения как движущей силы в механизме правового регулирования в Советском государстве.

Советский правопорядок не существует изолированно от других явлений общественной жизни. Понятие о нем входит в более

общее понятие советского общественного порядка как совокупности всех общественных отношений, которыми характеризуется состояние соблюдения всех норм поведения советского общества.¹²⁰

Действительно, в процессе всякого нормативного регулирования складываются определенные общественные отношения. Отдельные виды социальных норм, в частности нормы права и правила общежития, которые реализуются только в рамках этих общественных отношений, отличаются друг от друга не столько по предмету, сколько по способам, методам и формам нормативного регулирования. Следовательно, и общественные отношения, в рамках которых претворяются в жизнь нормы поведения, качественно друг от друга не отличаются. Именно потому вся совокупность общественных отношений, которыми характеризуется состояние соблюдения как правил общежития, так и юридических норм, входит в общее понятие советского общественного порядка. Задача состоит во всестороннем раскрытии закономерностей возникновения и способов охраны этого порядка. Центральным вопросом в плане настоящего исследования является при этом вопрос об убеждении и принуждении как движущих силах всякого нормативного регулирования вообще.

Ход развития советского общества в период развернутого строительства коммунизма свидетельствует о том, что правопорядок относится к общественному порядку как часть к целому.

Еще недавно напрашивался обратный вывод. Казалось, что советский общественный порядок поглощен правопорядком, вернее должен был рассматриваться как часть его. Пока деятельность общественных организаций и самостоятельных органов общества по охране порядка и обеспечению соблюдения правил общежития не получила полного развития, сами эти правила еще недостаточно четко отделялись от норм коммунистической нравственности. Но нормы коммунистической морали, представляющие собой в основном общие принципы поведения людей, не могли породить общественных отношений, совокупность которых можно было бы признать советским общественным порядком, обладающим специфическими, присущими им особенностями. В связи с этим на первый план выдвигался, прежде всего, уголовно-правовой аспект этого вопроса. Общественный порядок представлялся в виде публичного порядка. С этой точки зрения характерно наличие в прежних уголовных кодексах союзных республик главы о нарушении правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и обще-

¹²⁰ Поэтому П. Т. Васков рассматривает в работе Государственная дисциплина в СССР, М., 1960, стр. 57, правильно, как мы полагаем, отношение общественного порядка к правопорядку, как рода к виду.

ственный порядок, а также включение в ныне действующие уголовные кодексы союзных республик главы о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка. Дело в том, что уголовно-правовая защита общественного порядка представляется не в виде охраны общественного порядка в целом, а в виде охраны общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения прежде всего тех правил общежития, которые опосредствуются нормами советского права.¹²¹ Общественный же порядок в собственном смысле складывается в полном объеме лишь в период развернутого строительства коммунизма. Именно в этот период правила общежития воплощаются в определенном порядке жизни советского общества. Этот порядок теперь характеризуется не только стройностью общественных отношений, но и тем, что деятельность общественности по охране этого порядка получает полное развитие и облекается определенными организационными формами.

На достигнутом уровне развития советского общества, однако, еще рано говорить о ведущей роли тех или иных социальных норм. Едва ли правильно утверждение, что уже сейчас нормы права вытесняются или заменяются правилами общежития. Речь должна идти о другом. При повышении роли правил общежития и при сохранении основной массы юридических норм постепенно меняется характер последних. Переход к общественности ряда функций по обеспечению соблюдения норм права и постепенное сужение сферы применения мер государственного принуждения, создают условия для перерастания ряда юридических норм в правила коммунистического общежития.

При развитии в этом направлении общественность не может обходить стороной охрану советского правопорядка. С другой стороны, Советское государство не может не быть кровно заинтересовано в охране и развитии советского общественного порядка. Неразрывное, внутреннее единство правопорядка и советского общественного порядка — совершившийся факт. Совокупность общественных отношений, в которых реализуются правила общежития и нормы права, составляет такое органическое целое, что выделение из общественного порядка правопорядка как социального явления особого рода едва ли представляется возможным. Результаты правового и иных видов нормативного регулирования, в частности, регулирования посредством правил общежития теряют постепенно резкие различия.

Если речь идет о мерах общественного воздействия, обеспе-

¹²¹ Включение в уголовные кодексы союзных республик статей об ответственности за посягательства на представителей общественности, охраняющих общественный порядок, (народных дружинников) не может рассматриваться как реципилирование нормами права всех правил общежития.

чивающих соблюдение правил общежития, то необходимо иметь в виду охрану советского общественного порядка в целом, в который входит и советский правопорядок. Наоборот, если имеют в виду меры воздействия, в том числе и государственного принуждения, обеспечивающие соблюдение норм советского права, то следует подразумевать охрану советского правопорядка, входящего в общественный порядок.

Сглаживание различий между правопорядком и общественным порядком выражает собой тот факт, что нравственные принципы морального кодекса строителя коммунизма воплощаются и конкретизируются как в юридических нормах, так и в правилах общежития. Этому сближению соответствуют сдвиги в структуре юридических норм, изменение роли принуждения в правовом механизме, переплетение в ряде случаев мер общественного и государственного воздействия, посредством которых ведется борьба с посягательствами на советский правопорядок. Во всех этих мерах моральный фактор, а вместе с тем и убеждение все более выдвигаются на первый план.

§ 2. Охрана советского правопорядка и ее виды

1. Последовательное претворение юридических норм в жизнь и воплощение их в советском правопорядке, т. е. нормальное, бесперебойное функционирование правового механизма, является закономерностью, присущей нашему обществу. Но действие этой закономерности не проявляется автоматически. Пока имеют место посягательства на советский правопорядок, с ними надо вести неустанную борьбу.

Вопросу об исключении из общего правила, однако, предшествует вопрос о самом этом правиле. Поэтому и в настоящей работе до рассмотрения борьбы с посягательствами на советский правопорядок и раскрытия роли убеждения и принуждения в этой борьбе пришлось исследовать механизм положительного действия права, а также остановиться на советском правопорядке, являющемся результатом претворения норм права в жизнь. Предварительно необходимо ответить и на следующий вопрос: чем вызваны посягательства на советский правопорядок и какое место занимает непосредственная борьба с этими посягательствами среди остальных видов правоохраны?

Необходимость защиты и охраны советского правопорядка вытекает прежде всего из задач борьбы с агентурой империалистического лагеря, засылаемой агрессивными кругами в нашу страну с целью ослабления советского строя и подрыва строительства коммунизма. Хотя соотношение сил в мире и изменилось в пользу социалистического лагеря, наивным было бы полагать, что теперь враги оставят свои попытки всячески вредить нам. Подрывная деятельность

против нашей страны открыто поддерживается и афишируется реакционными кругами ряда капиталистических государств. Враждебная политика и действия правящих кругов империалистических государств пока не позволяют использовать расходы на оборону страны, на содержание органов государства, осуществляющих защиту советского отечества от враждебных сил и их агентуры, на еще более быстрое развитие хозяйства и повышение уровня жизни народа. Нельзя забывать о такой важнейшей функции Советского государства, как защита страны от опасности внешнего нападения, охрана социалистического строя от угрозы агрессии с целью реставрации капитализма со стороны империалистических сил и их агентуры. Политическая бдительность к проискам врагов социализма и всемерное укрепление обороноспособности страны составляют и будут составлять предмет особых забот Советского государства.

Необходимость охраны советского правопорядка вызвана также наличием обломков капиталистической надстройки в виде пережитков прошлого в сознании отдельных лиц, отставанием сознания от бытия как вследствие неравномерности развития различных сторон общественного сознания, например, политической идеологии и морали,¹²² так и в виде отставания сознания отдельного индивида от бытия.¹²³

К. Маркс, говоря о социальных переворотах, указывал на необходимость «... всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот (т. е. между общественными отношениями и производительными силами — И. Р.) конфликт и борются за его разрешение».¹²⁴

Великая Октябрьская социалистическая революция разбила оковы развития производительных сил. Были заложены основы нового, советского народного хозяйства, а затем создана социалистическая экономика и разрешена задача ликвидации остатков капиталистического базиса. Социализм победил полностью и окончательно.

Но обломки капиталистической надстройки в виде пережитков прошлого в сознании отдельных лиц частично сохраняются

¹²² См. также И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 24.

¹²³ Развитие различных сторон сознания отдельного индивида тоже не происходит равномерно, гармонически. Нередки случаи, когда понимание хода прогрессивного развития общества, сознание необходимости и справедливости коммунизма, готовность защищать внешнюю безопасность социалистической Родины сочетаются с такими порицаемыми с нравственной точки зрения чертами характера как эгоизм, карьеризм, непризнание своих ошибок и пр.

¹²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 13, стр. 7.

и сейчас. Пока еще в их сознании находят определенное отражение общественные противоречия, давно преодоленные историей. Это выражается, в частности, в безразличном, отрицательном или прямо враждебном отношении к правопорядку со стороны колеблющихся, слабых и недисциплинированных людей, не могущих противостоять «соблазну» взяток, личной выгоды и пр.

Пережитки прошлого будут сохраняться в сознании какой-то части населения, видимо, еще продолжительное время. Упорная и успешная борьба с этими пережитками является одним из существенных идеологических условий развернутого строительства коммунизма. Эта задача должна быть решена на данном этапе развития советского общества.

Социализм, обеспечивая более полное удовлетворение растущих потребностей членов общества, не свободен еще от пережитков прошлого. Производительность труда и производительные силы не настолько высоки, чтобы было создано изобилие материальных благ и общество могло осуществить принципы коммунизма. Сохраняются определенные противоречия между растущими потребностями населения и достигнутыми в настоящее время возможностями их удовлетворения.¹²⁵ Все это может служить питательной почвой для сохранения пережитков капитализма в сознании людей. Нельзя игнорировать также возможность буржуазных влияний извне, которые могут иметь своим результатом оживление пережитков прошлого в сознании людей. Ввиду этого при социализме еще сохраняется возможность для существования старых индивидуалистических взглядов и побуждений,¹²⁶ которые при благоприятных для них условиях могут найти выражение в различных, в том числе и в преступных посягательствах на правопорядок.¹²⁷

При социализме, однако, «идет процесс перевоспитания людей, приобщения всех трудоспособных граждан к творческому, товарищескому, объединенному труду, освобождения их от взглядов и привычек, привитых эксплуататорским строем, от пережитков капитализма». Тем не менее «труд, который при полном коммунизме станет для всех людей не только обязанностью, но и первой жизненной потребностью, будет доставлять наслаждение, при социализме остается еще прежде всего средством к

¹²⁵ См. К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957), Тезисы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1957, стр. 36

¹²⁶ Нельзя согласиться с утверждением И. С. Самощенко в работе Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 241, о том, что «общественное сознание... всегда несколько отстает от развития материальных условий жизни» (разрядка наша — И. Р.). Передовая идеология опережает общественное развитие.

¹²⁷ См. также А. Б. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961, стр. 80.

жизни».¹²⁸ При социализме, как об этом прямо сказано в Конституции Союза ССР, труд является не только делом чести, но и обязанностью каждого способного к труду гражданина, по принципу: «кто не работает, тот не ест» (ст. 12). «До тех пор, — говорил В. И. Ленин, — пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления».¹²⁹ Но все большее значение в советском обществе приобретают моральные стимулы.

При социализме продукты распределяются не по потребности, а по количеству и качеству труда, отдаваемого каждым отдельным человеком обществу. Дальнейшее развитие производительных сил, создание материально-технической базы коммунизма, все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей народа, совершенствование производственных отношений — все это, однако, создает условия для осуществления принципов коммунизма. Когда все люди будут добровольно и независимо от меры получения материальных благ трудиться в полную силу своих способностей, сознавая, что это необходимо для общества, необходимость регулирования распределения продуктов между членами общества отпадет. «Коммунистическая организация общественного труда..., — указывает В. И. Ленин, — держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся».¹³⁰

Переход к распределению по потребностям будет осуществляться постепенно. И для того, чтобы у людей выработалась потребность трудиться по способностям, необходим более длительный срок.

С развитием материально-технической базы коммунизма и с ростом сознательности народа все выше поднимается трудовой энтузиазм советских людей, растет их забота об общественном благополучии, окончательно изживается стремление к наживе, все большее значение приобретают моральные стимулы к труду на благо общества.¹³¹ Постепенный переход к распределению по потребностям и формирование внутренней потребности трудиться на благо общества есть в то же время процесс замены норм юридических правилами коммунистического общежития и нравственными стимулами человека к добровольному соблюдению норм поведения. Эти побуждения будут достаточными для обес-

¹²⁸ К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957), Тезисы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1957, стр. 36.

¹²⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 441.

¹³⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 387.

¹³¹ См. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 2, М., 1959, стр. 444.

печения высокой организованности и слаженности содружества людей труда при коммунизме. Этот процесс выражает собой постепенное отмирание государства и права. И он уже идет.

2. В период развернутого строительства коммунизма в нашем обществе вполне возможно не только сокращение числа посягательств на советский правопорядок, но и полная ликвидация правонарушений.

Программа партии указывает на основные объективные предпосылки искоренения правонарушений: рост материальной обеспеченности трудящихся, дальнейшее развитие советской демократии, коммунистическое воспитание населения.¹³²

Но устранение самих причин посягательств на советский правопорядок — наличия лагеря империалистических государств, ведущего борьбу против лагеря социализма, и пережитков прошлого в сознании людей — не зависит только от наших успехов в деле строительства коммунизма. Лагерь империалистических государств сохранится, пока сами народы не свергнут власть буржуазии своей страны. Длителен и сложен также процесс преодоления пережитков прошлого в сознании людей хотя бы потому, что устойчивость их в значительной мере объясняется влиянием враждебной идеологии извне.

Эффективность борьбы с посягательствами на советский правопорядок зависит, прежде всего, от ограничения, а в конечном счете от полного исключения действия причин, порождающих антиобщественные поступки. Сначала необходимо привести эти причины в латентное состояние, в частности, добиться невосприимчивости у советских граждан к враждебной идеологии,¹³³ а затем уже преодолеть и уничтожить пережитки прошлого в сознании людей.

Исключение действия причин, порождающих антиобщественные поступки, у нас вполне возможно потому, что социализм устранил главную, коренную социальную причину эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, — эксплуатацию масс, нужду и нищету их.¹³⁴ Поэтому посягательства на советский правопорядок не неизбежны. Наличие антиобщественных взглядов и привычек у того или иного лица создает лишь возможность, почву, базу для совершения подобных посягательств. Как сохранение пережитков прошлого в сознании людей не обязательно, а обусловлено рядом конкретных обстоя-

¹³² В связи с этим А. А. Герцензон упускает, как мы полагаем, необоснованно упоминание о дальнейшем развитии советской демократии. См. А. А. Герцензон, Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений, М., 1962, стр. 4.

¹³³ В прошлом это требование недостаточно учитывалось. В борьбе с враждебной буржуазной идеологией главный упор был сделан на ограничении общения с зарубежными странами вообще.

¹³⁴ См. *У. И. Ленин, Сочинения*, т. 25, стр. 436.

тельств, так и действие причин посягательств на правопорядок проявляется только под влиянием конкретных обстоятельств, способствующих совершению правонарушений. При отсутствии этих обстоятельств причины не активизируются и посягательства на правопорядок не совершаются.

Непосредственная задача борьбы с посягательствами на советский правопорядок в том и состоит, чтобы свести на нет действие обстоятельств, способствующих совершению правонарушений. Это и есть путь к ограничению и исключению действия причин, порождающих посягательства на правопорядок.

Наука советского права дает себе полный отчет в том, что осуществление намеченной задачи невозможно без обстоятельного изучения не только причин посягательств на советский правопорядок, но, прежде всего, также обстоятельств, способствующих их совершению. На этой основе ею разрабатываются конкретные меры по борьбе с правонарушениями. В плане настоящего исследования интерес представляют, главным образом, обстоятельства, относящиеся к нравственному формированию личности, а также меры по коммунистическому воспитанию населения.

Много внимания советские ученые уделяют конкретному социологическому исследованию причин преступности и условий, способствующих совершению преступлений. Такие исследования носят ретроспективный характер. От изучения совершенного преступления исследование возвращается к причинам и условиям его совершения, а затем уже репродуцирует процессы, которые имели место в реальной действительности. Подобный анализ необходим. Он предотвратит оторванные от действительности умозрительные, отвлеченные рассуждения. Правильно отмечает П. П. Михайленко, что «... при изучении причин и условий преступности нужно идти от единичного к общему, а затем уже на основе знания общего предупреждать конкретное».¹³⁵

Ретроспективное изучение причин и условий совершенных преступлений имеет своей задачей, главным образом, разработку мер, направленных на устранение причин и условий, которые уже породили преступления. При этом исходят из предположения, что под воздействием этих причин и условий преступления будут совершаться и в дальнейшем. Но, естественно, возникает вопрос, почему же при наличии этих причин и условий преступления не всегда совершаются, что удерживает морально неустойчивого человека в конкретном случае от их совершения? Спрашивается, нельзя ли выяснить, почему в другой среде, в других коллективах, несмотря на наличие таких же причин и условий, преступления тем не менее не совершаются?

¹³⁵ П. П. Михайленко и И. А. Гельфанд, Предупреждение преступлений — основа борьбы за искоренение преступности, М., 1964, стр. 30.

При такой постановке вопроса предметом изучения будут уже не преступные элементы и совершенные ими преступления, а граждане, коллективы, общественные группы, которые не характеризуются с отрицательной стороны. При таком подходе к проблеме изучается положительное действие советского права, коммунистической морали и пр. Еще К. Маркс писал: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него. Но он сделает это не путем ограничения сферы права, а тем путем, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив праву положительную сферу деятельности».¹³⁶

На основе изучения положительного действия права разрабатываются также меры по предупреждению посягательств на советский правопорядок. Среди этих мер убеждению принадлежит исключительно важное место.¹³⁷

Рассматриваемый вопрос может быть поставлен еще под одним углом зрения. Этот аспект проблемы представляет также значительный интерес именно в плане настоящего исследования. Может быть задан вопрос об эффективности предупредительного воздействия мер, уже примененных к лицу, совершившему посягательства на советский правопорядок, в частности, о роли убеждения и принуждения в исправлении и перевоспитании правонарушителя. Для ответа на этот вопрос потребовались также конкретные социологические исследования, о программе и результатах которых будет сказано ниже (см. гл. III, § 2, п. 1).

3. Под правоохраной в широком смысле следует понимать деятельность, направленную на обеспечение неприкосновенности правопорядка и соблюдения норм советского права. В этом широком смысле правоохрана совпадает с деятельностью по обеспечению социалистической законности. С этой точки зрения охране советского правопорядка служат, в частности, различные организационные, воспитательные и т. п. меры, применяемые Советским государством, а также советской общественностью и содействующие соблюдению норм права, например: надзор, контроль и проверка исполнения, деятельность по разрешению жалоб и пр. В советской юридической литературе эти мероприятия рассматриваются как средства обеспечения законности либо правовые гарантии законности.¹³⁸

Под правоохраной в более узком смысле следует понимать предупреждение, включая пресечение посягательств на

¹³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 131.

¹³⁷ Выше вопрос о положительном действии права был рассмотрен именно в плане определения коэффициента полезного действия убеждения в правовом механизме (см. § 1, п. 1).

¹³⁸ См., например, Д. А. Керимов, Обеспечение законности в СССР, М., 1956; Правовые гарантии законности, М., 1962; И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 277.

советский правопорядок, а также непосредственную борьбу с имевшими уже место посягательствами на правопорядок. Предупреждение (предотвращение, профилактика) правонарушений — это опережение их путем своевременного принятых мер, а пресечение — прекращение, прерывание их до того, как они были доведены до конца.¹³⁹ Понятие непосредственной борьбы с посягательствами на правопорядок как один из способов правоохраны, наоборот, имеет в виду меры, применяемые к правонарушителю в связи с уже совершенными правонарушениями. Эти меры, а именно: меры ответственности и меры по непосредственному принудительному осуществлению права, рассматриваются ниже (см., в частности, гл. IV, § 2).

Отличительной чертой правоохраны в советском обществе является то, что она осуществляется не только органами государства, но также советской общественностью — самостоятельными органами населения и общественными организациями. К активному участию в правоохране привлечены советские граждане.

На данном этапе развития, в условиях передачи общественности ряда государственных функций, общественность участвует во всех видах правоохранительной деятельности, в частности, в борьбе с посягательствами на советский правопорядок. Советское государство всячески поощряет инициативу общественности в деле правоохраны. Оно стремится к развертыванию ее в необходимых организационных формах и представляет органам общественности эффективную защиту. Неиссякаемая сила общественной инициативы, вырабатывающая все новые, более действенные меры борьбы с правонарушениями, шла впереди законодательной регламентации участия общественности в деле борьбы с нарушениями норм поведения и значительно продвинула вперед разрешение поставленной в Программе КПСС задачи полного искоренения антиобщественных поступков в период развернутого строительства коммунизма.

Содержанием различных мер воздействия, применяемых при осуществлении правоохраны органами Советского государства, а также советской общественностью, является убеждение и принуждение.

Убеждение — наиболее естественный способ воздействия на человека. Оно свободно от каких-либо ограничений и

¹³⁹ См. также П. П. Михайленко и И. А. Гельфанд, Предупреждение преступлений — основа борьбы за искоренение преступности, М., 1964, стр. 13. И. С. Самощенко проводит в монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 262—263, различие между предупреждением и профилактикой правонарушений. В юридической печати уже указывалось, что разграничение этих понятий не имеет принципиального значения. См. Д. Керимов и Л. Явич, рецензия на указанную монографию, «Социалистическая законность», 1964, № 5, стр. 96.

лишений для личности. Его воздействие характеризуется большой гибкостью. В зависимости от обстоятельств, в каждом конкретном случае применяются наиболее эффективные меры. Едва ли можно заранее предусмотреть, какие формы этого воздействия при данных обстоятельствах оказываются необходимыми. Залогом успеха является многообразие. Лишь в общей форме можно говорить о различных способах убеждения в деле охраны советского правопорядка. Анализ этих способов имеет, однако, значение скорее методического руководства (см. также гл. III).

Исключительно важное значение имеет убеждение в правоохранительной деятельности советской общественности. В этой деятельности на первый план выдвигается общественное мнение, основным содержанием которого всегда является убеждение. Но и в правоохранительной деятельности органов Советского государства убеждение занимает исключительно важное место. Иногда оно составляет основное содержание даже применяемых по приговору суда уголовных наказаний (в частности, общественного порицания) и никогда не отсутствует в мерах государственного принуждения полностью. Нередко меры убеждения применяются наряду с мерами государственного принуждения либо взамен их. В частности, по УК Эстонской ССР в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, наказание и принудительные меры воспитательного характера не применяются, если исправление несовершеннолетнего возможно мерами общественного, педагогического или семейного воздействия (ст. 62, ч. 4).

Убеждение пронизывает все меры правоохраны. С этой точки зрения убеждение в советском обществе является универсальным средством¹⁴⁰ охраны правопорядка. Оно в той или иной мере входит в содержание любых видов правоохранительной деятельности, в том числе и мер борьбы с посягательствами на советский правопорядок.

Принуждение в деле правоохраны не обладает таким универсальным характером. Оно является в Советском государстве вспомогательным средством. Пока, однако, еще нельзя отказаться от применения к правонарушителям мер принуждения. В борьбе с особо опасными рецидивистами и лицами, совершившими тяжкие преступления, суровые меры государственного принуждения безусловно необходимы.¹⁴¹

В задачи настоящей работы не входит вопрос о правоохране в целом. В частности, в рамках данной работы не может быть

¹⁴⁰ Об универсальном характере убеждения говорится также в статье Т. В. Суворовой, Об убеждении как основном методе государственного руководства социалистическим обществом, Вестн. ЛГУ, 1965, № 17, стр. 90.

¹⁴¹ И. С. Самощенко различает в монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, гл. V, общие меры по иско-

исчерпан вопрос о конкретных обстоятельствах, которыми в советском обществе вызывается необходимость правоохраны. Это является темой самостоятельных монографических исследований. В данной работе указанные вопросы возникли лишь постольку, поскольку следовало установить место мер борьбы с посягательствами на советский правопорядок в системе правоохранительных средств и определить роль убеждения и принуждения в деле правоохраны вообще.

рению правонарушений и специальные средства борьбы с ними. Среди последних он выделяет убеждение, профилактику, которую нельзя понимать только как убеждение (стр. 260), общественное воздействие на правонарушителей и специфические государственные средства: правовые гарантии законности и государственное принуждение к исполнению требований советского права (правоохрана). Думается, что подобная классификация не может быть принята; в ней отсутствует точный критерий разграничения, кроме того, она не учитывает универсального характера убеждения.

Глава II

ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА СОВЕТСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК И БОРЬБА С НИМИ

§ 1. Общественная опасность посягательств на правопорядок

1. Любое противоправное деяние, совершенное виновно, является посягательством на советский правопорядок.¹⁴² Применительно к преступлениям об этом прямо сказано в ст. 7 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», согласно которой преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, посягающее на советский правопорядок. Этому положению А. Н. Трайнин дал следующую формулировку: «Каждое преступление, выражается ли оно в действии или бездействии, всегда есть посягательство на определенный объект. Преступления, которое ни на что не посягает, в природе не существует».¹⁴³ Это плодотворное положение может быть распространено и на другие виды посягательств на советский правопорядок, предусмотренные различными отраслями советского права. Охране от этих посягательств служит весь правовой механизм.

Выступая как объект охраны от посягательств, правопорядок вместе с тем является объектом самих этих посягательств. В этих посягательствах находит свое выражение отношение к советскому правопорядку лиц, нарушивших свой общественный долг, отказавшихся от выполнения требований, предъявляемых им юридическими нормами. Эти лица не признают государствен-

¹⁴² Мы предпочитаем термин «посягательство на советский правопорядок» термину «правонарушение» потому, что понятием «противоправность» и «противоправное деяние» охватываются и т. н. объективно противоправные деяния. Сходство терминов «правонарушение» и «противоправное деяние» может навести на мысль, что правонарушения могут быть совершены и при отсутствии вины. На самом деле понятия «посягательство на советский правопорядок» и «правонарушение» — синонимы, необходимым их признаком является вина. В связи с этим см. также И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 12—18.

¹⁴³ А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 122.

ной и общественной необходимости правопорядка. Они относятся к нему безразлично, пренебрежительно или даже отрицательно.¹⁴⁴ С таким отношением Советское государство и общественность ведут неустанную борьбу.

В борьбе с посягательствами на советский правопорядок исключительно важное место занимают меры ответственности. Они оказывают воздействие на сознание правонарушителей и побуждают их к соблюдению норм общественного поведения посредством убеждения и принуждения. С этой точки зрения и в борьбе с посягательствами на правопорядок убеждению и принуждению присущи признаки, свойственные фактором психологическим.

Но в то же время охрана советского правопорядка выходит далеко за пределы борьбы с определенными внутренними процессами. Это борьба с общественно опасными деяниями, борьба за искоренение всяких правонарушений вообще.

Под этим углом зрения убеждение и принуждение выступают и в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок как факторы социальные. Под их воздействием не только изменяется пренебрежительное и вырабатывается коммунистическое отношение к общественному долгу, но вместе с тем возрастает само объективное значение правопорядка как необходимой формы жизнедеятельности советского народа, обеспечивается его неприкосновенность и пресекаются вредные последствия общественно опасных поступков.

При этом необходимо иметь в виду, что подобно тому, как правопорядок входит в советский общественный порядок, охрана правопорядка также неразрывно связана с охраной советского общественного порядка. Борьба с посягательствами на правопорядок направлена, вместе с тем, на укрепление советского общественного порядка.

Для раскрытия механизма охраны советского правопорядка мерами убеждения и принуждения необходимо предварительно исследовать природу посягательств на правопорядок, установить основные признаки, которыми они характеризуются, раскрыть специфику их в ряде других явлений.

Значимость этих вопросов очевидна. Борьба с общественно опасными явлениями невозможна, если неизвестно, против каких деяний она направлена, с кем она ведется, может ли быть достигнут успех в борьбе с общественно опасными явлениями пос-

¹⁴⁴ О. С. Иоффе справедливо указывает в монографии *Ответственность по советскому гражданскому праву*, Л., 1955, стр. 114, что правонарушение «...выражает в себе определенное отрицательное отношение правонарушителя к интересам социалистического общества или отдельного советского гражданина». См. также И. С. Самощенко, *Понятие правонарушения по советскому законодательству*, М., 1963, стр. 22, 141.

редством убеждения и принуждения как факторов социально-психологических?

С этой точки зрения интерес представляют два признака посягательств на советский правопорядок, а именно — их общественная опасность и противоправность, т. е. их противоречие юридическим нормам. Именно потому, что посягательства на советский правопорядок являются деяниями и общественно опасными, и противоправными, к правонарушителям применяются меры ответственности.

Противоправностью деяния определяются пределы ответственности — меры ответственности применимы только к правонарушителям. Но любое посягательство на советский правопорядок, влекущее за собой юридическую ответственность, характеризуется вместе с тем противоречием нормам коммунистической морали. Поэтому ответственность за эти посягательства имеет также глубоко нравственную основу. Вследствие этого, разумеется, в значительной мере повышается эффективность воздействия, оказываемого мерами ответственности на правонарушителя.

При раскрытии природы мер ответственности весьма важно и то обстоятельство, что посягательства на советский правопорядок являются деяниями общественно опасными. С точки зрения исследуемой темы раскрытие содержания общественной опасности имеет значение потому, что целевая направленность мер борьбы с посягательствами на советский правопорядок определяется, между прочим, общественной опасностью правонарушений. Лишь с учетом этой целевой направленности можно ответить на вопрос о практической пригодности мер убеждения и принуждения в этой борьбе. Этим вопросам посвящены следующие главы настоящей работы.

2. При раскрытии понятия посягательства на советский правопорядок сами по себе мыслимы два способа исследования. Можно отправляться от понятия противоправности, а затем рассмотреть вопрос об общественной опасности этих посягательств. Но не исключается и другой путь: от общественной опасности к юридической характеристике посягательств на правопорядок.

В данном случае более правильным представляется идти по второму пути. Объясняется это не тем, что общественная опасность является материальным признаком посягательства на советский правопорядок, признак противоправности раскрывает также социально-политическую сущность этих посягательств,¹⁴⁵ а прежде всего тем, что этот признак в известном смысле родовой. Было бы методологически неправильно говорить о видовых различиях, пока не установлен ближайший род.

¹⁴⁵ См. также И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 91.

Действительно, общественной опасностью обладают не только противоправные деяния. Так, в ст. 11, ч. I УК Эстонской ССР говорится об общественно опасных деяниях невменяемых. Равным образом «Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних Эстонской ССР»¹⁴⁶ в ст. 9 к общественно опасным относит определенные деяния лиц, не подлежащих по своему возрасту уголовной ответственности. Деяния указанных лиц, однако, лишены противоправного характера.¹⁴⁷ Вряд ли можно сомневаться также в том, что значительную общественную опасность могут представлять также некоторые другие деяния, не поддающиеся по своей природе правовому регулированию вообще и, следовательно, не запрещенные юридическими нормами (ряд случаев нарушения требований коммунистической нравственности, партийной дисциплины и пр.).

Термин «общественная опасность» был введен советским уголовным законодательством. На общественную опасность преступлений прямо указывалось еще в 1919 г. в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР». Им пользуется уголовное законодательство и по настоящее время.

При помощи признака общественной опасности в советском уголовном законодательстве характеризуется общественно-политическое значение или, как иногда говорят, материальная сущность преступлений. Уже с первых уголовно-правовых актов советский законодатель прямо указывает на этот признак. В отличие от формальных определений преступления, бытующих в буржуазном уголовном праве, он открыто сказал, что преступление — это деяние, опасное с точки зрения интересов, господствующих при данной социально-политической формации классов. С победой же социализма преступление стало деянием, посягающим на интересы всего советского общества в целом.

Наука советского уголовного права развивалась по намеченному советским законодателем пути. Свою задачу она видела во всестороннем анализе классового содержания преступления. В настоящее время она раскрывает несовместимость преступных посягательств во всех их проявлениях с интересами построения коммунистического общества в нашей стране.

Законодатель воздерживается от признания общественной опасности необходимым признаком всех видов правонарушений вообще. Зато в науке советского права оживленно дискутируется вопрос, является ли общественная опасность признаком одних только преступлений, либо она присуща всем правонарушениям вообще?

¹⁴⁶ «Ведомости Верховного Совета ЭССР», 1962, № 6, ст. 14.

¹⁴⁷ О противоправности можно говорить только применительно к поступкам вменяемых лиц (более подробно см. § 2, п. 3).

Решения, даваемые в советской юридической литературе этому вопросу, носят противоположный характер.¹⁴⁸ В связи с этим в методологическом отношении должно быть отмечено следующее.

Положение о том, что общественная опасность присуща только преступлениям, служит в советской юридической литературе основой для вывода о качественном отличии преступления по самой своей природе от всех иных видов правонарушений. В самом деле термином «общественная опасность» советское уголовное право пользуется для раскрытия классовой сущности и социально-политической направленности преступлений. Как раз в этом состояла историческая функция данного понятия в советском уголовном праве. Но именно с этой точки зрения нет и не может быть качественных различий между отдельными видами правонарушений. Пределы видовых различий отдельных правонарушений мыслимы только в рамках единства их материального существа.¹⁴⁹

И. С. Самошенко полагает, что общественная опасность, присущая преступлениям, представляет собой «... особое качество... внутри единства».¹⁵⁰ Если бы это было так, то напрашивается вывод, что и все остальные виды правонарушений, социальная значимость которых характеризуется специфическими им признаками (меньшая степень общественной опасности их;

¹⁴⁸ Ссылки на относящуюся к данному вопросу литературу см. у И. С. Самошенко в монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 52, примеч. 2 и 3. Позиция О. Э. Лейста в монографии Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 68—69, не совсем ясна. Наряду с общественной опасностью он говорит и об общественной вредности правонарушений, не раскрывая соотношения этих понятий. В монографии О. Э. Лейста нельзя найти четкого ответа и на вопрос, характеризуются ли этими признаками все правонарушения вообще, или же общественная опасность присуща одним видам правонарушений, а общественная вредность — другим. И. С. Самошенко без достаточных оснований утверждает, что признак общественной опасности О. Э. Лейст относит исключительно к преступлениям.

¹⁴⁹ Именно об этом говорилось в нашей статье. О разграничении видов правонарушений и юридических санкций по советскому социалистическому праву, Уч. зап. ТГУ; вып. 61, Тарту, 1959, стр. 154. И. С. Самошенко полагает в монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 62, примеч. 2, что выдвинутое нами в этой статье положение «... верно лишь при условии, что само понятие «качество» берется как равнозначное понятию «классовая сущность», «классовая направленность»». Учитывая генезис и социально-политическую функцию понятия «общественная опасность», такое понимание «качества» в данном случае следует признать обоснованным. Поэтому О. Э. Лейст ошибается в монографии Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 68, примеч. 2, когда утверждает, что указывая на типичную форму общественной вредности, присущей гражданским правонарушениям (этот вред проявляется, прежде всего, в убытках), мы, тем самым, последние, якобы, качественно выделяем из среды всех остальных видов правонарушений.

¹⁵⁰ И. С. Самошенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 62.

объект посягательства, который подвергается опасности; характер вреда, причиненного объекту, и пр.), качественно выделяются в рамках предполагаемого единства. Однако, в таком случае само положение о единстве всех видов правонарушений теряет всякий смысл.

В современных условиях, на достигнутом уровне развития советской правовой науки, однако, ни социально-политическая сущность правонарушений в советском обществе, ни их принципиальная противоположность правонарушениям в буржуазном обществе не представляют собой уже проблемы. Теперь признак общественной опасности правонарушений выполняет и вторую, весьма важную функцию. Посредством этого признака должен быть раскрыт также механизм нарушения общественных отношений, охраняемых советским правом. Именно этому вопросу советские криминалисты стали уделять все больше внимания.¹⁵¹ При таком подходе к проблеме основное значение приобретает вопрос об опасности правонарушений.

Расширение функции понятия общественной опасности при определении понятия правонарушения в советском обществе вполне закономерно. Наука не может пройти мимо него. В. И. Ленин указывал: «...человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения движения понятий, их связи, их взаимопереходов».¹⁵²

Если говорить об общественной опасности деяния, то следует иметь в виду, что это есть категория возможности. С этой точки зрения опасность характеризуется возможностью наступления тех или иных нежелательных последствий. Применительно к уже наступившим последствиям речь по сути дела может идти не об общественной опасности, а об общественной вредности.¹⁵³

В науке советского права иногда утверждают, что общественная опасность является свойством только преступлений, общественную же вредность относят к признакам иных видов правонарушений.¹⁵⁴

¹⁵¹ См., например, В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., 1960; Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий, М., 1958; Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, М., 1960.

¹⁵² В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 249.

¹⁵³ См. также В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., 1960, стр. 99; Костадин Лютов, Содержание понятия «общественной опасности», Вопросы уголовного права стран народной демократии, М., 1963, стр. 221.

¹⁵⁴ См. также нашу статью О разграничении видов правонарушений и юридических санкций по советскому социалистическому праву, Уч. зап. ТГУ, вып. 61, Тарту, 1959, стр. 162—165.

Между тем, если общественную опасность преступления понимать в буквальном смысле как одну лишь возможность наступления вредных последствий, а общественную вредность отнести к характеристике всех остальных видов правонарушений, то получится, что с наступлением вредных последствий преступление превращается в проступок. Тогда следовало бы также признать, что о преступлениях можно говорить лишь применительно к приготовлению и покушению, а с момента наступления, например, смерти потерпевшего, деяние теряет характер преступного и «перерастает» в проступок.¹⁵⁵

В то же время в науке советского права широкое распространение получило мнение, согласно которому отличительным признаком преступлений является их особая общественная опасность, их значительная вредность для общества.¹⁵⁶ Эта точка зрения заслуживает внимания.

Было бы, однако, неправильно усмотреть особую, повышенную общественную опасность преступлений в смысле их специфического качества в том, что они в отличие от всех остальных видов правонарушений направлены против основ существования всего советского общества. Характеристика государственных преступлений не может быть распространена на все преступления вообще.

При раскрытии социальной значимости преступлений важность объекта посягательства (основы советского строя, жизнь человека, социалистическое имущество и т. д.), конечно, занимает одно из ведущих мест; ибо общественная опасность деяния обуславливается прежде всего ценностью объекта посягательства.¹⁵⁷ Данное положение, однако, нельзя понимать в том смысле, что только преступления имеют объектом посягательства советский правопорядок в целом, и потому представляют собой деяния общественно опасные, тогда как все остальные правонарушения посягают на отдельные его стороны, и потому не могут быть отнесены к посягательствам обществен-

¹⁵⁵ См. также Костадин Лютов, Содержание понятия «общественной опасности», Вопросы уголовного права стран народной демократии, М., 1963, стр. 222.

¹⁵⁶ В. Н. Кудрявцев говорит в монографии Объективная сторона преступления, М., 1960, стр. 136, (хотя и с некоторыми оговорками, см. стр. 149, 152, 172 и др.) о таком виде, «который достаточно опасен с точки зрения господствующего класса и потому предусмотрен уголовно-правовой нормой», а И. С. Самощенко в работе Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 60, пишет: «Сама природа преступлений свидетельствует о том, что понятие «общественная опасность», употребляемое законом для характеристики только социальной значимости преступных деяний, обозначает не просто общественную вредность преступлений, а их особую вредность для общества».

¹⁵⁷ См. Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, М., 1960, стр. 21—22.

но опасным.¹⁵⁸ Вряд ли, например, можно утверждать, что нарушение военнообязанным правил воинского учета, совершенное **после применения к виновному мер административного воздействия** за такое же нарушение, посягает на советский правопорядок в целом и, следовательно, является деянием общественно опасным, караемым по ст. 189¹, ч. 2 УК Эстонской ССР, между тем как такое же нарушение, совершенное впервые, посягает лишь на «отдельные стороны правопорядка», а потому общественно опасным характером не обладает и влечет за собой одну только административную (либо общественную) ответственность.

Если исходить из того, что советский правопорядок является общим объектом всех правонарушений, то преступления не отличаются от других видов правонарушений. Все они однородны потому, что посягают на советский правопорядок, а потому являются несовместимыми с интересами советского общества.

При этом следует иметь в виду, что в результате повышения сознательности населения, укрепления нравственных убеждений трудящихся и повышения активности советской общественности пренебрежительное отношение к социалистической законности встречает все более решительный отпор. Советский правопорядок все более укрепляется. Вследствие этого постепенно ограничивается сфера разрушительного, дезорганизующего действия посягательств на общественные отношения, входящие в советский правопорядок. Возможности причинения ущерба правоохраняемым объектам успешно пресекаются.¹⁵⁹ Отсюда с очевидностью вытекает, что в условиях окончательной и полной победы социализма и развернутого строительства коммунизма общественная опасность правонарушений носит иной характер, чем в первой главной фазе развития Советского государства.

Наконец, важнейшим методологическим требованием при решении вопроса об общественной опасности правонарушений является учет того, что эта опасность является объективным свойством деяния. Она отражает собой реально существующие качества посягательств на советский правопорядок и отнюдь не сообщается им по воле и усмотрению законодателя. Не исключена, конечно, возможность, что последний выражает в норма-

¹⁵⁸ См. И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 173. К тому же, эта точка зрения не согласуется со следующими положениями И. С. Самощенко: «...преступления и проступки в принципе имеют один и тот же объект...» (стр. 177); «социалистический правопорядок — общий объект всех видов и разновидностей правонарушений» (стр. 193).

¹⁵⁹ См. также Michael Benjamin und Helmuth Rutsch, Gesellschaftsgefährlichkeit und materieller Begriff der Straftat im Strafrecht der Deutschen Demokratischen Republik, «Staat und Recht», 1963, стр. 1633—1634; И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 84.

тивных актах неправильно действительное положение вещей. Тем не менее, сама общественная опасность не является оценочной категорией.

Бесспорно, однако, и другое. Раскрытие общественной опасности посягательства на советский правопорядок невозможно без тщательного анализа соответствующих законов и положений. При этом не обойтись без исключительных трудностей, являющихся следствием некоторой несогласованности отдельных норм советского уголовного права.

Из ст. 7, ч. 1, а тем более из ст. 1 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» следует, что существуют общественно опасные деяния, не являющиеся преступлениями. Наоборот, в ст. 7, ч. 2 тех же «Основ» сказано прямо, что при отсутствии общественной опасности деяния исключается его преступность и, стало быть, общественная опасность признается специфическим свойством лишь преступлений. Другим видам правонарушений она, якобы, не присуща вообще. Отсюда логичен и дальнейший вывод: преступления и иные виды правоотношений взаимно исключают друг друга. В действительности это положение, однако, верно лишь постольку, поскольку речь идет о преступлениях и проступках. Между тем, состав гражданских правонарушений может быть налицо и тогда, когда в деянии одновременно имеются все признаки также состава преступления.

Выход из этого положения только один. Если ст. 7, ч. 2 названных «Основ» говорит о том, что «не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности», то под общественной опасностью следует в данном случае понимать не общественную опасность вообще, а лишь определенный ее вид, а именно уголовно-правовую, т. е. общественную опасность, присущую преступлениям. С этой точки зрения интерес представляет ст. 4, ч. 2 Уголовного кодекса Федеративной Народной Республики Югославии, которая гласит: «Не является преступлением деяние, которое, хотя и содержит признаки преступления, определенные законом, однако представляет незначительную общественную опасность вследствие незначительности или отсутствия вредных последствий».

3. В советской юридической литературе высказано мнение, что «... различие между понятиями «общественная опасность» и «общественная вредность» носит не принципиальный, а терминологический характер».¹⁶⁰ С этим следует согласиться тем

¹⁶⁰ В. А. Куринов, рецензия на монографию И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, «Советское государство и право», 1964, № 6, стр. 138. См. также рецензию Д. Керимова и Л. Явича на эту же книгу, «Социалистическая законность», 1964, № 4, стр. 96.

более, что определенная условность присуща любым терминам вообще.¹⁶¹ Но это вовсе не означает, что может быть снят вопрос о механизме отрицательного, вредного, опасного воздействия, оказываемого противоправным посягательством на правоохраняемый объект, а также о тех изменениях, которые последний при этом претерпевает. Ведь наиболее отчетливое выражение общественной опасности правонарушения находит именно в направленности деяния на объект.¹⁶²

Непосредственным объектом правонарушений являются конкретные правоохраняемые общественные отношения,¹⁶³ а подчас группы этих отношений. Выделение из числа последних отдельного конкретного отношения в качестве непосредственного объекта данного правонарушения вряд ли всегда возможно. Так, например, непосредственным объектом спекуляции (ст. 152 и 153 УК Эстонской ССР) является порядок распределения через торговую сеть товаров потребления и иных предметов,¹⁶⁴ установить же отдельные отношения между торговыми предприятиями и конкретными физическими или юридическими лицами, нарушенные спекулятивными действиями, — задача непосильная. Наоборот, при нарушении, например, договорных обязательств непосредственным объектом посягатель-

¹⁶¹ С этой точки зрения не может быть принципиальных возражений против введения терминов «общественная вредность» или «антиобщественность». Следует лишь учесть, что термин «антиобщественность», быть может, недостаточно понятен для населения, а термин «общественная вредность» может натолкнуть практику на мысль о необходимости установить в каждом отдельном случае наличие внешнего результата. Поэтому мы в дальнейшем пользуемся термином «общественная опасность». При этом мы имеем в виду, что общественная опасность и общественная вредность — это понятия одного порядка и, как будет показано ниже, могут быть совмещены. Учитывая условность термина «общественная опасность», мы обозначаем им не только наличный вред, причиненный противоправным посягательством, но и опасность причинения вреда в дальнейшем. См. также ниже, стр. 93.

¹⁶² Об этом хорошо сказано в монографии Б. С. Никифорова *Объект преступления по советскому уголовному праву*, М., 1960, стр. 138. Он пишет: «...общественная опасность действия получает наиболее отчетливое и «концентрированное» выражение в том, что оно — это действие — причиняет существенный ущерб или создает опасность причинения такого ущерба охраняемому нормой уголовного закона общественному отношению, которое ввиду этого становится возможным объектом преступления». Под углом зрения результата, который объект претерпевает вследствие противоправного посягательства, рассматривает сущность гражданского правонарушения Г. К. Матвеев в монографии *Вина в советском гражданском праве*, Киев, 1955, стр. 36.

¹⁶³ Было бы неверно отнести к непосредственным объектам посягательств на правопорядок одни только правоотношения. Нормы права реализуются как в правоотношениях, так и в других общественных отношениях, признанных действующим правом необходимой формой жизнедеятельности людей (см. также гл. 1, § 1, п. 5).

¹⁶⁴ См. Советское уголовное право, часть Особенная, М., 1962, стр. 249.

ства является вполне конкретное отношение между сторонами по договору.¹⁶⁵

В результате противоправных посягательств правоохраняемые общественные отношения подвергаются определенным изменениям. Наиболее глубокие они в тех случаях, когда посягательство имеет своим последствием прерывание самого общественного отношения или потому, что оно поражает жизнь участников общественных отношений, или потому, что правонарушитель сам себя исключает из данного общественного отношения и тем самым это отношение фактически прекращается (например, в случае дезертирства отношения военной службы фактически прерываются).

Изменения, происходящие в общественных отношениях в результате противоправных посягательств, могут заключаться и в том, что общественное отношение приводится в латентное состояние. Это имеет место во всех тех случаях, когда лицо отказывается от выполнения своих правовых обязанностей, в результате чего общественная необходимость не превращается в действительность, т. е. общественное отношение не оказывается формой фактического поведения людей. Оно не реализуется. Но такая ситуация, при которой общественное отношение приводится в латентное состояние, возникает и во всех тех случаях, когда деяния, являющиеся содержанием общественного отношения, в результате правонарушения не могут быть совершены вообще либо совершение их затруднено (например, в случае сопротивления представителю власти или лишения участников общественных отношений фактической возможности пользоваться правами, гарантированными им Советским государством). Подобное положение создается и тогда, когда посягательство поражает материальные предметы (например, в случае кражи, уничтожения имущества и пр.), в которых соответствующие общественные отношения олицетворяются.¹⁶⁶

В итоге можно сказать, что в результате посягательства данное общественное отношение как необходимая форма фактического поведения в той или иной мере лишается своих специфических качеств. Оно в той или иной мере парализовано, а порой

¹⁶⁵ Общественные отношения могут быть поражены как участниками этих отношений (например, в случае невыполнения обязательства по договору), так и другими лицами. В связи с этим принято проводить различие между посягательствами на общественные отношения «изнутри» и «извне». Впервые на это обратил внимание В. Н. Кудрявцев в статье К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления, «Советское государство и право», 1951, № 8, стр. 53.

¹⁶⁶ Более подробное рассмотрение механизма нарушения общественных отношений выходит за рамки общей теории права и требует специальных исследований в области отдельных правовых дисциплин. Применительно к советскому уголовному праву этот вопрос обстоятельно разработан В. Н. Кудрявцевым в монографии Объективная сторона преступления, М., 1960, гл. III.

прерывается вообще. С этой точки зрения любое правонарушение представляет собой деяние общественно вредное.

В советской юридической литературе В. Н. Кудрявцевым высказано мнение о том, что обязательным элементом любого преступления является нарушение правовой оболочки общественных отношений.¹⁶⁷ С этим следует не только согласиться, но и распространить это положение на все правонарушения вообще. Действительно, правонарушение всегда ломает ту юридическую оболочку, за пределами которой поведение человека не может рассматриваться как реализация правовой необходимости. В этом состоит также общественная вредность правонарушений. Иногда ущерб, причиненный непосредственному объекту посягательства, по сути дела даже исчерпывается нарушением одной только этой оболочки. Как правило, это бывает так в случае приготовления к преступлению.¹⁶⁸

В. Н. Кудрявцев полагает, вместе с тем, что нарушение правовой оболочки — элемент не главный и не определяющий.¹⁶⁹ И это утверждение в принципе не вызывает возражений, ибо на основании этого признака, как правило, нельзя судить о степени общественной вредности данного правонарушения. Из положения о том, что правонарушение затрудняет правильное функционирование советских общественных отношений,¹⁷⁰ можно делать лишь вывод об общественной вредности этого правонарушения вообще.

Например, дезертирство (ст. 222 УК Эстонской ССР), которое заключается в фактическом прерывании отношений военной службы, значительно уступает по своей общественной значимости преступлениям, предусмотренным ст. 75¹ УК Эстонской ССР и состоящим в действиях, лишь дезорганизующих и работу исправительно-трудовых учреждений. Как правило, размер затруднений, создаваемый нормальному функционированию общественных отношений, сам по себе не может служить основанием для сравнения общественной значимости двух различных по составу правонарушений.

Решающее значение при определении общественной значимости правонарушения имеет ценность самого общественного отношения как объекта посягательства. Ценность объекта зависит от ряда обстоятельств.

Ф. Энгельс писал, что «экономические отношения каждого

¹⁶⁷ См. В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., 1960, стр. 146, 149.

¹⁶⁸ Приготовление к иным видам правонарушений; а также покушение на них по советскому праву не наказуемо.

¹⁶⁹ См. В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., 1960, стр. 149—150.

¹⁷⁰ См. Б. С. Никитинов, Объект преступления по советскому уголовному праву, М., 1960, стр. 113.

данного общества проявляются прежде всего как интересы». ¹⁷¹ Это положение применимо и к другим общественным отношениям. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс в общей форме говорили, что в рамках процесса развития личных интересов в классовые интересы, в общие интересы, «... личные интересы приобретают самостоятельное существование в качестве классовых интересов, личное поведение индивида неизбежно претерпевает овеществление, отчуждение, и одновременно существует как не зависящая от него, созданная общением сила, превращаясь в общественные отношения». ¹⁷²

Именно на основе правоохраняемых интересов, которые закреплены в общественных отношениях, ¹⁷³ можно судить о значимости самих общественных отношений в жизнедеятельности советского общества. Отсюда вытекает, что и общественная вредность различных правонарушений определяется тем, какое значение в жизни советского общества имеют правоохраняемые, закрепляемые в общественных отношениях интересы, и насколько существенный ущерб им причиняется. Этот вывод подтверждается, например, текстом ряда статей уголовных кодексов союзных республик (ст. 161, ч. 1, 162 и 188 УК Эстонской ССР и соответствующие статьи УК других союзных республик), которые к признакам состава преступления относят причинение существенного вреда «государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан».

Удовлетворение правоохраняемых интересов имеет определенные материальные и иные предпосылки, более или менее тесно с ними связанные. В основе интересов лежат материальные, политические, моральные и иные ценности и блага, которые олицетворяют общественные отношения и охраняются нормами советского права. ¹⁷⁴ Правонарушение посягает и на эти общественные ценности и блага: внешнюю безопасность Советского государства, мир, дружбу народов, производительные силы общества, честь и достоинство граждан и пр. От значения в жизни советского общества этих правоохраняемых ценностей и благ и, вместе с тем, от существенности причиняемого им ущерба зависит также общественная опасность правонарушений.

Иногда общественная вредность конкретных правонарушений находит воплощение в предметах внешнего мира или в ущербе, причиненном личности потерпевшего, короче — во

¹⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 18, стр. 271.

¹⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 234.

¹⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс говорят (см. Сочинения, т. 3, стр. 249) о «затвердении интересов благодаря разделению труда и классовым отношениям».

¹⁷⁴ См. И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 120.

внешнем результате правонарушений, который порой весьма четко отличается от самого акта поведения правонарушителя.

Внешний результат противоправного посягательства является наиболее наглядным свидетельством вредности правонарушения. Этот результат может быть установлен точно, нередко он поддается измерению.¹⁷⁵ Но этим ущербом общественная вредность правонарушений далеко не исчерпывается. В этом нетрудно убедиться на примере ст. 182 УК Эстонской ССР, согласно которой преступлением является сопротивление представителю власти или представителю общественности, охраняющим общественный порядок, при исполнении ими должностного или общественного долга, сопряженное с насилием над личностью. Внешним результатом этого преступления является вред, причиненный здоровью представителя власти или общественности. Общественная же вредность, этого преступления зависит прежде всего от ущерба, нанесенного порядку управления нарушением нормальной деятельности¹⁷⁶ органов власти либо общественных организаций и их представителей, выполняющих обязанности по охране общественного порядка.

Раскрытие материальной сущности правонарушения только путем указания на внешний результат будет неправильным и потому, что в таком случае признаки, характеризующие субъект и субъективную сторону, место и время, а также способ и обстановку совершения правонарушения, не будут в достаточной мере учтены. С точки зрения характеристики внешнего результата эти признаки имеют второстепенное значение. Между тем, они не могут быть упущены из виду при определении значимости правонарушения.

Наличие внешнего результата вовсе не является элементом состава любого правонарушения. За редкими исключениями,¹⁷⁷ этот результат (убытки) необходим лишь для наличия состава гражданских правонарушений. Он не есть обязательный признак многих преступлений. Как правило, он отсутствует в случае совершения административных и дисциплинарных проступков.¹⁷⁸

¹⁷⁵ А. Н. Трайнин обратил на это внимание еще в монографии Учение о составе преступления, М., 1946, стр. 83.

¹⁷⁶ Весьма условно можно говорить о том, что нарушение этой деятельности есть внешний результат преступления. Такое нарушение, однако, вызывает определенные последствия: вред порядку управления. Впрочем, этот вред не носит материального характера, он не поддается измерению.

¹⁷⁷ Сюда относятся, в частности, случаи нарушения личных (нематериальных) прав граждан.

¹⁷⁸ Нередко преступление представляет собой по сути дела квалифицированный вид других правонарушений. Так, например, нарушение норм, регулирующих служебную деятельность должностных лиц, всегда представляет собой противоправное деяние. Оно влечет за собой дисциплинарную (в виде исключения также административную) ответственность или ответственность в общественном порядке. Но коль скоро причинен суще-

Вместе с тем в нормативных актах нередко указывается, что данный вид ответственности (в частности, уголовная ответственность) наступает при наличии одной только опасности внешнего, вредного результата.

Опасность внешнего результата может быть абстрактной. В таком случае нецелесообразно указывать в нормативном акте на эту абстрактную опасность как на признак данного правонарушения. Органы, применяющие норму права, сталкивались бы с непреодолимыми трудностями, если на них возлагалось бы установление в каждом отдельном случае наличия абстрактной опасности наступления вредного результата. Само то обстоятельство, что в нормах права предусмотрена ответственность за данное деяние, может служить доказательством наличия этой абстрактной опасности. Очевидно, что ввиду именно подобной опасности установлена уголовная ответственность, например, за незаконное приобретение, изготовление, хранение или сбыт огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ (ст. 207 УК Эстонской ССР).

В других случаях опасность наступления внешнего последствия конкретна и должна быть установлена в каждом случае отдельно. При этом создание одной только возможности наступления внешнего последствия не следует смешивать с наличием самого внешнего последствия правонарушения. В связи с этим В. Н. Кудрявцев писал: «Будучи промежуточным этапом между совершением преступного действия (бездействия) и фактическим преступным последствием, возможность наступления вреда есть предусмотренное уголовно-правовой нормой изменение окружающих условий, изменение конкретной обстановки, в которой совершается преступление, причем такое изменение, которое в свою очередь влечет или может повлечь фактический вред объекту преступления».¹⁷⁹ Именно это имеется в виду в ст. 135, ч. 1 и ст. 206, ч. 1 УК Эстонской ССР, в которых говорится о нарушении, которое «...создавало угрозу для жизни или здоровья человека».¹⁸⁰

ственный ущерб, наличие состав уголовного преступления. Во всех этих случаях, однако, нарушается одна и та же норма права, которой регулируется служебная деятельность должностных лиц.

С другой стороны, вполне возможно, что преступление не представляет собой квалифицированного вида других правонарушений даже в случае наступления тяжких последствий. При наличии правовой нормы, изложенной примерно так: «запрещается под страхом уголовного наказания уничтожение или существенное повреждение собственного ценного имущества», отсутствие крупного материального ущерба исключает состав не только преступления, но и любого правонарушения вообще.

¹⁷⁹ В. Н. Кудрявцев, *Объективная сторона преступления*, М., 1960, стр. 174.

¹⁸⁰ Этим редакция УК Эстонской ССР выгодно отличается, например, от ст. 140, ч. 1 УК РСФСР, в которой просто говорится о нарушении, которое «...могло повлечь за собой несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия».

Наряду с посягательствами, причинившими вредные последствия либо создавшими конкретную опасность их наступления, имеются правонарушения, совершение которых не сопровождается даже возможностью внешнего результата (например, нарушение правил положения о паспортах, спекуляция и пр.). Поэтому, несмотря на всю важность внешнего последствия противоправного посягательства при раскрытии общественно-политической сущности данного посягательства, этот критерий не исключает противоречащих друг другу выводов. Правонарушение может быть охарактеризовано и как деяние общественно вредное, и как деяние общественно опасное, и как деяние, которому ни общественная опасность, ни общественная вредность не присущи вообще.

Итак, указание на внешний результат является недостаточным для раскрытия общественной значимости противоправных посягательств. Следует иметь в виду, что правонарушения наносят непременно также нематериальный вред, причиненный правоохраняемым интересам в сфере политической, моральной и т. д. Только поверхностное созерцание, которое отвлекается от сущности явлений и акцентирует внимание исключительно на проявлении вреда в предметах внешнего мира, может пройти мимо этого нематериального вреда, причиненного совершением любого правонарушения вообще.

Пока речь идет о внешнем результате правонарушения, этот результат локализуется в предметах, которые претерпели те или иные изменения, а сами эти предметы рассматриваются в значительной мере изолированно от других предметов и явлений. Коль скоро, однако, ставить вопрос и о нематериальном ущербе, причиненном правонарушением, то такой способ исследования должен быть отброшен.

Правоохраняемые общественные отношения не стоят отдельно. Они взаимосвязаны и образуют сложную систему. Такую систему представляет собой и советский правопорядок — совокупность общественных отношений, в которых советское право воплощается в жизнь. Посредством посягательств на отдельные общественные отношения ущерб причиняется также их определенным группам (родовой объект посягательства), а вместе с тем и советскому правопорядку в целом (общий объект посягательства). Вследствие этого в орбите посягательств оказывается вся система правоохраняемых общественных отношений вообще.

Лицо, посягающее на советский правопорядок, т. е. на необходимую форму жизнедеятельности людей, нарушает свой долг как участник этих отношений; вносит дезорганизацию в систему этих отношений, мешает достижению целей юридического регулирования. Оно подрывает устойчивость советских общественных отношений, противопоставляет произвол порядку.

Правонарушитель затрудняет творческую работу Советского государства, препятствует экономическому и культурному росту нашего общества; не приносит пользу, а прямым образом вредит ему. Совершение правонарушений противодействует осуществлению принципов коммунизма, тормозит создание материальной базы коммунизма, мешает развитию общественных отношений в соответствии с их социальным назначением в период развернутого строительства коммунизма.

Совершение правонарушений тормозит творческую инициативу и активность также советских граждан, мешает их спокойному, созидательному труду, подрывает уверенность в обеспеченности правоохраняемых интересов и безопасность советских граждан. С совершением правонарушений в жизнь советского общества вступает разлагающий, порожденный капиталистическим миром элемент.

В. И. Ленин указывал: «Да, рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества. И когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносится вон. Когда гибнет старое общество, труп его нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниет и заражает (Разрядка наша — И. Р.) нас самих».¹⁸¹ Об этих элементах разложения старого общества В. И. Ленин упоминает и в произведении «Очередные задачи Советской власти».¹⁸² В статье «Как организовать соревнование?» В. И. Ленин писал о пережитках проклятого капиталистического общества, об отбросах человечества, безнадежно гнилых и омертвевших, о заразе, чуме, язве, оставленных по наследству от капитализма.¹⁸³

Посягательства на правопорядок оказывают разлагающее воздействие на сознание неустойчивых членов общества, особенно среди молодежи, еще незакаленной жизненным опытом. Распространенность правонарушений вызывает нередко стремления к раздражению и активизирует действие обстоятельств, способствующих совершению правонарушений. Если правонарушения совершаются часто, то подрывается чувство неприкосновенности правопорядка. Это содействует безразличному, а порой пренебрежительному отношению к нему и может повлечь за собой некоторое снижение значения правопорядка в сознании людей.

Раскрытие всех неблагоприятных для общества последствий правонарушений свидетельствует о серьезной общественной опасности их в сфере нематериальных благ и ценностей. Вред, причиненный ими, может нарасти и после совершения правонарушений и наступления внешнего резуль-

¹⁸¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 397.

¹⁸² См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 234.

¹⁸³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 371.

тата. Дезорганизация порядка общественных отношений может привести к дальнейшим неполадкам и затруднениям. Может продолжаться также разлагающее воздействие на сознание людей, если государство и общество не противопоставят этому энергичные меры.¹⁸⁴

Отсюда закономерен вывод, что посягательства на правопорядок характеризуются не только общественной вредностью, но представляют собой также общественную опасность в буквальном смысле. С этой точки зрения показательно, что в ст. 7, ч. 1 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» на общественную опасность преступлений указывается именно в связи с посягательствами на советский правопорядок. Превращение этой опасности в фактический ущерб происходит в значительной мере уже после доведения правонарушения до конца.

Раскрытие механизма отрицательного воздействия посягательств на советский правопорядок никоим образом не убеждает в необходимости отказа от термина «общественная опасность» правонарушения. Этот термин не только имеет прочные исторические корни, но позволяет и дифференцированно подходить к различным правонарушениям с учетом того, что серьезность и характер этой опасности зависят от таких обстоятельств, как конкретные условия места и времени, антиобщественные мотивы и цели правонарушителя и пр. Но общественную опасность представляет и сам правонарушитель (возможность рецидива).

§ 2. Противоправный характер посягательств на правопорядок

1. Деяние является правомерным, если оно не противоречит норме права. При несоблюдении этой нормы оно признается противоправным.

Деяние не может быть признано противоправным, пока не установлено, какой именно норме права оно противоречит, какие правила поведения нарушены. Поэтому вопросу о противоправности всегда предшествует вопрос о самой норме права, которая должна быть соблюдена.

Вопрос о противоправности деяния иногда усложняется. Правила поведения не всегда четко, а порой вообще не излагаются законодателем. Часто наличие их предполагается. В этих случаях о них судят, например, на том основании, что в юридических нормативных актах описаны составы деяний, влекущих за собой юридическую ответственность. Эти деяния признаются противоправными, а совершение их — нарушением нормы права. Запрещенность этих деяний презумируется.

¹⁸⁴ См. также Костадин Лютов, Содержание понятия «общественная опасность», Вопросы уголовного права стран народной демократии, М., 1963, стр. 225.

Законодатель вообще сравнительно редко предъявляет гражданам свои требования в словесной форме запретов. И все же они встречаются. Примером могут служить некоторые обязательные решения местных Советов, в частности по вопросам охраны общественного порядка, а также постановления и инструкции административных органов, изданные в пределах их компетенции, и пр.

Практика нормотворческой деятельности Советского государства идет, по-видимому, по пути постепенного отказа от прямо выраженных запретов (см. также гл. 1, § 1, п. 4). Советское государство по возможности воздерживается также от предъявления своих требований гражданам в словесной форме приказов. Оно апеллирует к правосознанию граждан и имеет в виду, что в основу юридических правил поведения легли принципы коммунистической нравственности, являющиеся собственными убеждениями громадного большинства граждан. Этими принципами члены советского общества руководствуются и без запретов и приказов. С этой точки зрения нелегко было бы включение в состав советского права предписаний, изложенных примерно в такой форме: «убийство запрещается», «не кради» и пр. Во всяком случае приказ, прямо выраженный в нормативном акте, не является типичной формой регулирования поведения людей в советском обществе, строящем коммунизм.

И тем не менее, как правило, нормативные акты изложены достаточно четко, и относительно существования тех или иных правовых норм не возникает сомнений. В большинстве случаев можно сравнительно легко установить, была ли нарушена норма права, какая именно, и где она изложена. Не подлежит, например, сомнению, что если наймодатель не предоставит нанимателю имущества в состоянии, соответствующем условиям договора и назначению имущества, то он нарушит норму, изложенную в ст. 53, ч. 2 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик». Порой, однако, при этом возникают значительные трудности. Они связаны, прежде всего, с тем, что найти нормативный акт, в котором правовая норма содержится, задача порой сложная.

Согласно ст. 49, ч. 1 тех же «Основ» продукция должна поставаться комплектно, в соответствии с требованиями государственных стандартов, технических условий или преискурантов. В случае нарушения этого, прямо выраженного требования наступают гражданско-правовые последствия, предусмотренные этой же статьей тех же «Основ». Одновременно и в уголовном законе содержатся определенные правила на этот счет. Неоднократный выпуск или выпуск в крупном размере из промышленного предприятия некомплектной или недоброкачественной продукции должностными лицами, на которых возложена ответственность за выпуск доброкачественной и комплектной про-

дукции, наказывается по ст. 147 УК Эстонской ССР. Наконец, вопросы выпуска комплектной и качественной продукции регулируются и в основных условиях поставки продукции, а также в должностных и ведомственных инструкциях. Сколько же в данном случае юридических норм? Если их несколько, то какую из них следует признать в данном случае нарушенной? Если же имеется только одна норма, то каково ее содержание и в каком акте она изложена?

Последний вопрос возникает, в частности, в тех случаях, когда правило поведения в нормативном акте прямо вообще не сформулировано и лишь предполагается, между тем как ответственность за данное деяние предусматривается различными от-раслями советского права.

Так, в советских нормативных актах нет прямо выраженного запрета причинить ущерб личности или имуществу граждани-на,¹⁸⁵ хотя подобные деяния влекут за собой применение мер от-ветственности согласно нормам советского уголовного и граж-данского права.

Как известно, по уголовным кодексам союзных республик причинение легкого телесного повреждения по неосторожности само по себе не наказуемо. Отнюдь не всегда нанесение такого телесного повреждения связано также с причинением гражда-нину материального ущерба, подлежащего возысканию на осно-вании норм советского гражданского права. Запрещено ли нор-мами советского права причинение легких телесных поврежде-ний вообще? Или запрещается только умышленное причинение этих повреждений, а нанесение их по неосторожности — лишь постольку, поскольку ими причиняется материальный ущерб?¹⁸⁶

Очевидно, что утвердительный ответ на последний вопрос должен быть исключен. Сама постановка вопроса о юридиче-ской обязательности запрета в зависимости от того, при какой форме вины лицо нарушает этот запрет, содержит в себе непрео-долимое противоречие. Правило поведения либо существует, либо его нет. Если его нет, то оно не может быть нарушено. Вопрос о вине возникает лишь впоследствии, при нарушении уже действующих норм, уже существующих запретов и оп-ределении ответственности за их нарушение. Если обязатель-ность запрета была бы обусловлена формой вины при его нару-шении, то следовало бы полагать, что правило поведения обре-тает качество юридической нормы лишь в момент его нарушения

¹⁸⁵ На отсутствие подобной гражданско-правовой нормы указывает В. А. Рахмилович в статье О противоправности как основании граждан-ской ответственности, «Советское государство и право», 1964, № 3, стр. 54.

¹⁸⁶ В. А. Рахмилович утверждает в статье О противоправности как основании гражданской ответственности, «Советское государство и право», 1964, № 3, стр. 54, что «причинение ... имущественного вреда не порождает гражданской ответственности, если только поведение причинителя вреда не нарушает конкретных норм поведения».

и в связи с ним. Очевидно, что подобная «норма» вообще лишена регулирующего воздействия.

Поэтому глубоко ошибочно выводить содержание правовой нормы непосредственно из описанного в законе отдельного правонарушения¹⁸⁷ и усматривать в юридических правилах поведения обратную сторону состава. Ряд признаков состава не имеет прямого отношения к содержанию нормы права вообще. Таковы, в частности, признаки, в зависимости от наличия которых дифференцируется ответственность за данный вид деяния: форма вины, как правило, также место и способ совершения противоправного деяния, последствия его и пр. На основе этих признаков о содержании самих правил поведения судить нельзя. Правовая норма не является обратной стороной состава правонарушений.

Даже обобщение признаков всех составов данного вида правонарушения — убийства, нанесения телесных повреждений, уничтожения имущества и пр. — независимо от того, установлена ли ответственность за данное деяние нормативными актами одной или различных отраслей советского права, может служить основанием лишь для индуктивного умозаключения о наличии правовой нормы, которая в данном случае не соблюдена. Такое заключение основывается на том факте, что юридическая ответственность наступает не иначе, как при противоправности деяния. Противоправным же деяние может быть признано только в случае нарушения действующей до нарушения нормы пра-

¹⁸⁷ В. А. Рахмилович справедливо отмечает в статье О противоправности как основании гражданской ответственности, «Советское государство и право», 1964, № 3, стр. 54—55: «... для возникновения ответственности требуется еще действительная противоправность, нарушение нормы права, лежащей за пределами ... ст. 88 Основ» (имеются в виду «Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик»), т. е. за пределами описанного в законе состава правонарушений. И. С. Самощенко допускает в монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, отождествление противоправности и состава. Он исходит из того, что деяние противоправно, «если оно правом запрещено» (стр. 76). Запрещена может быть и субъективная сторона поступка (стр. 90), т. е. вина. Запрещенность деяния правом есть, в принципе, соответствие этого деяния составу правонарушения (стр. 97). Не случайно, что при такой конструкции И. С. Самощенко на вопросе о составе правонарушения не останавливается, хотя противоправность и состав — это разные понятия, имеющие различные функции (см. ниже, п. 3). Но дело не только в этом. Если наличием того или иного состава определяется вид и мера ответственности за правонарушение, то прежде всего должна быть установлена противоправность деяния — несоответствие его виду должного поведения. Кроме того, нельзя ставить вопроса о виновном нарушении правового запрета, пока не установлено, что сама норма права не была соблюдена (а возможность невинного нарушения правового запрета И. С. Самощенко допускает), не говоря о том, что вряд ли вообще возможно запретить в законодательном порядке вину. Мысли, желания и предвидения человека правовому регулированию не поддаются. См. также гл. I, § 1, п. 4 — критический разбор суждений, высказанных О. Э. Лейстом по вопросу о структуре нормы права.

ва. При таком суждении предполагается наличие определенной нормы, нарушенной данным деянием. Ни содержания, ни пределов действия этой нормы отсюда вывести нельзя. Напрасна была бы попытка отнести эту норму даже в определенную область права.

О. Э. Лейст обратил внимание на то, что государственные принудительные санкции устанавливаются для того, «чтобы... придать определенному правилу поведения (выраженному в диспозиции) властный, авторитарный характер, характер юридической (а не иной) обязанности», которую он понимает как общественную необходимость определенного поведения.¹⁸⁸ Заслуга О. Э. Лейста состоит в том, что он обратил внимание на значение категории юридической обязанности в правовом механизме. Отправляясь от понятия юридической обязанности, можно было бы утверждать, что противоправный характер деяния заключается в нарушении этой обязанности. Следует, однако, идти дальше.

В период развернутого строительства коммунизма, когда значение моральных факторов значительно возрастает, постоянно складываются определенные общеобязательные правила поведения. Эти т. н. нормы общественного поведения, главным образом, нормы нравственности постепенно закрепляются также всей системой советского права независимо от того, выражены они или нет в диспозиции одной, отдельно взятой нормы права.

Вполне возможно, что юридически закрепляются не отдельно взятые правила общественного поведения, а наиболее общие нормативные принципы, в частности, нравственные принципы, изложенные в моральном кодексе строителя коммунизма. Нередко закрепляется также ряд отдельных норм морали в их обобщении. Это — явление в высшей мере показательное потому, что регулирование поведения людей посредством нормативных принципов есть одна из особенностей не права, а морали.

В то же время в сфере нравственности отмечаются процессы обратного порядка. В коллективах трудящихся (общественных организациях, бригадах коммунистического труда и пр.) возникают определенные, детализированные правила поведения, основанные на требованиях морального кодекса строителя коммунизма и конкретизирующие его нравственные принципы,¹⁸⁹ тогда как наличие таких правил поведения признается отличительной чертой не морали, а правового регулирования.

Правовое закрепление принципов общественного поведения,

¹⁸⁸ См. О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 47—50.

¹⁸⁹ См. также Л. А. Андреев, Изменение соотношения морали и права в процессе перехода к коммунизму. Вопросы марксистско-ленинской этики, М., 1962, стр. 37—40.

не складывающихся в сфере юридического нормотворчества, достигается различными способами. Некоторые из этих принципов находят свое выражение в конституции, другие же в отдельных законодательных актах. Нередко эти принципы «реципируются» правом посредством установления юридической ответственности за их нарушение. Как правило, указанные принципы конкретизируются законодателем применительно к отдельным видам поведения в диспозициях юридических норм, предусматривающих права и обязанности участников юридических отношений.¹⁹⁰

Принципы общественного поведения, имеющие всеобщее значение, складываются и в самом советском общенародном праве. Наряду с более или менее детальными правилами поведения в состав советского права входят также эти общие нормативные принципы. Нередко последние прямо изложены в юридических нормативных актах. В других же случаях они могут быть установлены путем анализа и обобщения различных источников советского права. Требования, предъявляемые этими принципами, были отнесены выше к особому виду юридических норм (гл. I, § 1, п. 4).

Нормативные принципы советского права предъявляют гражданам гораздо более общие требования, нежели отдельно взятые юридические нормы. Именно потому противоправны любые посягательства на жизнь, здоровье, достоинство, а также

¹⁹⁰ С этой точки зрения интерес может представлять юридическое закрепление и конкретизация принципа морального кодекса строителя коммунизма: кто не работает, тот не ест. В общей форме этот принцип закреплен в ст. 12 Конституции Союза ССР, а также в конституциях союзных и автономных республик. Лица, которые своей особо выдающейся новаторской деятельностью проявили исключительные заслуги перед государством, присваивается звание Героя Социалистического Труда («Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1938, № 23). Установлены также другие награды и поощрения за доблестный и самоотверженный труд. Школа должна воспитывать любовь к труду и готовность к общественно полезной деятельности («Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1959, № 1, ст. 5). Вместе с тем этот принцип все более детально конкретизируется в нормах различных отраслей советского права. В законодательных актах последних лет это нашло выражение, в частности, в следующем. В союзных республиках приняты законы об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами («Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР», 1961, № 23, ст. 74); изданы нормативные акты, предусматривающие безвозмездное изъятие домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных гражданами на нетрудовые доходы («Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР», 1962, № 38, ст. 133, и ст. 114 ГК Эстонской ССР), а также автомашин, приобретенных таким же путем («Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР», 1964, № 23, ст. 104); установлена уголовная ответственность за скормливание скоту и птице хлебобулочных продуктов («Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР», 1963, № 28, ст. 108), за маклерство («Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР», 1962, № 44, ст. 159) и тому подобные деяния; предусмотрена конфискация имущества, добытого преступным путем (ст. 33 УК Эстонской ССР); установлено, что имущество, находящееся в личной собственности граждан, не может быть использовано для извлечения нетрудовых доходов (ст. 109 ГК Эстонской ССР) и т. д. и т. п.

на имущество граждан. Подобные посягательства запрещены нормами советского права, а поэтому являются противоправными.

В настоящее время, однако, нормативный характер права нельзя свести к одной только запретительной его функции. Законодательные акты указывают вместе с тем, что граждане должны честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития (ст. 130 Конституции Союза ССР). В ст. 5 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» сказано, что при осуществлении прав и исполнении обязанностей граждане должны уважать правила общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм. Нередко весьма яркое выражение находит положительное содержание советского права и в других нормативных актах. Показательно, что главным содержанием морального кодекса строителя коммунизма являются также нормы позитивные, говорящие о преданности делу коммунизма, о любви к Родине, о высоком сознании общественного долга.

В рассматриваемых случаях советское право дает лишь общее направление поведению граждан, предоставляя выбор между отдельными видами поведения им самим. При этом оно исходит из того, что граждане сознают требования общественного долга, а соблюдение основных, несложных правил коммунистического общежития уже превратилось во внутреннюю потребность для большинства из них. В то же время моральный кодекс строителя коммунизма, в котором изложены основополагающие принципы общественного поведения, придает поступкам людей тоже лишь общее направление.¹⁹¹

В рассматриваемых случаях о невыполнении юридических обязанностей и нарушении правовых запретов говорить нельзя. Равным образом нельзя об этом говорить, когда правовое регулирование осуществляется путем признания общественной полезности определенных видов поведения людей. Это надо иметь в виду при выборе наиболее целесообразных форм воздействия в отношении лиц, поведение которых регулируется таким путем. Этим определяется, в частности, роль общественности при обеспечении соблюдения таких принципов, а вместе с тем, этим обусловлено расширение сферы убеждения в деле борьбы с их нарушениями.¹⁹²

Но и в тех случаях, когда нарушаются правила поведения,

¹⁹¹ Весьма удачно говорит Т. В. Холостова в статье Мораль как предмет этических исследований, Вестн. ЛГУ, 1962, № 5, стр. 107, о том, что «... по существу каждый моральный поступок есть творческое решение личности».

¹⁹² Однако, нарушение этих принципов влечет за собой юридическую ответственность лишь при условии, что предусмотрены соответствующие составы правонарушений.

являющиеся диспозицией отдельно взятых юридических норм, нельзя ограничиться указанием на противоправный характер этих нарушений.¹⁹³

Советский правопорядок входит в советский общественный порядок, который складывается как результат претворения в целом в жизнь всех видов норм поведения советского общества. Именно на этой более высокой ступени научного обобщения должна быть раскрыта антинормативная природа вышеуказанных деяний. Основой для постановки на этом более высоком уровне научного обобщения вопроса о природе деяний, идущих в разрез с юридическими правилами поведения, служит сближение в условиях развернутого строительства коммунизма всех видов норм общественного поведения и, в частности, постепенное сглаживание различий между нормами права и морали, процесс перерастания первых в последние.¹⁹⁴

2. Соблюдение норм общественного поведения есть долг каждого гражданина. Действия, идущие в разрез с нормами поведения, представляют собой нарушение долга.

Правовая обязанность — это вид долга. Поэтому любое невыполнение правовых обязанностей представляет собой также нарушение долга.

Категория долга имеет нормативное значение.¹⁹⁵ Она указывает на виды общественно необходимого поведения. Посредством ее устанавливается, как должен человек себя вести в советском обществе.

Понятие долга принадлежит области марксистско-ленинской

¹⁹³ В ряде случаев в нормативных актах, безусловно, необходимо подробное изложение отдельных правил поведения. Порой эти правила составляют сложную систему (например, тогда, когда при регулировании поведения людей должны быть учтены данные техники или науки). С этой точки зрения интерес представляют «Правила движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам Союза ССР». Но в основе этих правил лежат также определенные общеобязательные нормы общественного поведения. В п. 4 этих «Правил» прямо говорится: «Все участники движения обязаны быть внимательными к окружающей обстановке и ее изменениям, взаимно предупреждать, ... оберегать жизнь и здоровье граждан, избегать причинения ущерба имуществу государственному, общественному или личному».

¹⁹⁴ С этой точки зрения интерес представляет институт необходимой обороны (ст. 13 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»). Согласно советскому законодательству граждане имеют право на необходимую оборону. Действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, признаны общественно полезными и правомерными. В отличие от советского права, согласно моральному кодексу строителя коммунизма, в силу таких принципов, как «нетерпимость к нарушениям общественных интересов» и «каждый за всех, все за одного», необходимую оборону следует признать нравственной обязанностью каждого гражданина. Здесь налицо своеобразная форма слияния прав и обязанностей: предусмотренные в юридических нормах права являются в то же время нравственными обязанностями.

¹⁹⁵ См. также Л. В. Коновалова, Долг — важнейшая категория марксистско-ленинской этики, М., 1965, стр. 9.

этики. В философской литературе долг рассматривается как нравственный долг,¹⁹⁶ как совокупность моральных обязанностей человека перед обществом.¹⁹⁷ Следовательно, нарушение долга, а стало быть и норм права есть деяние безнравственное.

Долг имеет две стороны — объективную и субъективную.

Объективная сторона долга заключается в самих требованиях, диктуемых интересами построения коммунизма и предъявляемых советским обществом к поступкам людей. В основе их лежит борьба за укрепление и завершение строительства коммунизма.¹⁹⁸ Соответствие поступков человека требованиям долга является критерием оценки их в нравственном отношении. Если такое соответствие налицо, то поведение человека вызывает удовлетворение и одобрение. Нарушение долга имеет своим последствием моральное осуждение поступков людей.

Субъективная сторона долга выражается в сознательном отношении человека к моральным требованиям. С этой точки зрения долг — осознанная, глубоко пережитая, ставшая внутренним убеждением необходимость определенных поступков, диктуемых потребностями борьбы за коммунизм. Это активное, добровольное выполнение обязанностей, возлагаемых на человека конкретными задачами борьбы за новое общество. При глубоком убеждении в необходимости коммунизма в условиях, когда сняты антагонистические противоречия между общественными и личными интересами, долг не вступает в конфликт с личными желаниями человека. Он сливается с ними. Такие убеждения, ставшие свойством, качеством личности, исключают посягательства и на советский правопорядок. Требования права станут не нужны, когда их выполнение превратится в осознанный каждым моральный долг, в привычку всех членов общества.

На данном этапе развития советского общества еще возможны противоречия не только между двумя сторонами долга, но также между долгом и юридической обязанностью. («Я должен, но не обязан»; «Я обязан, но не должен»).¹⁹⁹

Указанную альтернативу нельзя ставить применительно к противоречиям между правовыми требованиями и внешней стороной долга.²⁰⁰ Пока еще не преодолены полностью конфликты между внутренней стороной долга и юридическими обязанностями.

¹⁹⁶ См. С. Уткин, Очерки по марксистско-ленинской этике, М., 1962, стр. 272—281; А. Ф. Шишкин, Основы марксистской этики, М., 1961, стр. 383—399; Я. З. Хайкин, Нормы права и морали и их связь при переходе к коммунизму, Уч. зап. ТГУ, вып. 124, Тарту, 1962, стр. 104—107.

¹⁹⁷ См. также З. А. Бербешкина, Проблема совести в марксистско-ленинской этике, М., 1963, стр. 74.

¹⁹⁸ См. также В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 270.

¹⁹⁹ См. Я. З. Хайкин, Нормы права и морали и их связь при переходе к коммунизму, Уч. зап. ТГУ, вып. 124, Тарту, 1962, стр. 123.

²⁰⁰ В данной работе мы не касаемся тех единичных случаев, когда юридическая обязанность противоречит социалистическому правосознанию.

Юридические обязанности существуют для человека не иначе, как в различных опосредствованиях. Эти обязанности устанавливаются государством. Им соответствуют субъективные права, обладатели которых управомочены требовать от обязанных лиц выполнения возложенных на них обязанностей. В результате этого внешний по отношению к человеку характер последних выступает довольно ярко.

Противоречия между правовыми обязанностями и внутренней стороной долга непреодолимы, пока внешний по отношению к человеку характер юридических норм не теряет резких очертаний. Немалую роль при этом играет правовая практика Советского государства, которая содействует тому, что люди осознают общественную необходимость юридических обязанностей.

С этой точки зрения значение имеет, например, то обстоятельство, что широко привлекается к нормотворческой деятельности государства общественность. Следует также иметь в виду повышение роли общих нормативных принципов в праве.²⁰¹ По мере того, как последние превращаются в личные убеждения людей, у них накапливается опыт и вырабатывается умение самостоятельно находить правильное, соответствующее данному случаю применение этих принципов.²⁰² Граждане станут принимать все более деятельное участие в формировании правил житейской предосторожности.²⁰³ Весь этот процесс ускоряет-

Эти случаи нетипичны. Допущенные законодателем ошибки сравнительно легко исправимы. По-видимому, более часто имеют место случаи, когда деятельность государственных органов по применению норм права вступает в противоречие с нравственными представлениями значительных групп населения. Судить об этих противоречиях можно, однако, только на основании достаточного фактического материала. Получение такого материала невозможно без конкретных социологических исследований (программа последних предложена нами выше в гл. I, § 1, п. 1, вопросы 18—42). Научная обработка полученного материала позволила бы выяснить причины указанных противоречий и наметить пути их преодоления (изменение нормативных актов, исправление допущенных при правоприменении ошибок, повышение воспитательных начал в деятельности государственных органов и пр.). До тех пор, пока эти противоречия не преодолены, они оказывают крайне отрицательное влияние на правовую быт населения.

²⁰¹ Отсюда вовсе не следует, однако, что и составы правонарушений должны быть построены на основе т. н. общих деликтов. Необходимость индивидуализации ответственности требует дифференциации составов правонарушений. Вместе с тем, пределы юридической ответственности должны быть точно установлены.

²⁰² См. также Л. М. Архангельский, Категории марксистской этики, М., 1963, стр. 117; А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 381. В связи с этим А. К. Уледов ссылается на указание Ф. Энгельса о том, что люди нового общества «...будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности...». См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 85.

²⁰³ В нарушении этих правил отдельные ученые усматривают вид противоправных деяний. См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность

ся тем, что в советском обществе права предоставляются гражданам в связи с выполнением ими своих обязанностей («кто не работает, тот не ест» и пр.).²⁰⁴ Тем самым, соблюдение требований права оказывается средством достижения человеком желаемых им результатов. Люди будут одинаково относиться к правам и к обязанностям. Выполнение долга будет вместе с тем осуществлением права.

По мере того как люди осознают правильность и целесообразность общественной необходимости требований, предъявляемых нормами права, почвы противоречиям между юридическими обязанностями и внутренней стороной долга уже не будет. Даже императивные предписания норм права будут соблюдаться не из страха перед принуждением, а из внутренней потребности. Поэтому борьба за единство правовых требований и субъективной стороны долга есть вместе с тем борьба с безразличным, пренебрежительным, отрицательным отношением к правопорядку. При этом необходимо, чтобы природа правонарушений как деяний, противоречащих требованиям нравственного долга, была бы в полной мере раскрыта.

Если несоблюдение норм права рассматривается как нарушение одних только юридических обязанностей, то целью борьбы с посягательствами на правопорядок является, прежде всего, предотвращение новых правонарушений. Между тем, советское право, особенно на данном этапе развития нашего общества, этим не ограничивается. Оно идет дальше и усматривает одну из своих важных задач в коммунистическом воспитании населения. Тем не менее оно не может ограничиться честному и добросовестному выполнению юридических предписаний, самоотверженному труду, уважению правил общежития. Такие требования могут быть предъявлены только нормами коммунистической морали, содержанием которых является нравственный долг.

Важное значение при преодолении противоречий между юридическими обязанностями и внутренней стороной долга имеет также то обстоятельство, что категория долга неразрывно связана с категорией совести. Категория совести отличается от категории долга. Она выражает отношения личности к самой себе на основе нравственных отношений. Между тем, категория долга под двояким углом зрения (внешняя и внутренняя стороны долга) выражает собой отношения между обществом и личностью.

Совесь в марксистско-ленинской этике означает осознание (понимание, чувство, переживание) моральной ответственности

за неосторожность, М., 1957, стр. 124—126; В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., 1960, стр. 127—128.

²⁰⁴ См. Я. З. Хайкин, Взаимодействие норм права и морали при переходе к коммунизму, Тарту, 1963, стр. 63.

человека за свое поведение по отношению к обществу и другим людям. Она включает в себя самооценку личностью своих поступков, их мотивов и последствий с точки зрения долга, а также самоконтроль над ними. Результатом такой самооценки и самоконтроля является чувство нравственного удовлетворения или неудовлетворения собой, вызывающее раскаяние, угрызения совести, стыд.²⁰⁵

Совость человека есть показатель того, насколько требования долга воплотились в его личном сознании, слились с его нравственными качествами. Это — предъявление к себе высокой требовательности и взыскательности. В то же время совесть выражает собой моральную потребность человека вести себя в соответствии с интересами общества. Когда нравственные нормы станут органической частью убеждений человека, то они превратятся в критерий совести, который не позволит совершать поступки, наносящие вред обществу.²⁰⁶ Но, разумеется, совесть человека — надежный союзник в борьбе с посягательствами на правопорядок лишь при условии, что сами правонарушения рассматриваются как деяния, противоречащие требованиям нравственного долга.

Когда совесть как моральное побуждение заставляет человека поступать так, а не иначе, исходя из собственного нравственного убеждения, то внешнее принуждение исчезает.²⁰⁷ Такие поступки нельзя объяснить в категориях долженствования. А. К. Уледов имеет полное основание утверждать: «По мере перехода к коммунизму люди будут исполнять социальные нормы, свои обязанности перед обществом или свой долг все больше по внутреннему убеждению... Мораль коммунизма — это мораль совести. Этим она отличается от морали прошлого, являющейся по преимуществу моралью долга. Мораль долга подчеркивает момент внешней необходимости, определяемой принадлежностью человека к той или иной общности».²⁰⁸

3. В структуре понятия посягательства на советский правопорядок признак «противоправность» выполняет две функции.

Во-первых. Этот признак должен быть положен в ос-

²⁰⁵ См. Г. Бёк, О марксистской этике и социалистической морали, М., 1962, стр. 99; З. А. Бербешкина, Проблема совести в марксистско-ленинской этике, М., 1963, стр. 55—56; С. Уткин, Очерки по марксистско-ленинской этике, М., 1962, стр. 292.

²⁰⁶ См. Л. М. Архангельский, Категории марксистской этики, М., 1963, стр. 154—156; З. А. Бербешкина, Проблема совести в марксистско-ленинской этике, М., 1963, стр. 71.

²⁰⁷ См. З. А. Бербешкина, Проблема совести в марксистско-ленинской этике, М., 1963, стр. 49.

²⁰⁸ А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 344—345.

нову при разграничении посягательств на советский правопорядок от правомерных поступков людей. При этом необходимо иметь в виду, что этот признак не приложим ко всем деяниям человека. Им нельзя пользоваться, если речь идет о поведении лиц, не отдающих себе отчета в своих деяниях и не способных руководить ими. Юридические обязанности на этих лиц не возлагаются и не могут быть ими нарушены. Нельзя также говорить о противоправности событий, а равно самопроизвольных действий человека. При подобных «действиях» возможен только один исход — различные варианты поведения человека исключены. О выполнении или невыполнении юридических обязанностей, правомерности или противоправности поведения не может быть и речи, если человек был лишен возможности сам определить линию своего поведения. Признак противоправности неприменим также в тех случаях, когда поведение человека хотя и регулируется нормами права (например, рекомендательными или поощрительными нормами), но юридические обязанности на него не возлагаются.

В о - в т о р ы х. Признак «противоправность» является в то же время объединяющим началом, свидетельствующим о сходстве всех посягательств на советский правопорядок. Он позволяет выделить эти посягательства как особый вид нарушения норм поведения потому, что все они являются деяниями противоправными. Отсюда вытекает положение о единой противоправности, свойственной каждому из этих посягательств, причем каждому из них в целом, а не только отдельным его сторонам.

Являясь свойством одного из видов общественно опасных деяний, сама противоправность на виды не распадается. Совершенно прав Б. С. Никифоров, когда утверждает: «Все юридические обязанности, тем более императивно налагаемые уголовным законом, равны друг другу, среди них нет больших или меньших».²⁰⁹ Следовательно, нет и степеней противоправности: юридическая обязанность либо выполняется, либо нарушается. О степени нарушения этой обязанности можно было бы говорить, имея в виду лишь различия между окончанным правонарушением, покушением на него и приготовлением к нему. Между тем, такое деление противоправности на виды неизвестно советскому праву.

Отдельным отраслям советского права не соответствуют специфические, только им присущие виды противоправности. Понятие противоправности как противоречия норме права едино для всех отраслей советского права.

Положение о том, что имеются специфические виды противо-

²⁰⁹ Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, М., 1960, стр. 68, примеч. 1.

правности, получило распространение в советской уголовно-правовой литературе. Отмечалось, в частности, что существенным признаком преступления является его уголовная противоправность, т. е. противоречие деяния уголовно-правовой норме. В связи с этим указание на уголовную противоправность деяния было включено в определение понятия преступления.

Между тем, специфической уголовной противоправности (как и других видов противоправности²¹⁰), неизменно вытекающей из самого существования нарушенной нормы либо невыполненной юридической обязанности, нет вообще. Неслучайно, например, В. Н. Кудрявцев вынужден понятие уголовной противоправности распространить по сути дела до пределов противоправности вообще. Именно к этому сводится в конце концов его утверждение о том, что наряду с прямой уголовной противоправностью существуют также смешанная и условная уголовная противоправность, так как нарушенные при совершении преступления юридические нормы не всегда принадлежат к области уголовного права.²¹¹

В плане исследуемой темы данный вопрос привлекает внимание потому, что в случае выделения в рамках общего понятия противоправности отдельных ее видов с каждым из них связывают определенный вид юридической ответственности. Между тем, представление о таком соответствии находится в противоречии с действительностью.

Дело в том, что в зависимости от обстоятельств дела нарушение одной и той же нормы права (например, нормы, обязывающей соблюдать правила положения о паспортах) может повлечь за собой различные виды мер ответственности (в данном примере либо уголовные наказания, либо меры административного взыскания). Тем самым опровергается вывод о том, что нормы права в «перевернутом» состоянии (т. е. в состоянии нарушения) характеризуются как определенный вид противоправности, которому соответствуют только ему присущие меры ответственности. Положение о различных видах противоправности несовместимо и с тем, что за одно противоправное деяние (например, уничтожение или повреждение имущества) одновременно могут быть применены меры ответственности различных видов (в данном примере — уголовные наказания и меры имущественной ответственности). Если в подобных случаях допустить сово-

²¹⁰ В. А. Рахмилович прямо указывает в статье О противоправности как основании гражданской ответственности, «Советское государство и право», 1964, № 3, стр. 55, что нет гражданской противоправности.

²¹¹ См. В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., 1960, гл. II, § 4. Следует также отметить, что определение понятия преступления через уголовную противоправность (преступность) означает определение преступления, исходя из и через самого себя (круг в определении).

купность уголовной и гражданской противоправности, то следовало бы признать наличие двух различных, а поэтому взаимоисключающих видов противоправности. Но этот вывод явно несостоятелен. Следует также учесть, что «вид противоправности» может изменяться при неизменности диспозиции нормы права (например, законодателем уголовные санкции заменяются административно-правовыми и т. п.).

Утвердительным ответом на вопрос о противоправности деяния не предreshен вопрос об ответственности за это деяние. Подлежит ли данное лицо за свой поступок юридической ответственности, и какие меры ответственности должны быть применены, зависит от того, имеется ли в конкретном общественно опасном, противоправном деянии состав правонарушения, и какой именно?

Состав правонарушения — это совокупность фактических признаков, которыми согласно закону определяется вид и мера ответственности. Вполне возможно, что в одном деянии налицо признаки различных составов. Так бывает не только в случае идеальной совокупности преступлений, но при наличии в одном деянии признаков состава, например, какого-либо преступления и в то же время имущественного правонарушения. Это объясняется тем, что фактические признаки деяний по сути дела бесчисленны. Посредством их различного сочетания законодатель образует отдельные составы правонарушений. Очевидно, что конкретное деяние может обладать признаками двух различных составов. Если, например, деяние характеризуется признаками 1, 2; 3 ... 7, то в одном составе могут сочетаться признаки 1, 3, 5 и 7, а в другом — 2, 3, 4 и 6.

Состав всегда конкретен. Имеются составы таких преступлений, как измена родине, бандитизм, различные виды убийства и пр. Имеются составы и таких административных проступков, как нарушения правил пользования транспортом,²¹² незаконного изготовления, ношения, хранения или сбыта холодного оружия²¹³ и пр. В силу именно этой конкретности вид и мера ответственности обусловлены наличием состава. Отсюда вытекает, что нет состава преступлений либо административных и пр. проступков «вообще». Также нет состава убийства или преступлений против личности «вообще». На основе обобщения признаков всех отдельных составов этих преступлений можно дойти только до общего понятия об убийстве, о преступлениях против личности и пр., а на основе обобщения признаков всех составов преступлений, административных и пр. проступков — до общего понятия о преступлении, об административном проступке и т. д.²¹⁴

²¹² См. «Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР», 1964, № 52, ст. 228.

²¹³ См. там же, ст. 242.

²¹⁴ Следовательно, отказ от подразделения противоправности на виды

Иногда в нормативных актах говорится о составе преступлений в общей форме. В частности, в ст. 5, ч. 1, п. 2 УПК Эстонской ССР указывается, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению «за отсутствием в деянии состава преступления». На самом деле здесь имеется в виду не состав преступления «вообще», а отсутствие состава любого из преступлений.

Нельзя говорить и о составе правонарушений «вообще». В самом деле под составом «вообще» или т. н. «общим» составом подразумеваются признаки, присущие любому посягательству на советский правопорядок как общественно опасному, противоправному деянию. В этом плане речь может идти только об общем понятии и об общем учении о составе правонарушений.

Среди имущественных правонарушений отдельные составы, как правило, не выделяются. Вообще образование отдельных составов имеет смысл лишь постольку, поскольку это может служить основанием для установления ближайшего вида и меры ответственности. Между тем, имущественная санкция, не усложненная какими-либо приводящими моментами (см. гл. VI, § 1, п. 3), является не только абсолютно-неопределенной, но и абсолютно-определенной. Абсолютно-неопределенна она постольку, поскольку в норме права вид и мера имущественной санкции не указываются. Абсолютно-определенна она постольку, поскольку она в силу указания самого закона устанавливается в точном соответствии с причиненными в данном случае убытками.

При отсутствии состава правовая ответственность исключается. Недопустимость правовой ответственности, пока не установлены все признаки состава, — важная гарантия законности. Как раз с этой точки зрения большое значение имеет то обстоятельство, что состав — это совокупность фактических признаков правонарушения, отражающих реальную действительность. Но состав служит гарантией законности и тем, что указывает, какие меры ответственности в каждом отдельном случае могут быть применены. Тем самым личность ограждается от необоснованных лишений. Наконец, социалистическая законность обеспечивается также тем, что именно

в зависимости от свойств нарушенной юридической нормы вовсе не сводится к отрицанию наличия видов правонарушений и соответствующих им видов юридической ответственности. Вопрос состоит лишь в критериях разграничения этих видов, а также в тех методологических требованиях, которым само это разграничение должно удовлетворять. В связи с этим нет необходимости подробно останавливаться на вопросе о классификации видов правонарушений. Эти вопросы были рассмотрены в нашей статье О разграничении видов правонарушений и юридических санкций по советскому социалистическому праву, Уч. зап. ТГУ, вып. 61, Тарту, 1959, стр. 151—176. Мы вернемся к этим вопросам в гл. IV, § 2 и гл. VI. Там же будут внесены некоторые коррективы в положения, изложенные в указанной статье.

самим законодателем либо иным органом, издающим нормативный акт, устанавливается, какие фактические признаки деяния включить в состав.

Дифференциация составов правонарушений является важнейшим условием индивидуализации ответственности. Как указывалось, от наличия определенного состава зависит применяемая за данное противоправное деяние мера ответственности. Так, в соответствии с конкретным составом, за преступления могут быть применены различные меры уголовных наказаний — лишение свободы, исправительные работы и пр., за административные проступки — штраф, предупреждение и пр., за дисциплинарные проступки — увольнение от должности, выговор и т. д. При этом установлены также пределы отдельных видов мер ответственности (например, лишение свободы на срок от — до). Отсюда мостик перекидывается уже к индивидуальной ответственности конкретного правонарушителя. Эта ответственность устанавливается с учетом всех обстоятельств дела, в том числе и критериев, лежащих за пределами состава.

Хотя состав правонарушения представляет собой совокупность фактических признаков деяния, однако, он не является нейтральным понятием, лишенным социально-политического содержания. Он присущ только общественно опасному, противоправному деянию.

Состав и соответствующая ему санкция всегда выражают собой итоговую оценку общественной опасности всех противоправных деяний данного вида в совокупности всех признаков состава. Эта итоговая оценка дается советским законодателем,²¹⁵ а в виде исключения также другим органом, издавшим нормативный акт. При определении общественной опасности конкретного деяния правоприменяющий орган не должен выходить за пределы данной оценки.

Необходимым признаком состава любого правонарушения является вина, т. е. объективно существующее психическое отношение субъекта в форме умысла или неосторожности к совершенному общественно опасному, противоправному деянию. В плане настоящего исследования это положение весьма важно. От наличия вины во многом зависит не только общественно-

²¹⁵ О. Э. Лейст в монографии Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 71—72, указывает, что в статье О разграничении видов правонарушений и юридических санкций по советскому социалистическому праву, Уч. зап. ТГУ, вып. 61, стр. 168, мы упоминаем лишь об итоговой оценке общественной вредности различных видов правонарушений, даваемой законодателем. Между тем, в этой же статье мы писали также следующее: «... в этой связи речь идет о критериях типичной общественной вредности, присущей определенному виду правонарушения. Степень общественной вредности данного, конкретного правонарушения определяется органом, применяющим конкретную юридическую санкцию».

политическая оценка деяния и деятеля, но и сама возможность морального осуждения правонарушителя. Наличие вины является, вместе с тем, существенным условием эффективности мер ответственности в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок.

Об исправительном воздействии не может быть и речи, когда субъект невиновен и лишен был возможности воздержаться от совершения поступка. Воспитательным задачам советского права противоречит привлечение к «ответственности» за т. н. голое причинение. Установление «ответственности» за безупречное поведение, хотя и причинившее те или иные вредные последствия, чрезмерно расширяет сферу ответственности и излишне сковывает инициативу советских граждан.²¹⁶

По действующему советскому праву состав имеется в любом посягательстве на советский правопорядок. Если правонарушение не влечет за собой ответственности перед государством, то возможна ответственность перед общественностью.²¹⁷ До введения законов о повышении роли общественности в деле охраны советского правопорядка, однако, не была исключена возможность²¹⁸ наличия правонарушений, за которые ответственность

²¹⁶ Сами по себе, конечно, юридические обязанности могут оставаться невыполненными и при отсутствии вины (случаи т. н. объективно неправомерных деяний). Могут быть предусмотрены даже «составы» таких деяний и установлены меры воздействия в отношении лиц, не выполнивших своих обязанностей невинно. Эти меры, однако, не являются мерами ответственности (см. также ниже § 3, п. 1). Поэтому в рамках настоящей темы они не представляют особого интереса. О некоторых из них будет сказано ниже в гл. VI, § 1, п. 3 и § 2.

²¹⁷ А. А. Пионтковский в статье Усиление роли общественности в борьбе с преступностью и некоторые вопросы теории советского уголовного права, «Советское государство и право», 1961, № 4, стр. 66—68, см. также его же, Учение о преступлении, М., 1961, стр. 48—49, для обозначения преступлений, за которые могут быть применены меры общественного воздействия, предлагает термин «антиобщественный проступок». Это предложение подвергнуто критике в статьях Б. Б. Хангельдыева, Об основных направлениях деятельности товарищеских судов на современном этапе, XXII съезд КПСС и вопросы государства и права, Свердловск, 1962, стр. 494—500, и А. Л. Ремензона и А. А. Любавина, К вопросу об основаниях освобождения от уголовной ответственности и наказания, Труды Томск. гос. ун-та, т. 156, серия юридическая, Томск, 1961, стр. 145—149. Частично эта критика справедлива. О новом виде правонарушений можно было бы в известном смысле говорить лишь при условии, что единственным возможным последствием такого правонарушения являются меры общественного воздействия. Так поставлен вопрос и И. С. Самощенко в монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 82—85.

²¹⁸ Сейчас такая возможность исключается в силу ст. 5, п. 13 «Положения о товарищеских судах Эстонской ССР» («Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР», 1964, № 10, ст. 54), согласно которой товарищеские суды рассматривают дела о всех правонарушениях, не влекущих административной или уголовной ответственности. Аналогичные статьи имеются и в «Положениях» других союзных республик.

не предусматривалась. В этих случаях в противоправных деяниях состав правонарушения мог отсутствовать.

Нельзя говорить о составе применительно к нарушениям правил общежития, поскольку ответственность за несоблюдение этих правил не дифференцирована в зависимости от видов нарушения. За эти поступки в соответствии с обстоятельствами дела применимы любые меры общественного воздействия. Однако дело не только в том, что само понятие о составе здесь неприменимо и было бы лишено всякого смысла, но и в недопустимости излишней юридизации этих деяний.

§ 3. О некоторых вопросах ответственности за посягательства на правопорядок

1. Лицо, совершившее правонарушение, подлежит в соответствии с законом или иным нормативным актом юридической ответственности.

Это бесспорное исходное положение может быть развито в двух направлениях. При этом возникают два различных, хотя и взаимопроникающих вопроса. Первое из них имеет в виду выяснение самого понятия, второе — оснований юридической ответственности. Оба вопроса имеют непосредственное, даже кардинальное значение при разработке исследуемой в данной работе темы. Не только пределы и конкретные способы, но и сама возможность пользоваться убеждением и принуждением в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок зависят от сущности и оснований юридической ответственности, посредством которой эта борьба ведется.

Для ответа на первый вопрос положение о том, что лицо, совершившее правонарушение, подлежит юридической ответственности, обычно рассматривается под углом зрения реализации правовой нормы, а именно — санкции ее. При этом спрашивают, что представляет собой реализация санкции с точки зрения правонарушителя? Ответ гласит — это юридическая ответственность. «Для того, — пишет И. С. Самошенко, — кто несет юридическую ответственность, она состоит (по содержанию), в конечном счете, в реализации правовых санкций (санкций юридических норм или договоров)».²¹⁹ Но, поскольку санкция, подобно диспозиции, реализуется в правоотношениях, то делается вывод, что институт юридической ответственности берет свое начало в правоотношении.²²⁰ Отсюда напрашивается и дальнейший вывод: юридическая ответствен-

²¹⁹ И. С. Самошенко, Юридическая ответственность в советском обществе, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 2 (19), М., 1964, стр. 26.

²²⁰ См. Я. М. Брайнин, Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, М., 1963, стр. 25. Следует отметить, что И. С. Самошенко этого вывода не делает.

ность — это обязанность правонарушителя претерпеть предусмотренные в санкции нормы юридические последствия правонарушения, подлежать действию закона при наличии в поведении виновного предусмотренного этим законом состава правонарушения.

Такое понимание юридической ответственности получило в последнее время широкое распространение и оживленно дискутируется прежде всего в советской уголовно-правовой литературе. Но, поскольку уголовная ответственность — это лишь вид юридической ответственности, то высказанные советскими криминалистами по этому вопросу соображения, а также критический разбор их выходят, бесспорно, за рамки науки одного только советского уголовного права. Следует, впрочем, отметить, что ни в общей теории советского права, ни в гражданско-правовой литературе выработанное советскими криминалистами понятие ответственности, как правило, не применяется. Во всяком случае не акцентируется внимание на том, что ответственность — это юридическая обязанность правонарушителя претерпеть юридические последствия правонарушения.

Нельзя не отрицать, что конструкция уголовных правоотношений сама по себе мыслима. Действительно, превращение санкций юридических норм в жизнь предполагает совершение правонарушения. Последнее может быть рассмотрено как юридический факт порождающий соответствующее правоотношение, в котором санкция реализуется.

Тем не менее, практическое применение понятия уголовного правоотношения сталкивается пока с непреодолимыми трудностями. Ряд аспектов проблемы уголовных правоотношений ждет еще разработки. Это, в частности, касается вопроса о субъектном составе этих отношений.

Правоотношение устанавливается, как известно, между конкретными физическими или юридическими лицами. Уже с этой точки зрения нельзя утверждать, что преступник с момента посягательства на советский правопорядок вступает в юридические отношения. Подобное отношение было бы отношением преступника с Советским государством. В самом деле, уголовно-правовое отношение мыслимо только как отношение между преступником и органами государства (органы предварительного следствия, прокуратура, суд и исправительно-трудовые учреждения). Отсюда вытекал бы, однако, явно ошибочный дальнейший вывод: преступник несет ответственность не перед государством, а перед следователем, прокурором, судом, исправительно-трудовым учреждением!

По-видимому, неопределенность управомоченных в уголовных правоотношениях лиц и послужило причиной тому, что при раскрытии понятия уголовной ответственности внимание акцентируется на обязанности преступника претерпеть наказа-

ние. Поскольку, однако, обязанность не мыслится без соответствующего ей права, то во избежание вывода о том, что преступник несет ответственность перед следователем, начальником тюрьмы и т. д., за государством признается право на наказание (*ius puniendi*).

Между тем, «право» государства на наказание лежит за пределами субъективного права и вряд ли можно втискивать подобное «право» в рамки юридического отношения. Нет прав и обязанностей «вообще», в том числе «права» государства на послушание и наказание, а также «обязанности» преступника подлежать действию уголовного закона, претерпеть последствия правонарушения, искупить свою вину. Права и обязанности «вообще» — это лишь присущая праву общественная необходимость (нормативность), которая проявляет себя одинаково в отношении всех граждан, в том числе управомоченных и обязанных лиц. С этой точки зрения «право» государства на наказание есть, вместе с тем, его «обязанность», а «обязанность» преступника претерпеть наказание — «право» на наказание. Но вряд ли можно говорить при этом о правах и обязанностях конкретных лиц, о правах и обязанностях, возникших вместе с конкретными правоотношениями. В противном случае пришлось бы признать не только право преступника на наказание вообще, но и право, например, на расстрел. Это, конечно, более чем странный вывод.

Речь должна идти не о «праве» государства на наказание, а о задачах органов государства в борьбе с преступностью. В связи с этими задачами на органы государства возлагаются определенные обязанности, а также предоставляется им ряд точно установленных в законе прав. В частности, в силу ст. ст. 2 и 3 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» на органы государства возложена обязанность принимать все меры к тому, чтобы каждый преступник был осужден и подвергнут справедливому наказанию. С другой стороны, и преступник вправе требовать, чтобы при осуществлении этих задач не были нарушены предоставленные ему права. В то же время он обязан подчиняться законным требованиям органов власти.

Уголовное правоотношение — это отношение материально-правового характера. Отсюда, как будто, закономерен вывод, что оно возникает в момент совершения преступления и прекращается с отбытием наказания.²²¹ Именно к такому выводу пришел В. И. Курляндский, когда он писал: «Уголовно-правовое отношение возникает с момента совершения преступления, проходит ряд стадий, в которых от имени государства выступают управо-

²²¹ Или даже с погашением или снятием судимости, хотя при этом неясно, с кем состоит в уголовно-правовом отношении лицо в течение времени, когда оно имеет судимость.

моченные его органы, и заканчивается отбывтием виновным лицом наказания...».²²² Но в таком случае о едином уголовно-правовом отношении говорить нельзя. Выбытием одного из участников этого отношения (например, следователя) оно прекращается и возникает новое правоотношение с иным субъектным составом (например, между преступником и судом и т. д.). Представление о едином уголовно-правовом отношении мыслится все же только как отношение по поводу *ius puniendi* государства.²²³

Нельзя согласиться и с тем, что ответственность (в смысле обязанности претерпеть уголовно-правовые последствия преступления) налицо с момента совершения преступления, причем даже в тех случаях, «... когда лицо, совершившее преступление, скрывается от следствия и суда».²²⁴ Спрашивается, что эти за права и обязанности, о которых управомоченный может даже не догадываться, а тем более, которые не обладают конкретностью вообще?

В советской юридической литературе не вызывает сомнений положение о том, что с возникновением правоотношения обязанности и права, предусмотренные в юридической норме в абстрактном виде, конкретизируются применительно к данному

²²² В. И. Курляндский, О сущности и признаках уголовной ответственности, «Советское государство и право», 1963, № 11, стр. 91. При выходе в свет монографии В. И. Курляндского Уголовная ответственность и меры общественного воздействия, М., 1965, рукопись настоящей работы была уже сдана в набор. Поэтому указанная монография не могла быть учтена при отделке рукописи исследования, предлагаемого вниманию читателя.

²²³ Впрочем, следует иметь в виду, что при такой постановке вопроса сама возможность советского исправительно-трудового права как самостоятельной отрасли советского права снимается.

²²⁴ В. И. Курляндский, О сущности и признаках уголовной ответственности, «Советское государство и право», 1963, № 11, стр. 91. Следует отметить, что по этому вопросу в советской уголовно-правовой литературе высказаны и другие соображения. Я. М. Брайнин приурочивает в монографии Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, М., 1963, стр. 26—27, момент возникновения уголовного правоотношения к привлечению виновного к уголовной ответственности. Обосновать этот вывод трудно. См. В. А. Познанский и др., рецензия на указанную работу Я. М. Брайнина, «Советское государство и право», 1964, № 9, стр. 159—160. Позиция Я. М. Брайнина представляется сомнительной также потому, что решение вопроса о начальном моменте юридической ответственности под этим углом зрения не может получить применения в других отраслях советского права. П. Е. Недбайло ссылается в монографии Советские социалистические правовые нормы, Львов, 1959, стр. 99, на то, что «в форме правовых отношений воздействующая роль норм права приобретает конкретно-практический характер». Поэтому он относит момент возникновения уголовно-правовых отношений к вынесению обвинительного приговора. При этом, по его мнению, для возникновения уголовно-правового отношения требуется сложный фактический состав — факт совершения преступления и вынесения приговора. Выводы П. Е. Недбайло не лишены серьезных оснований. См. также основной текст.

случаю. В момент совершения преступления такая конкретизация еще не имеет места. Поэтому обязанность претерпеть юридические последствия преступления не может быть ни выполненна обязанным лицом, ни принудительно осуществлена управомоченным. М. А. Гурвич правильно указал, что лишь с наступлением определенных условий «... проявляется способность права к принудительному в отношении обязанного лица осуществлению, мощь вызвать исполнение обязанности; право во всем своем содержании приобретает напряженный характер веления, исполненного принудительной силой, оно созревает, становится годным к немедленному осуществлению».²²⁵ Таким условием в данном случае является обвинительный приговор суда. Было бы более чем спорно говорить о правоотношении без конкретных прав и обязанностей (ведь вид и размер уголовной ответственности определяются судом).

Юридическая ответственность — это не долженствование, не-обходимость ответственности, а ответственность вполне реальная, наступившая, перешедшая в действительность. Поэтому и говорят, что совершение преступления является лишь основанием ответственности, но это еще не наступление ее.²²⁶

Но дело не только в неразработанности учения об уголовном правоотношении, вследствие чего многие вопросы, связанные с уголовной ответственностью, не могут получить удовлетворительного разрешения. Суть вопроса в том, что было бы величайшей ошибкой предоставить дело самотеку и утверждать, что ответственность — это последствие, наступившее автоматически вслед за совершением преступления. Придерживаясь такой конструкции, целенаправленная деятельность государственных органов по борьбе с преступностью оттесняется на задний план. В то же время теряется из виду и общественно-политическое содержание преступления, ибо преступление низводится до простого юридического факта, порождающего уголовно-правовое отношение.²²⁷ При этом Н. И. Загородников признает этот факт

²²⁵ М. А. Гурвич, *Право на иск*, М.—Л., 1949, стр. 142.

²²⁶ Будучи последовательным, пришлось бы признать, что уголовная ответственность налицо уже в момент приготовления к преступлению, а при добровольном отказе преступник сам освобождает себя от уголовной ответственности. Отсюда напрашивается вывод, что при окончанном преступлении преступник отвечает потому, что он добровольно не отказался от доведения преступления до конца.

²²⁷ Вплотную к этой проблеме подошел И. С. Самощенко в статье *Юридическая ответственность в советском обществе*, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 2 (19), М., 1964, стр. 36, примеч. 46. В рецензии В. А. Познанского и др. на работу Я. М. Брайнина, *Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве*, М., 1963, «Советское государство и право», 1964, № 9, стр. 160, отмечается: «Вряд ли правильно... отождествлять уголовную ответственность с обязанностью лица, совершившего преступление, подлежать действию уголовного закона. Обязанность понести ответственность не равнозначна самой ответственности».

вместе с тем основанием уголовной ответственности. Он пишет: ««Юридический факт» уголовного правоотношения и «основание уголовной ответственности» — по своему содержанию тождественные понятия, рассматриваемые в различных аспектах».²²⁸ Отсюда уже не так далеко до вывода, что ответственность наступила и тогда, когда преступник скрывался от следствия и суда, либо не был вообще обнаружен.

При постановке вопроса об уголовной ответственности в плоскости уголовно-правовых отношений не может быть отвергнут и следующий ход мыслей.

В силу норм советского уголовного права на гражданине лежит обязанность воздержаться от совершения преступлений. В случае нарушения этой обязанности на него возлагается обязанность (или же он сам принимает на себя эту обязанность?) претерпеть юридические последствия преступления. Если эта обязанность выполнена, с государством произведен полный расчет! В основе этих рассуждений лежит, по сути дела, мысль о допустимости преступлений ценой отбытия наказания.

Ответственность и наказание — это, конечно, юридические институты, правовые средства в борьбе с преступностью. Но они не стоят отдельно. Советское государство пользуется в этой борьбе также мерами морального воздействия. Оно проводит воспитательную работу среди отбывающих наказание. В эту борьбу оно привлекает советскую общественность. В связи с этим, однако, возникает вопрос: обязан ли преступник подлежать действию только уголовного закона, или же, кроме того, претерпеть также общественное и моральное воздействие, «отбыть» меры воспитательные? А если нет, то спрашивается, не к чрезмерному ли гипертрофированию моментов принуждения приводит конструкция ответственности — эта юридическая обязанность одного из участников уголовного правоотношения? Не слишком ли отрывается юридическая ответственность от общественной и моральной? А ведь в перспективе замена юридической ответственности общественной и моральной ответственностью!

Отказавшись от раскрытия природы уголовной ответственности при помощи одних только понятий юридического отношения, прав и обязанностей (т. е. исходя из самого права), следует отпавляться от того, что уголовная ответственность, подобно юридической ответственности вообще, является только одной из форм реакции на общественно опасные деяния. Такой подход к проблеме позволяет разработать единое понятие не только юридической ответственности,²²⁹ но также ответ-

²²⁸ Н. И. Загородников, О содержании уголовно-правовых отношений, «Советское государство и право», 1963, № 11, стр. 88.

²²⁹ В таком общем плане этот вопрос был поставлен и в нашей статье К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности, Уч. зап. ТГУ,

ственности в целом. На этой основе, в свою очередь, должен быть решен вопрос об индивидуальной ответственности конкретного лица, совершившего общественно опасное деяние, а также разграничены меры ответственности от других мер государственного воздействия, только внешне сходных с первыми.²³⁰

О том, что юридическая ответственность является содержанием правоотношений, можно говорить лишь потому и только в том смысле, что в случае ее наступления санкция нормы права претворяется в жизнь. Следовательно, при отсутствии правового основания, она исключена. Равным образом, меры государственного принуждения, входящие в ее содержание, могут быть применены не иначе, как на правовом основании.

Речь идет при этом о беспрекословном соблюдении законности при применении к правонарушителю мер ответственности. Совершенно правильно подчеркивает И. С. Самощенко: «Нарушение коренных требований законности, предъявляемых к юридической ответственности, чрезвычайно опасно. В случае такого нарушения юридическая ответственность превращается в свою противоположность: из средства обеспечения законности и правопорядка — в их нарушение, из средства коммунистического воспитания нарушителя и иных лиц — в источник недовольства, возмущения, протеста».²³¹

Но в то же время нельзя замыкаться в юридические формы. Неверно раскрытие содержания ответственности только или в первую очередь через взаимосвязь прав и обязанностей участников правовых отношений. Уделяя должное внимание вопросу обеспечения законности в деле применения мер ответственности, вместе с тем необходимо дойти до материального содержания ответственности и на этой основе искать общее между юридической и нравственной ответственностью.

Как отмечено выше, положение о том, что лицо, совершив-

вып. 44, Таллин, 1956, стр. 164—170. Так подходит к этой проблеме и И. С. Самощенко в статье Юридическая ответственность в советском обществе, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 2 (19), М., 1964, стр. 27—28.

²³⁰ В связи с этим, в частности, возникает вопрос о разграничении юридической ответственности от т. н. «безвиновной ответственности». Последняя по своей природе коренным образом отличается от ответственности. Целевое назначение, а, вместе с тем, и направленность этой «ответственности», лишь внешне сходной с ответственностью, совершенно иная. В содержании ее преобладают моменты профилактические, воздействие на «правонарушителя» отступает на задний план. Конечно, применительно к объективно неправомерным деяниям можно также говорить о фактическом составе, о правоотношении, возникающим при наличии этого состава, и об обязанности «правонарушителя» возместить причиненные убытки. Но сходство тут только внешнее. Поэтому нельзя согласиться с И. С. Самощенко, который в статье Юридическая ответственность в советском обществе, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 2 (19), М., 1964, стр. 28, признает «безвиновную ответственность» ответственностью.

²³¹ И. С. Самощенко, Юридическая ответственность в советском обществе, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 2 (19), М., 1964, стр. 48—49.

шее правонарушение, подлежит в соответствии с законом или иным нормативным актом юридической ответственности, рассматривается обычно как исходное начало при разработке также вопроса об основаниях юридической ответственности. Однако, под этим углом зрения, по сути дела, поставлен вопрос о предпосылках этой ответственности. И лишь в этом плане можно говорить о том, что совершение правонарушения — фактическое, а наличие в нормативном акте соответствующего указания — юридическое основание ответственности.

При постановке вопроса об основаниях ответственности под углом зрения предпосылки-последствия можно установить, когда и за что лицо, совершившее правонарушение, подлежит ответственности. Почему же лицо подлежит за правонарушение ответственности, при подобной постановке вопроса объяснить нельзя.

Быть может, было бы целесообразно, имея в виду эти два аспекта вопроса, различать основания и обоснование юридической ответственности.²³² Это нацелило бы внимание на раскрытие сущности явлений, расширило бы диапазон научных исследований и способствовало бы более глубокому пониманию закономерностей борьбы с посягательствами на советский правопорядок.

Такое различие, тем не менее, имеет весьма относительное значение. Оба вопроса взаимопроникают и свидетельствуют о подходе к проблеме юридической ответственности с различных аспектов. Так, нельзя ставить вопрос «почему?», если неизвестно «за что?». Но с другой стороны, невозможно ответить на вопрос «за что?», пока нет ясности в том, «почему?».

Если каждый из этих вопросов ставить отдельно, то противоречивые выводы неизбежны. Весьма показательны с этой точки зрения положения, выдвинутые А. А. Пионтковским. Он утверждает, что «способность человека принимать решение с пониманием производимых им действий и служит основанием уголовной ответственности лица за совершенное преступление».²³³ В то же время, как известно, А. А. Пионтковский является одним из наиболее последовательных и ярых сторонников взгляда, согласно которому состав преступления является единственным основанием уголовной ответственности.²³⁴

²³² Об этом правильно писала Т. Л. Сергеева в весьма содержательной статье Основания уголовной ответственности по советскому уголовному праву, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 1 (18), М., 1964, стр. 4—5.

²³³ А. А. Пионтковский, Учение о преступлении по советскому уголовному праву, М., 1961, стр. 267, см. также стр. 271.

²³⁴ См. А. А. Пионтковский, Учение о преступлении по советскому уголовному праву, М., 1961, стр. 105—107. Вряд ли здесь имеет место одно только «не совсем точное словоупотребление», как это утверждает Я. М. Брайнин в работе Уголовная ответственность и ее основание в со-

Другие исследователи вообще снимают, по сути дела, вопрос об обосновании юридической ответственности. Вопрос об обосновании ответственности в целом, в принципе, они относят то в область философии, то в компетенцию законодателя, а свою задачу сводят к рассмотрению оснований (в смысле предпосылок) юридической ответственности конкретного лица за конкретное правонарушение.²³⁵ В результате этого вся проблема сводится, по сути дела, к учению о составе преступления.²³⁶

2. Понятие ответственности известно различным отраслям советского общественного права. Наряду с ответственностью уголовной говорят об ответственности административной, дисциплинарной и имущественной. Но ответственность не является специфическим юридическим понятием. Имеется ответственность политическая и моральная. Особенно в период развернутого строительства коммунизма, когда идет процесс перерастания норм права в нормы коммунистической нравственности, проблема ответственности явно вырисовывается как проблема ответственности вообще. Вопрос же о видах ответственности, в частности, об ответственности правовой, должен быть решен в этом общетеоретическом плане.

В ответственности находит свое выражение отрицательная реакция советского общества и государства на нарушения юридических, нравственных и иных норм общественного поведения. Ей присуща специфическая целенаправленность.

В марксистской философской литературе указывается, что целесообразность имеет место там, где обратное воздействие следствия на причину приобретает вид отрицательной обратной связи, причем — это реально существующая связь практической деятельности человека.²³⁷ Наличие подобной обратной связи характеризуется также ответственность лица, виновного в нарушении норм общественного поведения, перед Советским государством и обществом.

При наличии подобной обратной связи, виновный в нарушении

ветском уголовном праве, М., 1963, стр. 76. А. А. Пионтковский не различает обоих аспектов вопроса. В частности, на странице 107 указанной работы он писал: «Судья признает обвиняемого виновным... потому, что он установил в действиях лица определенный состав преступления, предусмотренный законом» (разрядка наша — И. Р.).

²³⁵ Я. М. Брайнин употребляет в монографии Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, М., 1963, стр. 39 и др., даже термины «основание» и «обоснование» как синонимы.

²³⁶ Так, например, основное содержание работы Я. М. Брайнина Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, М., 1963, составляет учение о составе преступления.

²³⁷ См. И. Г. Макаров, Цель. Некоторые вопросы диалектического материализма, Л., 1962, стр. 141, 148; его же, К вопросу категории «цель» в философии диалектического материализма, Тарту, 1960, стр. 33—35.

нии норм общественного поведения рассматривается с двух точек зрения. Он является субъектом общественно опасного деяния («причина») и, вместе с тем, объектом обратного воздействия. Двумя качествами обладают также Советское государство и общественность. Они являются носителями общественного и правового порядка, потерпевшего ущерб от деяния виновного. В то же время и в значительной мере именно потому они ведут борьбу с этими общественно опасными деяниями. Ответственность наступает перед ними.

С этой точки зрения характерно, что в высказываниях В. И. Ленина речь идет об ответственности перед народом, рабочим классом, революцией и особенно перед Советским государством. Так, например, В. И. Ленин говорил об ответственности «... перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества».²³⁸

Структура содержания ответственности во многом зависит от того, что присущее ей обратное воздействие приобретает вид отрицательной обратной связи.²³⁹ Это есть связь между Советским государством и обществом, ведущими борьбу с посягательствами на правопорядок, и виновным, его нарушившим. Именно этой связью опосредствуется государственная и общественная реакция в отношении виновного в общественно опасном деянии. Эта реакция вызвана следствием — ущербом, нанесенным советскому правопорядку, но имеет в виду также причину. Она должна соответствовать личности виновного и характеру его поступков. Выражаясь образно, можно сказать, что при наступлении ответственности причина и следствие меняются местами. Этим, по сути дела, объясняется диалектика борьбы с общественно опасными деяниями.

Марксизм-ленинизм придает огромное значение личной и индивидуальной ответственности. В. И. Ленин требовал установления в советских учреждениях «... самой точной ответственности каждого из состоящих на любой советской должности лиц за выполнение определенных, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и практических работ».²⁴⁰ Это и другие подобные указания В. И. Ленина до того укоренились в практике, что, возлагая какую-нибудь

²³⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 242.

²³⁹ Отсюда вытекает, что ответственность нельзя отождествлять с правоотношением, в котором санкция юридической нормы реализуется. Она богаче. Правоотношения не опосредствуют «обратную отрицательную связь» полностью. Поэтому нельзя согласиться с утверждением Н. И. Загородникова, высказанным в статье О содержании уголовно-правовых отношений, «Советское государство и право», 1963, № 11, стр. 86, что «уголовные правоотношения, возникшие в соответствии с нормами уголовного закона как заключительный этап действия правовой нормы, представляют собой уголовную ответственность».

²⁴⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 326; см. также: т. 27, стр. 185—186; т. 30, стр. 121; т. 35, стр. 437.

обязанность на то или другое советское учреждение или должностное лицо, орган, издавший соответствующий юридический акт, как правило, в скобках указывает фамилию должностного лица, несущего личную ответственность за выполнение этой обязанности.

Принцип личной ответственности основывается на признании вклада каждого отдельного человека в дело строительства коммунизма. Из этого признания значения личных сил и труда каждого отдельного человека вытекает принцип личной ответственности и в советском праве.

Из сказанного вытекает также, что в советском обществе ответственность предполагает оценку поведения людей. Все то положительное, что сделано членом советского общества и что содействует строительству коммунизма в нашей стране, ставят ему в заслугу. Все то отрицательное, общественно вредное, что совершено им и тормозит строительству коммунизма, вменяют ему в вину. За нарушение им своего долга с него спрашивают. За это он несет ответственность.

При действии принципа личной ответственности она всегда связана с виновным нарушением нормы общественного поведения. В этом нравственная основа ответственности в советском обществе, всегда включающей в себя осуждение виновного и в морально-политическом отношении за нарушение своего долга.

Признание человека ответственным влечет для него определенные отрицательные последствия. С этой точки зрения показательны те высказывания В. И. Ленина, где он, говоря об ответственности, в скобках указывает конкретную меру наказания.²⁴¹

Обобщая приведенные признаки, можно установить, что ответственность в советском обществе — это осуждение Советским государством и (или) общественностью виновного за нарушение им общественного долга, осуждение, всегда выраженное в виде лишения его каких-либо благ органами Советского государства или общественностью.²⁴²

Уже само осуждение, т. е. отрицательная оценка, высказанная виновному органами Советского государства или общественностью в связи с нарушением общественного долга, пред-

²⁴¹ См., например, Ленинский сборник, т. XXI, стр. 183.

²⁴² В нашей статье К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности, Уч. зап. ТГУ, вып. 44, Таллин, 1956, стр. 159, дано определение юридической ответственности в несколько ином плане. В этой статье мы писали, что юридическая ответственность — это относимость к виновному личного упрека и применимость к нему вследствие этого юридической санкции. «Относимость» и «применимость» — понятия, лежащие в сфере возможности. По этому вопросу наши соображения высказаны выше (см. п. 1). Следует также иметь в виду, что именно в категории возможности берет свое начало определение ответственности как обязанности претерпеть юридические последствия правонарушения. Это определение отвергнуто нами выше.

ставляет собой для него определенное лишение. Оно состоит в потере в общественном мнении его личных качеств. Кроме того, лишения, причиняемые нарушителю общественного долга, могут касаться и других его благ.

В причиняемых виновному лишениях заключается принудительный характер ответственности. Он присущ всем ее видам. Следовательно, принуждение не может служить критерием разграничения юридической ответственности от моральной.²⁴³

Принуждение выступает всегда как внешнее воздействие по отношению к нарушителю общественного долга. Это — лишения, которые ему причиняются органами государства или советской общественностью. Этим ответственность отличается от угрызений совести.

Совость — это не ответственность, а «...осознание ... моральной ответственности человека за свое поведение перед другими людьми, классом, обществом...».²⁴⁴ Хотя совость и проявляется в оценке побуждений и поступков человека, тем не менее, она выступает лишь в качестве внутреннего судьи, а поэтому не обладает внешним характером по отношению к человеку и не выходит за пределы сознания в сферу реальной жизни. В этом именно глубокий смысл французской поговорки: «Сам по себе человек всегда добродетелен, а для порока нужны по крайней мере двое».²⁴⁵

Специфической чертой юридической ответственности является исключительная определенность принуждения. В правовых нормах более или менее подробно отрегулирована процессуальная форма ответственности, установлены органы, уполномоченные на причинение виновному лишений, предусмотрены предпосылки, вид и пределы мер ответственности и пр. Особенностью правовой ответственности является и то, что это — применение к виновному юридических санкций за посяательства на советский правопорядок, причем сами лишения, причиняемые виновному, как правило, выходят за пределы одного только морального принуждения (осуждения).

Не все санкции юридических норм указывают на возможность применения мер принуждения (см. гл. 1, § 1, п. 3). И даже

²⁴³ Нельзя поэтому согласиться с Я. М. Брайнниным, который в монографии Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, М., 1963, стр. 12, писал: «Обязанность понести ответственность за совершенное правонарушение имеет принудительный характер и этим юридическая ответственность отличается от всякой иной ответственности, например, моральной».

²⁴⁴ З. А. Бербешкина, Проблема совести в марксистско-ленинской этике, М., 1963, стр. 55. Хотя З. А. Бербешкина (стр. 65) и говорит о совести как о моральной ответственности, но это следует, по-видимому, объяснить неточным словоупотреблением. См. также выше § 2, п. 2.

²⁴⁵ См. Т. В. Холостова, Мораль как предмет этических исследований, Вестн. ЛГУ, 1962, № 5, стр. 107.

тогда, когда санкции норм права предусматривают меры принуждения, последние не всегда могут быть отнесены к мерам ответственности (см. также гл. IV, § 2). Этим, однако, никак нельзя опровергнуть положение о том, что юридическая ответственность мыслима только как претворение в жизнь санкции нормы права и ее непременным свойством является принуждение.

В отличие от юридической ответственности, моральная не может рассматриваться как претворение в жизнь санкции, ибо последняя не является структурным элементом норм нравственности вообще (см. также гл. I, § 1, п. 2). С этой точки зрения внимания заслуживает высказанное И. С. Самошенко мнение о том, что меры общественного воздействия представляют собой, как правило, лишь фиксацию осуждения нарушителя.²⁴⁶

О. С. Иоффе придерживается мнения, что обязательным признаком юридической ответственности является не принуждение, а возможность государственного принуждения в отношении правонарушителя. Этот вывод О. С. Иоффе обосновывает тем, что в ряде случаев имущественная (гражданско-правовая) ответственность осуществляется без вмешательства государственных органов: должнику предоставляют сначала возможность самому возместить причиненные убытки, а органы государства вмешиваются лишь в том случае, если он сам этой возможности не использует.²⁴⁷

Точка зрения, высказанная О. С. Иоффе, была бы обоснована тогда, если государственное осуждение правонарушителя не обладало бы принудительным характером. Поскольку такая предпосылка неверна, то согласиться с О. С. Иоффе нельзя. Сам О. С. Иоффе признает, что в основе гражданской ответственности всегда лежит осуждение поведения правонарушителя.²⁴⁸ Но О. С. Иоффе прав в том отношении, что в случае имущественной ответственности принуждение, выходящее за пределы осуждения, представляется лишь в виде возможности. Впрочем, это имеет иногда место также при других видах юридической ответственности. В частности, правонарушителю предоставлена возможность самому внести наложенный штраф.

Рассмотрение юридической ответственности как реализации санкции правовой нормы не означает, что санкция в полном ее объеме всегда претворяется в жизнь. Как реализация диспозиции, так и претворение в жизнь санкции, представляются в виде определенного процесса. Юридическая ответственность

²⁴⁶ См. И. С. Самошенко, Юридическая ответственность в советском обществе, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 2 (19), М., 1964, стр. 25.

²⁴⁷ См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Л., 1955, стр. 9, 17.

²⁴⁸ См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Л., 1955, стр. 17.

налицо и в тех случаях, когда реализация санкции по тем или иным основаниям не завершается. Это может иметь место ввиду разных обстоятельств, в том числе и потому, что виновный досрочно освобождается от отбывания назначенной меры наказания в силу, например, ст. 55 или 56 УК Эстонской ССР или потому, что уголовное наказание, несмотря на вынесение обвинительного приговора, не назначается вообще (ст. 268, ч. 2 УПК Эстонской ССР). Само по себе, однако, освобождение от наказания не означает еще освобождения от уголовной ответственности. Нельзя говорить о юридической ответственности лишь тогда, когда лицо не осуждено за преступление либо не признано в иной форме виновным вообще. Освобождение в этих случаях касается только возможности ответственности, для наступления которой уже налицо некоторые элементы сложного фактического состава (см. выше, п. I).²⁴⁹

Подобно другим видам ответственности, и правовая ответственность имеет нравственную основу.²⁵⁰ Она предполагает, кроме юридической, также нравственную оценку совершенного виновным правонарушения и самого виновного.

В процессе перехода к коммунизму сфера действия морального фактора в жизни общества расширяется. Это положение, выдвинутое на XXII съезде КПСС, относится и к ответственности каждого советского человека за свои поступки. Возрастает роль моральных оценок и в юридическом осуждении правонарушителя, а в связи с этим преобразуется до некоторой степени ее природа.

Нормы морали, как указывалось, имеют своим содержанием требования нравственного долга. В категории долга наиболее ярко отражен нормативный характер норм нравственности.²⁵¹ С этой точки зрения как нормам морали, так и общественному мнению, осуждающему нарушение общественного долга, всегда

²⁴⁹ Иногда высказывается точка зрения, что возможно освобождение только от уголовной ответственности, которая уже наступила. Поскольку, однако, освобождение от уголовной ответственности имеет место и до вынесения обвинительного приговора, то отсюда делается вывод, что она наступает уже с момента совершения преступления. Этот вывод неубедителен. Если признать, что освободить можно только от того, что уже налицо, уже наступило, то это положение следовало бы распространить и на случаи освобождения от уголовного наказания. Между тем, подобный вывод противоречил бы действующему праву. Освобождение от уголовной ответственности есть, вместе с тем, всегда и освобождение от уголовного наказания. До назначения наказания судом, однако, налицо лишь возможность его применения. Впрочем, следует иметь в виду, что иногда суд выносит обвинительный приговор без назначения наказания вообще (ст. 268, ч. 2 УПК Эстонской ССР), т. е. освобождает от еще неназначенного наказания.

²⁵⁰ См. В. Г. Иванов и Н. В. Рыбакова, Очерки марксистско-ленинской этики, Л., 1963, стр. 147—148.

²⁵¹ См. Л. В. Коновалова, Долг — важнейшая категория марксистско-ленинской этики, М., 1965, стр. 9. См. также выше § 2, п. 2.

присуща внешняя необходимость.²⁵² Вместе с тем, «форма проявления этой необходимости обусловлена решением человека, но так, что она направляет его свободное решение».²⁵³ По мере осознания справедливости этой необходимости, ее соответствия личным интересам человека, соблюдение норм поведения все более перестает носить характер какой-то обязанности. В связи с этим человек начинает рассматривать и общественное мнение как критерий собственной совести, который заставляет поступать так, а не иначе, исходя из собственного внутреннего убеждения.

Когда лицо осознает (понимает, чувствует и переживает) общественную необходимость правовых норм, последние также теряют для него характер внешней необходимости. Такому осознанию необходимости способствует основанная на моральных началах юридическая ответственность, которая, тем самым, превращается из средства принуждения в средство свободы. Правильно отмечено юристами других стран социалистического лагеря, что воспитание посредством наказания служит тому, «... чтобы привести правонарушителя к свободе, т. е. к пониманию необходимости существования правил общежития и необходимости их соблюдения...».²⁵⁴

На основе сближения нравственной и юридической ответственности и постепенного преобразования их природы обе в конечном счете сливаются. Вырабатывается единая ответственность членов коммунистического общества за свои поступки. Это ответственность высшего типа. Она будет предъявлять требования более строгие, которые выступают, однако, для личности, прежде всего, как «мерило самой себя».

Раскрытие нравственного содержания юридической ответственности позволяет исчерпать всю моральную силу этого института, а, вместе с тем, полностью использовать мощь убеждения в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. Наряду с этим анализ содержания юридической ответственности вновь подтверждает вывод об универсальном значении убеждения в деле правоохраны в советском обществе.

3. Если ответственность является одной из форм целенаправленной реакции на нарушение норм общественного поведения в виде отрицательного обратного воздействия на причину (см. выше, п. 2), то прежде, чем возлагать на кого-либо ответственность, должен быть решен вопрос о вменении, т. е. должно быть установлено, что данное следствие в самом деле

²⁵² См. А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 381.

²⁵³ Л. В. Коновалова, Долг — важнейшая категория марксистско-ленинской этики, М., 1965, стр. 27.

²⁵⁴ И. Лекшас, О проблеме свободы и наказания, Вопросы уголовного права стран народной демократии, М., 1963, стр. 417.

порождено именно этой причиной, что конкретное лицо является, говоря образно, «автором» именно данного посягательства. При отрицательном ответе на этот вопрос исключена не только юридическая, но и всякая ответственность вообще.

Вменение правонарушений имеет место лишь при наличии в деянии данного лица состава правонарушения. Отсутствие хотя бы одного из признаков состава исключает возможность вменения. В то же время положительным ответом на вопрос о вменении предreshен и вопрос о юридической ответственности. Лишь в силу особых оснований, указанных в законе, лицо может быть освобождено от юридической ответственности, несмотря на наличие в его деянии всех признаков состава правонарушения.

При вменении правонарушения данному конкретному субъекту среди признаков состава особое место принадлежит причинной и виновной связям. Наличие именно их свидетельствует о физическом и психическом «авторстве» субъекта в данном деянии, служит доказательством тому, что конкретное правонарушение является результатом поведения именно этого лица. Такой вывод вытекает из понимания самого деяния как единства его объективной и субъективной сторон.

Конечно, возможность вменения зависит не только от причинной и виновной связей. Вменение не может иметь места, в частности, при отсутствии объекта посягательства, а также субъекта, обладающего определенными качествами.²⁵⁵ Лишь при их наличии причинная и виновная связи определяют вменение данному субъекту, обладающему определенными качествами, конкретного общественно опасного, противоправного действия или бездействия.

При этом следует иметь в виду, что если в случае отсутствия вины возможность вменения вообще исключается, то, несмотря на всю огромную важность причинной связи, от наличия последней не всегда зависит возможность вменения. Это различное значение причинной и виновной связей в праве обусловлено тем, что вина как психическое отношение лица есть обязательный элемент любого состава правонарушения. Отсутствие вины безусловно исключает возможность вменения и, следовательно, юридическую ответственность. Между тем, причинная связь не входит в состав каждого правонарушения.

Не подлежит, конечно, сомнению, что все поступки человека причинно обусловлены, в том числе процессами, происходящими во внутреннем мире субъекта. Однако, когда речь идет о при-

²⁵⁵ Ни объект, ни субъект не являются элементами самого деяния, хотя и связаны с ним и характеризуют его. Именно потому они не вменяются в вину, хотя и при отсутствии их вменение исключается. Следует, впрочем, отметить, что вменение иногда предполагает оценку тех или иных обстоятельств совершения правонарушения.

знаках состава, то вопрос об этих процессах ставится не в плане причинной связи, а вины. Если установлена вина правонарушителя в совершении общественно опасного, противоправного деяния, то тем самым установлено, что правонарушение является плодом поведения данного субъекта.²⁵⁶ Вопросы о причинной связи здесь отдельно не возникает.

Понятием причинной связи право пользуется в специальном значении. Вопрос о причинной связи в праве возникает тогда, когда в самый состав правонарушения включено указание на внешний результат (см. выше, § 1, п. 3). Последствия во внешнем мире Н. Д. Дурманов определяет как изменения в предметах, в общественных отношениях, как изменения, происходящие в психике другого лица или многих людей, т. е. изменения всякого объекта, находящегося вне сознания действующего субъекта.²⁵⁷

Хотя применительно к нарушению правил общежития и, в частности, норм нравственности нельзя говорить о составе правонарушения (см. выше, § 2, п. 3), это вовсе не означает, что вменение этих деяний возможно при отсутствии внешней или внутренней сторон их. Без одной из этих сторон нет самого деяния. «Нельзя, — пишет С. Л. Рубинштейн, — сводить действие только к внешнему его выражению; это лишь исполнительная его часть; в действие всегда входит и чувственное познание».²⁵⁸ Поэтому при отсутствии внутренней стороны деяния всякое вменение исключено вообще.

Следовательно, вменение определяет пределы, объем того фактически происшедшего во внешнем мире, на которое, говоря словами Ф. Энгельса, наложена «печать воли» действующего лица. Под этим углом зрения и должен быть решен вопрос, какие деяния подлежат вменению и именно кому, кто является субъектом данного посягательства на советские общественные отношения?

Ответ на этот вопрос имеет непосредственное отношение к ответственности данного лица, ибо в результате вменения устанавливается, за что и кто именно подлежит в данном случае ответственности. Чем же обоснована ответственность,

²⁵⁶ На то, что вина является субъективной причиной правонарушения, указывают, в частности, И. С. Самошенко. Свобода воли и ее значение для правового регулирования общественных отношений, «Советское государство и право», 1963, № 12, стр. 43, Т. Л. Сергеева, Основания уголовного ответственности по советскому уголовному праву, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 1 (18), М., 1964, стр. 12. Это положение применимо и к моральной ответственности. Т. В. Холостова в статье Мораль как предмет этических исследований, Вестн. ЛГУ, 1962, № 5, стр. 108, говоря о моральной ответственности, указывает: «... для того чтобы отвечать за поступок, (человек) должен быть его причиной, другими словами, этот поступок должен пройти стадию внутреннего решения, выбора, умысла».

²⁵⁷ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, М.—Л., 1948, стр. 59.

²⁵⁸ С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, М., 1957, стр. 246.

почему лицо отвечает за вменяемое ему деяние, — этот вопрос выходит за пределы самого вменения. Это — вопрос об обосновании ответственности.

4. Обоснование ответственности имеет, прежде всего, огромное политическое значение. В государстве общенародной демократии, где интересы и права личности пользуются эффективной защитой и гармонически сочетаются с интересами всего советского народа, целеустремленно идущего вперед к коммунизму, вопрос об обосновании ответственности, об основаниях принудительного воздействия на личность нарушителя норм общественного поведения является одной из кардинальных проблем общей теории права. Разрешение ее должно привести к непреложному осознанию необходимости и истинности, справедливости и гуманности ответственности в Советском государстве.²⁵⁹ Вместе с тем учение об ответственности и ее обосновании имеет немаловажное познавательное значение. Оно служит мостом от учения о правонарушениях к учению о мерах ответственности и раскрывает их диалектическую взаимозависимость.

С точки зрения постановки проблемы обоснования ответственности в науке советского права могут быть отмечены два основных направления.

Первое из них задает для разрешения проблемы вопрос, каковы основания вменения конкретного правонарушения данному правонарушителю, каковы основания применения мер ответственности именно к нему. Речь, следовательно, идет об «авторстве» конкретного правонарушителя в данном правонарушении. При этом в качестве оснований ответственности были выделены некоторые элементы состава правонарушения, а именно — причинность и виновность.

Однако, проблема обоснования ответственности здесь только начинается. Действительно, если во вменении усматривают обоснование ответственности, то это может означать только одно: правонарушитель несет ответственность лишь потому, что ему вменяется в вину совершенное им правонарушение. Правонарушение же вменяется в вину потому, что оно совершено данным правонарушителем. Это положение, хотя и само по себе выражает принципы социалистической законности, тем не менее юридической ответственности не обосновывает. Оно лишь устанавливает когда, при каких обстоятельствах наступает правовая ответственность, т. е. определяет юридические предпосылки для привлечения к ответственности и

²⁵⁹ Б. С. Никифоров и А. С. Шляпочников правильно указывают в статье Некоторые проблемы дальнейшего развития советского уголовного права в свете Программы КПСС, «Советское государство и право», 1962, № 2, стр. 65, на необходимость раскрытия материального содержания оснований уголовной ответственности.

применения к виновному мер ответственности. Вопрос об обосновании юридической ответственности, однако, как раз в том и заключается, почему виновный отвечает за вменяемое ему правонарушение?

В поисках углубления проблемы обоснования юридической ответственности большинство советских исследователей стало затем признавать основанием ответственности весь состав правонарушения в целом, в совокупности всех его элементов.

Обычно в подтверждение этого вывода ссылаются на ст. 3, ч. 1 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Между тем эта ссылка неубедительна. В ст. 3 указанных «Основ», озаглавленной «Основания уголовной ответственности», о составе не упоминается. Часть первая этой статьи гласит: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». В проекте ст. 3 указанных «Основ», наоборот, говорилось о составе преступления, но сама эта статья была озаглавлена «Уголовная ответственность лишь при наличии состава преступления». Об основаниях уголовной ответственности в проекте не упоминалось.

По-видимому, невключение в ст. 3 «Основ» упоминания о составе преступления не является случайным. Закон дает лишь направление для теоретической разработки этой проблемы и вовсе не предрешает вопроса о составе преступления как основании уголовной ответственности.

Сама ст. 3 «Основ» по данному вопросу может быть развита в двух направлениях. Исходя из текста ст. 3 указанных «Основ», основанием уголовной ответственности можно было бы признать не состав, а совершение преступного деяния. Еще более точно соответствующим тексту закона является толкование его в том смысле, что основанием ответственности является виновность лица в совершении преступления. Однако, при таком понимании закона виновность лежит за пределами самого состава, ибо «Основы» определенно говорят о лице, виновном в совершении умышленно или по неосторожности общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом.²⁶⁰

Этот вывод подтверждается также ст. 263 УПК Эстонской ССР (и соответствующими статьями УПК других союзных республик), согласно которым суд, установив в деянии состав преступления, решает вопрос о виновности подсудимого в совершении этого преступления.

Ст. 37 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и

²⁶⁰ См. также Т. Л. Сергеева, Основания уголовной ответственности по советскому уголовному праву, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 1 (18), М., 1964, стр. 10—11, 19—20.

союзных республик» относит вину не к основаниям, а к условиям гражданско-правовой ответственности.

Следовательно, анализ норм действующего права не исключает возможности различных выводов. Но суть вопроса не в этом, а в том, что от признания состава правонарушения основанием юридической ответственности еще далекий путь к ее обоснованию. Действительно, если основанием ответственности является состав, то правонарушитель отвечает потому, что он совершил правонарушение. Это, конечно, бесспорно. Но на достигнутом уровне развития социалистической законности это положение не нуждается в пространный теоретической аргументации. Вряд ли одна только подмена понятия состава правонарушения понятием оснований ответственности убеждает в необходимости и истинности, справедливости и эффективности юридической ответственности в Советском государстве.

Но и при решении вопроса об основаниях вменения это положение не представляет особой ценности. Этот вопрос имеет смысл лишь постольку, поскольку речь идет о выделении некоторых элементов состава, а именно, причинности и виновности в качестве этих оснований.

Второе направление по вопросу об обосновании ответственности в науке советского права исходит из следующего знаменитого указания Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге»: «Невозможно рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой».²⁶¹ Однако, так как индетерминизм опровергается марксизмом, то, естественно, возникает вопрос, как сочетать детерминизм с ответственностью?

Сама по себе такая постановка вопроса, бесспорно, правильная. Исходя из марксистско-ленинского понимания свободы воли и детерминированности человеческих поступков, она дает прочную основу для разрешения вопроса о субъективном основании ответственности. Этим, однако, не снимается вопрос об объективном основании ответственности. Лишь при наличии обоих этих оснований юридическая ответственность может быть обоснованной.

5. Под основанием в науке понимаются те явления или стороны явления, которые служат первоначальным источником, определяющим существо и развитие всех остальных производных явлений или сторон их, находясь с ними в отношении диалектической взаимообусловленности.

Формальное основание — первоначальная степень познания обоснованности вывода. Ему свойственна ограниченность. Как правило, оно не идет дальше констатации повторяемости изучаемых явлений или объяснения только их отдель-

²⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 115.

ных сторон. Часто формальное основание превращается в тавтологию.

Ограниченность присуща и положению, что состав преступления является основанием уголовной ответственности. Это тем более справедливо в тех случаях, когда утверждают, что основанием уголовной ответственности служит состав преступления как определенное понятие.²⁶²

Следует решительно отказаться от подмены преступления как реального явления общественной жизни понятием состава преступления.²⁶³ Последовательная связь мыслей в обосновании вывода должна отражать внутреннюю связь основания и обоснованного в реальной действительности. Лишь диалектика вещей создает диалектику идей.²⁶⁴ При этом вопрос об обосновании ответственности должен быть поставлен в общетеоретическом плане. Обоснование видов ответственности — это лишь частный вопрос этой общетеоретической проблемы.

Чтобы решить вопрос, действительно ли данное явление есть достаточное основание другому, следующему за ним, необходимо произвести особое исследование, которое не ограничивается наблюдением простого повторения последовательности двух явлений. Доказательство достаточности основания должно привести к непреложному сознанию необходимости и истинности доказываемого явления.²⁶⁵

При внутреннем обосновании ответственности не только выделяются главные, существенные стороны обосновываемого явления и основания, но, вместе с тем, устанавливается также взаимосвязь этих сторон и дается объяснение необходимости их взаимообусловленности.²⁶⁶ Поэтому задача при решении проблемы внутреннего обоснования ответственности не ограничивается установлением «авторства»

²⁶² Подобное утверждение было высказано, в частности, Х. Кадари в Уч. пособии по общей части советского уголовного права, Тарту, 1963, стр. 111 (на эстонском языке).

²⁶³ Такую подмену допускают, по сути дела, и Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов и М. Д. Шаргородский в статье Основание уголовной ответственности по советскому праву, «Правоведение», 1961, № 2, стр. 80. Утверждая, что основанием уголовной ответственности является состав преступления, они пишут: «По существу можно согласиться с теми..., которые считают основанием ответственности ... совершение лицом преступления... В таком виде преступление как основание уголовной ответственности ничем не отличается от содержания понятия состава преступления».

²⁶⁴ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 188.

²⁶⁵ См. В. Ф. Асмус, Логика, М., 1947, стр. 23.

²⁶⁶ Ст. 3 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», указывая на необходимую связь преступления и уголовной ответственности, направляет к изучению их как реальных явлений. В монографии Вопросы теории права, М., 1961, стр. 328, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский совершенно правильно указывают, что те факты, которые могут служить основанием юридической ответственности, «заклучены не в юридической норме, а происходят в реальной жизни».

субъекта в конкретном общественно опасном деянии, т. е. констатацией фактически происшедшего во внешнем мире. Следует иметь в виду, что лицу, совершившему общественно опасное деяние, дается также морально-политическая оценка. Необходимость этой оценки объясняется активной ролью сознания и воли человека, как основы для его практической деятельности. Целенаправленность в реакции Советского государства и общественности в отношении лиц, посягнувших на общественные отношения, без этой оценки вряд ли возможна.

Марксизм-ленинизм подчеркивает активную роль воли и сознания человека. Действия человека он отнюдь не рассматривает как находящиеся вне сферы сознания. Насколько существенное значение марксизм придает активной роли сознания человека, видно из следующих слов Ф. Энгельса: «... в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям».²⁶⁷

Активная роль воли и сознания человека неизмеримо возрастает в социалистическом обществе. Это гениально предвидели основоположники марксизма. «Объединение людей в общество, — писал по этому поводу Ф. Энгельс, — которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей».²⁶⁸

Активной ролью человеческого сознания и объясняется факт, что познание вызывает оценку. В этой оценке находит выражение партийность материализма, не удовлетворяющегося одной только констатацией происшедшего. Оценку происшедшего прямо предполагает В. И. Ленин, указывая: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю».²⁶⁹ Но вместе с тем «... материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».²⁷⁰ Именно партийная оценка является существенным фактором, от которого зависят цели человека и которым направляется его практическая деятельность.

²⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 306.

²⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 295.

²⁶⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 142.

²⁷⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 380—381.

Сознание и воля общественных классов тоже активны. Они с партийных позиций оценивают происшедшее во внешнем мире. Под воздействием этой оценки формируются цели и направляется практическая деятельность общественных классов. В Советском государстве общественная оценка имеет своим критерием в конечном счете волю всего народа и служит задачам практической, целеустремленной деятельности по построению коммунизма.

Посягательства на советские общественные отношения вызывают также общественно-политическую, партийную, нередко и правовую оценку, а вместе с тем соответствующую реакцию со стороны общественности и органов государства, направленную на достижение определенных целей. Эта реакция выступает в виде обратного воздействия на лицо, совершившее посягательство на советские общественные отношения.

При такой исходной точке зрения проблема обоснования ответственности, в том числе и правовой, сводится к обоснованию реакции со стороны советской общественности и органов государства в отношении лиц, нарушивших свой долг. Спрашивается, чем обусловлено осуждение такого лица, притом осуждение, выразившееся в лишении этого лица каких-либо благ, почему оно отвечает перед Советским государством и (или) общественностью за совершенные им общественно опасные деяния?

Из самой постановки вопроса вытекает недостаточность утверждения о том, что основанием, например, юридической ответственности служит совершение правонарушения. При таком ответе следует дальнейший вопрос: почему же такое деяние является достаточным основанием для ответственности?

«... Для того, — пишет М. С. Строгович, — чтобы признать то или иное утверждение достаточным основанием другого утверждения, необходимо, чтобы само это утверждение, служащее достаточным основанием, было истинным, а истинным мы его можем признать лишь тогда, когда и оно имеет свое достаточное основание».²⁷¹ С этой точки зрения заслуживает внимания положение о том, что основанием ответственности являются деяния людей, обладающие определенными объективными и субъективными признаками.²⁷² При этом следует, однако, иметь в виду, что вопрос об этих качествах деяния явно выходит за рамки юридического анализа понятия деяния и связан с общественной, моральной оценкой действующего лица. Вопрос об оценке этого лица и совершенных им поступков имеет исключительно важное значение потому, что без

²⁷¹ М. С. Строгович, *Логика*, М., 1949, стр. 52—53.

²⁷² Такое утверждение было высказано О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским в монографии *Вопросы теории права*, М., 1961, стр. 314, 328.

нее целеустремленное реагирование на общественно опасные деяния вообще невозможно.

Оценка вменяемых лицу общественно опасных поступков производится с двух аспектов. В одном случае оценка отправляется от самого деяния, как объективного факта общественной жизни, во втором — от нарушителя долга, как «автора» деяния.

Любое деяние, противоречащее нормам общественного поведения, является поступком общественно опасным (см. выше, § 1). Это — объективное свойство деяния. Но проявление общественной опасности, как любого факта внешнего мира, доступного человеческому познанию, подвергается научному анализу, расценивается определенным образом и вызывает соответствующую реакцию со стороны советской общественности и государства в лице его органов. Содержание этой оценки и направленность реакции определяются тем, что нарушение долга наносит ущерб общественным интересам и несовместимо с задачами построения коммунистического общества. В общественной опасности деяния, следовательно, и состоит объективное основание ответственности. Объективно оно потому, что общественно опасное деяние есть явление объективной действительности, результат которого воплощен во внешнем мире. Что общественная опасность имеет самостоятельное в политическом отношении значение, прямо вытекает из следующих слов В. И. Ленина: «В личном смысле разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы нет, ибо политика — это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян по слабости или предателями по корысти».²⁷³

С другой стороны, если вред интересам советского народа нанесен виновно и общественно опасное посягательство вменяется в вину, то, само собой разумеется, что поведение виновного и личность его станут предметом оценки со стороны советской общественности и органов Советского государства. Эта оценка имеет моральную основу, но, в случае совершения правонарушения, включает в себя и правовые суждения. Она ориентирована на субъективное, на нарушителя общественного долга и, вместе с тем, распространяется на психику его, на его познавательные процессы и побуждения. В результате подобной оценки виновному в нарушении общественного долга выносятся личный упрек, он подвергается общественному, моральному, а в случае совершения правонарушения, также юридическому осуждению. В ответе на вопрос о том, чем вызвано осуждение виновного в нарушении общественного долга и заключается субъективное основание ответственности.

²⁷³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 329.

Если человек не властен сам определить линию своего поведения, если она определяется помимо его, то он не может нести ответственности за то, что он делает и поведение его не вызывает ни нравственного, ни, тем более, юридического осуждения. Однако человек в социалистическом обществе имеет возможность сам определить линию своего поведения, отвергнув все решения, несовместимые с ней. Конкретная обстановка, в которой находится лицо, не создает фатальной необходимости в совершении того или иного поступка. Закономерный ход событий, в котором участвуют люди, осуществляется не помимо, а посредством воли людей и их сознательных действий. Человек в социалистическом обществе обладает способностью принимать решения с пониманием совершаемого, руководить своими поступками, сознательно преследовать определенные цели.²⁷⁴ Именно в этом плане решается вопрос об обосновании ответственности не только в теории советского государства и права,²⁷⁵ но также в советской психологии²⁷⁶ и марксистско-ленинской этике.²⁷⁷

Судить об общественно опасном деянии можно только на основе всех обстоятельств в их совокупности, при которых был совершен вменяемый поступок, ибо в общественной опасности деяния находит свое выражение именно вся совокупность этих обстоятельств. С другой стороны, и о самом нарушителе своего долга можно судить только по совершенному им деянию, на основании всех вменяемых ему объективных и субъективных обстоятельств, в том числе и по его психическому отношению к общественно опасному деянию и его результату.

«... действие, — указывает В. И. Ленин, — не содержит... вообще ничего, что не содержится в причине, и н а о б о р о т».²⁷⁸ Поэтому и в случае совершения общественно опасного деяния причина (психическое и физическое «я» субъекта) переходит в действие (нарушение своего долга), а это действие является не чем иным, как проявлением причины, есть в сущности сама причина. Именно потому, что причина переходит в действие,

²⁷⁴ И. С. Самошенко в статье Свобода воли и ее значение для правового регулирования общественных отношений, «Советское государство и право», 1963, № 12, стр. 37—40, а также в монографии Понятие правонарушений по советскому законодательству, М., 1963, стр. 139, правильно, как мы полагаем, указывает, что ответственность основывается не на свободе воли в философском смысле (способность и возможность человека познавать объективные законы развития действительности и использования их для достижения определенных целей), а на относительной свободе воли (зависимость поведения человека от его собственного решения). См. также Я. М. Брайнин, Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, М., 1963, стр. 77.

²⁷⁵ См. Теория государства и права, М., 1962, стр. 490—491.

²⁷⁶ См. С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, М., 1957, стр. 281—286.

²⁷⁷ См. А. Ф. Шишкин, Основы марксистской этики, М., 1961, стр. 205.

²⁷⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 148.

вся совокупность объективных и субъективных обстоятельств, при которых было совершено деяние, вызывает морально-политическое, а в случае совершения правонарушения — вместе с тем и юридическое осуждение виновного. «... по каким признакам, — писал В. И. Ленин, — судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты».²⁷⁹

Объективное и субъективное основания ответственности образуют диалектическое единство. Только вместе, в их неразрывной связи они обосновывают ответственность и являются достаточными для применения органами государства или общественностью к виновному мер ответственности. Ни объективное, ни субъективное основания ответственности, взятые в отдельности, не представляются достаточными для ее обоснования.

Действительно, при обосновании ответственности речь идет не просто об обосновании личного упрека, выносимого виновному, но и об обосновании лишения его определенных благ. Если упустить при этом из виду общественную опасность деяния, то ущерб, нанесенный общественным отношениям, оттесняется на задний план. Это означало бы признание в принципе ответственности за процессы, происходящие в психике виновного. Роль ответственности была бы исчерпана одним только осуждением виновного. С другой стороны, если основанием ответственности служило бы одно только объективное ее основание, то механизм ответственности был бы весьма неполон и крайне ограничен в своем действии. В самом деле, ответственность — это не просто средство охраны советского правопорядка, но и воздействие, оказываемое на виновного в посягательстве на этот порядок.

Из того, что обоснование ответственности всегда включает в себя обоснование личной, персональной ответственности, вытекает весьма важный в плане настоящего исследования вывод: государственная и общественная реакции, вызванные общественно опасными деяниями, имеют объектом воздействия личность виновного, с которой неразрывно связаны различные принадлежащие ему блага. Вследствие этого в качестве средств этого воздействия на первый план выдвигаются убеждение и принуждение — движущие силы в механизме правового регулирования.

При обосновании юридической ответственности должна быть учтена специфика последней. В законодательных

²⁷⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 385.

или иных нормативных актах предусмотрены различные виды этой ответственности, а в пределах вида она индивидуализируется правоприменяющим органом.

Несмотря на отмеченную специфику, было бы, однако, неверным расчленение единой проблемы на отдельные, независимые друг от друга вопросы: на обоснование юридической ответственности в целом, на обоснование ее отдельных видов и на обоснование индивидуальной ответственности данного правонарушителя. В самом деле, обоснование юридической ответственности «вообще» включает в себя также обоснование всех ее видов, а вместе с тем и конкретной меры ответственности. При этом ответственность обосновывается лишь более конкретно, а именно — применительно к данному случаю.

Необходимость подобной конкретизации обусловлена тем, что общественная опасность деяния весьма многообразна, ее степени бесчисленны, характер ущерба, причиненного общественным отношениям, различен.²⁸⁰ Как раз эту конкретную общественную опасность деяния имеет своей основой индивидуальная ответственность правонарушителя. При этом правоприменяющий орган, разумеется, связан с данной законодательной итоговой оценкой общественной опасности соответствующего вида правонарушений (см. также выше, § 2, п. 3).

С другой стороны, относительная свобода воли также может иметь различные степени и обладать различным характером. В связи с этим правильно отмечает И. С. Самощенко: «Свобода воли в смысле зависимости поведения человека от его собственного решения дает основания для упрека со стороны общества и государства за совершенный им проступок; с уменьшением ее степени уменьшается и осуждение, а отсутствие ее в случаях, когда человек выступает как лишенный собственной воли объект, исключает такое осуждение...».²⁸¹ И с этой точки зрения обоснование ответственности предполагает обоснование также ее конкретной меры. А это возможно только исходя из степени свободы воли в каждом конкретном случае.

Вопрос об обосновании юридической ответственности возникает не только в науке права, но также и нормотворческой и правоприменяющей деятельности органов государства и общности. В зависимости от компетенции этих органов он решается каждым из них в различном объеме.

²⁸⁰ Наоборот, юридические обязанности равны (см. выше, § 2, п. 3). Поэтому отнесение нарушения юридической обязанности к основаниям ответственности, а равно раскрытие природы ответственности посредством понятия правовой обязанности (см. выше, п. 1), закрывает путь к индивидуализации юридической ответственности.

²⁸¹ И. С. Самощенко, Свобода воли и ее значение для правового регулирования общественных отношений, «Советское государство и право», 1963, № 12, стр. 38.

В нормотворческой деятельности данный вопрос возникает в связи с установлением юридической ответственности за те или иные виды общественно опасных деяний. Свои выводы по этому вопросу законодатель выражает при определении составов правонарушений, при описании их признаков, а также при указании пределов ответственности за отдельные посягательства на советский правопорядок.

В деятельности правоприменяющих органов вопрос об обосновании юридической ответственности возникает, главным образом, под углом зрения назначения конкретной меры ответственности²⁸² в установленных законодателем пределах. Только в виде исключения в случаях, предусмотренных законом, правоприменяющий орган ставит вопрос о наличии обстоятельств, исключающих юридическую ответственность.

При назначении меры ответственности за конкретные деяния, содержащие состав определенного правонарушения, правоприменяющий орган, по сути дела, руководствуется теми же критериями, которые служили законодателю обоснованием данного вида ответственности, — общественной опасностью деяния и упречным состоянием психики правонарушителя.²⁸³ К этому его прямо обязывает закон (например, ст. 36 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»).

²⁸² Именно об этом говорится, например, в ст. 274, ч. 4 УПК Эстонской ССР.

²⁸³ См. об этом более подробно в гл. VI настоящей работы.

Глава III

УБЕЖДЕНИЕ И БОРЬБА С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА СОВЕТСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК

§ 1. Коммунистические убеждения и формирование их у лиц, совершивших посягательства на правопорядок

1. Средства воздействия на человека весьма различны. Было бы неверно отнести к ним только убеждение и принуждение. Воздействие на человека может быть оказано также внушением, влиянием авторитета, силой традиций, т. н. «методом взрыва», используемым А. С. Макаренко в деле перевоспитания молодых правонарушителей, и т. д., не говоря о воздействии путем изменения среды, в которой человек находится. Вряд ли правильно отнести эти средства к убеждению и принуждению.

В частности, внушение характеризуется тем, что сознание объекта воздействия воспринимает тот или иной материал без обсуждения, без критического к нему отношения и непосредственного участия в нем разума.²⁸⁴ В большинстве случаев именно посредством внушения оказывает воздействие враждебная пропаганда извне. Нельзя отрицать и того, что, например, умонастроение передается человеку, как правило, не путем убеждения, а помимо его — в результате внушения.

Воздействие на правонарушителя может быть оказано различными средствами, среди которых особое место занимают также убеждение и принуждение. Поскольку, однако, борьбу с посягательствами на советский правопорядок нельзя вести без возложения ответственности на правонарушителя, то для выяснения роли убеждения и принуждения в деле этой борьбы нужно ответить на следующий вопрос: является ли убеждение свойством самой юридической ответственности, или же последняя исчерпывается одним только принуждением?

Следует предостерегать от поспешных выводов. В этой связи решается вопрос не о целях применения мер ответственности,

²⁸⁴ См. А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 207—208.

а о механизме самого воздействия, оказываемого на правонарушителя, о средствах этого воздействия и об убеждении и принуждении при этом. В частности, признание принуждения средством воздействия на правонарушителя не предпрещает вопроса о том, является ли кара (репрессия) одной из целей применения мер ответственности. Этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе данной работы.

Кроме того, следует отметить, что вопрос о средствах воздействия, оказываемого на правонарушителя, не предпрещает также вопроса о результате этого воздействия. Различные средства могут содействовать достижению одного и того же результата.

В связи с этим необходимо обратить внимание и на многозначность понятия убеждения. Убеждение — это, прежде всего, средство воздействия на правонарушителя, причем средство, которое в самом деле уже применяется. С этой точки зрения оно представляет собой один из видов самого процесса воздействия на правонарушителя: деятельность по формированию его убеждений. Но убеждение может быть рассмотрено и как результат этого воздействия, как убежденность, т. е. совокупность убеждений, формировавшихся в ходе воздействия на правонарушителя.

Содержание убеждений, вырабатываемых в процессе воздействия на правонарушителя, может быть различным. В основном, это те же требования, которые предъявляются человеку нормами права и морали. Однако, войдя в содержание убеждений, эти требования выступают уже не в виде социальных норм, а как внутренне принятые человеком принципы поведения, как непосредственно действующие побудительные силы его. По своему содержанию эти убеждения коммунистические.

Формирование коммунистических убеждений является составной частью всей идеологической работы, проводимой нашей партией. Этой работе партия всегда придавала огромное значение. Еще более интенсивной она стала в период развернутого строительства коммунизма. Теперь партия зовет не к обороне, а к наступлению на идеологическом фронте.

Видное место отводилось идеологическим вопросам на XXI съезде КПСС. Тем самым подчеркивалось, что работа по формированию коммунистических качеств людей является составной, органической частью семилетки.

На XXII съезде КПСС вновь подчеркивалось, что повышение идеологической работы — неперенное условие успеха при построении коммунизма. В принятой на XXII съезде программе КПСС сказано: «В борьбе за победу коммунизма идеологическая работа становится все более мощным фактором». Это обосновывается тем, что «чем выше сознательность членов общества, тем полнее и шире разворачивается их творческая актив-

ность в создании материально-технической базы коммунизма, в развитии коммунистических форм труда и новых отношений между людьми и, следовательно, тем быстрее и успешнее решаются задачи строительства коммунизма».²⁸⁵ Специально вопросам идеологической работы был посвящен июньский (1963 г.) Пленум ЦК КПСС.

В период развернутого строительства коммунизма задачи в области идеологической работы не ограничиваются разъяснением тех или иных отдельных мероприятий партии и правительства, мобилизацией масс только на выполнение различных текущих задач. В новый исторический период поставлена задача формирования нового человека, переделки сознания людей на базе развивающихся производственных отношений, выработки правильного мировоззрения, научного взгляда на природу и общественное развитие, воспитания новых, коммунистических качеств у людей.

Коммунистическое воспитание²⁸⁶ населения является важнейшей составной частью идеологической работы. Задачей как всей идеологической работы вообще, так и коммунистического воспитания масс является формирование нового человека. Однако формирование нового человека происходит под влиянием не только воспитательной работы партии, Советского государства, профсоюзов, комсомола, а и всего уклада жизни общества: способа производства, форм распределения, бытового обслуживания, общественно-политической деятельности, правовых норм, судебной практики и т. д. Все экономические, социально-бытовые, политические, правовые рычаги необходимо использовать для развития коммунистической сознательности людей и искоренения остатков буржуазной психологии и морали. В программе КПСС прямо указывается: «Формирование нового человека происходит в процессе активного участия в строительстве коммунизма, развития коммунистических начал в экономической и общественной жизни, под воздействием всей системы воспитательной работы партии, государства и общественных организаций».²⁸⁷

Формирование нового человека с правильным, научным мировоззрением и с коммунистической сознательностью есть, вместе с тем, формирование и утверждение прогрессивных, коммунистических убеждений членов советского общества. Этой задаче служит как вся идеологическая работа в целом, так и коммунистическое воспитание в

²⁸⁷ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 3, М., 1962, стр. 315.

²⁸⁶ В данной работе нет ни возможности, ни необходимости входить в подробное рассмотрение вопроса о коммунистическом воспитании населения. Этот вопрос требует самостоятельного исследования.

²⁸⁷ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 3, М., 1962, стр. 315.

частности. При этом первостепенное значение приобретает воспитание и утверждение у всех тружеников советского общества глубокой убежденности в идеалах коммунизма, сознательного отношения к общественному долгу, социалистического интернационализма и патриотизма, преданности Родине, готовности защитить ее, не щадя своей жизни.

Понятие коммунистического воспитания населения шире понятия формирования и утверждения новых, коммунистических убеждений. Коммунистическое воспитание включает в себя и такие формы воздействия, которые не имеют непосредственного отношения к формированию тех или иных убеждений, например, физическое, эстетическое воспитание и пр. С другой стороны, формирование нового человека происходит под влиянием не только воспитательной работы. Новые убеждения вырабатываются и утверждаются под влиянием всего уклада жизни общества, всех экономических, социально-бытовых, политических и правовых рычагов, а, в частности, в процессе труда и в ходе активного участия в строительстве коммунизма.

Формирование убеждений, следовательно, возможно в результате применения любых средств, пригодных оказывать воздействие на человека. Принуждение с этой точки зрения не представляет собой исключения. И по содержанию убеждения, вырабатываемые у правонарушителя посредством принуждения, в принципе не должны отличаться от убеждений, формирующихся под воздействием других факторов.

Другое дело, что убеждениям, вырабатываемым посредством мер, лишенных принудительного характера, являющимся результатом всей идеологической работы по коммунистическому воспитанию трудящихся, присуща большая глубина, они несравненно более тверды, прочны, устойчивы, в меньшей степени подвергаются воздействию со стороны разрушительных факторов. Эти убеждения отличаются и по своей широте. Это коммунистические убеждения в подлинном смысле слова.

Эти различия в убеждениях, вырабатываемых под воздействием различных факторов на правонарушителя, однако, не следует возводить в абсолют. Поэтому неправильно было бы искать критериев для разграничения убеждения и принуждения как средств воздействия на правонарушителя в результате этого воздействия — в специфике убеждений, формировавшихся, с одной стороны, вследствие применения принудительных мер, а с другой — вследствие мер, лишенных принудительного характера.

Итак, чрезвычайно важный с точки зрения установления роли убеждения и принуждения как средств в деле борьбы с посягательствами на правопорядок вопрос сводится к следующему: являются ли убеждение и принуждение силами самостоятельными, стоящими рядом друг с другом; или же они образуют

определенное единство, в частности, в виде содержания мер ответственности?

В советской юридической литературе И. С. Самощенко по этому вопросу писал: «Убеждение и принуждение — средства воспитания, но средства самостоятельные, различные, имеющие специфические особенности. Забвение этого ведет к странной конструкции «принудительного убеждения», которая несовместима с самой сущностью убеждения, ибо отождествляет по существу убеждение и принуждение. . . . Считать принуждение средством убеждения можно только в случае, если под «убеждением» подразумевается итог воспитательной работы, убежденность. Убежденность в необходимости соблюдать законы может быть результатом как убеждения, так и принудительного исправления, поощрения».²⁸⁸

Если, однако, не вызывает сомнений, что в результате принуждения вырабатываются убеждения и, следовательно, что принуждение в самом деле убеждает, то отсюда со всей очевидностью вытекает, что принуждение может в известном смысле служить средством убеждения.²⁸⁹ Нельзя говорить об убеждении только как о результате принуждения, если убеждения еще в ходе применения принуждения не вырабатываются и не утверждаются, и, следовательно, не имеет места сам процесс убеждения. Поэтому высказанное в категорической форме утверждение о том, что «убеждение и принуждение — . . . средства самостоятельные, различные. . . », нуждается в пересмотре. В самом деле убеждение и принуждение как содержание мер ответственности образуют определенное единство. Специфика убеждения при мерах ответственности состоит в том, что в ходе воздействия на правонарушителя оно сочетается с принуждением.

С этой точки зрения следует внести коррективы и в положение о том, что «в отличие от принуждения, при котором человека насильно, против его воли побуждают совершить что-либо или отказаться от чего-либо, при убеждении насилие над волей человека исключено. Воздействие при убеждении оказывается внушением, разъяснением, причем достигается такая степень осознания человеком необходимости поступать определенным образом, при которой желаемое для убеждающих поведение данного лица полностью соответствует желанию и воле убеж-

²⁸⁸ И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 258—259.

²⁸⁹ Мы подчеркиваем: «в известном смысле», так как назначение принуждения этим вовсе не ограничивается. Поэтому для раскрытия существа принуждения этот признак непригоден. С. Ф. Кечекьян указывает в работе Правоотношения в социалистическом обществе, М., 1958, стр. 67, что и «возможность принуждения составляет одно из средств воспитания и убеждения граждан».

денного».²⁹⁰ Достижение соответствия между желаниями и волей убежденного и убеждаемого действительно имеет место, но, тем не менее, в случае применения мер ответственности принуждение не исключает убеждения, и наоборот.

Механизм формирования убеждений, т. е. сам процесс убеждения в случае применения принудительных средств, требует особого рассмотрения применительно к отдельным видам принуждения. Но если признать, что в результате принуждения могут формироваться убеждения, то бесспорно, что они вырабатываются еще в ходе применения принуждения. Свое психологическое объяснение это находит в следующем.

Убеждения человека — это внутренние принятые им побуждения. Побуждения человека порождаются обстоятельствами жизни. Для того, чтобы мотив (побуждение) стал свойством личности, он должен генерализоваться по отношению к ситуации, в которой он первоначально появился, распространившись на все ситуации, однородные с первой, в существенных по отношению к личности чертах.²⁹¹

Осуждение правонарушителя не только в юридическом, но и в морально-политическом отношении, выразившееся в приписании ему тех или иных лишений, может вызвать у виновного переживание не только своего поступка, но и применения к нему мер ответственности. Это и есть та ситуация, которая порождает мотив. Генерализация этого мотива происходит под влиянием переживаний правонарушителя, а также всего комплекса мер, при помощи которых на него оказывают воздействие. В результате этого человек осознает, оценивает и принимает эти побуждения как принципы поведения, которые постепенно превращаются в убеждения.

Сказанное, конечно, не может служить основанием для стирания различий между убеждением и принуждением. Они как средства в самом деле имеют специфические особенности. Последние касаются источника воздействия. В случае принуждения этим источником являются лишения, причиняемые правонарушителю, которые при воздействии посредством одного только убеждения, разумеется, отсутствуют.

Было бы, однако, неправильно вывести убеждение за пределы мер ответственности и рассмотреть его в качестве простого придатка к принуждению. Это — не фактор, сопровождающий применение мер ответственности, а необходимый, внутренне им присущий элемент. Лишь при условии использования в полной мере всей силы убеждения можно добиться максимального эффекта в деле обратного воздействия на право-

²⁹⁰ Д. И. Бернштейн, Социалистическая правовая норма и особенности ее охраны в современный период, «Правоведение», 1964, № 2, стр. 133.

²⁹¹ См. также С. Л. Рубинштейн, Принципы и пути развития психологии, М., 1959, стр. 134. (Подробнее см. гл. IV, §§ 1 и 2, п. 2.)

нарушителя — его исправления и перевоспитания. Если убеждение вывести за пределы мер ответственности, то получится, что цель, исправление и воспитание, а вместе с тем и формирование коммунистических убеждений правонарушителя, является чем-то потусторонним по отношению к самой ответственности, внутренне ей не присуща, а достижение ее нередко может оказаться просто случайностью. Из положения о том, что ответственность есть отрицательная обратная связь, вовсе не вытекает, что эта связь только отрицательная. Она, вместе с тем, является связью обратной, а поэтому включает в себя и положительное.

Теперь можно ответить и на поставленный в начале вопрос. Без принуждения мер ответственности не бывает. Но было бы неправильно выводить убеждения за пределы самой ответственности. С этой точки зрения не только в сфере правоохраны вообще, но и в деле правоохраны в более узком смысле (см. гл. 1, § 2, п. 3), в непосредственной борьбе с посягательствами на советский правопорядок положение о субсидиарном значении принуждения в советском обществе полностью сохраняет свое значение. Это положение, конечно, находит здесь свое специфическое выражение. Но бесспорно и то, что без учета его невозможно раскрытие всего значения убеждения в борьбе с посягательствами на советский правопорядок и, в частности, понимание путей развития института ответственности в период развернутого строительства коммунизма.²⁹²

2. Основой при раскрытии понятия убеждения, а также механизма формирования и утверждения убеждений служит марксистско-ленинская теория познания.

Диалектический материализм рассматривает познание как процесс отражения и воспроизведения в человеческом мышлении действительности. Этот процесс весьма сложный и осуществляется в самых многообразных формах. Он имеет свои стадии и ступени. В нем участвуют различные силы и способности человека.

В процессе познания люди приобретают знания о реальных явлениях. Они осознают окружающий их мир. Вместе с тем, они познают и усваивают также знания, приобретенные их предшественниками.

Марксизм-ленинизм считает, что познание мира возможно только в процессе общественно-трудовой деятельности людей. С этой точки зрения познание имеет своей основой практику и служит потребностям практики. Следовательно, прак-

²⁹² Пока мы ограничимся этими замечаниями. Мерам ответственности уделяется внимание также и в следующих главах данной работы. Вопрос о взаимодействии убеждения и принуждения в процессе применения мер ответственности будет рассмотрен в гл. IV, § 2.

тика выступает в качестве необходимого момента самого познания. Но в то же время знания, приобретенные в процессе познания, используются для преобразования мира, для подчинения природы потребностям людей.

Важное значение при этом имеет то обстоятельство, что одной из форм отражения мира, наряду с познаниями, являются эмоции человека. Они отражают окружающие явления не сами по себе, а в их отношении к человеку, в их значении для его потребностей и мотивов деятельности. «Воздействия внешнего мира на человека, — писал Ф. Энгельс, — запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом — в виде «идеальных стремлений», и в этом виде они становятся «идеальными силами»».²⁹³

Совокупность всех психических процессов, включая и познание, активно участвующих в отражении и осмыслении человеком объективного мира, а вместе с тем и своего собственного бытия, есть его сознание. Именно сознание выделяет человека из окружающей среды, определяет его отношение к ней, организует его общественно-трудовую деятельность. В. И. Ленин писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его».²⁹⁴

В связи с этим можно говорить, с одной стороны, о сознании человека, как об отражении действительности, и о сознании, реализующемся в деятельности людей, — с другой стороны. Под первым углом зрения возникает вопрос о соотношении сознания с бытием, под вторым — вопрос о воздействии сознания на практическую жизнь людей. В этом последнем плане задается, в частности, вопрос о роли и силе воздействия сознательности на поведение людей, на их общественно-трудовую деятельность, о влиянии различных чувств, эмоций, настроений, а также о различных методах воспитания сознания, воли и чувств.

Имея в виду второй аспект вопроса, А. К. Уледов в исследовании об общественном мнении советского общества говорит о состояниях сознания. Он указывает: «Состояние сознания непосредственно сопровождает практическую деятельность людей, или, лучше сказать, включено в нее. Поэтому вполне оправданно ... сопоставлять сознание в целом как отражение действительности с присущими ему умственными, эмоциональными и вольными моментами, с сознанием, тоже взятым в целом, но уже как деятельностью, или, вернее, с сознанием, реализующимся в практической деятельности людей».²⁹⁵

²⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, "Сочинения", т. 21, стр. 290.

²⁹⁴ В. И. Ленин, "Сочинения", т. 38, стр. 204.

²⁹⁵ А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 47.

Понятие состояния сознания применимо не только к общественному сознанию, но и к индивидуальным его формам, в том числе и к убеждениям человека.

Следовательно, структура убеждений человека сложна. Они входят в сознание человека и непременно имеют две стороны — интеллектуальную и эмоциональную и существуют только при неразрывном их единстве.¹

В учебном пособии «Основы коммунистического воспитания» указывается: «убеждения... — это не только знания, но и принципы поведения, опирающиеся на личный опыт, связанные с чувствами и переживаниями; это единство знаний и чувств человека. Под влиянием убеждений у человека возникает определенное эмоциональное отношение к своим поступкам, определенные, осознанные мотивы поведения».²⁹⁶ Представляя собой единство знаний и чувств, убеждения характеризуются и как такое состояние сознания личности, которое ввиду своей устойчивости и прочности выступает и без внешнего вмешательства как регулятор поведения человека.²⁹⁷ При таком особом состоянии сознания поведение человека не только внешне, но и по своему существу вытекает из его собственных внутренних побуждений. Следовательно, убеждения — это осознанные человеком, внутренне принятые им и непосредственно на него действующие побудительные силы, ставшие принципами поведения.

Не всякие побуждения, в силу которых человек соблюдает правовые нормы, можно признать его убеждениями. Нет убеждений, когда человек в порядке внешнего приспособленчества выполняет предъявленные ему требования. Такое приспособленчество может быть результатом внушения, а, тем более, оно имеет место в тех случаях, когда правовые нормы не нарушаются из страха перед ответственностью.

Следовательно, осознание неотвратимости, неизбежности ответственности за посягательства на советский правопорядок, понимание неминуемости государственной и общественной реакции в случае нарушения общественного долга не может рассматриваться как убеждение. Такое «убеждение» поддерживается страхом, имеющим своим основанием личный опыт правонарушителя. Но страх — это не убеждение.

При рассмотрении убеждений как особого состояния сознания на первый план выдвигается эмоциональная сторона убеждений, между тем как знания, являющиеся продуктом познавательной, мыслительной деятельности человека, характеризуют прежде всего интеллектуальную сторону убеждений. Так же, как при отсутствии эмоциональной сто-

²⁹⁶ Основы коммунистического воспитания, М., 1962, стр. 161.

²⁹⁷ См., например, также Р. А. Сафаров, Общественное мнение и общенародное право, «Советское государство и право», 1964, № 4, стр. 89—90.

роны, без соответствующих переживаний, нет самих убеждений — твердых принципов поведения, нет убеждений и без необходимых знаний человека.

Обстоятельство, что убеждения вырабатываются в процессе отражения действительности, имеет непосредственное значение с точки зрения правильного понимания путей, закономерностей, короче, механизма формирования убеждений. Им объясняется, прежде всего, сама объективная возможность успешной борьбы со старыми убеждениями. Последние преодолимы, коль скоро они не будут соответствовать действительности.

Действительность — факт объективного мира, который человек способен познать. Путь к преодолению убеждений, не соответствующих действительности, и к формированию новых убеждений лежит в доведении самой действительности до сознания человека.

В формировании новых убеждений и в борьбе со старыми убеждениями заинтересованы передовые классы, борющиеся за общественный прогресс. Но передовые классы отнюдь не стремятся к закреплению в сознании людей покоящейся действительности. Они рассматривают действительность в движении, в развитии, которое, разумеется, не является скоплением случайностей, а есть закономерный процесс. Доведение до сознания человека объективных законов общественного развития есть познание действительности в ее развитии, а вместе с тем и основа для формирования новых, прогрессивных убеждений. Возможность формирования и утверждения новых, прогрессивных убеждений и преодоления старых, отживших или отживающих свой век, покоится в советском обществе и на том, что сами эти прогрессивные убеждения соответствуют коренным интересам личности.

У нас, где марксизм-ленинизм овладел массами, не только возможно, но и вполне закономерно, что сознание опередит общественное развитие и на этой основе вырабатываются новые, прогрессивные убеждения, которые будут преобладать над старыми. Марксизм-ленинизм — это самая передовая наука о законах развития природы и общества. Он правильно отражает объективную действительность и законы ее развития. Поэтому в деле формирования прогрессивных убеждений он играет главную роль.

Формированию новых, прогрессивных убеждений В. И. Ленин придавал огромное значение. Он писал: «Первой задачей всякой партии будущего является — убедить большинство народа в правильности ее программы и тактики».²⁹⁸ О необходимости убеждать В. И. Ленин говорил и тогда, когда партия выдви-

²⁹⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 213.

гала те или иные новые конкретные задачи.²⁹⁹ При этом В. И. Ленин указывал, что порой убеждение требует длительного напряжения сил. Так, В. И. Ленин писал, «...воздействовать на миллионные мелкие крестьянские хозяйства можно только постепенно, осторожно, лишь удачным практическим примером, ибо крестьяне — люди слишком практичные, слишком крепко связанные со старым земельным хозяйством, чтобы пойти на какие-либо серьезные изменения только на основании советов и указаний книжки».³⁰⁰

В борьбе с посягательствами на советский правопорядок формирование коммунистических убеждений правонарушителей является основным средством преодоления отставания их сознания от бытия и «подтягивания» его до уровня общественного сознания. Это, следовательно, способ устранения действия причин и обстоятельств, благоприятствующих совершению правонарушений (см. гл. 1, § 2, п. 2). Именно такая цель внутренне присуща институту ответственности по советскому праву.

Конечно, тюрьма не является школой коммунизма. Но и в местах лишения свободы могут и должны быть выработаны по крайней мере те коммунистические убеждения, которые впредь удерживали бы данного преступника от посягательств на советский правопорядок.

В настоящее время наша страна находится на завершающем этапе культурной революции, основным содержанием которого является создание всех необходимых идеологических и культурных предпосылок коммунизма. В свете этих задач выработка коммунистических убеждений, формирование научного мировоззрения у всего населения является неотложной задачей. Для ее разрешения налицо все условия. Следует, в частности, иметь в виду, что в ближайшие годы основная масса советских граждан по тем или иным каналам получит полное среднее, среднее техническое или высшее образование. Но чем больше человек образован, развит и культурен, чем лучше он понимает законы общественного развития, тем легче вырабатываются его прогрессивные убеждения.

Вместе с тем, однако, необходимо иметь в виду, что даже тогда, когда человек не сомневается в правильности и обоснованности коммунистических идей, в созидательной их силе, в глубокой научности марксистско-ленинской идеологии и высокой теоретической зрелости нашей партии, он, тем не менее, не всегда руководствуется коммунистическими идеалами, а действует под влиянием индивидуалистических побуждений. Это объясняется тем, что его коммунистические убеждения недостаточно прочны и не утвердились ещё как принципы поведения.

²⁹⁹ См., например, В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 14.

³⁰⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 174.

В связи с этим следует проводить различие между утверждением убеждений, независимо от того, идет ли речь о вновь выработанных или об уже существующих убеждениях, и формированием новых убеждений. Такое различие находится в полном соответствии с наличием двух сторон убеждений. Как правило, убеждения вырабатываются в сфере интеллектуальной, мыслительной, а утверждаются — в сфере эмоциональной деятельности человека, хотя, с другой стороны, идеи придают большую глубину и устойчивость эмоциям. Лишь в результате утверждения, убеждения делаются прочными и превращаются в твердые принципы поведения.

Указанное различие является условным. Психические процессы человека не могут быть оторваны друг от друга. Тем не менее это различие имеет определенное практическое значение. Оно ориентирует на выяснение в каждом отдельном случае источника отставания сознания правонарушителя от бытия и вместе с тем содействует выбору наиболее целесообразных средств для преодоления отставания. В зависимости от особенностей конкретного случая может оказаться необходимым отделить то интеллектуальную, то эмоциональную сторону вырабатываемых убеждений. Усвоение знаний, понимание содержания и характера общественного долга, а также осознание необходимости правовых обязанностей возможны не иначе, как под влиянием мыслительной деятельности. Но и возникновение того или иного эмоционального отношения правонарушителя к своим обязанностям, превращение идей в принципы поведения, знаний — в личные убеждения, выработка мотивов деятельности предполагают особые психические процессы — определенные переживания человека.

Вопрос этот сугубо практический. У расхитителя социалистического имущества, у хулигана, у взяточника и т. д., очевидно, мотивы совершения преступления разные. Разумеется, различными должны быть и контрмотивы. С этой точки зрения, например, при воздействии на хулигана особое значение должно быть обращено на воспитание его в духе соблюдения правил социалистического общежития, уважения товарищей и коллектива. Пока беспрекословное соблюдение именно правил общежития не стало твердым принципом его поведения, внутренним его убеждением, необходимость исправительного воздействия на него не исключается. Он, в частности, не подлежит условно-досрочному освобождению от наказания, несмотря даже на честное отношение к труду и наличие подобных тому других положительных показателей.

Иногда несоблюдение юридических норм, например, должностных инструкций, может быть связано с недостаточной осведомленностью в служебных обязанностях. Тогда, конечно, первостепенное значение имеет разъяснение соответствующего нор-

мативного материала. Как правило, однако, в этих случаях нет необходимости ни в формировании, ни в утверждении убеждений правонарушителя. Новые знания просто вливаются в убеждения, которые уже налицо.

Убеждений нельзя получить в готовом виде посредством одного только распространения знаний. Их нужно выработать самостоятельно, а для этого требуются как мыслительные, так и эмоциональные процессы. Только тогда убеждения станут неотделимыми от личности человека. Это верно и в отношении правонарушителя. При этом весьма важное значение имеет также эмоциональное воздействие на него. Объясняется это тем, что случаи несоблюдения норм права вследствие незнания их, крайне редки. Законодатель предполагает наличие сознания противоправности и общественной опасности посягательств на советский правопорядок у каждого вменяемого человека (см. также ниже, § 2, п. 1).

Эмоциональное воздействие на правонарушителя оказывают как убеждение, так и принуждение. Особенно чувствительны переживания, вызываемые принуждением. Но это вовсе не означает, что принуждение не имеет вообще отношения к содержанию вырабатываемых убеждений, к их интеллектуальной стороне. Такие меры уголовных наказаний, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, конфискация имущества (не говоря о специальной конфискации, не являющейся наказанием), а тем более дисциплинарные взыскания и меры имущественной ответственности, бесспорно, влияют на содержание убеждений, вырабатываемых в процессе воздействия на правонарушителя.

При раскрытии механизма утверждения коммунистических убеждений следует иметь в виду также значение нравственных факторов с точки зрения психических процессов человека. Как известно, мораль имеет яркую эмоциональную окраску. Вследствие этого в случае признания посягательств на советский правопорядок нарушением также морального долга и осуждения их со стороны общественного мнения как поступков безнравственных, эмоциональные процессы правонарушителя активизируются и вызываются определенные его переживания.

Общественное мнение формируется в процессе взаимодействия социальной идеологии и психологии.³⁰¹ Поэтому оно не просто включает в себя чувства, эмоции и переживания народа, в том числе и нравственные, но приобретает одновременно черты осознанности и определенности.³⁰² Овладевая в силу присущего

³⁰¹ Общественная идеология и психология — предмет самостоятельных исследований в философской, социологической и психологической литературе. Подробное рассмотрение их выходит за пределы настоящей работы.

³⁰² См. А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 59.

ему морального и политического авторитета сознанием масс, общественное мнение выступает как материальная сила.³⁰³

С этой точки зрения понятно, что общественное мнение затрагивает не только интеллектуальные, но и эмоциональные процессы людей. Его влияние огромно как на сознание и волю, так и на чувства правонарушителя. Под его воздействием вырабатываются и подтверждаются новые убеждения, а вместе с тем поддерживаются положительные убеждения, которые уже налицо.

Это положение имеет значение с точки зрения борьбы с посягательствами на советский правопорядок также потому, что оно применимо и к т. н. обыденному сознанию общества. Наличие противоречий между теоретическим сознанием и обыденным сознанием отдельных коллективов или социальных групп, в которые правонарушитель входит, а возможность таких противоречий не исключена, нередко способствует совершению правонарушений. Так, ротозейство, безразличность к сохранности социалистического имущества, недостаточная прочность коммунистических убеждений коллектива цеха, бригады и т. п. являются, бесспорно, обстоятельствами, благоприятствующими хищениям. Путем воздействия со стороны общественного мнения отставание обыденного сознания от теоретического может быть преодолено.

Не только общественное мнение, но и государственная оценка и связанные с ней юридическое и нравственное осуждения поступков правонарушителя имеют исключительно важное значение с точки зрения утверждения положительных убеждений. Сила государственной оценки состоит, между прочим, в ее определенности, конкретности, в выражении ее посредством применения мер ответственности к правонарушителю.

Для науки советского права интерес представляет не понятие убеждения вообще, а, прежде всего, вопрос о прогрессивных правовых убеждениях и о роли их в борьбе с посягательствами на советский правопорядок.

Под правовыми убеждениями следует разуметь убеждения граждан, затрагивающие правовые явления, а под прогрессивными правовыми убеждениями — понимание общественной необходимости и справедливости советского права в целом, а также отдельных его норм, уяснение себе значения неприкосновенности советского правопорядка и социалистической законности, и вместе с тем сознание того, что соблюдение каждой отдельной юридической нормы есть нравственный долг, нарушение же ее — деяние общественно опасное.

Правовые убеждения включают в себя не только знание пра-

³⁰³ См. А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 203.

вовых явлений и понимание их общественного значения, но также определенное эмоциональное отношение к ним. В силу своих прогрессивных убеждений советский человек глубоко уважает требования советского права, стремится к претворению в жизнь юридических предписаний, проявляет нетерпимость к любым фактам произвола и беззакония, одобряет меры, принимаемые в отношении правонарушителей в соответствии с советскими законами и на их основании органами Советского государства и общественностью.

Правовые убеждения советского человека имеют регулирующее значение в определенной сфере общественных отношений. Как убеждения вообще, так и правовые убеждения являются принципами поведения для человека, из которых он исходит не только при понимании и оценке явлений общественной жизни, но которыми он руководствуется также в своей практической деятельности. Формирование и утверждение прогрессивных правовых убеждений правонарушителя является одной из важных целей применения мер юридической ответственности.

Правовые убеждения не являются особой формой сознания человека и их совокупность не следует рассматривать в виде индивидуального правосознания.³⁰⁴ Действительно, правосознание мыслится только как форма общественного сознания. Именно в этом плане оно и рассматривается в философской, а также советской юридической литературе.

Отсюда, однако, вовсе не вытекает, что правовые убеждения граждан могут рассматриваться в отрыве от социалистического правосознания. Правосознание оказывает существенное влияние на формирование и утверждение правовых убеждений граждан. Оно является одним из факторов, побуждающих к соблюдению норм права.

В советской юридической литературе И. Е. Фарбер подробно доказывает, что правосознание распадается на правовую идеологию и правовую психологию, а в составе последней выделяются правовые чувства.³⁰⁵

Нельзя, конечно, отрицать того очевидного факта, что правосознание как особое состояние сознания³⁰⁶ включает в себя

³⁰⁴ О наличии наряду с общественным правосознанием также индивидуального правосознания говорит Е. А. Лукашева в статье О воспитании правосознания и правовой культуры в период развернутого строительства коммунизма, «Советское государство и право», 1962, № 7, стр. 37—38.

³⁰⁵ См. И. Е. Фарбер, Правосознание как форма общественного сознания, М., 1963, гл. II.

³⁰⁶ А. К. Уледов в монографии Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 51, рассматривает сами социальные нормы как состояние сознания. С этим согласиться нельзя. В частности, формой общественного сознания является не право, а правосознание. Практически почти невоз-

чувства, а поэтому имеет не только интеллектуальную, но и эмоциональную сторону. Спорным в советской юридической литературе оказывается лишь отнесение этих чувств к правовым. Высказывается мнение, что т. н. правовые чувства и эмоции являются моральными переживаниями, а в праве и правосознании преобладает логический, рассудочный элемент.³⁰⁷ В самом деле дискуссионным представляется также более общий вопрос, а именно — подразделяются ли социальная идеология и социальная психология в соответствии с формами общественного сознания на виды, или же такое деление присуще только общественному сознанию в целом? Отсюда напрашивается и более конкретный вопрос — в самом ли деле правосознание состоит из правовой идеологии и правовой психологии, а нравственное сознание из нравственной идеологии и нравственной психологии?

Представляется, что общественная идеология, как более развитая ступень общественного сознания, действительно распадается на отдельные формы — политические и правовые взгляды, этические и пр. воззрения людей. Наоборот, «в общественной психологии в непосредственном единстве даны политические, нравственные, эстетические и другие взгляды без их четкой дифференциации, общественная психология есть сумма всех этих взглядов, тесно переплетенных друг с другом и не всегда ясно осознанных».³⁰⁸ Это объясняется тем, что наряду с чувствами, умонастроениями и влечениями людей в общественную психологию идеи и взгляды входят в несистематизированном виде. Но если на уровне общественной психо-

можно отличить лишь моральную норму и нравственное сознание этой нормы. См. также И. Е. Фарбер, Правосознание как форма общественного сознания, М., 1963, стр. 121, 168.

³⁰⁷ См. А. В. Мицкевич, Взаимодействие права и нравственности. Взаимодействие форм общественного сознания, М., 1964, стр. 93—94; его же рецензия на монографию И. Е. Фарбера, Правосознание как форма общественного сознания, М., 1963, «Советское государство и право», 1964, № 10, стр. 144; Т. И. Николаева, Роль морали в применении социалистического права, Вестн. ЛГУ, 1963, № 23, стр. 113, 117; Е. А. Шатрова, Общеправное право и общественное сознание, «Советское государство и право», 1964, № 3, стр. 21—22. Е. А. Шатрова упрекает при этом И. Е. Фарбера в том, что, отрицая возможность индивидуального правосознания, но подразделяя общественное правосознание на правовую идеологию и правовую психологию, он тем самым допускает непоследовательность: общественное сознание не может существовать вне сознания, психологии отдельных лиц. Последнее, конечно, бесспорно. Но отсюда вовсе не вытекает, что формам общественного сознания должны соответствовать аналогичные формы индивидуального сознания. То, что в общественной идеологии существует в систематизированном виде, в индивидуальном сознании проявляется в виде отдельных убеждений, переживаний в сфере правовых явлений. Индивидуальное сознание выражается непосредственно не в общественной идеологии, а в общественной психологии, т. е. в «несистематизированном» или обыденном сознании (см. также основной текст).

³⁰⁸ Д. И. Чесноков, Исторический материализм, М., 1964, стр. 295, 296.

логии правовые взгляды не выделяются, то вряд ли возможно на этом же уровне сознания выделение правовых чувств и переживаний.

Общественное сознание дифференцируется, распадается на отдельные формы лишь на уровне общественной идеологии. Хотя сама идеология вырастает на почве общественной психологии, в развитом виде она выступает не иначе как теоретически систематизированное сознание класса или общества.³⁰⁹

Общественная психология и общественная идеология представляют собой два различных уровня общественного сознания. Общественная психология — это т. н. обыденное, общественная же идеология — теоретическое сознание общества. В обыденном сознании преобладает эмоциональная сторона. Наоборот, в теоретическом сознании на первом плане стоит интеллектуальный, логический, рассудочный момент. Именно потому обыденное сознание и выступает как общественная психология, а теоретическое сознание — как общественная идеология.

Подобно тому, как общественная психология не лишена интеллектуальной стороны, и общественная идеология имеет внутреннюю сторону в виде эмоционального отношения не только к отражаемым явлениям, но также к идеям и теориям, в которых бытие отражается. Правда, нельзя говорить о нравственной, правовой и т. п. идеологии и психологии как составных частях отдельных форм общественного сознания. Это — лишь стороны нравственного и правового сознания. Тем не менее и на уровне общественной идеологии в рамках различных форм общественного сознания могут быть выделены правовые чувства, нравственные эмоции и др. образования. Из того, что переживания человека непременно обладают непосредственностью, вовсе не вытекает, что они возможны только на уровне обыденного сознания. Правовые чувства, поскольку они, как говорит И. Е. Фарбер, «... вполне осознанные, разумные чувства, а не смутные, таинственные, неосознанные эмоции»,³¹⁰ составляют сторону теоретического сознания, общественной идеологии.

В советской философской литературе отмечено, что «... в период коммунистического строительства углубляется взаимосвязь общественной идеологии и психологии, укрепляется их органическое единство, в котором впервые гармонически сочетаются мировоззрение и мироощущение, теоретические взгляды и убеждения, идеи и умонастроения, мысли и чувства, рассудок

³⁰⁹ Марксистско-ленинская философия, М., 1964, стр. 444.

³¹⁰ И. Е. Фарбер, Правосознание как форма общественного сознания, М., 1963, стр. 202.

и страсть, разум и воля творцов коммунизма».³¹¹ Результатом забвения этого положения является обеднение содержания форм общественного сознания и недооценка субъективного фактора в развитии советского общества.

В советской философской литературе указывается также, что в первой фазе коммунизма дистанция между общественной идеологией и психологией довольно большая. Пережитки прошлого в сознании коренятся, главным образом, в последней. Общественная психология более консервативна, менее подвижна, нежели общественная идеология.³¹²

На самом деле под видом отставания общественной психологии от общественной идеологии находит свое выражение лишь разрыв между обыденным и теоретическим сознанием. В период развернутого строительства коммунизма этот разрыв будет преодолен. Для этого требуется поднятие обыденного сознания до уровня теоретического сознания. Последнее, однако, вовсе не сводится к «чистой» идеологии. Наряду с развитой идеологией теоретическое сознание имеет также стоящую на высоком уровне внутреннюю сторону.

А. К. Уледов совершенно правильно указывает, что «моральные чувства являются наиболее высокой формой выражения чувств человека».³¹³ Но и нравственное сознание в целом является более высокой формой общественного сознания, во всяком случае по сравнению с правосознанием. Именно к этой форме направлено развитие правосознания советского общества в период развернутого строительства коммунизма. В силу указанной закономерности оба все более сближаются. И дело не просто в сближении. В правосознание все более вливаются нравственные оценки и постепенно само правосознание перерастает в нравственное, которое уже теперь опережает развитие первого.

Лишь под этим углом зрения, имея в виду взаимопроникновение юридических и нравственных оценок, а также особую эмоциональную силу последних, раскрывается в полном объеме значение воздействия, оказываемого нравственным сознанием на правонарушителя. Под влиянием этого фактора правовые убеждения не только формируются, но и утверждаются в нравственной сфере.

Это — не только теоретическое положение, лишенное прак-

³¹¹ Э. Х. Степанян, Развитие общественного сознания и взаимодействие его форм. Взаимодействие форм общественного сознания, М., 1964, стр. 49.

³¹² См. Э. Х. Степанян, Развитие общественного сознания и взаимодействие его форм. Взаимодействие форм общественного сознания, М., 1964, стр. 38; В. А. Ядов, Идеология как форма духовной деятельности людей, Л., 1961, стр. 60.

³¹³ А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 358.

тического значения. Можно привести следующий пример. У заводской проходной одного из предприятий Морского района гор. Таллина для лодырей, пьяниц и прочих нарушителей трудовой дисциплины сделали отдельную кассу: пусть на глазах у всех получают зарплату. Кассу соответствующим образом оформили карикатурами, надписями и сведениями о допущенных правонарушениях, а также о наложенных дисциплинарных взысканиях и примененных по товарищескому суду мерах общественного воздействия. Эти мероприятия очень скоро принесли положительные результаты. Очевидно, что при этом основное значение имела ярко выраженная эмоциональность нравственного воздействия.

3. Широко распространен взгляд, согласно которому в советском обществе убеждение является основным методом в деятельности государства, принуждение же представляет собой метод вспомогательный, субсидиарный.

Положение о методе принуждения, как особом, хотя бы вспомогательном методе руководства, усиленно пропагандировалось во время распространения культа личности. Фактически это послужило обоснованию массовых репрессий в отношении честных советских людей. С ликвидацией последствий культа личности должно быть отвергнуто и положение о принуждении, как особом методе руководства.

Под методом в самом общем значении следует понимать планомерный образ действий для достижения определенной цели. Он характеризуется рядом признаков.

Методу присуща упорядоченность, планомерность, целесообразность самой деятельности. При этом нельзя говорить о методе «вообще». Вопрос о методе должен быть поставлен применительно лишь к определенной деятельности (например, научное исследование, лечение, агитация), направленной на достижение той или иной цели (раскрытие истины, восстановление здоровья, воздействие на сознание и настроения более или менее широких слоев населения). С этой точки зрения, бесспорно, можно говорить и о методе борьбы с посягательствами на советский правопорядок — эта борьба в высшей степени целенаправленна.

Нельзя отождествлять метод и средства, используемые для достижения цели. Этими средствами метод характеризуется только в числе других его признаков. Убеждение и принуждение, строго говоря, тоже представляют собой лишь средства в борьбе с правонарушениями. Это не метод, но, бесспорно, признаки, характеризующие метод борьбы с посягательствами на советский правопорядок.³¹⁴

³¹⁴ В юридической литературе это не всегда достаточно учитывается. Так, например, допуская множество методов борьбы с правонарушениями,

Другое дело, что метод обозначается одним из его признаков, а именно — применяемым средством. Но это вопрос терминологического порядка. Как известно, термины, подобно дефинициям, всегда носят характер некоторой условности. Такая условность может быть оправдана, постольку, поскольку указание на средство раскрывает самую существенную черту метода. С этой точки зрения не вызывает возражений обозначение метода борьбы с посягательствами на советский правопорядок как метода убеждения. В настоящей работе доказывается правильность этого вывода. При этом учитывается не только роль убеждения в деле правоохраны в современных условиях, но и закономерности развития советского общества в период развернутого строительства коммунизма.

Однако условность термина не должна вводить в заблуждение. При данном методе для достижения цели могут применяться не только те средства, которыми метод обозначен, но и другие, играющие не столь важную роль. Само по себе это не может служить основанием для вывода о наличии разных методов. Бывает, что различные средства применяются не изолированно друг от друга, а характеризуют именно данный образ действий.

Это положение применимо и к методу борьбы с посягательствами на советский правопорядок. Действительно, правонарушителей не только убеждают, но и принуждают. В силу преобладающего значения в этой борьбе убеждения, сам метод борьбы называется методом убеждения. Однако, терминология еще не является доказательством правильности положения о том, что принуждение является вспомогательным, дополнительным методом борьбы с посягательствами на советский правопорядок. Принуждение лишь один из признаков, характеризующих данный образ действий.

Конечно, вполне возможно, что для достижения определенной цели применяются изолированно друг от друга различные средства. В этом случае каждый из них действует посредством присущих ему специфических закономерностей и находится за пределами единого образа действий. Если это так, то для достижения определенной цели действительно были использованы различные методы.

Но и с этой точки зрения об убеждении и принуждении нельзя говорить как об особых, различных методах борьбы с по-

И. С. Самощенко в статье Основные пути ликвидации правонарушений в советском обществе, «Правоведение», 1962, № 2, стр. 26, к таким методам относит, в частности, поощрения, передовой пример и мн. др. Очевидно, И. С. Самощенко смешивает понятия «средство» и «метод». В учебнике Советское административное право, М., 1962, стр. 226, правильно указывается, что метод убеждения находит одно из своих конкретных выражений, между прочим, в широком применении поощрений.

посягательствами на советский правопорядок, безразлично, идет ли речь об этой борьбе путем мер общественного или государственного воздействия.

Этот вывод подтверждается тем, что убеждение и принуждение являются в советском обществе не самостоятельными силами, а образуют определенное единство (см. выше, п. 1). Совершенно очевидно, что нельзя говорить о самостоятельных методах, о различном образе борьбы с посягательствами на правопорядок, когда наряду с принуждением убеждение входит в содержание применяемых к данному правонарушителю мер ответственности. В советской юридической литературе правильно отмечено, что в мерах общественного воздействия «... имеет место такое сближение убеждения, воспитания и принуждения, что порой трудно провести четкое разграничение между ними».³¹⁵ Следует также согласиться с утверждением юриста из ГДР Э. Бухгольца, который писал: «нельзя представить себе соотношение «принуждение-убеждение» механически, — принуждение как определенный придаток, извлекать из которого можно больше или меньше. Воспитательное (т. е. целеустремленное) воздействие — это всегда многостороннее, комплексное взаимоотношение; динамическая, изменчивая система, в рамках которой государственно-правовое либо общественно-моральное принуждение является лишь одной из действующих сил».³¹⁶

Дело также в том, что при характеристике метода нельзя ограничиваться указанием одних только средств, которые при данном образе действий применяются для достижения определенной цели. Существенным признаком любого метода являются также способ пользования этими средствами и сама деятельность, направленная на достижение цели. С этой точки зрения метод борьбы с посягательствами на советский правопорядок характеризуется сочетанием мер государственного и общественного воздействия, применением принуждения в связи с наступлением ответственности за правонарушения, неуклонным соблюдением принципов социалистической законности в борьбе с правонарушениями, а также рядом других признаков, подлежащих раскрытию несколько ниже.

Поскольку речь идет об определенном образе действий, о целенаправленной деятельности, которая потому и упорядочена, что она направлена на достижение цели, то все признаки, характеризующие метод, рассматриваются в их единстве. Они составляют внутренне связанную, органически цельную совокупность.

³¹⁵ М. Т. Баймаханов, О методах осуществления общественными организациями переданных им функций государственных органов, «Советское государство и право», 1961, № 6, стр. 35.

³¹⁶ Erich Buchholz, Die erzieherische Funktion der Strafe in der Periode des entfaltenen sozialistischen Aufbaus, «Neue Justiz», 1964, № 19, стр. 593.

Хотя убеждение и принуждение являются признаками, характеризующими метод борьбы с посягательствами на советский правопорядок, не исключена возможность отнесения их и к признакам методов деятельности органов Советского государства при выполнении других задач. Например, принуждение имело существенное значение как признак, присущий деятельности органов Советского государства по подавлению сопротивления враждебных классов. Но было бы неверно пользоваться одним этим признаком для характеристики методов деятельности Советского государства в целом. Это еще более недопустимо без учета конкретных исторических условий.

С этой точки зрения значительный интерес представляет следующее высказывание В. И. Ленина: «Нет сомнения, что без этой черты, — без революционного насилия, — пролетариат не смог бы победить, но также не может быть сомнения и в том, что революционное насилие представляло из себя необходимый и законный прием революции лишь в определенные моменты ее развития, лишь при наличии определенных и особых условий, тогда как гораздо более глубоким, постоянным свойством этой революции и условием ее побед являлась и остается организация пролетарских масс, организация трудящихся. Вот в этой организации миллионов трудящихся и заключаются наилучшие условия революции, самый глубокий источник ее побед».³¹⁷

Метод принуждения никогда не являлся для класса пролетариев методом руководства советским социалистическим обществом. Абсурдно и совершенно несовместимо с марксизмом-ленинизмом рассмотрение приказа, угрозы и принуждения как метода, хотя бы вспомогательного, в руководстве трудящимися. В. И. Ленин писал: «Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить».³¹⁸ «... мы тогда — указывал В. И. Ленин, — правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения».³¹⁹

Предельно ясно подчеркивается в редакционной статье газеты «Правда» от 9 декабря 1964 г. необходимость не только конкретно-исторического подхода к вопросу о роли принуждения в советском обществе, но и рассмотрения этой роли применительно к различным сферам деятельности нашего государства. В статье указывается: «Переход к общенародному государству вызывает и изменение методов деятельности государства. Государство диктатуры пролетариата было орудием классовой борьбы внутри общества; наряду с методами убеждения и воспитания оно применяло в необходимых случаях методы классового принуждения, насилия в отношении сопротивляющихся эксплуататорских классов. В отличие от этого общена-

³¹⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 70.

³¹⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 189.

³¹⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 14.

родное государство осуществляет свою деятельность главным образом путем политического руководства, организации масс, путем воспитания и убеждения. Принуждение еще сохраняется, но оно перестает быть массовым, поскольку не направлено уже на подавление сопротивления целых классов и социальных слоев, а применяется лишь против преступных элементов, лиц, нарушающих советские законы».

§ 2. Об условиях и способах формирования и утверждения правовых убеждений

1. В постановлении Пленума ЦК КПСС от 21 июня 1963 г. подчеркивается, что в идейно-политической работе необходим дифференцированный подход к различным возрастным, национальным и пр. группам населения. Но это не исключает необходимости разнообразия и на отдельных участках этой работы. Так, например, нельзя вести одинаковыми средствами работу по формированию и утверждению правовых убеждений, с одной стороны, и по атеистическому либо эстетическому воспитанию населения — с другой. Каждому участку идеологической работы свойственны свои специфические приемы. Одновременно требование о дифференцированном подходе к различным группам населения сохраняет свое значение и на каждом отдельном участке идеологической работы.

В воспитательной работе нужен особый подход также к лицам, совершившим правонарушения, а тем более к отбывающим наказание в исправительно-трудовых учреждениях. Вместе с тем, политико-воспитательная работа, проводимая среди лиц, отбывающих наказание, должна быть дифференцирована и в зависимости от характера совершенного преступления, а также от общеобразовательного уровня, от жизненного опыта и подобных обстоятельств.

Вопрос о том, в какой мере в идейно-политической работе в целом выполняется требование о дифференцированном подходе к различным группам населения, выходит за рамки юридического исследования. Обследования, проведенные среди лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы, свидетельствуют о том, что в исправительно-трудовых колониях эти требования еще не всегда соблюдаются. Примерно 15% этих лиц жалуются на огульный, массовый характер политико-воспитательной работы и на приспособление ее к слишком низкому общеобразовательному уровню. По-видимому, этим объясняется и то обстоятельство, что многие условно-досрочно освобожденные в этой работе видели лишь один из способов культурного обслуживания заключенных.³²⁰

³²⁰ В 1962—1964 гг. нами в виде эксперимента в ходе учебного процесса силами студентов-заочников юридического факультета Гартуского государ-

Несмотря на необходимость дифференциации идейно-политической работы, усилия, тем не менее, должны быть сосредоточены на основных направлениях этой работы, отвечающих современному этапу строительства коммунизма в СССР и классовой борьбы на международной арене. На это специально постановлением июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС было обращено внимание всех партийных и государственных органов, а также профсоюзов и других общественных организаций.

Эти главные направления составляют основу также правового воспитания, формирования и утверждения правовых убеждений граждан.

Формирование и утверждение прогрессивных правовых убеждений невозможно без формирования коммунистического мировоззрения, без трудового воспитания и без повышения образованности и культуры народа. Теоретическое изучение этих основных направлений идеологической работы не входит в задачи науки советского права. Предмет изучения юридических дисциплин более ограничен. Внимание юристов привлекают вопросы о специфических способах формирования и утверждения прогрессивных правовых убеждений, о повышении юридической культуры как составной части общей

ственного университета проводились обследования лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания лишения свободы. Обследования состояли в изучении жизни этих лиц в течение неотбытого срока наказания (непосредственный контакт с обследуемым и членами его семьи, а также с администрацией и общественностью места работы этого лица; данные, имеющиеся в домоуправлении, в милиции или в сельском совете; личные дела в исправительно-трудовой колонии, судебные дела и пр.). Обследования проводились по заранее установленной программе, которая включала в себя в той или иной мере почти все аспекты борьбы с преступностью. При этом обследования проводились под специфическим углом зрения. Вопрос был поставлен так: в какой мере применение наказания способствует достижению повышения положительного действия советского уголовного права (см. также гл. I, § 1, п. 1), и исключена ли вследствие этого активизация причин совершения правонарушений (см. также гл. I, § 2, п. 2) условно-досрочно освобожденными. Для проверки истинности полученного материала некоторые лица обследовались параллельно двумя студентами. В результате был получен обширный материал, который обобщен в отношении 35 лиц. Этот материал может, по нашему мнению, служить основанием для ряда выводов не потому, что число обследуемых особенно велико, а потому, что сами эти обследования были разносторонними и продолжительными. В дальнейшем будут ссылки на этот материал. В ходе обследований был собран материал и о работе исправительно-трудовых учреждений, судов и других государственных органов. Оценка, данная методом исправительно-трудового воздействия самими лицами, отбывающими лишение свободы, или условно-досрочно освобожденными от наказания, разумеется, не может служить единственным критерием эффективности этих методов. Но бесспорно и то, что конкретно-социологическое исследование эффективности наказания невозможно без учета подобной оценки. Это верно особенно в тех случаях, когда обследуемый владеет способностью анализировать свои психические процессы и умеет наблюдать за их ходом.

культуры советского народа, а также о методах воздействия на специфическую группу граждан, а именно: на лиц, совершивших правонарушения. Все эти вопросы имеют первостепенное значение с точки зрения правоохраны, в том числе с точки зрения устранения действия обстоятельств, под влиянием которых причины правонарушений активизируются.

Иногда утверждают, что причины правонарушений в советском обществе заключаются в незнании или непонимании должностными лицами духа и существа советского законодательства и вырастают также на почве неосведомленности некоторых слоев трудящихся о тех правах, льготах и обязанностях, которые закреплены в советском законодательстве.³²¹ Если это так, то путь к формированию правовых убеждений лежит через активизацию работы по распространению юридических знаний среди населения.

Однако, при этом необходимо иметь в виду уровень правовых знаний населения. На данном этапе развития советского общества, когда наша страна находится на завершающем этапе культурной революции, вряд ли, например, преступления совершаются потому, что неизвестно, какие деяния запрещены уголовным законом. Разграничение преступного от непроступного, очевидно, не вызывает у кого-либо серьезных затруднений.

О распространенности юридических знаний среди населения можно получить некоторое представление по данным специальной анкеты (см. гл. I, § 1, п. 1). Из всех опрошенных лиц примерно 60%³²² ответили, что их юридические вопросы интересуют, а 20% заявили, что их интересуют лишь некоторые юридические вопросы (в частности, касающиеся трудового права). Большинство из опрошенных (55%) регулярно читают в печати статьи на юридические темы, а также посещают лекции на такие же темы. Около 40% опрошенных сами читали УК Эстонской ССР.

Опрошенные в основном правильно ответили на поставленные перед ними уголовно-правовые вопросы, хотя во многих случаях и не были получены обобщенные ответы. Например, в ответ на вопрос, что следует понимать под хулиганством (вопрос № 13 анкеты), как правило, приводились лишь различные примеры хулиганского поведения. В целом опрошенные имеют правильное представление об уголовно-правовых средствах борьбы с преступностью (вопросы № 16—17 анкеты). Неисчерпывающие или в той или иной мере ошибочные были в большинстве случаев ответы на вопросы, касающиеся юридических подроб-

³²¹ См., в частности, Д. А. Керимов, Обеспечение законности в СССР, М., 1956, стр. 18.

³²² Проценты везде округлены. Все опрошенные лица являются рабочими.

ностей (перечислены не все виды наказания, неправильно указан высший предел лишения свободы и пр.).

По вопросу о преступности деяния ошибочные ответы были крайне редкие. Все опрошенные лица признали самооборону (необходимую оборону) деянием правомерным (вопрос № 12 анкеты), но тем не менее 20% из них нашли, что убийство в состоянии необходимой обороны недопустимо. Лишь двое опрошенных утверждали, что оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении, при условиях, описанных в ст. 125 УК Эстонской ССР, уголовно ненаказуемо (вопрос № 15 анкеты).

На вопрос о том, из каких источников получены знания, на основании которых опрошенный ответил на поставленные в анкете уголовно-правовые вопросы (вопрос № 11 анкеты), были получены весьма разнообразные сведения. Обобщение их позволяет утверждать, что у всех опрошенных имеется определенный минимум твердо усвоенных юридических знаний, источником которых являются: жизненный опыт и общение с товарищами, а также печать, радио, телевидение, литература и т. п. На основании воздействия всей совокупности этих факторов самими опрошенными выработаны правовые представления и убеждения различной глубины, которые во всяком случае не ограничены лишь общими положениями, а затрагивают даже некоторые специальные вопросы советского уголовного права.

Вышесказанное позволяет утверждать, что на достигнутом уровне развития советского общества знание законов уже не является уделом юристов.³²³ Поэтому правовая пропаганда не может теперь ограничиваться разъяснением одних только исходных положений отдельных нормативных актов, изданием популярных брошюр и чтением лекций, весьма общих по своему содержанию. Общеобразовательный уровень советского народа позволяет идти значительно дальше.

Об этом свидетельствуют, в частности, материалы изучения состояния правосознания. Большинство (почти 65%) опрошенных (см. вопрос № 10 анкеты, приведенной в гл. 1, § 1, п. 1) полагают, что юридические вопросы пока еще недостаточно освещаются в печати, по радио и пр., но тут же заявляют, что общие положения права должны быть освоены в школе (25% опрошенных). От правовой пропаганды требуется большая глубина и конкретность, большая дифференциация. В частности, недостаточное внимание уделяется вопросам трудового права. Профсоюзные деятели предприятий и учреждений осведомлены недостаточно в этих вопросах, а вследствие этого трудовые права рабочих и служащих остаются в деятельности низовых

³²³ См. И. Е. Фербер, Правосознание как форма общественного сознания, М., 1963, стр. 112.

профсоюзных органов в тени (15% опрошенных). С целью достижения большей конкретности при освещении правовых вопросов на предприятиях и в учреждениях следовало бы чаще организовывать вечера вопросов-ответов с участием работников суда, прокуратуры и милиции, а вместо чтения лекций — беседы с ними (25% опрошенных).

Но дело не только в разносторонности юридических знаний среди населения. На данном этапе развития советского общества в деле правового воспитания трудящихся решающее значение приобретают распространение и повышение юридической культуры, развитие всех ее сторон.

Юридические знания — это еще не правовая культура. Правовая культура — единство знаний и чувств людей, их опыта и традиций, высокая ступень совершенства правосознания и практики, достигнутая многолетними усилиями.³²⁴

Не может быть правовой культуры, когда нет уважения к человеку, к его правам и свободам. Не может быть правовой культуры и тогда, когда пренебрежительно относятся к закону, к букве его, когда нет единства в применении юридических норм и правовая практика не обладает достаточной стабильностью.

Правовая культура создается не только органами государства и должностными лицами, уполномоченными на применение юридических норм. Ее творцом является также весь советский народ. Им вырабатывается социалистическое правосознание. Он принимает активное участие в борьбе за общенародную законность. Он же привлечен к претворению советских нормативных актов в жизнь. В то же время критика снизу в адрес должностных лиц, допустивших в своей работе извращения советских законов, содействует повышению юридической культуры, между тем, как зажим критики насаждает равнодушие к требованиям законности.

С точки зрения повышения уровня правовой культуры, безусловно, необходимо учить население самостоятельно читать и понимать советские нормативные акты. С этой целью необходимо сосредоточить внимание на точности юридических формулировок, на недопустимости аморфности, расплывчатости и неопределенности при решении правовых вопросов. К сожалению, в обыденном сознании еще не преодолено окончательно

³²⁴ В марксистской философской литературе дано следующее определение культуры вообще. «Культура есть исторически обусловленная совокупность навыков, знаний, идей и чувств людей, а также их закрепление и материализация в технике производства и бытового обслуживания, в образовательном уровне народа и общественных институтах, регламентирующих и организующих общественную жизнь, в достижениях науки и техники, произведениях литературы и искусства». См. Д. И. Чесноков, Исторический материализм, М., 1964, стр. 346. И. Е. Фарбер в монографии Правосознание как форма общественного сознания, М., 1963, стр. 167, в качестве вида социальных норм выделяет нормы культуры.

отношение к юридическим формам как к несущественным, второстепенным, касающимся только узкого круга специалистов.³²⁵

Издание и распространение текстов нормативных актов (систематизированные сборники, комментарии и пр.) все еще отстает от требований. Многие нормативные акты доступны только для должностных лиц. Порой нормативный материал, размноженный на ротаторах, рассылается только для служебного пользования. О жажде населения к юридическим первоисточникам свидетельствует хотя бы такой факт, что в Эстонской ССР с населением немного свыше миллиона человек издания текста УК Эстонской ССР тиражом в 30 000 экземпляров были распроданы в течение нескольких недель, а обширное комментированное издание УК Эстонской ССР тиражом в 2000 экземпляров разошлось буквально в течение нескольких дней. Новое издание УК Эстонской ССР выпущено тиражом в 11 000, издание ГК Эстонской ССР — в 28 000, а новое издание комментария УК Эстонской ССР — в 5 000 экземпляров,³²⁶ однако и эти издания уже распроданы.

Недоступность юридических первоисточников создает пренебрежительное отношение к нормативным актам даже среди должностных лиц. Нередко юридические знания черпаются не из текста юридического акта, а из ведомственных разъяснений. При всей важности проводимых семинарских занятий по правовым вопросам задача их не состоит в том, чтобы избавить должностных лиц от труда над юридическими первоисточниками.

Доступность юридических первоисточников имеет важное значение с точки зрения упрочения правосознания населения и развития правовой культуры. Возможность проверять по первоисточникам законность действий должностных лиц создает у граждан уверенность в том, что нормы права применяются правильно и одинаково в отношении всех. Наличие такой возможности содействует предупреждению случаев нарушения законности, распространения особенно среди руководителей хозяйственного аппарата настроений безответственного хозяина, а среди подчиненных — признания в качестве единственного нормативного источника приказа начальника. Впрочем, подобные настроения насаждаются также тем, что в ведомственных инструкциях нередко воспроизводится текст нормативного акта, изданного вышестоящим органом, с формулировкой: «принять к сведению» или «принять к руководству».

³²⁵ См. также Г. С. Остроумов, Правосознание и общественное мнение в общенародном государстве, «Советское государство и право», 1963, № 11, стр. 17.

³²⁶ Выше отмечалось, что около 40% опрошенных лиц ознакомились с текстом УК Эстонской ССР лично. Однако примерно 20% опрошенных все-таки жаловались на то, что нормативные первоисточники недостаточно доступны (вопрос № 10 анкеты).

Учить советских граждан самостоятельно читать и понимать нормативные акты и в то же время обеспечить их юридическими первоисточниками является задачей первостепенной важности также потому, что многочисленная армия народных заседателей, общественных защитников и обвинителей, членов товарищеских судов, административных и пр. комиссий, народных дружинников и т. п. имеет ежедневно дело с применением самых различных правовых норм.

Воспитание уважения к юридическим первоисточникам предполагает, чтобы сами нормативные акты удовлетворяли ряду требований. В частности, недопустимы расхождения между текстами нормативных актов на эстонском и русском языках, различия во внешней форме актов, обладающих одинаковой нормативной силой, непоследовательность в терминологии и пр.

Не меньшее значение с точки зрения уровня правовой культуры, а вместе с тем формирования и утверждения правовых убеждений граждан и поднятия авторитета советского правопорядка, имеет качество работы государственного аппарата, а также стабильность правовой практики.

Любая кампанейщина в сфере правовой практики создает неуверенность у граждан в юридических последствиях своих поступков и подрывает выработанные у них правовые убеждения. Человек не знает, достигнет ли он посредством правовых методов желаемых им результатов. Особенно пагубны крутые повороты в деятельности органов правосудия в тех случаях, когда закон не подвергался изменениям. В результате отсутствия стабильности в правовой практике у граждан может создаться впечатление, что применение закона зависит от свободного усмотрения органа, которому поручено проведение его в жизнь. С другой стороны, при отсутствии стабильности в правовой практике не исключена возможность определенного чувства безответственности в низовых звеньях государственного аппарата, которые из боязни допустить ошибки, вообще воздерживаются от решения вопроса. Иногда должностные лица вместо того, чтобы действовать в пределах предоставленной им компетенции, откладывают отписками или же откладывают принятие решения, пока вопрос не будет предварительно согласован с вышестоящим органом. Это имеет своим последствием невозможность проверки вышестоящим органом законности принятого подчиненным должностным лицом решения, ибо вышестоящее подчиненное лицо санкционировало предварительно это решение.

В течение нескольких лет в судебной практике имели место ничем не оправданные колебания по вопросу о роли общественности в борьбе с преступностью. Тем самым была подорвана правовая стабильность. В результате этого в одно время имели место случаи освобождения опасных преступников от справед-

ливой кары, а затем — перегибы, выразившиеся в применении в ряде случаев не вызванных необходимостью весьма суровых мер уголовного наказания. Подобные перегибы насаждали также в известной мере недоверие к товарищеским судам и институту общественного поручительства («пробовали, но ничего не вышло»).³²⁷ Совершенно правильно Пленум Верховного Суда Союза ССР в постановлении от 18 марта 1963 г. обращает внимание на недопустимость неустойчивости в судебной практике.³²⁸

Крутые повороты в правовой практике должны иметь своим основанием изменение закона.

Успех правового воспитания и, в частности, формирования и утверждения правовых убеждений зависит во многом также от наличия положительных правовых традиций, определенности юридических форм и неотвратимости государственной и общественной реакции, следуемой за нарушением норм советского права.

Положительные правовые традиции являются показателями привычки соблюдать юридические нормы, справедливость которых не вызывает каких-либо сомнений потому, что сама эта привычка имеет своей основой убеждения человека. Именно глубокая убежденность в необходимости соответствующих поступков является первым шагом по пути превращения

³²⁷ При изучении правосознания граждан был задан вопрос: «как относится опрашиваемый к передаче лиц, совершивших преступления, на поруки общественности, и оправдывает ли себя, по мнению опрашиваемого, общественное поручительство как мера исправления и перевоспитания преступников?» (вопрос № 19 анкеты). Ответы были следующие: около одной трети опрошенных относится к институту общественного поручительства отрицательно; примерно одна четверть высказалась в целом пессимистически; остальные полагают, что общественное поручительство может дать положительные результаты лишь при определенных условиях (коллектив должен быть здоровый, сам передаваемый на поруки общественности не должен быть закоренелый в своих преступных наклонностях и пр.).

³²⁸ См. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда 1924—1963, М., 1964, стр. 169. Вместе с тем в этом постановлении указывается: «суды должны точно и неуклонно соблюдать требования уголовного законодательства, не допускать осуждения лиц, в действиях которых отсутствует состав преступления, а также случаев неправильной квалификации содеянного и назначения мер наказания без учета обстоятельств дела и личности виновного. Совершенное преступление должно быть квалифицировано в точном соответствии с законом, предусматривающим уголовную ответственность за это деяние, и никакие отступления от этого требования недопустимы» (п. 2). Не говоря о том, что все это само собой разумеется и весьма элементарно, следует отметить, что и в тех постановлениях Пленума Верховного Суда Союза ССР, которые дали повод колебаниям в судебной практике, неизменно говорилось о необходимости строго соблюдать требования социалистической законности. В результате создается впечатление, что требования социалистической законности как будто меняются с изданием почти каждого нового руководящего постановления Пленума Верховного Суда Союза ССР, а для точного и неуклонного применения закона требуется предварительно соответствующее указание о том со стороны вышестоящей судебной инстанции.

соблюдения юридических норм в привычку и формирования вследствие этого положительных правовых традиций. Такие традиции имеют большое воспитательное значение, ибо многократность повторения является важным элементом в педагогической работе.³²⁹

Огромную роль в деле правового воспитания играет также определенность юридических форм, в частности, форм делопроизводства. Строгое соблюдение этих форм создает уверенность в том, что в деле применения норм права придерживаются одинаковой линии в отношении всех граждан. Определенность правовых форм является также показателем справедливости применения норм права.

Высокий уровень правовой культуры, необходимым условием которого является укрепление правовых традиций и совершенствование юридических форм, — один из важных факторов выработки и утверждения правовых убеждений граждан потому, что он оказывает воздействие не только на мыслительные, но и на эмоциональные процессы человека. Дело в том, что в правовой культуре имеются как элементы общественной идеологии, так и психологии. Поэтому непосредственное влияние ее проявляется в эмоциональной сфере человека. В частности, непосредственно в эмоциональной сфере человека отражаются правовые традиции и определенность юридических форм, в том числе и церемониальная сторона процесса, которой М. И. Калинин придавал большое значение.³³⁰ С точки зрения утверждения правовых убеждений необходимо уделять постоянное внимание воспитанию положительных правовых эмоций — чувства законности, справедливости и пр.³³¹

В формировании индивидуального сознания большое значение принадлежит личному опыту данного индивида, на основании которого познаются и проверяются, а затем усваиваются или отвергаются соответствующие идеи, взгляды и установки.³³² Источником личного опыта служит практика. Наилучшей базой для формирования и утверждения убеждений человека является личный опыт, который имеет своей основой практику, находящуюся на высоком уровне правовой культуры.

³²⁹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, стр. 445, говорил: «Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, то есть такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли».

³³⁰ См. М. И. Калинин, Вопросы советского строительства, М., 1958, стр. 135.

³³¹ См. также И. Е. Фарбер, Правосознание как форма общественно-го сознания, М., 1963, стр. 89, 93, 117.

³³² См. А. Б. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961, стр. 67.

Воспитание на собственном опыте, который является основой для формирования и утверждения убеждений, — это воспитание на конкретных примерах и образцах. Такому воспитанию В. И. Ленин уделял исключительное внимание: «У нас мало воспитания масс на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни, а это — главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму».³³³ Указывая на недопустимость насильственного навязывания среднему крестьянину перехода к социализму, В. И. Ленин говорил, что здесь может быть только действие примером, удачной постановкой общественного хозяйства.³³⁴

Правильным и наиболее эффективным является воспитание на положительных примерах. Педагогическая наука и школа жизни свидетельствует о том, что хорошее, светлое, чистое вызывает чувство уважения и желание подражать, убеждает в необходимости следовать положительному примеру.

В. И. Ленин указывал, что после перехода политической власти в руки пролетариата, «... сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие».³³⁵ В самом деле, советская действительность исключительно богата положительными примерами. Самоотверженность, героизм, высокоморальное поведение, товарищеская взаимопомощь, нетерпимость к нарушителям общественного долга стали у нас массовыми явлениями. Воспитание на этих примерах позволит человеку лучше понять, каким ему следует быть, каким хочет его видеть общество, идущее вперед к коммунизму. Поэтому Программа КПСС четко указывает на необходимость воспитывать трудящихся на лучших образцах труда, на хороших примерах в общественной и личной жизни, в исполнении общественного долга.³³⁶

Для эффективности правового воспитания на положительных примерах необходимо, чтобы ни один хороший поступок не проходил без соответствующей оценки. Награды и поощрения за выдающиеся достижения должны стимулировать. Они оказывают сильное эмоциональное воздействие,³³⁷ закрепляют и утверждают коммунистические убеждения людей.

Правовое воспитание на положительных примерах оставляет желать много лучшего. Следует серьезно подумать об улучшении этой работы. Согласно ст. 321, ч. 4 УПК РСФСР (к сожалению, аналогичная норма в УПК Эстонской ССР отсутствует)

³³³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 80.

³³⁴ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 125, 174; т. 29, стр. 187.

³³⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 231.

³³⁶ См. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 3, М., 1962, стр. 317, 319.

³³⁷ На это правильно обращает внимание А. К. Уледов в монографии Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 355.

суд по материалам судебного разбирательства вправе особым определением обратить внимание общественных организаций и коллективов трудящихся на неправильное поведение отдельных граждан на производстве или в быту или на нарушение ими общественного долга. Почему бы не выносить частных определений о благородных поступках, о людях, которые помогают раскрывать преступления или проявляют героизм и самоотверженность при защите общественного порядка? ³³⁸

Но можно воспитывать и на отрицательных примерах. Если судебный процесс сможет хорошо показать образ действия стяжателя, вывернет наизнанку душу тунеядца и лежебоки так, что это вызовет отвращение к ним и их образу действия, то это является хорошим материалом для воспитания. Действительно, если безнравственный поступок не приносит человеку ничего, кроме порицания, неприятностей, позора, а, с другой стороны, смелость, инициативность, бескорыстие и вообще поступки, заслуживающие одобрения, вознаграждаются и поощряются, то человек, очевидно, скоро убедится на собственном опыте, что лучше не только отказаться от поступков, вызывающих порицание, но быть всегда честным, правдивым, выполнять свой общественный долг, соблюдать правила общежития.

Воспитание на конкретных примерах судебной практики оказывает большое влияние на утверждение правовых убеждений ввиду эмоциональности таких примеров. В идеологической работе надо избегать резонерства, необходимо повысить значение эмоционального воздействия, добиться убедительности, конкретности и образности, разнообразия и живости.

Коммунистическая сознательность вырабатывается и укрепляется в активной борьбе за коммунизм, в работе на общее благо. В поведении каждого человека, в деятельности любого коллектива, всех организаций и учреждений коммунистические идеи должны органически сочетаться с коммунистическими делами. Сказанное полностью применимо и к правовому воспитанию, формированию и утверждению передовых правовых убеждений. С этой точки зрения громадно значение привлечения широкого круга рядовых граждан к борьбе с правонарушениями, к общественному контролю и выполнению иных общественных задач. Но выполнение всех этих задач может дать воспитательный эффект лишь тогда, если за выполнение этих задач установлена ответственность перед общественностью и сами эти задачи посильны и конкретно определены.

В. И. Ленин говорил: «Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политиче-

³³⁸ С таким предложением выступил Г. Волков в газете «Известия» 26 июня 1963 г., № 176. Однако судебная практика не обратила должного внимания на это предложение.

ской и в особенности от революционной борьбы самой массы».³³⁹ Это следует иметь в виду, в частности, при правовом воспитании молодого поколения, которое не выстрадало своих убеждений в борьбе с трудностями, но жаждет героических дел, самоотверженных поступков. Вовлечение молодежи в борьбу с преступностью, раскрытие ему героизма народного движения за укрепление общественного порядка имеет большое эмоциональное значение и является одним из способов воспитания правовых убеждений посредством передовой общественной практики.

Человек воспитывается в коллективе. Под влиянием коллектива и его общественного мнения³⁴⁰ формируются его сознание и убеждения. Воздействие коллектива на человека может быть положительным лишь тогда, когда сам коллектив устоит перед отсталым, отрицательным влиянием, идущим от антиобщественных элементов, окружает моральным бойкотом и разоблачает носителей этих влияний, понимает необходимость выполнения общественного долга, когда он здоров и уверен в своих силах.³⁴¹ Поэтому и сам коллектив нуждается в определенном воспитательном воздействии. Этой работой руководит партийная организация — душа всего коллектива, которая строит свою деятельность в тесном контакте с советами, профсоюзами, комсомольскими и иными общественными организациями.

2. В советских условиях нет и не может быть особой педагогики для правонарушителей, а тем более специальной тюремной педагогики. Основные направления всей идеологической работы сохраняют свое значение и тогда, когда эта работа проводится среди правонарушителей. Тем не менее этой работе присущи свои особенности.

У правонарушителей правовые представления часто искажены. Порой правовые убеждения, свойственные советскому человеку, у них слабы или вообще отсутствуют. Об этом свидетельствует хотя бы сам факт посягательства на советский правопорядок. Следовательно, их надо исправлять и перевоспитывать. Но эта работа проводится в особых условиях, в том числе и в местах лишения свободы. Этими и подобными обстоятельствами обусловлена специфика воспитательной работы среди правонарушителей и, в частности, исправительно-трудового воздействия в отношении лиц, отбывающих лишение свободы.

Труд на благо общества является конституционной обязанностью, это — гражданский долг каждого трудоспособного

³³⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 233.

³⁴⁰ О воспитательном воздействии общественного мнения см. подробнее в гл. V, § 3, п. 2.

³⁴¹ См. также Я. З. Хайкин, Взаимодействие норм права и морали при переходе к коммунизму, Тарту, 1963, стр. 79.

человека. С другой стороны, сознательный, производительный труд, в котором проявляются и развиваются способности и талант человека, сам превращается у нас в привычку и потребность. Такой труд имеет глубоко воспитательный характер. Но вместе с тем необходимо также воспитание любви к труду на благо общества, трудовая закалка людей. В этом как раз и заключается сердцевина, становой хребет всей идеологической работы.

Основу исправительно-трудовой политики Советского государства составляет также производительный труд, являющийся средством исправления и воспитания заключенных. Только в процессе труда вырабатывается сознательное, коммунистическое отношение к самому труду.

В исправительно-трудовых учреждениях все заключенные по указанию администрации обязаны трудиться. Примерный труд поощряется — заключенный может добиться облегчения своего положения. В случае отказа, трудоспособного заключенного заставят трудиться.

В связи с тем, что в исправительно-трудовых учреждениях к труду привлекаются заключенные, организация их труда (род трудовой деятельности, оплата и пр.) отличается рядом особенностей, которые подробно рассматриваются в курсе советского исправительно-трудового права.

Возможность добиться посредством труда исправления и перевоспитания преступника основывается на ряде объективных факторов, влияние которых на психические процессы человека довольно значительно.

Сам факт поступления на работу и постоянное участие в трудовой деятельности оказывает на заключенного дисциплинирующее воздействие. Постепенно труд превращается в привычку. В труде развиваются способности человека, повышается его квалификация, а в связи с этим открываются новые перспективы в жизни после отбытия наказания.

В процессе труда возникают также определенные отношения между людьми, которые находят свое отражение в их сознании. В этом глубокий смысл именно коллективного труда в местах лишения свободы.

Совершением общественно опасного деяния преступник выразил свое пренебрежительное, отрицательное отношение к общественным интересам, — он погряз в этих интересах. На это органы государства прореагировали изоляцией его от общества. Первым шагом по пути преодоления изоляции преступника от общества является его привлечение в местах лишения свободы к общественно полезному труду путем включения его в состав трудового коллектива.

В исправительно-трудовых учреждениях заключенные работают в составе бригад и звеньев, которые в свою очередь вхо-

дят в состав отрядов. При коллективном труде не только члены бригад и звеньев, но также бригады и звенья связаны между собой по работе. Размер заработка члена бригады в той или иной мере зависит от количества и качества труда всей бригады. Участие в совместном труде содействует развитию чувства коллективизма, солидарности, общности интересов всех членов бригады, а также пониманию того, что в труде соединяются интересы личные и коллективные.

Пока, однако, отношения, складывающиеся в процессе труда между заключенными, воспринимаются ими как отношения внутри коллектива заключенных, воспитание их нельзя признать завершенным. Исправительно-трудовое воздействие является эффективным лишь тогда, когда эти отношения осознаются заключенными, как социальные общественные отношения. Лишь в случае, если заключенный понимает, что он выполняет общественно полезную и необходимую работу и тем самым принимает участие в создании материально-технической базы коммунизма, а поэтому добросовестный труд по способностям есть его общественный долг, — цели трудового воспитания достигнуты. Тогда преступник оказался не пассивным объектом карательного воздействия, а сам активно принимал участие в воспитательной работе, т. е. доказал свое исправление. А это по существу является действительной самокритикой.

Формирование правильного представления о действительных взаимоотношениях между личностью и советским обществом является необходимым условием исправления и перевоспитания заключенного. Такое представление, однако, невозможно без политико-воспитательной работы, которая также обладает рядом особенностей. А. С. Макаренко справедливо писал, что труд «без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата».³⁴²

Итак, трудовое воспитание в местах лишения свободы нельзя понимать в узком смысле только как повышение трудовой квалификации и приучение к труду. Такое воспитание, конечно, тоже необходимо. Но значение трудового воспитания в узком смысле не следует переоценивать.

Большинство заключенных работало до совершения преступления. Многие из них являются хорошими специалистами

³⁴² А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, стр. 116.

и нередко даже не могут найти соответствующего их квалификации применения в исправительно-трудовых учреждениях. За редкими исключениями они в местах лишения свободы не отказываются от работы, а в профессиональном обучении они не нуждаются.

Гораздо более важной с точки зрения формирования и утверждения правовых и нравственных убеждений является другая сторона вопроса: труд — это выполнение общественного долга; обратный путь в общество лежит в самоотверженном, пусть даже в тяжелом, физическом, но общественно необходимом труде. Говорить об исправлении преступника можно лишь при условии, что он при выполнении своего долга научился преодолевать трудности.

По данным обследований, проведенных среди условно-досрочно освобожденных, последние отзываются о результатах трудового воспитания в узком смысле следующим образом.

7 обследуемых (из 35) относят исправительное воздействие отбывания лишения свободы за счет трудового воспитания. В связи с этим 5 обследуемых указывают на приобретение ими специальности либо повышение их трудовой квалификации, а двое на то, что они в колонии «научились по-настоящему трудиться».

Многие обследуемые заявили, что они хорошо работали до осуждения, честно трудились в колонии и после освобождения тоже продолжают хорошо работать. Четверо обследуемых, однако, признали, что они в колонии добросовестно работали лишь потому, чтобы скорее добиться освобождения. Двое обследуемых полагали, что труд в колонии вообще не воспитывает.

В связи с этим следует отметить, что на прежнее место работы после освобождения вернулось значительное количество обследуемых, а именно 11 условно-досрочно освобожденных; 6 поступили на работу по старой специальности в другие организации. Число обследуемых, которые стали работать по новой специальности, приобретенной в колонии, равно 8. Один из обследуемых не поступил после освобождения на работу вообще, а 9 трудоустроились в качестве учеников, разнорабочих, либо на специальности, не имеющие отношения ни к старой ни к новой квалификации, приобретенной в колонии.

Интерес представляют также данные о заработке условно-досрочно освобожденных. В шести случаях заработка увеличилось, а в пяти случаях, наоборот, снизилось, в остальных случаях заработок остался примерно прежним.

Глава IV

ПРИНУЖДЕНИЕ И БОРЬБА С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА СОВЕТСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК

§ 1. Понятие принуждения и его признаки

1. В советской юридической литературе иногда имеет место необоснованное расширение понятия принуждения. К мерам принуждения порой относят меры, не являющиеся принудительными вообще. Поскольку применение ряда из них, в частности, мер контроля и надзора получает в период развернутого строительства коммунизма все более широкое применение, создается ложное впечатление о том, что постепенное сужение сферы принуждения вовсе не является закономерностью развития советского общества при переходе к коммунизму.

Явное преувеличение объема понятия принуждения допускает, например, О. Э. Лейст. К мерам принуждения он причисляет не только меры контроля и надзора за соблюдением правовых норм, но и ревизии, охрану складов и предприятий, промышленных и транспортных объектов, недопущение на эти объекты посторонних лиц. Далее, к мерам принуждения О. Э. Лейст относит отмену необоснованных судебных приговоров, а также других незаконных индивидуальных либо нормативных актов. При этом, по О. Э. Лейсту, принуждение налицо даже в случае приостановления действия обжалованных или опротестованных актов, отдавания вышестоящим органом нижестоящему органу указаний об обязательной отмене или изменении изданного последним незаконного акта, а также снижения исполкомом областного СДТ предусмотренных в обязательных решениях исполкома района размеров штрафов, выходящих за установленные законом пределы. Наконец, мерами принуждения О. Э. Лейст признает осмотры, выемки, реквизиции, а равно и различные т. н. кредитные санкции: установление банком для плательщика, неоднократно отказывавшегося без надлежащих оснований от акцепта платежного требования, обязательного представления документальных доказательств нарушения поставщиком своих обязанностей, перевод банком неисправного

плательщика на аккредитивную форму расчетов или на предварительную оплату продукции, закрытие кредитов либо кредитование только под гарантию вышестоящей организации и т. д. и т. п.³⁴³

Нередко О. Э. Лейст вышеперечисленные, весьма различные по своему содержанию мероприятия прямо относит к мерам принуждения. При этом он ссылается на то, что применение их в той или иной степени связано с осуществлением властных функций государства.³⁴⁴ В других случаях принудительный характер этих мер им подразумевается и вытекает из признания их юридическими санкциями. «Любая санкция, — утверждает О. Э. Лейст, — представляет собой указание на меру принуждения, осуществляемую в случае правонарушения органами государства».³⁴⁵

Санкция нормы права, как правило,³⁴⁶ действительно, содержит указание на возможность применения мер принуждения. Однако такую возможность допускают и диспозиции норм права. В частности, меры пресечения, принудительное лечение алкоголиков и наркоманов, принудительные меры медицинского характера в отношении душевнобольных и пр. (см. гл. VI, § 2, п. 2) всегда предусматриваются в диспозиции нормы права. Уже в силу этого вопрос о содержании принуждения не может быть исчерпан в плане анализа структуры правовой нормы, хотя такой анализ, безусловно, необходим.

Неправильным представляется также сведение властных функций государства к одним только полномочиям принудительного характера. Так, например, нормотворческая деятельность, а также отправление правосудия связаны, бесспорно, с выполнением властных функций. Между тем, каких-либо элементов принуждения не имеется при таких формах осуществления этих функций, как отмена необоснованных приговоров суда или незаконных нормативных актов,³⁴⁷ а тем более — отдавание вышестоящим органом указаний об исправлении нижестоящими органами допущенных ими ошибок. Принуждение в отношении судов либо местных Советов, уполномоченных на издание нормативных актов, категорически запрещено.

Лишено оснований также отнесение надзора и контроля к мерам принуждения. Ссылка на труды В. И. Ленина при этом необедительна.

³⁴³ См. О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 23, 30, 105, 107, 114, 115, 116, 128, 129, 130, 160, 161, 205.

³⁴⁴ Там же, стр. 30, 128, 129, 134.

³⁴⁵ Там же, стр. 28.

³⁴⁶ См. гл. I, § 1, п. 3.

³⁴⁷ Усматривая в отмене незаконного акта вид ответственности, И. С. Самощенко в статье Юридическая ответственность в советском обществе, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 2 (19), М., 1964, стр. 28—29, 35, примеч. 45, утверждает также, что такая отмена является мерой принуждения.

Отвечая на вопрос, чем обеспечивается вообще исполнение законов, В. И. Ленин пишет: «Во-1-х, надзором за исполнением закона. Во-2-х, наказанием за неисполнение закона».³⁴⁸ В. И. Ленин вовсе не говорит о том, что исполнение законов обеспечивается только принуждением, а тем более, что надзор за исполнением закона — это всегда принуждение. Наоборот, В. И. Ленин проводит различие между надзором за исполнением закона, связанным с указанием на неправильность действий, и наказанием за нарушение закона, разумеется, всегда включающим в себя принуждение.

Ошибочное толкование указаний В. И. Ленина послужило И. С. Самощенко основанием для включения в содержание принуждения не только наблюдения за исполнением требований советского права, но даже исследования обстоятельств, в которых имеются признаки неправомерности.³⁴⁹

Не подлежит, конечно, сомнению, что без такого исследования установление индивидуальной ответственности невозможно. Такое исследование необходимо и для выявления условий, способствующих посягательствам на советский правопорядок, а также для раскрытия всех случаев нарушения законности. Тем не менее, каких-либо элементов принуждения в самом этом исследовании не имеется.

Отнесение многих перечисленных О. Э. Лейстом мер к принудительным прямо противоречит действующему советскому праву. Так, например, реквизиции и выемки сами по себе, вопреки распространенному в литературе мнению, не являются мерами принуждения, хотя иногда они и сопровождаются применением принуждения.

Реквизиции имущества проводятся на основании соответствующего постановления об этом. В этом постановлении указывается срок, в течение которого владелец имущества обязан сам сдать или достать подлежащее реквизиции имущество. Принуждение применяется лишь в случае, если это постановление не было выполнено добровольно.

Приступая к выемке, следователь также обязан предъявить постановление об этом, а после он предлагает выдать предметы или документы, подлежащие изъятию. Лишь в случае отказа в выдаче следователь производит выемку принудительно (ст. 170 УПК РСФСР).

Во избежание необоснованного расширения понятия принуждения необходимо ответить на вопрос, что вообще представляет собой принуждение?

2. Принуждение представляет собой одну из форм воз-

³⁴⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 271.

³⁴⁹ См. И. С. Самощенко, Охрана режима законности Советским государством, М., 1960, стр. 94; его же, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 280.

действия на человека. Поэтому принуждение — явление внешнее по отношению к человеку. Сами по себе эти два признака, однако, явно недостаточны для определения понятия принуждения. Внушение (см. гл. III, § 1, п. 1), убеждение, а тем более требования, предъявляемые различными социальными нормами, оказывают также определенное внешнее воздействие на человека. Принудительным же характером они не обладают. Внешнее воздействие, присущее принуждению, отличается рядом специфических особенностей, касающихся свободы человека при определении линии своего поведения.

Вообще свобода должна рассматриваться в двух аспектах: в ее соотношении с необходимостью, с одной стороны, и в ее противоположности к принуждению, с другой.

При анализе юридических норм, их структуры, а также процесса правового регулирования под необходимостью подразумевалась общественная необходимость. Этот анализ подтвердил, что свобода вполне совместима с необходимостью, безразлично, идет ли речь о свободе в философском смысле или о свободе выбора своего поведения (см. гл. II, § 3, п. 5). Общественная необходимость не исключает различных, объективно возможных вариантов поступков человека. В пределах этих вариантов он сам властен определить линию своего поведения. Поэтому принуждение вовсе не является элементом, внутренне присущим общественной необходимости (см. гл. I, § 1, п. 2).

В данной главе речь идет о необходимости вообще. «Необходимость, — указывает С. Л. Рубинштейн, — заключается в объективной закономерной обусловленности человеческих действий, как и всех явлений; свобода человека — в возможности самому определить линию своего поведения, отвергнув все решения, несовместимые с ней».³⁵⁰

Свобода предполагает необходимость. Быть свободным при выборе своего решения, т. е. действовать со знанием дела и стремиться к достижению определенных результатов, нельзя, если неизвестны обстоятельства дела, а также последствия своих поступков. Но предусмотреть эти последствия можно лишь постольку, поскольку налицо необходимость — закономерная объективная связь между явлениями действительности. «Случайного, — писал В. И. Ленин, — никому не дано знать наперед».³⁵¹ С этой точки зрения необходимость — это лишь граница человеческой свободы, а способность принимать решения на основе познанной необходимости, возможность в пределах объективно существующих вариантов определить линию своего поведения есть свобода.

³⁵⁰ С. Л. Рубинштейн, *Бытие и сознание*, М., 1957, стр. 281.

³⁵¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 6, стр. 288.

Возможность определить линию своего поведения, отвергнув все решения, несовместимые со свободой, находится в непосредственной противоположности не к необходимости в смысле детерминированности человеческих поступков, а к принуждению.³⁵² Свобода исключает принуждение и, наоборот, принуждение несовместимо со свободой.

Принуждение несовместимо со свободой потому, что оно ограничивает, а порой исключает выбор между различными вариантами поведения человека вообще. Поэтому оно уже не является границей свободы. Оно представляет собой несвободу. И лишь в том смысле можно говорить о принуждении как крайнем полюсе объективной необходимости, что последняя навязывается человеку извне. Так, например, лишенный свободы не может передвигаться по своему усмотрению, собственник — распоряжаться изъятым имуществом и т. п.

В случае принуждения человеку причиняются определенные стеснения, лишения, которые служат источником внешнего воздействия на него. В результате именно такого воздействия он ограничен при определении линии своего поведения — некоторые варианты его поступков оказываются объективно невозможными.

Лишение возможности пользоваться теми или иными благами, действовать так, а не иначе, совершать определенные поступки и отказываться от других, следует понимать в прямом смысле. Человек фактически, физически ограничен в пользовании определенными возможностями, принадлежащими в советском обществе личности.

Принуждение как лишение определенных благ либо ограничение в пользовании теми или иными возможностями нельзя смешивать с совершением различных поступков из побуждений, порожденных под непосредственным воздействием внешних факторов на человека, в том числе и под угрозой принуждением. С этой точки зрения соблюдение правовых норм из страха перед наказанием, возмещение ущерба, взысканного по решению суда, явка по повестке к следователю, в которой предупреждается о возможности привода, и т. п., не есть осуществление принуждения. Несмотря на общественную необходимость соответствующих поступков, человек в этих случаях сам определяет линию своего поведения. Его решение здесь вклинивается в ход событий, детерминирующих его поведение.

Принуждение, наоборот, исключает решение человека из цепи детерминации. Он лишается возможности самоопределяться по отношению к действительности, складывающейся так или иначе в зависимости от его действий. В той мере, в какой человека принуждают, он не выступает как действующий субъект.

³⁵² См. С. Л. Рубинштейн, *Бытие и сознание*, М., 1957, стр. 281.

Он является объектом воздействия со стороны внешних по отношению к нему сил. В отношении его применяется принуждение, в связи с чем он отбывает наказание, подвергается приводу, терпит различные ограничения, лишается определенных благ и т. п. Взыскание убытков, конфискация имущества, заключение под стражу, выселение и пр. производятся независимо от его согласия. Возможность принуждения, однако, не следует смешивать с самим принуждением.

Неточным представляется утверждение о том, что принудить значит «...заставить действовать против воли».³⁵³ Действия против воли и с психологической, и с юридической точек зрения не являются действиями вообще.

Раскрывая понятие принуждения, следует различать объект, который претерпевает ограничения, и источник, который их причиняет. Принуждение является содержанием действий последнего — принуждающего в отношении к первому — принуждаемому. В плане настоящего исследования интерес представляет принуждение, применяемое органами государства или советской общественностью в борьбе с посягательствами на советский порядок.

Виды принуждения весьма различны. Критерием их разграничения служат те, принадлежащие личности блага, которые ограничиваются, поражаются — личная свобода, свобода передвижения, трудовые или иные, например, имущественные либо родительские права, честь, а в виде исключения также жизнь человека.

В советской юридической литературе иногда высказывается мнение о том, что в условиях социализма и развернутого строительства коммунизма нельзя говорить о принудительном труде.³⁵⁴ Действительно, труд является не только обязанностью, но и конституционным правом советских граждан. Моменты принуждения с этой точки зрения содержались бы в лишении права на труд. Именно под этим углом зрения можно объяснить принудительный характер такой меры уголовного наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо дисциплинарного взыскания в виде увольнения от должности. Поэтому речь может идти не о принудительном труде, а об ограничении

³⁵³ С. В. Курьлев, Санкция как элемент правовой нормы, «Советское государство и право», 1964, № 8, стр. 49.

³⁵⁴ Следует отметить, что согласно конвенции относительно принудительного или обязательного труда (см. «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1956, № 13) термин «принудительный» или «обязательный труд» не включает в себя работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора суда, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором или контролем государственных властей и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ.

тех или иных трудовых прав граждан. Именно в этих ограничениях заключается принудительный характер такого уголовного наказания, как исправительные работы без лишения свободы (удержание определенного процента из заработной платы, время отбывания наказания не зачитывается в общий и беспрерывный стаж работы и пр.). Нельзя отрицать наличия элементов принуждения и в исправительном труде, выполняемом в местах лишения свободы (работа по указанию администрации, особый порядок оплаты труда и пр.).³⁵⁵ Ввиду различных ограничений, свойственных принуждению, лицо, отбывающее эти наказания, в той или иной мере стеснен в своей трудовой деятельности.

Выбор между различными, объективно возможными вариантами поведения может быть исключен также вследствие того, что юридическая обязанность, не выполненная в срок, приводится в исполнение независимо от собственного решения обязанного лица (например, привод, взыскание неуплаченных в срок налогов, принудительная выемка и пр.). Учет этого признака в ряде случаев облегчает отграничение от мер принуждения мер, не обладающих принудительным характером вообще. Этот признак имеет существенное значение, в частности, при разграничении юридических обязанностей, которые некоторыми лицами воспринимаются как определенные ограничения, от непосредственного принудительного осуществления права, которое действительно исключает возможность самому определить линию своего поведения.

Более сложным, но вместе с тем исключительно важным представляется раскрытие в аспекте соотношения необходимости и свободы природы т. н. морального принуждения — осуждения виновного за нарушение им норм общественного поведения. Под т. н. моральным принуждением разумеют выражение лицу порицания, не связанного с лишением или ограничением других его благ, кроме потери в общественном мнении его личных качеств (см. гл. II, § 3, п. 3). В результате такой потери ограничивается сфера свободной деятельности человека, возможность его самоопределения по отношению к действительности. Под этим углом зрения и моральное принуждение исключает свободу — человек лишен защиты против нравственного осуждения. С этой точки зрения, учитывая причиняемые правонарушителю лишения, высказанное в судебном приговоре либо решении осуждение за посягательство на советский правопорядок есть акт принуждения и тогда, когда лицо само внесет наложенный штраф, возместит взысканные убытки и т. д.

Моральное и физическое принуждение как различные фор-

³⁵⁵ См. также Н. А. Беляев, Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях, Л., 1963, стр. 85—87.

мы внешнего воздействия на человека не исключают друг друга. Как правило, физическое принуждение включает в себя и моменты морального принуждения. В мерах ответственности последнее всегда налицо.

В эксплуататорских государствах основным содержанием мер государственного принуждения является физическое принуждение — непосредственное внешнее воздействие на человека. Поэтому принуждение там представляет собой, по сути дела, насилие. С этой точки зрения показательны, что В. И. Ленин говорил об аппарате принуждения, каковым являются «...вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию, — то, что составляет сущность государства».³⁵⁶ В. И. Ленин указывал: «Когда появляется такая особая группа людей, которая только тем и занята, чтобы управлять, и которая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилию — в тюрьмах, в особых отрядах людей, войске и пр., — тогда появляется государство».³⁵⁷

В эксплуататорских государствах непосредственное внешнее воздействие, присущее мерам принуждения, нередко приобретает самостоятельное значение. Для правового закрепления отношений эксплуатации непременно необходимо насилие. Применяя меры принуждения, эксплуататорские классы удерживают эксплуатируемых в условиях подавления, определенных данным способом производства, непосредственно регулируют производительную деятельность эксплуатируемых. Там, где главная функция государства держать эксплуатируемое большинство в узде и где орудия государства сосредоточиваются, главным образом, в армии, карательных органах, разведке, тюрьме, насилие является регулярным и основным средством управления. Это — орудие непосредственного осуществления политических задач и экономических потребностей эксплуататорских классов. Так, например, введением и организацией арестантского труда в капиталистических странах непосредственно регулировались условия и положение на рынке рабочей силы, использовался принудительный труд заключенных. Ссылка была поставлена на службу экономическим потребностям эксплуататорских классов. Весь процесс т. н. смягчения наказаний преследовал не гуманные цели, а ставил себе задачу принудительного привлечения рабочей силы в капиталистическое производство. На примере английского кровавого законодательства К. Маркс раскрыл действительные цели капиталистических террористических законов. «Деревенское население, — писал К. Маркс, — насильственно лишенное земли, изгнанное и превращенное в бродяг,

³⁵⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 437.

³⁵⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 437—438.

старались приучить, опираясь на эти чудовищно террористические законы, к дисциплине наемного труда поркой, клеймами, пытками».³⁵⁸

И в советском обществе принуждение немислимо без непосредственного внешнего воздействия на человека, но характер и значение этого воздействия совершенно иные. Оно сочетается, как правило, с моральным воздействием на правонарушителя.³⁵⁹ Физическое принуждение сужается за счет морального воздействия особенно в период развернутого строительства коммунизма. В результате этого характер самого принуждения претерпевает значительные изменения.

Как правило, в советском обществе принуждение выступает как внешнее воздействие на внутренние побуждения человека. В связи с этим Я. З. Хайкин справедливо отмечает: «Принуждение выступает как метод внешнего воздействия на внутренние побуждения человека через его поведение».³⁶⁰ Различие убеждения от принуждения Я. З. Хайкин усматривает в том, что «убеждение... выступает как метод внешнего воздействия на поведение человека через его внутренние побуждения». Думается, что эти признаки, характеризующие убеждение, в той или иной мере присущи и моральному принуждению, свойственному мерам ответственности в советском обществе.

«Внешние причины действуют через посредство внутренних условий», — указывает С. Л. Рубинштейн.³⁶¹ Отсюда вытекает, что и воздействие, оказываемое принуждением, преломляется через психическое состояние субъекта и выступает не только как объект сознания, но и как побудитель, порождающий определенные мотивы к действию, как фактор, при содействии которого в советском обществе вырабатываются убеждения человека (см. также гл. III, § 1, п. 1). «По мере того, — пишет С. Л. Рубинштейн, — как определенные идеи (принципы) приобретают для человека побудительную силу (становятся убеждениями), от действий в силу непосредственно действующих побуждений человек переходит к поступкам, совершенным по определенным мотивам, т. е. побуждениям, осознанным, оцененным и принятым человеком в качестве идеального основания (и оправдания) своего поведения».³⁶² Именно в этом заключается вторая сторона морального принуждения в советском обществе. Здесь, на крайнем полюсе объективной необходимости — в сфере принуждения — находит также свое отражение скачек

³⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 747.

³⁵⁹ Исключение составляет, в частности, смертная казнь как чрезвычайная мера уголовного наказания.

³⁶⁰ Я. З. Хайкин, Нормы права и морали и их связь при переходе к коммунизму, Уч. зап. ТГУ, вып. 124, Тарту, 1962, стр. 112.

³⁶¹ С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, М., 1957, стр. 176.

³⁶² С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, М., 1957, стр. 266.

из царства необходимости в царство свободы: барьер между убеждением и принуждением в значительной мере снимается.

3. В советском обществе применение мер принуждения опирается на принципы социалистической законности. Эти принципы определяют практику Советского государства в двух отношениях.

Во-первых, применением мер принуждения обеспечивается, охраняется законность,³⁶³ а, во-вторых, действующие в Советском государстве правовые нормы, как правило, законы, служат юридической основой для применения мер принуждения. Эти меры применяются на правовом основании, в строгом соответствии с законами и иными нормативными актами.

Принципы социалистической законности остаются незыблемыми на всем протяжении существования Советской власти. При отсутствии разрыва между советским законом и его применением не может быть и речи о том, что меры принуждения, предусмотренные законами Советской власти, применялись бы вопреки нормам действующего права. Роль советского закона не служебна по отношению к принуждению, а, наоборот, служебным, вспомогательным является принуждение по отношению к социалистической законности.

Вопрос о возможности применения чрезвычайных мер государственного принуждения, не предусмотренных советскими законами, отступающих от них или выходящих за их пределы, снимается. Даже в особых исторических условиях, при особых формах сопротивления свергнутых классов речь могла идти не об отсутствии юридического основания для применения чрезвычайных мер государственного принуждения, а о степени и способе правовой их регламентации.³⁶⁴

³⁶³ И. С. Самощенко в монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 280, в связи с юридическими гарантиями законности говорит о государственном (и общественном) принуждении к исполнению требований советского права, усматривая один из видов такого принуждения в юридической ответственности правонарушителей. И. С. Самощенко, к сожалению, не раскрывает того, что он понимает под принуждением к исполнению требований советского права. Очевидно, что о принуждении к исполнению уже нарушенных, т. е. невыполненных юридических обязанностей, как правило, говорить нельзя. Речь может идти о соблюдении правовых норм в дальнейшем под страхом принуждения. Лишь в этом смысле можно говорить о принуждении к исполнению норм советского права. Представляется, однако, что в случае применения мер ответственности основное значение имеет не внушение страха, а исправление и перевоспитание, формирование коммунистических убеждений как цель применения принуждения.

³⁶⁴ Весьма характерно в этом отношении постановление Чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов» (СУ РСФСР, 1918, № 90, ст. 908). Постановление устанавливает: «...меры, отступающие от законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской

По вопросу о допустимости применения мер государственного принуждения, противоречащих закону, А. Я. Вышинским были высказаны явно неверные суждения, которые служили оправданию произвола и нарушения законности. А. Я. Вышинский утверждал, что закон и право следуют за развитием общественных отношений, ушедших вперед, регистрируя совершившиеся в них изменения и изменяясь вместе с ними. В силу этого возникают противоречия между общественными отношениями и законами, отстающими от хода событий. Если закон отстал от жизни, то его нужно или изменить, или «отложить в сторону». Свой конечный вывод А. Я. Вышинский сформулировал так: «Ясно, что чрезвычайные меры при чрезвычайных обстоятельствах могут вступить в противоречие со старым законом, с положительным правом».³⁶⁵

Введенная во время культа личности формула «отложить законы в сторону» не только явно ошибочна, но и в высшей степени вредна. Советские законы могут быть отменены не иначе как в законодательном порядке. Пока они не отменены, они должны быть соблюдены всеми должностными лицами и гражданами. Вопрос о том, следует ли отменить закон, решают только уполномоченные на то высшие органы власти. Партия и правительство исправили допущенные в прошлом нарушения законности. Лица, незаконно репрессированные, полностью реабилитированы.

В советском обществе развитие путем взрывов исключается. При развитии советского общества постепенно, не стихийно, а вследствие сознательной деятельности, и при отставании правовых норм от общественных отношений всегда можно и необходимо изменить законы в порядке текущей законодательной работы. Поэтому применение в советском обществе мер принуждения, отступающих от законов или иных нормативных актов или выходящих за их пределы, недопустимо. К подобным мерам Советское государство не прибегает.

войны и борьбы с контрреволюцией». Вместе с тем, постановление строго ограничивает применение этих мер, а также предусматривает порядок их применения. А поскольку отрегулированы предпосылки для применения этих мер, а также установлен порядок их применения, то эти меры тем самым получили юридическую основу и весь вопрос сведен к степени и способу правовой регламентации их применения.

³⁶⁵ См. А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, М., 1949, стр. 237.

§ 2. Виды мер принуждения в деле борьбы с посягательствами на правопорядок

1. С целью охраны советского правопорядка применяются различные виды мер принуждения.³⁶⁶ Четкое разграничение их, определение оснований, предпосылок и целей их применения, а также соблюдение порядка, установленного для их применения, имеет первостепенное значение как с точки зрения обеспечения законности и охраны прав граждан, так и эффективности этих мер. В связи с этим необходимо отметить лишь в основных чертах различное значение этих мер в деле охраны советского правопорядка с тем, чтобы в дальнейшем перейти к рассмотрению вопроса о соотношении моментов убеждения и принуждения при их применении.

С точки зрения логической последовательности первое место среди мер принуждения занимают меры предупреждения и пресечения посягательств на правопорядок (см. также гл. I, § 2, п. 3 и гл. VI, § 2, п. 3), применяемые, как правило, органами Советского государства. Меры предупреждения могут быть применены при наличии реальной опасности совершения общественно вредных деяний. Эти меры не могут быть применены, пока такой опасности нет. Если опасность находится уже в стадии превращения в действительность, то подлежат применению меры пресечения.

Опасность общественно вредных деяний, как предпосылка для применения мер предупреждения, не может быть предполагаемой. Она должна базироваться на фактах объективной действительности и быть вполне реальной и конкретной. Если источником опасности является болезненное состояние лица, лишаящее его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, то могут быть применены принудительные меры медицинского характера. Если источником опасности являются недостатки в развитии несовершеннолетнего, то к последнему могут быть применены принудительные меры воспитательного характера. Если же опасность проявляется относительно конкретных действий, то могут быть приняты, например, меры обеспечения явки обвиняемого в следственные органы или в суд.

³⁶⁶ Виды мер принуждения не следует смешивать с видами самого принуждения. Если речь идет о видах принуждения, то имеют в виду различия в характере самого принуждения, особенности внешнего воздействия на человека, специфику причиняемых человеку лишений. При подразделении мер принуждения на виды, наоборот, исходят из различного функционального значения их в деле правоохраны. Определенный вид мер принуждения не исключает различных видов самого принуждения. Так, например, в случае применения мер ответственности принуждение выражается в виде лишения свободы, ограничения трудовых, имущественных и пр. прав и т. д. Характер принуждения может быть, однако, учтен при классификации мер принуждения в пределах их определенного вида.

Следовательно, нет единого фактического состава в смысле предпосылки для применения мер предупреждения. Советскому праву известны только специальные виды этих мер, применяемых лишь в отдельных случаях, точно установленных в нормах права. Это объясняется необходимостью оградить личность от необоснованных стеснений, возможных тогда, когда решение вопроса о наличии опасности для правопорядка было бы оставлено свободному усмотрению правоприменяющих органов.

Необходимость прибегать к принудительным мерам предупреждения и пресечения вызывается тем, что Советское государство не может отказаться ограждать общество от причинения ему вреда, от предупреждения и пресечения посягательств на правопорядок и принятия мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних, представляющих опасность вследствие недостатков в их развитии. Применительно к этим мерам особое значение сохраняет положение о том, что главное — это профилактика, воспитательная работа.

На последнее место с точки зрения логической последовательности в деле правоохраны должны быть поставлены меры ответственности за посягательства на советский правопорядок. В случае причинения убытков наступает имущественная ответственность. А в случае применения мер карательных правонарушитель подвергается карательному воздействию.

Применение мер ответственности не является принудительным исполнением нарушенной обязанности. Так, например, штраф, налагаемый в административном порядке за неплатеж налогов, не есть взыскание самих неуплаченных налогов. Содержание принуждения выходит при взыскании штрафа за пределы не выполненной в срок обязанности. Но, с другой стороны, этим вызывается, наряду с применением мер ответственности, также необходимость принятия мер по выполнению не выполненных в срок обязанностей.

Меры по непосредственному принудительному осуществлению права занимают промежуточное место между мерами предупреждения и пресечения и мерами ответственности. Применение мер по непосредственному принудительному осуществлению права обусловлено необходимостью реального исполнения обязанностей и, в отличие от мер ответственности, не идет дальше взыскания неуплаченных налогов, привода по вызову следственных органов или суда свидетеля или обвиняемого, изъятия оружия, хранившегося без надлежащего разрешения и т. п. Именно потому, что меры ответственности и меры по непосредственному принудительному осуществлению права преследуют различные цели, они могут быть применены одновременно. И именно потому, что меры по непосредственному принудительному выполнению обязанностей

не идут дальше выполнения существующей обязанности, они не нуждаются в обосновании.

Меры предупреждения и пресечения, непосредственное принудительное исполнение обязанностей, меры ответственности — такова логическая последовательность. Практически, однако, меры ответственности имеют преобладающее значение среди других мер принуждения. Объясняется это тем, что меры ответственности оказывают эффективное воспитательное воздействие и удачно сочетают убеждение и принуждение. Многогранность и сложность психического воздействия, оказываемого их применением, зависит и от того, что в отличие от других мер принуждения они применяются только при наличии вины.

Меры ответственности могут быть применены как органами государства, так и советской общественностью. Разграничение этих двух видов мер ответственности имеет значение с точки зрения исследуемой темы потому, что соотношение убеждения и принуждения при применении их представляется различным. Но прежде, чем перейти к рассмотрению этого вопроса, в плане настоящего исследования необходимо остановиться на признаках, характерных мерам ответственности вообще.³⁶⁷

2. При раскрытии природы института юридической ответственности было установлено, что ему внутренне присуща специфическая целенаправленность³⁶⁸ (см. гл. II, § 3, п. 2). Она вытекает из самого существа юридической ответственности как государственной и общественной реакции на правонарушения, как отрицательной обратной связи между Советским государством и общественностью, ведущими борьбу с посягательствами на правопорядок, с лицами, виновными в совершении правонарушений.

При рассмотрении мер ответственности и их видов возникает более конкретный вопрос, а именно: при помощи каких

³⁶⁷ Деление мер принуждения на виды в зависимости от значения и роли их в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок имеет определенное отношение к структуре правовых норм. Некоторые из мер государственного принуждения предусмотрены в диспозиции правовой нормы (см. выше, § 1, п. 1), однако, указание на возможность применения большинства из них содержится в санкции юридической нормы. Исходя из структуры нормы права, из числа мер государственного принуждения все меры ответственности должны быть отнесены к санкциям. К санкциям должны быть отнесены также все меры по непосредственному принудительному осуществлению права. Меры же по предупреждению и пресечению правонарушений предусматриваются диспозициями юридических норм. Применительно к мерам общественного воздействия следует отметить, что в ряде случаев эти меры применяются за нарушение правил общежития и в таком случае никакого отношения к структуре правовых норм не имеют.

³⁶⁸ С. И. Аскназий в работе Некоторые вопросы гражданско-правовой ответственности, Уч. зап. ЛГУ, вып. 151, Л., 1953, стр. 160—162, в целях применения мер ответственности усматривает основание юридической ответственности.

средств и закономерностей достигаются цели юридической ответственности. В плане настоящего исследования особое внимание привлекает к себе выяснение роли убеждения и принуждения в деле достижения этих целей.

Применение категорий цели и средств имеет большое значение тогда, когда различают непосредственные, промежуточные и конечные цели. То, что по отношению к более общей цели представляет собой лишь средство, само выступает как непосредственная либо промежуточная цель. На необходимость учета диалектики цели и средства правильно указывается в советской философской литературе, в частности, при раскрытии соотношения нравственной цели и средств ее достижения,³⁶⁹ а в юридической литературе — целей наказания и средств их достижения.³⁷⁰

Наиболее общие цели не специфичны данному явлению. К таким целям юридической ответственности следует отнести правоохрану в широком смысле этого слова (см. гл. 1, § 2, п. 3), которая, в свою очередь, служит еще более общей цели — построению коммунизма в нашей стране. Несравненно большую теоретическую и практическую ценность представляет собой раскрытие непосредственных, юридической ответственности специфических целей, а также изучение конкретных средств их достижения.

Для достижения ближайших целей юридической ответственности нет иных средств, кроме мер ответственности, применением которых оказывается воздействие на правонарушителя. Под этим углом зрения и принуждение выступает в роли средства. Но как средство оно предполагает также цель и мыслится только в единстве с последней.

Выше мы подробно останавливались на том, что юридическая ответственность — это осуждение виновного, всегда выраженное в виде лишения его каких-либо благ (см. гл. II, § 3, п. 2). Именно такое осуждение высказывается виновному посредством применения к нему мер ответственности. Хотя выражение осуждения есть в данном случае свойство самого принуждения, однако, оно выступает не только как средство, но и как цель. Дело в том, что тогда, когда свойства явления осознаны, они становятся целью.³⁷¹ В то же время сама эта цель — осуждение виновного — выступает и в роли средства для достижения других, более общих целей, например, для предупреждения посягательств на советский правопорядок, перевоспитания преступника и пр.

³⁶⁹ См. Л. Ф. Ш и ш к и н, Основы марксистской этики, М., 1961, стр. 194.

³⁷⁰ См. Н. А. Беляев, Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях, Л., 1963, стр. 28—29.

³⁷¹ См. также М. Д. Ш а р г о р о д с к и й, Наказание по советскому уголовному праву, М., 1958, стр. 16.

Рассмотрение целей юридической ответственности в связи с средствами их достижения — это необходимое условие реальности целей. Нельзя ставить цели, для достижения которых нет пригодных средств. Так, нет средств для «изъятия» из реальной действительности посягательства на советский правопорядок, являющегося определенным объективным фактом. Даже принудительное исполнение нарушенной обязанности нередко впоследствии исключается. Но вполне возможно предупреждение правонарушений в будущем путем различных способов воздействия, оказываемого на самого виновного и других неустойчивых членов советского общества. Вполне реальна задача исправления и перевоспитания правонарушителей, формирование их коммунистических убеждений. Наконец, некоторые виды ущерба, нанесенного посягательствами на советский правопорядок, поддаются заглаживанию, устранению.

Некоторые из этих целей могут быть в определенных пределах непосредственно претворены в жизнь. Это объясняется тем, что в силу объективных свойств мер ответственности те или иные желательные результаты наступают как бы автоматически. Так, например, сами ограничения, которым подвергается правонарушитель, имеют нередко непосредственное предупредительное значение. В частности, заключение под стражу, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, увольнение от должности и пр. в значительной мере обезвреживают общественно опасное лицо, независимо от его исправления и перевоспитания. В некоторых случаях лишения, которые правонарушитель претерпевает, непосредственно претворяют в жизнь и другие цели применения мер ответственности. Это имеет место, в частности, при изъятии имущества в покрытие причиненных убытков.

Если цели не могут быть непосредственно претворены в жизнь, они достижимы лишь постольку, поскольку это возможно при помощи воздействия на внутренние побуждения человека. В качестве средств такого воздействия выступают убеждение и принуждение.

В предыдущей главе (§ 1, п. 1) было показано, что посредством мер ответственности оказывается воздействие и на внутренние побуждения человека, а в результате этого могут быть выработаны коммунистические убеждения — мотивы поведения, генерализованные по отношению к ситуации. Вместе с тем был обоснован вывод, что не только принуждение, но и убеждение внутренне присущи ответственности. В этой связи следует идти дальше. Необходимо показать механизм достижения целей юридической ответственности путем воздействия, оказываемого мерами ответственности на внутренние побуждения правонару-

шителя. При этом нельзя пройти мимо следующих положений.³⁷²

В основе психической деятельности человека лежат нервные процессы организма, главным образом процессы возбуждения и торможения. Очаги возбуждения, обладающие повышенной возбудимостью ко всем приходящим раздражениям, называются доминантами. Если они завладевают в данный момент всем полем сознания и оттесняют остальные, то они становятся господствующими.

Имеются желательные доминанты, доминанты долженствования, и нежелательные, моментные и постоянные доминанты, например, пережитки прошлого в сознании людей. Вкупе они составляют явление крайне динамическое. Выбор поступка человека зависит от того, какая доминанта в данный момент господствовала.

При выборе поступка могут появляться колебания, возражения против его совершения. Они будут продолжаться, пока человек их не преодолел и его окончательное решение не состоялось.

Процесс выбора поступка человека сопровождается эмоциональным отношением его к предмету, создающим определенную чувствительную окраску и влияющим на выбор поступка. Самое активное участие эмоции принимают при образовании быстро исчезающих, господствующих в данный момент очагов возбуждения, которые являются исходными при выборе поступка — при совершении правонарушения.

В то же время эмоциональная сфера играет важную роль и в убеждениях человека, как в единстве знаний и чувств его, представляющих собой осознанные человеком, внутренне принятые им, ставшие принципами поведения, непосредственно на него действующие побудительные силы. (см. гл. III, § 1, п. 2). Если желательные доминанты в виде коммунистических убеждений недостаточно устойчивы и не вызывают соответствующих им сильных переживаний, то при столкновении этих переживаний с противоположными эмоциями, последние могут одержать верх — человек совершает правонарушение.

Процесс выбора поступка может продолжаться и тогда, когда он совершен. Состояние сознания, при котором поступок отвергается, осуждается после его совершения, называется угрызением совести. И этот процесс сопровождается эмоциональным отношением человека к совершенному поступку.

Переживание своего поступка, осознание своей вины, чистосердечное раскаяние, заглаживание причиненного ущерба и т. п. суть обстоятельства, свидетельствующие о т. н. деятельной само-

³⁷² См. также М. Г. Эдельгауз, К вопросу о понятии свободы воли в уголовном праве, «Правоведение», 1962, № 4, стр. 141—144.

критике (см. гл. III, § 2, п. 2). Они являются доказательством тому, что несмотря на совершение правонарушения, борьба между доминантами продолжается и в конечном итоге нежелательны доминанты оттесняются желательными постоянными доминантами. Победа доминант, под воздействием которых правонарушение совершено, оказывается лишь временной. В конечном итоге должны восторжествовать коммунистические убеждения человека, а пережитки прошлого в сознании людей успешно выкорчевываются. Именно такую цель преследует институт юридической ответственности.

В связи с этим возникает чрезвычайно важный с точки зрения эффективности борьбы с посягательствами на советский правопорядок вопрос о возможности включения мер ответственности в борьбу между желательными и нежелательными доминантами. Спрашивается, какова роль этих мер при формировании окончательного решения человека, можно ли посредством их вызвать осуждение самим правонарушителем совершенного им поступка, а в конечном счете подвергнуть нежелательные доминанты угасительному торможению? Ответ на этот вопрос утвердительный.

Человек как сознательное существо познает оказываемое на него воздействие, переживает его и самоопределяется по отношению к нему. С момента самоопределения человека по отношению к оказываемому на него внешнему воздействию в развитие отрицательной обратной связи включаются новые факторы. «Акт познания мира, — указывает С. Л. Рубинштейн, — есть вместе с тем и введение в действие новых детерминант нашего поведения».³⁷³ Под их влиянием побуждение начинает генерализовываться по отношению к внешнему воздействию.

В педагогическом плане основная линия воспитательной работы состоит в переходе мотивов, порожденных ситуационно, стечением обстоятельств, в устойчивые личностные побуждения. «Исходное здесь, — отмечает С. Л. Рубинштейн, — это отбор и «прививка» надлежащих мотивов путем их генерализации и «стереотипизации», перехода их в привычки».³⁷⁴

Этот вопрос является существенным и при превращении внешнего непосредственного воздействия, оказываемого применением мер ответственности, в воздействие на внутренние побуждения правонарушителя.

В условиях быстрого распространения знаний среди населения на современном этапе развития советского общества в борьбе с правонарушениями особенно велика роль эмоциональной сферы человека, которая может быть активизирована с помощью морального фактора. Использованию морального

³⁷³ С. Л. Рубинштейн, *Бытие и сознание*, М., 1957, стр. 244.

³⁷⁴ С. Л. Рубинштейн, *Принципы и пути развития психологии*, М., 1959, стр. 135.

фактора в этой борьбе способствует сглаживание различий между юридическими и нравственными нормами; а в результате — признание посягательств на советский правопорядок нарушением также морального долга. Между тем, нравственные оценки всегда сильно затрагивают эмоции человека. Этим, впрочем, объясняется эффективность общественного мнения как силы, направляющей поведение человека в соответствии с нравственными принципами: «Здесь, — как указывается в учебном пособии «Основы коммунистического воспитания», — к разумным, убедительным доводам присоединяется эмоциональная сторона — гнев, осуждение недостойного поведения или радость за товарища»³⁷⁵

Отсюда напрашивается два вывода. Во-первых, борьба между желательными и нежелательными, между правомерными и осуждаемыми доминантами должна получить свою развязку и в нравственной сфере. Во-вторых, желательные, постоянные доминанты, т. е. коммунистические убеждения должны быть закреплены посредством моральных факторов и в эмоциональной сфере человека.

Воздействие на внутренние побуждения правонарушителя и, в частности, формирование его коммунистических убеждений, связанное с генерализацией мотивов по отношению к внешней ситуации, нельзя представить себе как стихийный процесс. Оно предполагает, с одной стороны, активное участие самого правонарушителя в генерализации мотивов поведения, а с другой, — целенаправленную деятельность органов, применяющих меры ответственности, непременно включающие в себя принуждение в отношении правонарушителя.

Как указывал А. С. Макаренко, «...убедить человека в том, что он должен соблюдать дисциплину, и надеяться, что при помощи такого убеждения можно добиться дисциплины, это значит рисковать 50—60% успеха... Рассчитывать, что дисциплину можно создать одной только проповедью, одними разъяснениями — это значит рассчитывать на результат чрезвычайно слабый».³⁷⁶ Поэтому необходима и законна такая система наказаний, которая «...помогает оформиться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их».³⁷⁷ В то же время А. С. Макаренко требовал такой системы взысканий, под влиянием которой у человека возникает определенное эмоциональное отношение к своим поступкам. «Сущность наказания, — писал он, — в том, что человек переживает то, что он осужден коллективом, зная, что он поступил неправильно, то есть в наказании нет подавлен-

³⁷⁵ Основы коммунистического воспитания, М., 1962, стр. 162.

³⁷⁶ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, М., 1958, стр. 135.

³⁷⁷ Там же, стр. 399.

ности, а есть переживание ошибки» (разрядка наша — И. Р.).³⁷⁸

Данные обследования условно-досрочно освобожденных от лишения свободы (см. гл. III, § 2, п. I)³⁷⁹ свидетельствуют о том, что назначение и отбывание наказания вызывают в самом деле нравственные переживания. Об этом заявляет половина обследуемых (17 из 35), причем некоторые из них (2 обследуемых) прямо указывают, что сам факт вынесения обвинительного приговора и заключения под стражу является сильным моральным ударом. Другие усматривают источник этих переживаний в стыде перед близкими или коллективом (3 обследуемых), в отрыве от семьи и коллектива (3 обследуемых), в оказанном им доверии и заботе об их будущем (3 обследуемых), в том, что они после осуждения поняли смысл жизни и сущность человеческого счастья и честного отношения к труду (3 обследуемых, в одиночестве в колонии (2 обследуемых), в нравственной подавленности (2 обследуемых).³⁸⁰ При этом многие заявили, что именно режим в колонии заставляет самокритически переоценивать прошлое и вызывает сильные моральные переживания.

Вместе с тем данные обследований позволяют сделать некоторые выводы об удельном весе не только эмоциональных, но и рациональных моментов в наказании.

Обследуемые заявляют, что в результате отбывания лишения свободы они стали более критически оценивать свои поступки, более серьезно относиться к жизни. Подобное более критическое отношение является результатом не только нравственных переживаний, но и страха перед наказанием (4 обследуемых, которые отрицают, между прочим, исправительное воздействие наказания), того, что это просто разумно (2 обследуемых), а также политико-воспитательной работы, проводимой в колонии. Относительно этой работы 5 обследуемых заявили, что в результате повышения общеобразовательного уровня, культурно-массовых мероприятий, чтения книг и журналов, а также участия в самодеятельности в колонии, их кругозор расширился, а это имело серьезное воспитательное значение.

Данные, относящиеся к роли эмоционального и рационального моментов в наказании, не позволяют утверждать, что в результате применения мер ответственности, даже при наличии сильных нравственных переживаний, исход борьбы между желательными и нежелательными доминантами поведения уже пред-

³⁷⁸ Там же, стр. 159.

³⁷⁹ К сожалению, мы не располагаем данными конкретно-социологического исследования эффективности других видов мер юридической ответственности.

³⁸⁰ Трое обследуемых были не в состоянии указать источник этих переживаний.

решен. Источник не только нравственных переживаний, но и воздействующих на разум сторон наказания весьма различен, и под непосредственным воздействием этого источника положительные доминанты подчас не вырабатываются. Однако всегда при наличии моральных переживаний правонарушителя налицо возможность целенаправленного воздействия на внутренние побуждения его.

При достижении целей юридической ответственности переживания правонарушителя не действуют автоматически. Успех исправительно-воспитательного воздействия, формирование твердых принципов поведения в виде коммунистических убеждений правонарушителя, устоящих нежелательным доминантам, в частности, пережиткам прошлого в сознании людей, зависит от характера и силы этих переживаний, а также от того, какое будет дано им направление органами, применяющими меры ответственности.

С этой точки зрения важное значение имеет прежде всего сам нравственный характер переживаний правонарушителя, сила которых обусловлена их глубиной. Последняя в свою очередь зависит от особенностей психических процессов правонарушителя, форм его деятельной самокритики, обстоятельств, влияющих на выбор поступка (темперамент, образование, возраст, жизненный опыт и пр.),³⁸¹ а также от тех побуждений, под влиянием которых правонарушение совершено.

В связи с этим значительный интерес представляет то обстоятельство, что условиями, при которых формировалось решение данного лица совершить правонарушение, не только определяются природа и глубина переживаний правонарушителя, но характеризуются также субъективные основания ответственности. В то же время предметом этих переживаний является совершенное общественно опасное деяние, которое, вместе с тем, служит объективным основанием ответственности.

Сила и глубина переживаний правонарушителя зависят также от объективных свойств применяемых мер ответственности, в том числе от характера и продолжительности тех лишений, которым он подвергается. При этом необходимо иметь в виду, что цели юридической ответственности не могут быть достигнуты, когда правонарушитель рассматривает эти лишения как несправедливые. В лучшем случае можно говорить лишь о внешнем приспособленчестве к требованиям норм поведения.

В этом отношении показательны данные обследования условно-досрочно освобожденных от лишения свободы. Из 35 обследуемых 8 отрицают исправительно-воспитательное воздействие

³⁸¹ Скупость материала, которым мы располагаем, не позволяет делать вывода об особенностях этих переживаний применительно к возрастным и национальным группам правонарушителей. Эти вопросы требуют дальнейшей разработки.

отбывания лишения свободы. Один из них даже заявляет, что пребывание в исправительно-трудовой колонии оказывает отрицательное влияние. Четверо обследуемых, входящих в эту группу, полагают, что лишение свободы не перевоспитывает, но перспектива снова попасть в места заключения внушает страх, и поэтому отбывание наказания фактически оказывает предупредительное воздействие. Вышеназванные лица усматривают в лишении свободы одну только репрессию. При этом все эти лица, за исключением одного, лишь частично признали себя виновными или считали назначенное им наказание несправедливым вследствие чрезмерной его суровости.

Переход от внешнего, непосредственного воздействия к воздействию на внутренние побуждения, который осуществляется, главным образом, в результате нравственного осуждения поступков виновного, позволяет сочетать с мерами принуждения меры, вообще не обладающие принудительным характером, но способные оказывать положительное воздействие на правонарушителя — мероприятия чисто воспитательного характера, а также различные средства убеждения. Вообще применение мер ответственности во многом преследует цели, не имеющие непосредственного отношения ни к их карательным задачам, ни к возмещению убытков. Некоторые стороны в процессе применения мер ответственности рассчитаны исключительно на большую эффективность воспитательного воздействия.

3. При рассмотрении целей юридической ответственности и средств их достижения вновь возникает вопрос об общественной опасности правонарушений. В данной работе этот вопрос уже рассматривался при раскрытии природы деяний, влекущих за собой ответственность, а также при определении ее оснований. В этой связи речь идет об обусловленности целей юридической ответственности общественной опасностью деяния.

Сложность этого вопроса заключается, прежде всего, в том, что Советское государство и общественность реагируют на общественно опасные деяния. А выражается эта реакция в применении мер ответственности к правонарушителям. Спрашивается, представляется ли возможным, и в какой мере, устранить при помощи такой реакции общественно опасные последствия посягательств на советский правопорядок, загладить ущерб, причиненный правонарушителями?³⁸²

³⁸² О. Э. Лейст делает нам в монографии Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 71—72, упрек, что мы в статье О разграничении видов правонарушений и юридических санкций по советскому социалистическому праву, Уч. зап. ТГУ, вып. 61, Тарту, 1959, стр. 168, слишком прямолинейно связываем вопрос об общественной вредности различных видов правонарушений с вопросом о заглаживании с помощью санкций (в этой статье мы для обозначения мер ответственности пользовались общим термином «юридическая

Не подлежит сомнению возможность и необходимость возмещения имущественного ущерба, причиненного потерпевшему от правонарушения физическому или юридическому лицу. Практически основной формой удовлетворения потерпевшего является возмещение убытков. Но не исключено также непосредственное устранение за счет виновного материального ущерба, причиненного потерпевшему (например, восстановление поврежденной вещи).

Убытки могут быть возмещены добровольно, без применения принудительных мер. Равным образом вред может быть устранен самим правонарушителем без содействия органов государства. Советское право всячески стимулирует добровольное возмещение убытков, а также иные действия правонарушителя, направленные на удовлетворение потерпевшего. Так, согласно ст. 344, ч. I ГПК Эстонской ССР судебный исполнитель, приступая к исполнению судебного решения о взыскании убытков, посылает должнику предложение о добровольном исполнении решения. Принудительное взыскание убытков, а равно устранение причиненных вредных последствий за счет имущества правонарушителя имеют место лишь тогда, когда потерпевший не получил удовлетворения от самого правонарушителя.

Однако правонарушения, как указывает О. Э. Лейст, причиняют необратимый материальный ущерб, порождают последствия, которые практически вообще не могут быть устранены. Нельзя загладить реальный ущерб, который причиняют убийство, распространение эпидемий вследствие несоблюдения санитарных правил, нарушение сроков рассмотрения жалоб и т. д.³⁸³ Во всех этих случаях встает вопрос о возможности заглаживания морального вреда, нанесенного потерпевшему. С этой точки зрения показательны, что потерпевшим, например, от преступления признается лицо, которому причинен моральный, физический или имущественный ущерб (ст. 24, ч. 2 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»). В ряде

санкция») ущерба, причиненного правонарушением советскому обществу. Эта критика, как мы полагаем, необоснованна. О. Э. Лейст (стр. 62) сам утверждает, что для разработки понятия санкции особое значение имеют два вопроса проблемы правонарушения: о характере вреда, причиненного правонарушением социалистическим общественным отношениям, и о степени общественной вредности правонарушения. Но именно под этим углом зрения этот вопрос и был поставлен в нашей статье (стр. 168). Впрочем, О. Э. Лейст (стр. 47) необоснованно критикует нас и за то, что мы в указанной статье рассмотрели понятие санкции, якобы, только в связи с проблемой правонарушения. В нашей статье проблема санкций во всем ее объеме вообще не рассматривалась. Задача нашей статьи состояла в разграничении видов правонарушений и юридических санкций (мер ответственности). Лишь мимоходом нами были затронуты некоторые общие проблемы учения о правонарушении и юридической санкции (мер ответственности).

³⁸³ См. О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 65.

случаев советское право прямо указывает, что моральный вред, причиненный потерпевшему, подлежит заглаживанию.³⁸⁴ Для этого на правонарушителя может быть возложена обязанность принести извинение потерпевшему.³⁸⁵

Такой способ удовлетворения потерпевшего предполагает, однако, действия правонарушителя, которые носят до того личный характер, что они не могут быть осуществлены в принудительном порядке.

Кроме того, далеко не всегда имеются потерпевшие от правонарушения физические или юридические лица и даже если они налицо, не все из них притязают на заглаживание причиненного им ущерба.

И дело не только в этом. Было бы неверно искать решения поставленного вопроса исключительно в плане заглаживания ущерба, причиненного непосредственно потерпевшему от правонарушения лицу. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что даже тогда, когда убытки налицо и они взыскиваются посредством мер имущественной ответственности,³⁸⁶ именуемых иногда санкциями гражданско-правовыми или правовосстановительными, дело не ограничивается возмещением убытков.

Конечно, меры имущественной ответственности, весьма подходящие средства для взыскания убытков. Они приравниваются к размеру ущерба, нанесенного в каждом отдельном случае. В принципе они не выходят за пределы фактически причиненных убытков и, вместе с тем, достаточны для их полного возмещения. Тем не менее лишь в первую очередь имеют в виду ущерб, причиненный в имущественной сфере. Если обратить внимание только на вред материальный, на то, что пролита кровь или изъята вещь, то представление о мерах имущественной ответственности будет весьма неполным и односторонним. Дело в том, что не может быть снят вопрос и об ущербе, нанесенном правонарушением советскому правопорядку.³⁸⁷ Этот

³⁸⁴ М. А. Чельцов правильно писал в брошюре Гражданский иск в уголовном процессе, М., 1945, стр. 3: «...наказание ... может в той или иной мере заградить или смягчить моральный вред, причиненный преступлением потерпевшему».

³⁸⁵ См. ст. 32 УК РСФСР и ст. 1, п. 1 «Положения о комиссии по делам несовершеннолетних», действующего в РСФСР, а также соответствующие статьи аналогичных положений, действующих в других союзных республиках.

³⁸⁶ Под мерами имущественной ответственности мы понимаем не только меры, предусмотренные нормами советского гражданского права, но все меры ответственности вообще, применяемые с целью возмещения убытков, причиненных правонарушением. Такие меры могут быть предусмотрены и другими отраслями советского права, например, нормами трудового или колхозного права.

³⁸⁷ О. Э. Лейст в монографии Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 66, критикует нас за то, что по нашему мнению, высказанному, якобы, в статье О разграничении видов правонарушений и юридических санкций по социалистическому праву, Уч. зап. ТГУ, вып. 61, Тарту, 1959, гражданское

вопрос возникает особенно тогда, когда убытки потерпевшему либо сам потерпевший вообще отсутствуют и результат противоправного деяния касается исключительно нематериальных, политических, культурных или моральных ценностей советского общества.

Вопрос о возможности и необходимости устранения общественно опасных последствий посягательства на советский правопорядок ставится в юридической литературе крайне редко. Внимание исследователей, а также законодателя³⁸⁸ привлекает воспитательно-предупредительное воздействие, которое оказывается посредством мер ответственности не только на самого правонарушителя, но и на других лиц. В связи с этим возникает новый вопрос: почему данное лицо должно претерпевать лишения, подвергаться принуждению тогда, когда это необходимо для воспитательно-предупредительного воздействия на других лиц? Еще К. Маркс писал: «Наказание, как правило, оправдывалось как средство либо исправления, либо устрашения. Но какое право вы имеете наказывать меня для того, чтобы исправ-

правонарушение причиняет только материальный ущерб. Между тем такого утверждения в нашей статье не содержится. На самом деле мы писали: «Имея в виду лишь внешнее воплощение общественной вредности в имущественной сфере, упускается из виду нематериальный вред, наносимый совершением имущественных правонарушений социалистическим общественным отношениям, их общественная вредность» (стр. 158, а также прим. 19). О. Э. Лейст утверждает (стр. 67), что «все без исключения санкции служат устранению того «нематериального ущерба», какой любое правонарушение причиняет социалистическому обществу, внося дезорганизацию в отношения, урегулированные советским правом, нарушая общественную дисциплину, причиняя ущерб авторитету права... Но при этом часть санкций служит и устранению того непосредственного реального вреда, который правонарушение причиняет общественным отношениям социализма». Однако, еще в 1956 г. в статье К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности, Уч. зап. ТГУ, вып. 44, Таллин, 1956, стр. 160—161, мы писали: «... совершение правонарушения нарушает социалистический правопорядок... Нарушение этого порядка, его непоколебимости и устойчивости, вредит коммунистическому строительству... Поведение правонарушителя препятствует укреплению отношений сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей... С совершением правонарушения в жизнь социалистического общества вступает разлагающий, порожденный капиталистическим миром элемент. Вместе с тем правонарушение вредит и тем интересам и ценностям, ... об охране и развитии которых заботится советское социалистическое общество. Если этот ущерб причинен в сфере материальной, то он проявляется в виде материального вреда, в форме убытков. К заглаживанию общественно вредного результата от противоправного посягательства стремится Советское социалистическое государство посредством механизма правовой ответственности». В своей монографии, вышедшей в 1962 г., О. Э. Лейст не ссылается на эту нашу статью, хотя упоминание о ней содержится в статье (см. прим. 24), подвергнутой О. Э. Лейстом критике.

³⁸⁸ См., например, ст. 20 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», ст. 2 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», ст. 2 «Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик», ст. 2 и 3 «Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик».

лять или устрашать других?»³⁸⁹ Тем более этот вопрос возникает в советском обществе, где авторитет права вовсе не основывается на страхе перед принуждением и, как правило, от правонарушения ущерба терпеть не может.³⁹⁰ Но именно на этот вопрос нельзя получить удовлетворительного ответа без раскрытия обусловленности целей юридической ответственности общественной опасностью деяния, так как ответственность представляет собой целенаправленную государственную и общественную реакцию как раз на это деяние.

Имея в виду целенаправленность юридической ответственности, вряд ли имеются основания возражать против необходимости заглаживания тех общественно опасных последствий правонарушений, которые выходят за пределы ущерба, причиненного потерпевшему от правонарушения физическому или юридическому лицу. Вопрос сводится по сути дела к тому, в каком объеме этот нематериальный ущерб практически поддается устранению?

Было бы неверно отрицать такую возможность вообще. Советский законодатель придерживается этой же точки зрения. Так, например, в Указе Президиума Верховного Совета Союза ССР от 1 ноября 1957 года «Об амнистии в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции»³⁹¹ он призывает лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности для государства, «... своим дальнейшим участием в социалистическом строительстве загладить нанесенный ими вред советскому обществу».

В данном случае законодатель обращается к лицам, совершившим преступления, с призывом загладить причиненный ими ущерб. Было бы нелепо возложить на кого-либо подобную юридическую обязанность. Тем не менее это вовсе не означает что вред, причиненный правонарушением Советскому государству и обществу, в определенных пределах не может быть устранен с помощью мер ответственности.

Это вполне возможно, ибо применение мер ответственности, выражая в конкретно-практической форме осуждение виновного за совершенный им поступок, оказывает воздействие на психические процессы не только самого виновного, но вместе с тем

³⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 8, стр. 530.

³⁹⁰ См. И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 94; А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 124. О. Э. Лейст в монографии Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 65, наоборот, писал, что «... правонарушения причиняют (вред) обществу в целом, авторитету советского права». В связи с этим И. С. Самощенко высказал ряд критических замечаний в адрес О. Э. Лейста. Думается, однако, что О. Э. Лейст лишь неточно выразил свою правильную мысль о том, что правонарушения причиняют ущерб советским общественным отношениям.

³⁹¹ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1957, № 24.

отражается и на сознании других лиц. Осуждение виновного побуждает этих лиц внутренне, нравственно отмежеваться от правонарушения. По сути дела механизм воздействия на сознание людей подчинен единым закономерностям, направляющим психическую деятельность людей. Вот почему применение мер ответственности, связанное с принуждением в отношении правонарушителей, может порождать генерализованные по отношению к ситуации побуждения, содействовать формированию и утверждению коммунистических убеждений не только самого правонарушителя, но и третьих лиц.

Это положение приобретает особое значение в связи с тем, что посягательства на советский правопорядок представляют собой общественную опасность вследствие разлагающего воздействия, оказываемого на сознание людей даже после наступления внешнего вредного результата правонарушения. Поэтому важной целью применения мер юридической ответственности является пресечение этого разлагающего действия, устранение общественной опасности правонарушений. Чтобы предотвратить превращение этой опасности в действительность, требуется быстрота наступления ответственности.

Вывод о пресечении общественной опасности правонарушений как одной из целей юридической ответственности имеет своей методологической основой материальное определение правонарушения и обоснование юридической ответственности по советскому праву. Утратив эту методологическую основу, нельзя раскрыть единства всех отдельных целей юридической ответственности, нельзя также объяснить, почему для достижения этих целей к правонарушителю применяются именно меры ответственности.

Вопрос об устранении, заглаживании нематериального ущерба, фактически причиненного советскому правопорядку (см. гл. II, § 1, п. 3), как цели юридической ответственности следует решать на тех же методологических основах.

Совершенно правильно ставит этот вопрос В. Г. Смирнов применительно к советскому уголовному праву. Он указывает на соотносимость содержания понятий общественной опасности и уголовной ответственности. Общественная опасность — это тот объективно измеряемый ущерб, который причиняется социалистическим общественным отношениям в результате совершения преступления, а уголовная ответственность — это требования общества и государства о компенсации морального ущерба, причиненного преступлением. Эти требования вытекают из совершенного лицом преступления и измеряются степенью и характером общественной опасности деяния. Отсюда В. Г. Смирнов делает вывод: «... достижение цели ответственности за совершенное преступление обуславливается прежде всего и глав-

ным образом необходимостью компенсации морального ущерба, причиненного какому-либо охраняемому уголовным законом общественному отношению...». ³⁹²

Реальна ли такая цель?

Устранение ущерба, причиненного советскому правопорядку, нельзя понимать буквально. Нематериальный вред, который уже причинен, необратим. Заглаживание его не сводится ни к денежной компенсации за него, ни к устранению одного только внешнего вредного результата. Однако вполне можно добиться утверждения реальности законности, а также дальнейшего укрепления советского правопорядка, т. е. результатов, противоположных причиненным правонарушителем. И только в этом смысле можно говорить о заглаживании нематериального ущерба, понесенного советским правопорядком.

Эта цель вполне реальна. Она может быть достигнута с помощью мер ответственности, а путь к этому прокладывается посредством утверждения социалистического правосознания.

Достижение этой цели предполагает не только раскрытие совершенного правонарушения, но, вместе с тем, и государственную и общественную отрицательную реакцию на него, неотвратимость ответственности, которой В. И. Ленин придавал исключительное значение. ³⁹³ В результате этого граждане на примере живой практики сознают неприкосновенность советского правопорядка и испытывают реальность общенародной законности.

Вместе с тем обеспечивается также уверенность граждан в охране их безопасности и законных интересов. Наступление ответственности убеждает их в том, что Советское государство и общественность стоят на страже общенародных интересов.

Но дело не сводится только к тому, что люди осознают прочность советского правопорядка, реальность правоохраны. Укрепление правосознания, которое в той или иной мере подкапывалось в результате совершения правонарушения, есть вместе с тем обеспечение самой неприкосновенности, объективной значимости правопорядка в жизни советского общества. С. С. Студеникин правильно указывал, что Советское государство, устанавливая ответственность виновных за нарушение законности, «... тем самым подтверждает реальность социалистической законности». ³⁹⁴ В результате этого преодолевается и та дезорганизация, которая была внесена правонарушением в систему советских общественных отношений.

³⁹² В. Г. Смирнов, Уголовная ответственность и уголовное наказание, «Правоведение», 1963, № 4, стр. 83—84.

³⁹³ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 373.

³⁹⁴ С. С. Студеникин, Социалистическая система государственного управления и вопрос о предмете советского административного права. Вопросы советского административного права, М.—Л., 1949, стр. 17.

В советской юридической литературе правильно отмечается, что безнаказанность правонарушителей наносит ущерб советскому праву.³⁹⁵ Этот вред проявляется в том, что безответственность насаждает и поддерживает безразличное, пренебрежительное отношение к правовым формам, которые были нарушены при посягательстве на советский правопорядок. Наказание как таковое — это восстановление права.³⁹⁶

Подобно пресечению общественной опасности правонарушений, устранение ущерба, причиненного правопорядку, достигается тоже ценою лишений, которым правонарушитель подвергается. Эти лишения соразмерны вредным последствиям, виновно причиненным правонарушителем, и поэтому следует говорить о воздаянии правонарушителю за совершенный им поступок.

В философской литературе указывается, что в этическом смысле воздаяние — это «...соразмерность оценки поступку, поскольку моральное воздаяние заключено в оценке».³⁹⁷ Человек, совершивший антиморальный поступок, должен быть подвергнут нравственному осуждению в той степени, в какой он этого заслуживает. Это — требование нравственного сознания,³⁹⁸ воздающая справедливость.³⁹⁹

В юридическом смысле соразмерность поступка лишениям, которым правонарушитель подвергается, предполагает также оценку деяния. Юридически воздаяние, однако, не ограничивается одной только оценкой. Эта оценка находит свое конкретно-практическое выражение в государственной и общественной отрицательной реакции на правонарушение. Она воплощается в применении к правонарушителю мер ответственности.

Воздаяние имеет те же основания, что и сама юридическая ответственность. За правонарушение виновному воздают не во имя каких-либо отвлеченных принципов, а в силу общественной необходимости, в меру опасности совершенного им деяния.

В связи с этим интерес представляет непосредственность, немедленность отрицательной реакции со стороны общественного мнения за общественно опасное деяние. Вредное последствие и реакция на него здесь почти неотделимы.

Дело в том, что посягательства на советский правопорядок вызывают неодобрение со стороны общественного мнения. Со-

³⁹⁵ См. И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 94.

³⁹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 148.

³⁹⁷ В. Г. Иванов и Н. В. Рыбалкова, Очерки марксистско-ленинской этики, Л., 1963, стр. 205.

³⁹⁸ См. С. Уткин, Очерки по марксистско-ленинской этике, М., 1962, стр. 267.

³⁹⁹ См. В. Г. Иванов и Н. В. Рыбалкова, Очерки марксистско-ленинской этики, Л., 1963, стр. 204—205.

ветская общественность осознает несоответствие между должным, одобряемым советским народом, между тем, к чему он стремится и чем дорожит, и тем, что фактически произошло. Такое нарушение равновесия в общественном сознании, если можно так выразиться, находит свою непосредственную развязку в общественной отрицательной реакции на правонарушение. Совершение тяжчайших преступлений вызывает всенародное возмущение и негодование.

Размер воздаяния строго ограничен. К. Маркс писал: «Если понятие преступления предполагает наказание, то действительное преступление предполагает определенную меру наказания. Действительное преступление ограничено. Должно быть поэтому ограничено и наказание . . . Задача состоит в том, чтобы сделать наказание действительным следствием преступления. Наказание должно явиться в глазах преступника необходимым результатом его собственного деяния, — следовательно, его собственным деянием. Пределом его наказания должен быть предел его деяния».⁴⁰⁰

Только тогда, когда этот предел не превышает, ответственность заслуженна и справедлива. Вместе с тем справедливость является выражением высшей целесообразности. Только справедливое воздаяние может «... разрешить и уничтожить отдельный конфликт и не создавать новых конфликтов».⁴⁰¹

В советской юридической литературе о воздаянии правонарушителю за содеянное им упоминается редко. Авторы, касающиеся этого вопроса, отождествляют воздаяние с карой.⁴⁰² Применительно к имущественной ответственности вопрос о воздаянии вообще не ставится.

Кара и имущественная ответственность — это два основных вида ответственности по советскому праву.⁴⁰³ Первый вид — кара, действительно является воздаянием правонарушителю за содеянное. Но было бы неверно ставить знак равенства между карой и воздаянием и признать, что возмещению убытков воздаяние вообще чуждо. Это имело бы своим последствием отрыв видов ответственности друг от друга и допущение качественных различий между ними, что в свою очередь послу-

⁴⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 124.

⁴⁰¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, М., 1958, стр. 159.

⁴⁰² См., например, Т. Л. Сергеева, Основания уголовной ответственности по советскому уголовному праву, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 1 (18), М., 1964, стр. 35.

⁴⁰³ Об основных видах следует говорить потому, что кара подразделяется, в свою очередь, на подвиды. Имеются ответственности уголовная, административная, дисциплинарная и процессуальная. Соответственно различаются уголовные наказания и различные взыскания (административные и пр.). Наивысшей степени справедливая кара достигает в уголовных наказаниях, но и в различных взысканиях, в том числе общественных, она никогда не отсутствует полностью.

жило бы методологической основой для расширения понятия имущественной ответственности, в частности, для ошибочного отнесения к ней либо всех случаев возмещения убытков вообще, либо, по крайней мере, тех из них, в которых убытки причинены т. н. объективно неправомерными действиями.

Потерпевший, разумеется, заинтересован в возмещении всех убытков, которые он понес, и его не касается, причинены они виновно или нет. С точки зрения правовой это, однако, не все равно. Лишь при наличии вины лицо, причинившее убытки, подвергается осуждению за совершенное общественно опасное деяние и несет юридическую ответственность. В таких случаях возмещение уже не может рассматриваться как простое перемещение имущества. Это — лишение виновного соразмерно причиненным убыткам имущества за то, что он совершил правонарушение. В этом смысле и в данном случае можно говорить о воздаянии, которое служит заглаживанию вредных последствий правонарушения.⁴⁰⁴

В случае применения мер карательных воздаяние, наоборот, выступает в «чистом» виде. Размер убытков здесь не имеет решающего значения. Здесь на первый план выдвигается вопрос о вреде, причиненном не потерпевшему, а правопорядку. Лишения, которым подвергается правонарушитель, в этом случае соразмерны общественной опасности правонарушения и степени вины правонарушителя. При этом важнейшее значение имеют условия, повлиявшие на выбор поступка. Отбывание же меры ответственности рассматривается и как заглаживание вины.⁴⁰⁵

Нередко наряду с мерами карательными применяются также меры имущественной ответственности. Это объясняется тем, что непосредственное целевое назначение их не тождественно. Кара — это воздаяние за причинение вреда советскому правопорядку, меры имущественной ответственности, наоборот, служат, в первую очередь, цели возмещения убытков.

Между карой и возмещением убытков нет и не может быть качественных различий. Они не могут быть противопоставлены. Напротив, до некоторой степени они с х о д н ы. Меры имущественной ответственности не могут быть отнесены к мерам карательным только лишь потому, что осуждение виновного не соразмерно степени вины и личности правонарушителя.

В науке советского права общепризнано, что возмещение убытков является непосредственной целью и м у щ е с т в е н н о й ответственности. А вопрос о том, является ли кара

⁴⁰⁴ Г. К. Матвеев в монографии *Вина в советском гражданском праве*, Киев, 1955, стр. 43, правильно, как мы полагаем, указывает, что возмещение ущерба имеет целью заградить вредные последствия противоправного деяния.

⁴⁰⁵ В основе мысли о заглаживании вины честным трудом лежит представление о возмещении вреда положительными действиями.

целью наказания, наоборот, представляется дискуссионным. Применительно же к различным взысканиям данный вопрос вообще не ставится. Это объясняется, по-видимому, тем, что сила их карательного воздействия невелика. Поэтому к данному вопросу необходимо вернуться при рассмотрении уголовных наказаний. Здесь следует сделать лишь некоторые общие замечания.

Было бы неверно отрицать, что осуждение виновного соразмерно содеянному выступает не в роли цели, а только средства, тогда как в самом деле средством в данном случае является принуждение в смысле прямого воздействия на поведение правонарушителя (см. выше, § 1, п. 2). Низведение справедливой кары до средства противоречит и тому, что в советском обществе осуществление справедливости есть цель.

И. С. Ной высказал мнение о том, что «... кара — это принуждение с целью вызвать страдание»,⁴⁰⁶ тогда как принуждение в самом деле является средством кары — осуждения виновного соразмерно содеянному.

Признание кары одной из целей ответственности не исключает того, что она является средством исправительно-предупредительного и воспитательного воздействия не только в отношении правонарушителя, но и других лиц. В качестве такого же средства выступает возмещение убытков.

Действительно, перед юридической ответственностью стоят общевоспитательные цели. Сведение целей юридической ответственности в отношении лиц, правонарушений не совершивших, к одной только общей превенции, т. е. к предотвращению совершения правонарушений неустойчивыми, колеблющимися элементами советского общества было бы весьма искусственно. Число даже потенциальных правонарушителей у нас ничтожно. Введение целей юридической ответственности в узкие рамки предупреждения правонарушений крайне ограничивает диапазон действия мер ответственности. В самом деле широкая огласка деятельности, например, органов народного контроля, проведение сессий административных комиссий и заседаний суда на предприятиях, освещение деятельности органов правосудия в печати и т. п. рассчитаны не только на предупредительное, но также на общевоспитательное воздействие.

В советской юридической литературе⁴⁰⁷ правильно указывается на общевоспитательное воздействие института юридической ответственности. Воспитательные цели применения мер ответственности закреплены и в советском законодательстве. Они

⁴⁰⁶ И. С. Ной, Вопросы теории наказания в советском уголовном праве, Саратов, 1962, стр. 25.

⁴⁰⁷ См., например, И. С. Самощенко, Юридическая ответственность в советском обществе, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 2 (19), М., 1964, стр. 42—44; Т. Л. Сергеева, Основания уголовной ответственности по советскому уголовному праву, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 1 (18), М., 1964, стр. 36.

вытекают непосредственно из учения В. И. Ленина о двуединой задаче советского суда и отражают действительное соотношение отдельных целей применения мер ответственности в Советском государстве. В. И. Ленин указывал: «Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине».⁴⁰⁸ И далее: «...суд есть орудие воспитания к дисциплине» (разрядка наша — И. Р.).⁴⁰⁹

В воспитательном воздействии, оказываемом путем применения мер ответственности, содержится гораздо больше, чем предупреждение новых посягательств на советский правопорядок. Конечно, воспитательное воздействие мер ответственности имеет громадное превентивное значение. Но предупреждение правонарушений рассчитано на выполнение лишь минимальных требований, предъявляемых к членам советского общества. Между тем, в современных условиях нельзя ориентироваться только на это. Уже происшедшее на наших глазах решительное преодоление в сознании подавляющего большинства членов советского общества таких отвратительных пережитков капитализма, которые выражаются в нарушении законов Советского государства, ставит перед органами, отправляющими правосудие, задачи более ответственные, чем только предупреждение правонарушений. Перед органами Советского государства и советской общественностью стоит задача коммунистического воспитания населения во всем его объеме. Применение мер ответственности тоже не может пройти мимо этой цели. Оно должно, в частности, служить правовому воспитанию граждан, повышать бдительность, мобилизовать советскую общественность на укрепление правопорядка, создать атмосферу нетерпимости правонарушений. Но при этом, разумеется, не исключается также цель предупреждения новых правонарушений.

Предупредительное воздействие оказывает, прежде всего, угроза применением мер ответственности. С превращением угрозы в действительность и назначением конкретной меры ответственности за совершенное правонарушение предупредительное воздействие этой угрозы возрастает. С этой точки зрения важно, чтобы правонарушение вызывало фактически невыгодные для виновного последствия, чтобы ни один случай совершения правонарушений не проходил нераскрытым.

Не следует, однако, переоценивать предупредительного значения страха перед ответственностью. На основании данных конкретно-социологических исследований можно считать установленным, что основным источником, побуждающим к соблю-

⁴⁰⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 191.

⁴⁰⁹ Там же, стр. 236.

дению юридических норм, являются уже теперь правовые убеждения граждан (см. гл. III, § 1, п. 1). В юридической литературе правильно отмечено, что страх перед наказанием — это свидетельство отсталой идеологии.⁴¹⁰

Данные конкретно-социологических исследований роли правосознания советских граждан в борьбе с преступностью (см. гл. I, § 1, п. 1) свидетельствуют о том, что общевоспитательное и общепредупредительное воздействие институт юридической ответственности оказывает, прежде всего, в ходе судебного разбирательства и в результате вынесения приговора. Такое же значение имеет рассмотрение дела в товарищеском суде.

Почти все опрошенные лица имели непосредственные соприкосновения с судом либо с товарищеским судом (были свидетелями, присутствовали на заседаниях суда в качестве слушателей и пр.). За редкими исключениями все они заявляют, что рассмотрение дела оказывало общепредупредительное и общевоспитательное, но далеко не всегда частно-предупредительное воздействие. Источник этого воздействия они усматривают в объективности и разносторонности исследования материалов дела. Один из опрошенных отмечает, что ввиду недостаточного ознакомления с материалами дела и формального подхода со стороны судьи к их рассмотрению, воспитательный эффект судебного заседания был подорван.

Более половины лиц, ответивших на вопрос «выступление кого, прокурора или адвоката, было более обоснованным, и почему?» (вопрос № 39 анкеты), заявили, что более обоснованным они считают выступление адвоката, потому что адвокат был объективным и всесторонне, менее предвзято подходил к материалам дела, тогда как прокурор упускал ряд обстоятельств и толковал все под обвинительным уклоном. Около 20% опрошенных заявили, что они предпочитают выступление прокурора, так как последний был более объективным и учел все обстоятельства дела, причем один из опрошенных прямо указывает, что адвокат занимался крючкотворчеством.

Приведенные данные, а также анализ остальных собранных материалов позволяют сделать вывод, что основной источник воспитательного воздействия, оказываемого судом, заключается в объективности судебного решения, в соответствии его обстоятельствам дела. Многие опрошенные заявили, что ввиду этого приговор следует признать справедливым. Наоборот, несправедливость приговора, которая иногда расценивается как несправедливость закона, вызывает сожаление о подсудимом, сводит на нет воспитательный эффект деятельности суда, подрывает уважение к закону и порождает роковую альтернативу, следует ли судить по закону или по совести?

⁴¹⁰ См. И. Е. Фарбер, Правосознание как форма общественного сознания, М., 1963, стр. 111.

Это обстоятельство весьма показательно. Оно наглядно свидетельствует о том, что воспитательный эффект — убедительность имеет своим источником не только разумные соображения, воздействие на интеллект, обоснованность, объективность приговора суда, но и эмоции — справедливость, которые оба нераздельно связаны.

Подобно возмещению убытков, кара служит также воспитанию правонарушителя и оказывает на него исправительно-предупредительное воздействие. Исходя из неправильного понимания кары как одного только принуждения с целью вызвать страдание, И. С. Ной полагает, что кара может иметь воспитательное значение лишь в смысле юридического исправления, так как при помощи ее можно достигнуть устрашения. Принудительная же сторона наказания, лишенная элементов кары, имеет, по его мнению, большое воспитательное значение и в смысле морального исправления.⁴¹¹

Однако, дело обстоит как раз наоборот. Голое принуждение только устрашает. Кара же имеет большое воспитательное воздействие именно в смысле морального исправления. Иначе и не может быть, ибо само осуждение виновного за его поступки носит глубоко нравственный характер. Такое осуждение, связанное с ограничением прав виновного, заставляет его переживать наказание, осознавать свою вину.⁴¹² Все это содействует утверждению и формированию коммунистических убеждений. Впрочем, в наказании нет элементов принуждения, не обладающих карательным характером.

В подтверждение своей концепции И. С. Ной ссылается на Ф. Э. Держинского, который писал: «Исправлять может только такое средство, которое заставит виновного осознать, что он поступил плохо, что надо жить и поступать иначе».⁴¹³ Но приведенное указание как раз опровергает точку зрения самого И. С. Ноя.

С лицами, совершившими правонарушения, проводится воспитательная работа. Успех этой работы во многом зависит от того, если лицо, осужденное в моральном отношении, переживает свою ошибку и в результате этого само желает исправиться. Осуществление справедливой кары открывает, тем самым, путь эффективному воспитательному воздействию,

⁴¹¹ См. И. С. Ной, О пределах кары в лишении свободы. Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства, Саратов, 1961, стр. 50, 61, 65.

⁴¹² Это, впрочем, является одной из причин эффективности мер общественного воздействия с точки зрения морального исправления правонарушителей. Если моральному исправлению служит только т. н. голое принуждение, то применение общественностью мер ответственности было бы лишено вообще всякого смысла. Тем более не нуждаются в юридическом исправлении лица, нарушившие не правовые нормы, а правила общежития.

⁴¹³ Ф. Э. Держинский, Избранные произведения, т. I, М., 1957, стр. 492.

лишенному моментов принуждения. Такое воспитание необходимо. Юридическое исправление по общему правилу не является достаточно устойчивым. Обычно оно существует лишь до тех пор пока в сознании наказанного или других лиц сохраняется эффект устрашения. Более важными являются те цели, которые партия в настоящее время ставит перед собой в области идеологии, особенно в области воспитания коммунистического мировоззрения.⁴¹⁴

Советское государство и общественность воспитывают, а в необходимых случаях перевоспитывают⁴¹⁵ правонарушителей в духе служения общенародным интересам, сознания долга перед родиной, готовности бороться за осуществление политики партии, настойчивости и требовательности, в духе выполнения законов и уважения правил общежития, соблюдения государственной и общественной дисциплины. В результате применения мер ответственности нарушитель норм поведения должен снова стать доступным воздействию, оказываемому мерами убеждения.

В борьбе с посягательствами на советский правопорядок должны быть использованы все потенциальные возможности мер ответственности. Недопустима недооценка роли принуждения в этой борьбе. Но не менее ошибочна переоценка принудительной стороны мер ответственности и рассмотрение воздействия, оказываемого на внутренние побуждения людей, содействующего формированию и утверждению коммунистических убеждений, в качестве чего-то потустороннего по отношению к ответственности. Представляя собой отрицательную государственную и общественную реакцию на правонарушения, меры ответственности имеют в то же время положительное содержание. С этой точки зрения вся воспитательная работа, проводимая с правонарушителями, входит в комплекс мер борьбы с посягательствами на советский правопорядок. Успех в этой борьбе зависит от использования всего многообразия различных факторов, в том числе сложного механизма юридической ответственности.

В результате того, что применение мер ответственности поднимает общественную значимость советского правопорядка и служит целям воспитания и перевоспитания, в том числе и предупреждению правонарушений, регулирующее воздействие, оказываемое юридическими нормами на поведение людей, возрастает. Тем самым открывается возможность более эффективно содействовать также развитию советских общественных отношений.

⁴¹⁴ См. Б. С. Никифоров и А. С. Шляпочников, Некоторые проблемы дальнейшего развития советского уголовного права в свете Программы КПСС, «Советское государство и право», 1962, № 2, стр. 63.

⁴¹⁵ В. И. Ленин писал о возможности добиться исправления элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 375).

Глава V

УБЕЖДЕНИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

§ 1. Советская общественность и ее правоохранительная деятельность

1. К участию в правоохране во все более широких размерах привлекается советская общественность. Это имеет своей основой изменение соотношения общества и государства в результате победы пролетарской революции. В нашем обществе нет уже антагонистических классов. Рабочий класс Советского Союза преобразовал государство своей диктатуры во всенародное государство, которое является органом всего общества.

Иначе обстоит дело с правоохраной в эксплуататорских государствах.

Основоположники марксизма-ленинизма установили, что происхождение государства имеет своей основой раскол общества на враждебные классы. Государство возникло для того, чтобы умерять столкновение этих классов и держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства. Этим объясняется, почему эксплуататорское государство отчуждало себя от общества, ставило себя над ним, а отправление общественных функций выросло в господство над обществом.

При осуществлении своих функций эксплуататорские государства нуждаются в особых «внеэкономических» политических средствах, в мерах государственного принуждения. Эти меры являются неотъемлемым атрибутом государства, закрепившего разделение общества на классы. Без применения в обширных размерах государственного принуждения и насилия господство эксплуататоров, да и сама эксплуатация невозможны и неосуществимы. «Принуждать одну преобладающую часть общества к систематической работе на другую нельзя без постоянного аппарата принуждения».⁴¹⁶ Этим аппаратом обла-

⁴¹⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 442.

дает только государство. Правоохрана осуществляется в эксплуататорских государствах также исключительно при помощи этого аппарата.

В феодальном обществе собственность, семья, формы и способы труда были, говоря словами К. Маркса, «возведены на высоту элементов государственной жизни в форме феодальных прав, сословий и корпораций». В этих условиях общество было поглощено государством и нельзя было говорить о применении к правонарушителям мер общественного воздействия в собственном смысле.

В буржуазном обществе, «где, — как указывал К. Маркс, — политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в действительности, в жизни ведет двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в политической общности, в которой он признает себя общественным существом, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо, рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил».⁴¹⁷ В буржуазном обществе человек как «частное» лицо, а на самом деле как член определенного класса противостоит другим «частным» лицам — представителям враждебных ему классов. Как эксплуатируемый он противостоит и самому буржуазному государству, являющемуся стоящей над обществом силой, формально защищающей интересы всего общества, а на деле — интересы эксплуататорских классов. Поэтому-то в буржуазном обществе эксплуататорские классы и не могут отказаться от широкого применения для поддержания своего господства мер государственного принуждения, а для участия общественности в правоохране отсутствуют соответствующие предпосылки.

В социалистическом обществе, где уничтожена эксплуатация человека человеком и нет антагонистических классов, рождается новое отношение к труду и общественному состоянию как основе существования и развития всего общества. В социалистическом обществе коренным образом меняется и отношение человека к государству. Положен конец отчуждению человека от государства, которое уже не противостоит ему как враждебная сила, а наоборот, ставит своей высшей целью заботу о благосостоянии и счастье каждого отдельного трудящегося, так и всего общества в целом. Все это позволяет преодолеть не только антагонизм между обществом и государством, но и отражение его в сознании людей. Тем самым в советском обществе открывается возможность для широкого применения мер общественного воздействия к лицам, нарушившим нормы поведения.

⁴¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 390—391.

Повышение роли советской общественности в деле правоохраны и падение соответственно удельного веса мер государственного принуждения в целом — это закономерность развития советского общества. Она выражает собой процесс развертывания советской демократии, вовлечения широких слоев населения в управление всеми делами страны, привлечения всех граждан к участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством. «...только с социализма, — писал В. И. Ленин, — начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни».⁴¹⁸

Роль общественности, в том числе и в борьбе с правонарушениями, резко повышается в Советском общенародном государстве, а вместе с тем значительно расширяется сфера применения мер общественного воздействия к лицам, допустившим посягательства на советский правопорядок. Это объясняется исторической ролью и судьбой этого государства, которое носит переходный характер и постепенно преобразуется, перерастает в коммунистическое общественное самоуправление.

Без учета сказанного нельзя было бы понять, почему Советское общенародное государство уже теперь, и чем дальше, тем в большей степени, обладает чертами коммунистического общественного самоуправления, почему оно все более привлекает общественность к осуществлению государственных функций. Это, в частности, относится и к повышению роли общественности в борьбе с общественно опасными деяниями.

В период развернутого строительства коммунизма функция правоохраны еще не отмирает. Наоборот, партия придает большое значение дальнейшему укреплению законности и правопорядка, защите прав граждан. Тем более огромно на данном этапе развития Советского государства значение охраны общественного порядка в собственном смысле (см. гл. 1, § 1, п. 6). Из этого порядка и на основе его развивается будущий коммунистический общественный порядок. Прочность и неприкосновенность последнего являются существенным условием жизнедеятельности коммунистического самоуправления. Поэтому охрана и укрепление советского общественного порядка делается непосредственной задачей коммунистического строительства. Все более активное участие в разрешении именно этой задачи призвана играть советская общественность, которая имеет не меньше возможностей, средств и сил для того, чтобы справиться с нарушителями порядка, чем органы милиции, суда и прокуратуры.

Роль общественности в охране порядка была велика и на

⁴¹⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 443.

предыдущих этапах развития советского общества. Всеобщая атмосфера нетерпимости вокруг лиц, совершивших общественно опасные деяния, всегда признавалась одним из существенных факторов в борьбе с посягательствами на советский правопорядок. С вступлением советского общества в период развернутого строительства коммунизма роль общественности в борьбе с нарушениями порядка не только повышается, но одновременно участие ее в этой борьбе принимает новые формы.

Борьба общественности с посягательствами на советский правопорядок носит теперь организованный характер. Общественность целенаправленно вовлекается в эту борьбу. В связи с этим ей передаются определенные государственные функции в деле охраны порядка. Она наделяется полномочиями по применению мер воздействия к лицам, совершившим правонарушения. Однако, так как охрана порядка силами общественности не ограничивается, говоря словами О. Г. Дробницкого, «общей атмосферой немого осуждения»,⁴¹⁹ то необходимы соответствующие организационные формы для ее участия в этой деятельности, а также специальные меры воздействия, применяемые к лицам, допустившим посягательства на советский правопорядок.

В деле борьбы с нарушениями порядка, как отмечено в резолюции XXI съезда КПСС, все более возрастает роль народной милиции, товарищеских судов и им подобных самодеятельных органов, которые действуют параллельно с государственными органами и должны наряду с ними выполнять функции охраны общественного порядка и прав граждан, предупреждать проступки, наносящие вред обществу.⁴²⁰

Вопрос о судьбах участия общественности в деле борьбы с общественно опасными деяниями зависит от того, какие общественные функции, аналогичные теперешним государственным функциям, сохраняются при полном коммунизме и, в частности, будут ли изжиты посягательства на общественный порядок.

Путь к разрешению этого вопроса указал К. Маркс. Им был поставлен вопрос: «Какие общественные функции останутся тогда (в коммунистическом обществе — И. Р.), аналогичные теперешним государственным функциям?». В связи с этим К. Маркс писал: «На этот вопрос можно ответить только научно...».⁴²¹ К. Маркс как бы предостерегает, что для научного ответа на этот вопрос можно оперировать только твердо установленными научными данными.

В. И. Ленин пошел дальше К. Маркса. Он подверг научному

⁴¹⁹ См. О. Г. Дробницкий, К вопросу о категории долга в марксистской этике, «Философские науки», 1960, № 3, стр. 116.

⁴²⁰ См. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 2, М., 1959, стр. 445.

⁴²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19, стр. 27.

анализу вопрос о возможности искоренения эксцессов отдельных лиц при коммунизме. Этот вопрос он рассматривал в неразрывной связи с процессом отмирания государства. В. И. Ленин указывал: «Только коммунизм создает полную ненужность государства, ибо некого подавлять, — «некого» в смысле класса, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся и не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство».⁴²²

Рассматривая затем две фазы коммунистического общества, В. И. Ленин указывал, что только тогда, когда необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития станет привычкой, «...будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства».⁴²³

2. Четкое разграничение сфер деятельности Советского государства и общественности по охране правопорядка и вместе с тем мер государственного и общественного воздействия в отношении правонарушителей не всегда легко. На данном этапе развития советского общества борьба с посягательствами на правопорядок сочетает в себе как моменты государственные, так и общественные. Даже квалификация ряда органов или как государственных, или как общественных подчас вызывает определенные затруднения. Не возникает, конечно, каких-либо сомнений относительно общественной природы, например, профессиональных союзов, народных дружин и товарищеских судов. В то же время имеются органы, уполномоченные на применение к правонарушителям мер воздействия, например, комитеты народного контроля, комиссии по делам несовершеннолетних и пр., в состав которых входят представители как государства, так и общественности. Проблема усложняется еще и тем, что привлеченные к борьбе с правонарушите-

⁴²² В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 435—436.

⁴²³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 446.

лями общественные организации и самостоятельные органы общества, как правило, наделены некоторыми государственно-властными полномочиями. Особенно в период развернутого строительства коммунизма, когда идет процесс перерастания советской государственности в коммунистическое самоуправление и общественная инициатива бурно развивается, граница между сферами деятельности государства и общества подвижна.

Поэтому на данном этапе развития советского общества нередко встречаются явления промежуточные, квалификация которых носит до некоторой степени условный характер. Превращение государственных форм в общественные происходит не сразу.

Переплетение в правоохранительной деятельности государственных и общественных начал объясняется также тем, что борьбу с посягательствами на советский правопорядок общественность и Советское государство ведут совместно, общими силами, координированно. Между ними существуют отношения сотрудничества, взаимопомощи и поддержки.

Участие советской общественности в борьбе с посягательствами на правопорядок имеет своей юридической основой передачу ей государством определенных функций по охране.

А. И. Лукьянов и Б. М. Лазарев полагают, что изучение функционирования системы социалистической демократии позволяет выявить три основные формы взаимосвязи Советского государства и общественных организаций в общем. Это, во-первых, координируемые КПСС действия государства и общественных организаций, выполняющих каждая свои собственные функции самостоятельно, но в едином направлении для решения той или иной конкретной задачи; во-вторых, совместные действия органов государства и общественных организаций; в-третьих, взаимоотношения, складывающиеся в связи с полной или частичной передачей общественным организациям некоторых функций, осуществлявшихся ранее государственными органами. Основную тенденцию развития системы социалистической демократии А. И. Лукьянов и Б. М. Лазарев усматривают в направлении, идущем от скоординированных параллельных действий к совместным действиям, а от них — к передаче функций некоторых органов государства общественным организациям.⁴²⁴

Анализ правоохранительной деятельности советской общественности позволяет внести в эти положения некоторые поправки.

При осуществлении своих функций, в частности, в области

⁴²⁴ А. И. Лукьянов и Б. М. Лазарев, Советское государство и общественные организации, М., 1961, стр. 245—252.

правоохраны, органы государства обладают полномочиями властного характера. Они издают нормативные акты, устанавливают ответственность за их несоблюдение, им предоставлено право на применение принудительных мер к лицам, совершившим правонарушения.

Общественность привлекается к правоохране государством. Взаимоотношения между органами государства и общественностью в деле борьбы с посягательствами на советский правовой порядок устанавливаются также государством. Они складываются на основе точного разграничения функций государства и общественности, сохранения за государством права подвергать эти отношения нормативному регулированию и вместе с тем координации усилий государства и общественности в борьбе с посягательствами на советский общественный порядок.

Полномочиями государственно-властного характера в деле правоохраны общественность обладает только в установленных государством пределах. Только в этих пределах допустимо применение ею мер принуждения к правонарушителям. Правоохранительная деятельность общественности, не связанная с применением мер принуждения, в принципе не ограничена.

При осуществлении функций, переданных государством советской общественности, между ними складываются различные взаимоотношения, которым соответствуют специфические виды правоохранительной деятельности общественности, различным образом сочетающие в себе моменты убеждения и принуждения. Форм таких взаимоотношений не три, а четыре. Во всех этих случаях возможна правоохранительная деятельность советского общества, но только в трех из них она выступает в виде непосредственной борьбы с посягательствами на советский правовой порядок, т. е. в виде правоохраны в узком смысле (см. гл. 1, § 1, п. 3).

Одной из наиболее ранних форм привлечения трудящихся к борьбе с правонарушениями является такая передача государственных функций общественности, при которой общественные организации наделяются государственно-властными полномочиями. В частности, им предоставляется право на применение мер ответственности за нарушение юридических норм. Содействие государственного аппарата в этой сфере необходимо в стадии приведения в исполнение мер принуждения, при назначении которых органы государства, однако, не участвуют.

Так, профсоюзным организациям полностью передано дело государственного социального страхования, государственного контроля за состоянием техники безопасности и производственной санитарии и пр. Вследствие этого техническим инспекторам советов профсоюзов предоставлено право давать обязательные предписания об устранении нарушений законодательства о тру-

де, привлекать к ответственности виновных в этих нарушениях, подвергать их административным взысканиям и т. п. Равным образом профсоюзы в принудительном порядке взыскивают задолженность по страховым взносам с начисленной на них пеней. В связи с этим Народный комиссариат труда Союза ССР и соответствующие народные комиссариаты союзных республик были ликвидированы.

Несмотря на передачу указанных функций профессиональным союзам, эти функции сохраняют пока государственный характер. При осуществлении их профсоюзы, подобно государственным органам, обладают полномочиями властного характера. Поэтому такой передачей государственных функций общественности само по себе характеризуется, прежде всего, изменение подведомственности органов, осуществляющих эти функции, а также замена субъектов государственно-властных полномочий.

В то же время передача государственных функций общественности открывает новые перспективы развития даже в том случае, когда общественность наделяется властными полномочиями и содержание переданных функций по существу не изменилось.⁴²⁵

В деле осуществления государственно-властных задач общественные организации располагают широчайшей базой для привлечения населения к осуществлению переданных функций. Штатные работники, через которых в данном случае профессиональные союзы действуют, проводят свою работу в тесном сотрудничестве с многомиллионным общественным активом.

При организованном участии этого актива в осуществлении государственных функций вырабатывается общественное мнение трудящихся, окружающее атмосферой нетерпимости нарушителей законодательства о труде. Оно, как и постоянный надзор за соблюдением норм трудового законодательства, имеет огромное профилактическое значение. По мере укрепления этих факторов общественность в итоге может отказаться от пользования властными полномочиями, предоставленными ей, например, в сфере социального страхования. Тем самым исключается применение мер юридической ответственности. В конечном счете некоторые функции, оставаясь функциями политическими, могут терять свой государственный характер еще до полной победы коммунизма.

При второй форме привлечения трудящихся к управле-

⁴²⁵ Ю. М. Козлов отмечает в статье О характере функции и полномочий общественных организаций, «Правоведение», 1964, № 3, стр. 45, что передача государственных функций общественности «...означает прежде всего изменение методов их осуществления». Наделение же общественных организаций полномочиями государственно-властного характера не является закономерностью и определяется особенностями первоначального этапа перехода некоторых функций платного аппарата в ведение общественности.

нию делами общества функции, выполняемые ранее органами государства, также полностью передаются общественным организациям. Однако при передаче этих функций общественности они теряют государственный характер, а поэтому осуществление их не связано с борьбой с посягательствами на советский правопорядок; впредь сама общественность регулирует порядок осуществления этих функций (например, в области физкультуры или распространения политических или научных знаний и пр.), а также устанавливает меры воздействия, обеспечивающие осуществление этих функций. Порой этим мерам присущи и некоторые моменты принуждения (например, исключение из организации вследствие нарушения устава и пр.). Однако принуждение носит в этих случаях исключительно общественный характер. Применение его связано не с нарушением юридических норм, а уставных правил соответствующей общественной организации. Посредством этих мер воздействия борьба с посягательствами на советский правопорядок не ведется.

Отсюда, конечно, вовсе не вытекает, что государство занимает безразличное отношение к деятельности общественности при осуществлении функций, входящих в ее исключительную компетенцию. Как правило, оно утверждает устав общественной организации. Оно охраняет личность общественных деятелей от преступных посягательств. Вместе с тем оно принимает необходимые меры против расхищения и разбазаривания имущества общественных организаций, а также ведет борьбу с должностными злоупотреблениями и преступной халатностью со стороны должностных лиц общественных организаций и пр. Однако, государство не устанавливает мер ответственности за несоблюдение норм общественных организаций,⁴²⁶ изданных в сфере их исключительной компетенции. Охраняя жизнь, здоровье и достоинство общественных деятелей, государство обеспечивает лишь необходимые условия для проявления общественной инициативы. Борясь с должностными преступлениями функционеров общественных организаций, действующих в сфере их исключительной компетенции, Советское государство исходит из необходимости предотвратить причинение ущерба этим организациям. Эта мысль нашла четкое выражение в действующем уголовном законодательстве, предусматривающем, что одним из признаков должностных преступлений является причинение существенного ущерба государственным или общественным

⁴²⁶ Положение о том, что нормы общественных организаций являются самостоятельным видом социальных норм, нашло широкое распространение в советской правовой литературе. См., например, А. И. Лукьянов и Б. М. Лазарев, Советское государство и общественные организации, М., 1961, стр. 61—68; П. Е. Недбайло, Советские социалистические правовые нормы, Львов, 1959, стр. 31—35; Теория государства и права, М., 1955, стр. 342—343; Ц. А. Ямпольская, О правовой норме и правовом отношении, «Советское государство и право», 1951, № 9, стр. 38—39, и др.

интересам, либо законным интересам граждан (ст. 161, 161¹ и 162 УК Эстонской ССР). Лишь в этом плане можно говорить о том, что осуществление этих функций общественностью может сопровождаться ее правоохранительной деятельностью, причем только в смысле предупреждения указанных правонарушений.

При остальных двух основных формах передачи государственных функций общественности, она впредь действует или параллельно или же совместно с органами государства. В обоих случаях ей в определенных пределах передаются также правоохранительные функции.

При параллельной деятельности общественность самостоятельно выполняет правоохранительные функции, которые наряду с нею выполняются также государственными органами. Параллельно с государственными органами действуют, например, товарищеские суды, народные дружины и т. п.

В случае совместной деятельности представители общественности входят наряду с должностными лицами государственного аппарата в состав различных комиссий, комитетов, советов или иных коллегиальных органов, которых полностью нельзя отнести ни к государственным, ни к общественным. Такими органами являются, в частности: комитет народного контроля, административные, а также наблюдательные комиссии при исполкомах СДТ, попечительские советы при детских воспитательных колониях и трудовых колониях для несовершеннолетних,⁴²⁷ комиссии по делам несовершеннолетних и т. д. В рамках всех этих органов общественность привлекается и к правоохране. Все они в своей деятельности опираются на широкий общественный актив. В то же время в деятельности всех этих коллегиальных органов с общественными началами сочетаются начала государственные.

В советской юридической литературе вопрос о природе этих коллегиальных органов нередко поставлен так: являются ли они органами государства или же общественными образованиями? Сама постановка вопроса в таком аспекте вызывает возражения.

Еще в Советском общенародном государстве формируются элементы общественного коммунистического самоуправления. В Программе КПСС говорится: «Развитие социалистической государственности постепенно (разрядка наша — И. Р.)

⁴²⁷ В положениях о попечительских советах последние именуются органами общественности. В деятельности их действительно преобладают общественные начала. Однако, с другой стороны, в состав их наряду с начальником колонии входят представители также других государственных организаций и местного Совета. Состав попечительских советов по предложению Министерства охраны общественного порядка утверждается исполкомом СДТ, которому совет подотчетен.

приведет к преобразованию ее в общественное коммунистическое самоуправление, в котором объединятся Советы, профессиональные, кооперативные и другие массовые организации трудящихся. Этот процесс будет означать дальнейшее развитие демократии, обеспечивающей активное участие всех членов общества в управлении общественными делами».⁴²⁸

В период развернутого строительства коммунизма создаются в ряде случаев органы переходного типа. Это — органы государственно-общественные. К ним должны быть отнесены и рассматриваемые коллегиальные органы.

Деятельность государственно-общественных органов сочетает в себе моменты как государственно-властные, так и общественные. По мере продвижения советского общества вперед к коммунизму в этой деятельности все более на первый план выдвигается общественное самоуправление. Ведь Советы, представители которых в составе этих органов занимают видное место, также постепенно преобразуются в органы коммунистического самоуправления.

Государственно-общественные коллегиальные органы ведут борьбу в пределах своей компетенции и с посягательствами на советский правопорядок. В связи с этим они уполномочены на применение мер юридической ответственности и других мер принуждения. При этом, однако, в их деятельности убеждение и моральное воздействие все более одерживают верх над принуждением. Они все более заняты контролем, устранением обстоятельств, способствующих нарушению норм общественного поведения, предупреждением правонарушений и проведением воспитательной работы.

Партия ведет курс на все более широкое привлечение общественности к выполнению государственных функций. При этом учитывается уровень развития самих общественных организаций, рост их самостоятельности, а также возможности и средства, находящиеся в распоряжении общественности, которыми обогащается арсенал средств борьбы и с посягательствами на советский правопорядок.

3. В охране советского правопорядка, в том числе и в борьбе с посягательствами на него, советская общественность участвует посредством своих самостоятельных органов, общественных организаций и иных коллективов трудящихся.⁴²⁹ В деятельности

⁴²⁸ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 3, М., 1962, стр. 310.

⁴²⁹ Вопрос о разграничении общественных организаций, самостоятельных органов общественности и иных коллективов трудящихся выходит за пределы настоящей работы. Наиболее правильным представляется искать критерий разграничения в организационной оформленности, структуре и способе образования их. Так, например, товарищеские суды, являющиеся самостоятельными органами общества, избираются. Общественные организации имеют своей основой членство. Под коллективом трудящихся (например, коллектив

государства, наоборот, существенное значение имеет аппарат государства с людским составом, в той или иной мере специально подобранным. Таким особым аппаратом, являющимся составной частью публичной власти, общественность не располагает.

Самодетельные органы общества, а также коллективы трудящихся вообще не имеют собственного аппарата. Аппарат же общественных организаций — он, как правило, имеется — коренным образом отличается от аппарата государства. В состав общественного аппарата не входят т. н. «вещественные придатки», тюрьмы и принудительные учреждения всякого рода. Общественность в них и не нуждается. Центральное место в этом аппарате занимает общественный актив. За редкими исключениями общественная работа, в том числе и отправление государственных функций общественностью, выполняется бесплатно, на добровольных началах. В правоохранительной деятельности советской общественности из этого принципа почти нет исключений.

Отмеченную выше специфику деятельности советской общественности нельзя понимать в том смысле, что этой деятельности элементы принуждения вообще чужды. Можно принуждать и при отсутствии специального для того аппарата. Принуждение вовсе не является отличительным признаком государства. В. И. Ленин указывает: «Принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было».⁴³⁰ А. Ф. Энгельс говорит о применении при первобытно-общинном строе репрессий против лиц, превышающих свои права,⁴³¹ о кровной мести,⁴³² хотя обычным способом принуждения в догосударственном обществе являлось общественное мнение.⁴³³

В своей правоохранительной деятельности советская общественность нередко прибегает к мерам, обладающим принуди-

рабочих и служащих какого-либо предприятия или учреждения) следует понимать объединение людей, которое «обладает органами управления и координирования, уполномоченными в первую очередь представлять интересы коллектива и общества». Самое видное место в жизни коллектива «...занимают принципы распоряжения, обсуждения, подчинения большинству, подчинения товарища товарищу, ответственности и согласованности» (А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, М., 1958, стр. 355). Коллектив создается в процессе совместной работы или деятельности, которая подчинена какой-то общественно полезной цели. Народные дружины более правильно отнести не к самостоятельным органам, а к общественным организациям, так как в основе их лежит членство. В связи с этим спорным представляется высказанное А. И. Лукьяновым и Б. М. Лазаревым в монографии Советское государство и общественные организации, М., 1961, стр. 208, утверждение о том, что народные дружины — это самостоятельные органы общества.

⁴³⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 399.

⁴³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 184.

⁴³² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 97.

⁴³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 168.

тельным характером. В этом нетрудно убедиться на конкретных примерах. Действительно, вряд ли можно отрицать принудительный характер, например, штрафа только потому, что он наложен не народным, а товарищеским судом. Равным образом едва ли правильно утверждать, что, например, доставление сопротивляющегося хулигана в отделение милиции народным дружинником не является мерой принудительной, между тем как привод того же хулигана милиционером, бесспорно, носит принудительный характер.

Было бы неверно в передаче общественности правоохранительных функций усмотреть такое распределение ролей между органами государства и общественностью, при котором за первыми сохраняется право на применение принуждения, а убеждение полностью передается в арсенал общественности. Советское государство не действует мерами «голого принуждения». Но, с другой стороны, и общественность не лишена права на применение принуждения к правонарушителям. В условиях, когда преодолен антагонизм между государством и обществом, меры принуждения применяются в интересах всего народа. Поэтому на применение принуждения уполномочена и советская общественность в предоставленных ей пределах. Применение принуждения не составляет прерогативу Советского государства.

Фактически, однако, общественность еще реже, чем органы Советского государства прибегает к принуждению. Моменты принуждения, содержащиеся в некоторых мерах общественного воздействия на правонарушителей, отступают далеко на задний план, а убеждение получает все более преобладающее значение. Широкое распространение в правоохранительной деятельности советской общественности находят мероприятия воспитательные, из содержания которых моменты принуждения полностью исключены.

У советской общественности нет средств для приведения в исполнение большинства из мер, предусмотренных в перечне уголовных наказаний. Это относится не только к таким мерам, как лишение свободы или исправительные работы, но и к взысканию штрафа, наложенного товарищеским судом. Если при выполнении правоохранительных функций не исключена необходимость применения мер принуждения через особый аппарат, которым общественность не обладает, то такие функции или вообще не передаются общественности, или же осуществление их возлагается на общественность параллельно с органами государства.

В тех случаях, когда общественность участвует в правоохране наряду с органами государства, полномочия ее обратно пропорциональны компетенции государственных органов. Чем шире полномочия, предоставленные общественности, тем в более

узкие рамки вводится возможность применения мер государственного принуждения. И, наоборот, если компетенция общественности в борьбе с правонарушениями невелика, то меры государственного принуждения занимают в этой борьбе более видное место.

Предоставление общественности широких полномочий по правоохране, в частности, в деле борьбы с теми или иными видами правонарушений, нередко исключает возможность применения мер государственного принуждения вообще. В этих случаях правоохранительной деятельности советской общественности, как правило, присущи некоторые моменты общественного принуждения. Не лишены принудительного характера, например, меры, применяемые товарищескими судами. Наоборот, если меры общественного воздействия применяются дополнительно к мерам государственного принуждения, то тогда они, как правило, принудительным характером вообще не обладают. В частности, общественность каких-либо мер принуждения не применяет, если на нее возлагается общественный контроль за поведением отбывающих наказание лиц и проведение с ними воспитательной работы (см. ниже, § 2).

При передаче общественности даже государственно-властных полномочий по правоохране происходят преобразования по существу, а не только формальная «смена вывесок».⁴³⁴ Правоохранительная деятельность советской общественности имеет и в этих случаях в виду расширение воспитательной работы с лицами, совершившими общественно опасные деяния, поднятие силы убеждения в борьбе с посягательствами на советский правопорядок, демократизацию форм и методов этой деятельности.

Само содержание общественного принуждения существенно отличается от государственного. Общественное принуждение, как правило, не выходит за пределы морального воздействия. Вследствие этого взаимосвязь между убеждением и принуждением (см. гл. III, § 1, п. 1) здесь особенно отчетлива. Однако вполне возможно, что убеждение является единственным содержанием мер воздействия, применяемых к правонарушителям советской общественностью при осуществлении правоохранительных функций. Поэтому сами указанные меры должны быть обозначены не термином «меры общественного принуждения», а термином «меры общественного воздействия».

Во многом иначе обстоит дело с применением принуждения при отправлении функций правоохраны органами Советского государства. Лишь некоторые меры воздействия, применяемые

⁴³⁴ Ю. М. Козлов в статье О характере функций и полномочий общественных организаций, «Правоведение», 1964, № 3, стр. 45, совершенно правильно обращает на это внимание, указывая, что в противном случае «...придется прийти к выводу, что общественная организация утрачивает черты негосударственного формирования и превращается в госорган».

к правонарушителям органами государства, например, общественное порицание, выговор и т. п. не выходят за рамки морального принуждения. Поэтому для обозначения этих мер с полным основанием прибегают к термину «меры государственного принуждения».

В положениях о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка, а также о товарищеских судах четко определена роль убеждения и принуждения в правоохранительной деятельности советской общественности. Согласно этим положениям общественность должна воздействовать на нарушителя порядка прежде всего путем убеждения и предупреждения.

С природой осуществления общественностью своих функций узкая специализация несовместима. Нет таких органов, деятельность которых исчерпывалась бы одним только применением мер общественного воздействия к лицам, совершившим общественно опасные деяния. Применение к правонарушителям мер общественного воздействия представляет собой лишь один из видов деятельности органов общественности, ведущих борьбу с посягательствами на советский правопорядок. Эта деятельность качественно не отличается от остальной ее воспитательной и организаторской работы.

Правоохрана в узком смысле, наоборот, пока является особым видом деятельности ряда государственных органов. В ней находят свое выражение те специфические свойства государственной деятельности, связанные с наличием у него особого аппарата принуждения, через которые осуществляется публичная власть. Все это выделяет применение мер принуждения из всей остальной деятельности Советского государства. Правоохранительная деятельность его отличается от выполнения им хозяйственно-организаторских и культурно-воспитательных функций.

При параллельной деятельности общественности и органов государства в борьбе с посягательствами на советский правопорядок растет сфера общественной самодеятельности, накапливается необходимый опыт этой борьбы, поднимается уровень развития общественных организаций, увеличивается сила общественного мнения. В то же время при параллельной деятельности органов государства и общественности первые и в своей сфере усиливают роль общественных начал. Тем не менее нельзя отказаться от государственной борьбы с тяжкими преступлениями вообще. Пока такие преступления совершаются, применение строгих мер уголовного наказания неизбежно. С этой задачей общественности своими силами не справиться.

Значительное расширение за счет мер государственного принуждения сферы применения мер общественного воздействия к лицам, допустившим антиобщественные поступки, позволяет

по-новому ставить вопрос о соотношении убеждения и принуждения с учетом того, что принуждение имеет две различные формы, — оно может быть либо общественным, либо государственным. Если убеждение является основным средством правоохраны, то речь идет о доминирующей роли его, прежде всего, по отношению к общественному принуждению. Государственное же принуждение в целом постепенно, и чем дальше, тем больше, уступает свое место общественному принуждению. В связи с этим рассмотрение правоохранительной деятельности советской общественности предшествует в настоящей работе анализу государственной борьбы с правонарушениями, хотя практически последняя занимает и должна пока занимать первое место.

Советское законодательство последних лет различными путями стремится к повышению роли общественности в деле правоохраны и, в частности, в борьбе с посягательствами на правопорядок. Хорошей иллюстрацией тому могут служить действующие уголовные кодексы союзных республик.⁴³⁵

За ряд деяний, влекущих за собой по ранее действовавшему законодательству уголовную ответственность, эта ответственность отменена. По УК Эстонской ССР к таким деяниям следует, в частности, отнести: заведомое поставление другого лица в опасность заражения венерической болезнью, дискредитация власти должностным лицом, присвоение личного имущества граждан и пр. За некоторые правонарушения уголовная ответственность устанавливается только в случае повторного их совершения, например, ответственность за повторную мелкую спекуляцию (ст. 153 УК Эстонской ССР) и др. К лицам, совершившим эти деяния впервые, могут быть применены меры общественного воздействия или же иные, более мягкие по сравнению с уголовными наказаниями меры государственного принуждения.

В других случаях привлечение к уголовной ответственности может иметь место, как правило, если к виновному за такое же деяние уже были применены меры общественного воздействия. К таким деяниям следует, например, отнести мелкое хулиганство (ст. 195 УК Эстонской ССР) и др.

Наконец, в некоторых случаях за деяние, в зависимости от обстоятельств дела и личности виновного, могут быть применены либо уголовные наказания, либо меры общественного воздействия. К таким деяниям следует, например, отнести мелкое хищение государственного или общественного имущества, совершенное без отягчающих обстоятельств (ст. 94, ч. 1 УК Эстонской ССР) и др.

⁴³⁵ Мы ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями. Этот вопрос уже разработан советскими исследователями достаточно полно. О тенденциях развития см. Н. Ф. Кузнецова, О путях сужения сферы уголовной ответственности, «Советское государство и право», 1964, № 7, стр. 55—64.

Вместе с тем действующее уголовное законодательство предусматривает, что лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, освобождается от уголовной ответственности в случае применения к нему мер общественного воздействия по товарищескому суду или же в виде передачи на поруки общественности.

Вообще значительно расширена компетенция товарищеских судов за счет компетенции народных судов (ст. 5 «Положения о товарищеских судах Эстонской ССР» в ред. указов от 29 февраля 1964 г. и 29 июня 1965 г.).

В вышерассматриваемых случаях борьба с посягательствами на правопорядок возлагается прежде всего на советскую общественность. Задача государственных органов оказать общественности необходимую помощь и содействие.

Но, с другой стороны, Советское государство привлекает общественность к борьбе с преступностью и с целью оказать необходимое содействие соответствующим государственным органам.

Так, советская общественность принимает участие при рассмотрении уголовных дел в суде, выделяя общественных обвинителей и защитников. Общественность вправе возбуждать ходатайство об условном осуждении обвиняемых и о передаче их на исправление и перевоспитание общественности. На общественность может быть возложено наблюдение за поведением осужденных по уголовным делам и проведение с ними воспитательной работы. Общественность принимает участие также в исправлении и перевоспитании лиц, отбывающих наказание по приговору суда в местах лишения свободы.

В только что перечисленных случаях задачи общественности в борьбе с преступностью тоже весьма ответственны. Однако, эту борьбу ведут в первую очередь органы государства, уполномоченные на применение к правонарушителям мер государственного принуждения.

Содействие общественности государственным органам в борьбе с преступностью рассчитано в данном случае на повышение эффективности воспитательного воздействия в отношении виновного. При этом, сама общественность не уполномочена на применение мер принуждения. Сохраняя за собой право на применение мер принуждения и в то же время прилагая все силы к максимально быстрому исправлению и перевоспитанию правонарушителей, Советское государство привлекает в данном случае общественность исключительно ради расширения сферы действия убеждения в деле охраны правопорядка.

Советское государство не ограничивается возложением на общественность ряда задач по исправлению и перевоспитанию лиц, совершивших преступления. Оно в то же время создает необходимые условия для эффективного отправления своих функций

общественностью, а также стимулирует исправление и перевоспитание самих правонарушителей силами общественности. Так, например, при успешном применении мер общественного воздействия и наличии соответствующего ходатайства общественности об этом условно осужденный может быть окончательно освобожден от наказания еще до истечения испытательного срока. Равным образом при наличии соответствующего ходатайства общественности судимость может быть досрочно снята с лиц, отбывших наказание.

4. Отправление органами советской общественности функций правоохраны тесно связано со всей многогранной деятельностью советской общественности, непосредственно участвующей в строительстве коммунизма, и, в частности, с проводимой ею воспитательной и организаторской работой. Данное положение применимо и к таким органам общественности, в деятельности которых правоохрана в узком смысле выдвигается на первый план (добровольные народные дружины, товарищеские суды и пр.).⁴³⁶ Деятельность их тоже богаче по своему содержанию, чем одна только правоохрана. Это — работа по формированию членов будущего коммунистического общества.

Постановление от 2 марта 1959 г. «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» и проект «Временного положения о народных дружинах по охране общественного порядка»⁴³⁷ предоставили народным дружинам сравнительно узкие функции, нацеливая внимание, главным образом, на обеспечение в микрорайоне, закрепленном за дружиной, общественного порядка путем патрулирования, выставления постов и дежурств. На дружины возлагалось принятие мер к пресечению посягательств на общественный порядок, причем дружинникам было предоставлено право доставлять в случае

⁴³⁶ Формы и методы правоохранительной деятельности советской общественности весьма многообразны. В правоохране участвуют не только товарищеские суды и добровольные народные дружины, но также другие общественные организации и самостоятельные органы и различные представители общественности. Попытка классификации форм деятельности советской общественности по охране правопорядка предпринята в работе П. П. Михайленко и И. А. Гельфанда, Предупреждение преступлений — основа борьбы за искоренение преступности, М., 1964, стр. 94—95. Правоохранительная деятельность советской общественности — тема самостоятельных исследований. В настоящей работе мы привлекаем, в основном, материал, относящийся к деятельности товарищеских судов и добровольных народных дружин, являющихся основными органами советской общественности по борьбе с посягательствами на советский правопорядок (правоохрана в более узком смысле). Вместе с тем следует снова оговорить, что советский правопорядок входит в советский общественный порядок, а правонарушения представляют собой один из видов несоблюдения норм общественного поведения (см. также гл. I, § 1, п. 6). Нередко в деятельности советской общественности на первый план выдвигается охрана именно советского общественного порядка.

⁴³⁷ СП СССР, 1959, № 4, стр. 25.

необходимости граждан, нарушающих общественный порядок, в штаб дружины, милицию или ближайший сельский или поселковый Совет. В борьбе с нарушителями общественного порядка дружинники должны были воздействовать прежде всего путем убеждения и предупреждения.

По этому же пути шли республиканские положения о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка.

Однако практически работа народных дружинников выходит далеко за рамки уличного патрулирования и простирается на весьма различные отрасли общественной жизни. Из состава дружин выделяются отдельные, работающие на специальных участках группы: по борьбе с беспризорностью детей; по наведению порядка на предприятиях общественного питания и торговли, в общежитиях и т. д.; по борьбе с нарушениями на автотранспорте; по охране социалистического и личного имущества граждан, а также по охране природы; по соблюдению санитарных правил и пр.

Одновременно в сфере своей деятельности народными дружинами проводится большая воспитательная работа среди населения, в том числе индивидуальная. Народные дружинники оказывают повседневную помощь лицам, нуждающимся в этом. Дружинники являются организаторами общественного мнения, сурово осуждающего нарушение норм поведения советского общества. Этим целям служат конкретные формы работы народных дружин: организация агитбригад; окна сатиры; выезд дружинников на место работы или жительства нарушителей; доведение о нарушениях общественного порядка до сведения общественности; обсуждение поведения правонарушителей на созываемых по инициативе народных дружин собраниях трудящихся;⁴³⁸ беседы с этими лицами, а также шефство над ними; забота об отбывших наказание в местах лишения свободы; устройство лиц без определенных занятий на работу; борьба с пьянством и пр.

Иногда практикуется вывод нарушителя на «товарищеский круг». Провинившегося вызывают в центр «круга» товарищей по цеху или бригаде и требуют ответа за недостойное поведение. В некоторых дружинах все задержанные за данный месяц вызываются на общее собеседование, на котором выясняется, как в настоящее время эти лица живут и работают, какие выводы они для себя сделали.⁴³⁹ Народные дружины осуществляют

⁴³⁸ Компетенция таких собраний нигде не предусмотрена, да в этом нет даже надобности. Смысл их проведения заключается в создании атмосферы нетерпимости к нарушениям норм поведения, в предупредительном воздействии. См. также В. Б. Фролов, Воспитательная работа профсоюзов с нарушителями трудовой дисциплины, Вестн. МГУ, серия Право, 1964, № 3, стр. 49.

⁴³⁹ См. Я. М. Яковлев, Б. М. Махкамов, Л. В. Франк, В помощь народному дружиннику, Душанбе, 1961, стр. 27—28.

постоянный контроль за последующим поведением правонарушителя.

Много усилий добровольные народные дружины прилагают для внедрения принципов морального кодекса строителя коммунизма. Это — по существу новая функция в сфере общественной самодеятельности, появившаяся лишь в период развернутого строительства коммунизма. Отправление именно этой функции немыслимо без новых организационных приемов и форм работы, которыми, по-видимому, постепенно облекается вся деятельность народных дружин вообще. В этих новых формах, надо полагать, и следует искать один из прообразов руководства в будущем коммунистическом самоуправлении.

Детальный анализ всех участков работы народных дружин предполагает специальные исследования. В плане настоящей работы достаточно отметить, что деятельность народных дружин выходит за рамки непосредственной борьбы с посягательствами на советский правопорядок. И по своей направленности, и по своему содержанию, а также применяемым методам, она близка ко всем остальным формам работы по коммунистическому воспитанию трудящихся. Следовательно, передача народным дружинам полномочий власти по борьбе с посягательствами на общественный порядок влечет за собой также изменение способов и характера осуществления правоохранительных функций еще в процессе отмирания государства.

Работа товарищеских судов тоже не ограничивается одним только рассмотрением дел об антиобщественных поступках и применением мер воздействия к лицам, нарушившим нормы поведения советского общества.

Товарищеские суды призваны активно содействовать воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к труду и к социалистической собственности, соблюдения правил общежития, развития у советских людей чувства коллективизма и товарищеской взаимопомощи, уважения чести и достоинства граждан. Главное и в работе этих судов — предупреждение поступков, наносящих вред обществу, воспитание людей путем убеждения и общественного воздействия, создание обстановки нетерпимости вообще к любым антиобщественным поступкам.

Уже рассмотрению дела в товарищеском суде предшествует большая воспитательная работа, которая продолжается также после применения к нарушителю норм поведения советского общества мер воздействия.⁴⁴⁰ Показательно и то, что товарищеский суд может ограничиваться публичным рассмотрением дела, не прибегая к применению мер общественного воздействия вообще, если виновный, чистосердечно раскаявшись, публично принесет извинение коллективу или потерпевшему и доброволь-

⁴⁴⁰ О механизме воздействия на правонарушителя и других лиц посредством мер, применяемых товарищескими судами, будет сказано ниже в § 2.

но возместит причиненный ущерб (ст. 16 «Положения о товарищеских судах Эстонской ССР»). Впрочем, и коллективы трудящихся по месту работы или жительства нарушителя могут ограничиваться обсуждением действий виновного на общих собраниях трудящихся.⁴⁴¹

Деятельность добровольных народных дружин по охране общественного порядка, а также товарищеских судов не только богаче по своему содержанию одной лишь борьбы с правонарушениями, но и неразрывно связана со всей организаторско-воспитательной работой, проводимой любой из общественных организаций и самодеятельных органов советского общества. Всей этой работой руководит и направляет ее Коммунистическая партия Советского Союза.

Руководящая роль Коммунистической партии в советском обществе определяется всем ходом его исторического развития. На протяжении всей истории советского общества Коммунистическая партия является руководящей и направляющей силой его развития. Она уделяет постоянное внимание не только решению жизненно важных для советского общества экономических проблем, но и формированию нового человека с передовой идеологией, непримиримого в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей.

В постановлении июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС указывается: «В период развернутого строительства коммунизма возрастает руководящая роль партии, повышается ее ответственность за коммунистическое воспитание всех советских людей». Расширяется и углубляется, в частности, воспитательная работа КПСС, направленная на ликвидацию пережитков прошлого, порождающих нарушения правопорядка, возрастает вместе с тем значение партийного контроля за укреплением законности и правопорядка, за строжайшей охраной прав и законных интересов граждан. Координацию и направление деятельности всех общественных организаций и самодеятельных органов общества в области обеспечения неуклонного соблюдения советских законов и правил общежития партия считает своей важнейшей задачей.

Непосредственное участие в правоохранительной деятель-

⁴⁴¹ См., например, ст. ст. 4 и 5 Указа Президиума Верховного Совета Белорусской ССР «Об усилении борьбы с пьянством и самогонварением» («Социалистическая законность», 1959, № 11, стр. 69), согласно которым поведение виновного после наложения штрафа в административном порядке подлежит обсуждению на собраниях трудящихся. Аналогичный Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 января 1960 г. (см. «Социалистическая законность», 1960, № 4, стр. 82) предусматривал, что действия нарушителя должны сурово осуждаться на собраниях трудящихся или он должен привлекаться к ответственности по товарищескому суду. Согласно этому указу штраф в административном порядке мог быть наложен лишь при недостаточности мер общественного воздействия. В настоящее время этот указ отменен (см. «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1961, № 16, ст. 246).

ности советской общественности принимают советские профсоюзы. Их местными комитетами осуществляется руководство деятельностью товарищеских судов, а также некоторых других самостоятельных органов общества. Профсоюзные органы принимают участие и в проведении многих других мероприятий по охране общественного порядка.

Органы комсомола руководят деятельностью коммунистической молодежи по охране общественного порядка, в частности, группами и штабами «комсомольского прожектора», а также «легкой кавалерией комсомола». Наряду с профсоюзными организациями и коллективами трудящихся они участвуют в шефской работе над исправительно-трудовыми учреждениями.

В то же время товарищеские суды и народные дружины поддерживают тесную связь между собой и сотрудничают со всеми другими общественными организациями и самостоятельными органами советского общества, например, с комиссиями содействия при жилищно-эксплуатационных конторах (домоуправлениях), с различными общественными советами и пр. Формирование члена будущего общества, коммунистическое воспитание трудящихся, составной частью которого является искоренение пережитков прошлого в сознании людей, представляют собой важную цель деятельности всех общественных организаций и самостоятельных органов советского общества. Все они участвуют в правоохране в самом широком смысле. Это позволяет вести успешную борьбу, выражаясь словами А. И. Макарова, «на дальних подступах» к правонарушениям,⁴⁴² не говоря о непосредственной борьбе с посягательствами на советский правопорядок. И с этой точки зрения деятельность народных дружин и товарищеских судов качественно не выделяется из всей остальной работы, проводимой советской общественностью.

Весьма существенную помощь общественности в деле охраны общественного порядка оказывают местные Советы, все более выступающие в качестве общественных организаций, при широком и непосредственном участии масс в их деятельности, а также их исполнительные комитеты. Связь местных Советов с общественными организациями и самостоятельными органами общества, ведущими борьбу с правонарушениями, поддерживается в различных формах. Наиболее ответственные задачи по координации этой деятельности лежат на постоянных комиссиях местных Советов по охране социалистической законности и общественного порядка, действующих на основании соответствующих положений. Они занимаются, между прочим, вопросами деятельности народных дружин и товарищеских судов, борьбы с пьянством, деятельности детских комнат милиции,

⁴⁴² См. А. И. Макаров, Общественность Куйбышевского района г. Москвы в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития, «Советское государство и право», 1960, № 10, стр. 57.

работы с лицами, взятыми на поруки, укрепления паспортного режима, трудового устройства лиц, возвратившихся из мест заключения, и т. п.⁴⁴³

Постоянные комиссии по охране социалистической законности и общественного порядка сами не принимают мер общественного воздействия к правонарушителям. Они не обладают административной властью, а являются о р г а н и з а ц и о н н ы м центром на местах, который координирует и направляет работу общественности по охране порядка и занимается обобщением результатов этой работы. Они исправляют также допущенные ошибки и оказывают общественности необходимую помощь.

Добровольные народные дружины работают в непосредственном контакте с милицией, но ей не подчинены и свои функции выполняют наряду с ней. В связи с этим определенный интерес представляет изменение в некоторой мере природы советской милиции в период развернутого строительства коммунизма.

Милиция — орган государственной власти. В то же время она стала органом местного Совета, сочетающего в себе черты государственной и общественной организации. Общественные начала в деятельности милиции находят свое выражение, в частности, в том, что ее работа строится в тесном сотрудничестве с советской общественностью. К участию в деятельности милиции привлекается население. Это доходит до того, что выделяются общественные участковые уполномоченные милиции. Тем самым подготавливается дальнейшая передача государственно-властных функций по охране порядка советской общественности.

Мы свидетели исторического процесса. В деятельности советской общественности правоохрана, рассматриваемая всегда как наиболее типичная сфера применения государственного принуждения, теряет эти свои «классические» черты и качественно не выделяется из всей многогранной культурно-воспитательной и организаторской работы общества, строящего коммунизм.

§ 2. Посягательства на советский правопорядок и меры общественного воздействия

1. Возможности советской общественности пользоваться в своей правоохранительной деятельности различными мерами воздействия не беспредельны. Лишь при выборе средств убеждения общественность не ограничена. Весь арсенал убеждения находится в ее распоряжении. Виды же п р и н у ж д е н и я, ко-

⁴⁴³ Эти вопросы подробно рассматриваются в монографии Ю. А. Соколова, Участие трудящихся в охране советского общественного порядка, М., 1962, стр. 73—98.

торыми она располагает, весьма немногочисленны. Общественность не обладает аппаратом, способным принуждать. Этим объясняется то, что в ряде случаев она вынуждена обращаться к содействию органов государства — суда, руководителя учреждения или предприятия и пр. У самой общественности нет средств для взыскания наложенного штрафа, выселения тунеядца, перевода нарушителя трудовой дисциплины на другую работу и т. д.

Основным средством общественного воздействия является общественное мнение, представляющее собой меру принуждения, с помощью которого выражается осуждение лицу, уже совершившему антиобщественный поступок. Поэтому советская общественность, в отличие от органов государства, в своей правоохранительной деятельности не прибегает к принудительным мерам по предупреждению общественно опасных деяний. Свою работу по предупреждению этих деяний она проводит исключительно посредством мер, вообще не обладающих принудительным характером.

Советская общественность не прибегает также к мерам, аналогичным тем, которые применяются органами государства с целью непосредственного принудительного осуществления права (см. гл. IV, § 2, п. 1). Юридические нормы не могут быть непосредственно в принудительном порядке претворены в жизнь советской общественностью без содействия государственного аппарата. И дело не только в отсутствии у общественности аппарата, способного принуждать. Принудительное выполнение противоречит самой природе морального, общественного долга. Нравственные обязанности предполагают личные усилия гражданина, и именно момент обеспечения выполнения этих обязанностей оттеняется в правоохранительной деятельности советской общественности.

Не исключено, однако, применение советской общественностью принудительных мер с целью пресечения, прекращения посягательств на общественный порядок. Указанные меры выходят за пределы одного только морального воздействия. Они связаны с физическим принуждением. Впрочем, эти случаи нетипичны. Общественность прежде всего действует путем убеждения и нравственного осуждения виновного.

Когда же путем убеждения не удастся остановить лицо, посягающее на общественный порядок, представители общественности вынуждены прибегнуть к иным, более действенным в конкретном случае мерам, необходимым для прекращения посягательства. На данном этапе развития советского общества подчас одно только моральное воздействие явно недостаточно.

Республиканские положения о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка устанавливают, что представители общественности имеют право не только требо-

вать от граждан прекращения нарушения, но и доставлять их в случае необходимости в штаб народной дружины, в милицию или в ближайший сельский Совет.

Доставление лица, нарушающего общественный порядок, в штаб дружины или к органам власти является по сути дела мерой по задержанию преступника. Однако в «Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» задержание преступника в виде самостоятельного института советского уголовного права не предусмотрено. Тем не менее в судебной практике относительно существования этого института нет сомнений.⁴⁴⁴

Об остальных мерах по прекращению нарушений общественного порядка, которыми располагают представители общественности, положения о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка не упоминают. Нет такого упоминания и в других юридических нормативных актах. Однако в силу общественного долга каждый советский гражданин обязан не только сам исполнять законы, соблюдать дисциплину труда, беречь и укреплять государственную и общественную собственность, соблюдать правила общежития, но и требовать выполнения этого от других граждан и активно бороться со всеми посягательствами на советский правопорядок. С этой целью гражданам предоставлено право необходимой обороны.

Право необходимой обороны, т. е. защиты интересов Советского государства, общественных интересов, личности и прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства, предусмотрено советским уголовным законодательством (ст. 13, ч. 1 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик») и подразумевается другими отраслями советского права, в частности, советским гражданским правом. Право необходимой обороны устанавливает отсутствие общественной опасности и противоправности деяния, совершенного в состоянии необходимой обороны при защите от общественно опасного посягательства.

Активно бороться со всеми правонарушениями обязаны, разумеется, представители общественности, охраняющие общественный порядок. В этой борьбе они вынуждены прибегать к тем или иным мерам воздействия, вплоть до применения физической силы. Справедливо писалось в советской печати: «... нянчиться

⁴⁴⁴ См. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963, М., 1964, стр. 185, Пост. Пленума Верховного Суда СССР от 23. X. 1956 г. «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне» (п. 5). Задержание подозреваемого предусмотрено ст. 102 УПК Эстонской ССР в виде меры уголовно-процессуального права. См. по этому вопросу также Н. Н. Паше-Озерский, Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву, М., 1962, стр. 78—84.

с хулиганами и прочими «героями темных дел» не следует. И дружинники не должны тратить слов по-пустому там, где нужно употреблять власть. Наивно было бы хулигана, избившего гражданина, размахивающего ножом или палкой, увещивать тихими словами... Их (т. е. дружинников — И. Р.) работа сложна, и подчас им необходимо бывает смело, без промедления глянуть в глаза опасности».⁴⁴⁵

И все же нет оснований для отождествления принимаемых представителями общественности мер по прекращению и пресечению нарушений порядка с институтами необходимой обороны и задержания преступников. Речь должна идти о другом, а именно: о передаче общественности ряда функций по охране порядка. Именно в этом плане должен быть решен и вопрос о предоставлении ее представителям действенных мер для осуществления указанных функций.⁴⁴⁶ Уголовно-правовой аспект вопроса выдвигается на первый план лишь в случае превышения пределов необходимости при прекращении и пресечении общественно опасных деяний. Но это уже вопрос об уголовной ответственности самих представителей общественности за преступление, совершенные при охране порядка.

2. Основным видом мер воздействия, применяемых в правоохранительной деятельности советской общественности и обладающих принудительным характером, являются меры ответственности. Они аналогичны мерам ответственности, применяемым органами государства. Это сходство имеет в виду и сам термин «меры ответственности».

Советская общественность уполномочена на применение мер ответственности к лицам, виновным в посягательствах на советский правопорядок, не иначе как в случаях, точно установленных в нормативных актах. Ее деятельность по применению к правонарушителям этих мер не самочинна и самопроизвольна, а строго подзаконна.⁴⁴⁷

Так, согласно «Положению о товарищеских судах Эстонской ССР» применение мер общественного воздействия допускается, в частности, за следующие правонарушения: несоблюдение правил по охране труда, технике безопасности, производственной санитарии или противопожарной охране (ст. 5, п. 1); мелкое браконьерство, нарушение правил рыболовства; мелкие лесона-

⁴⁴⁵ Д. Мамлеев, На посту — народные дружины, «Известия», 24 февраля 1960 г., № 46.

⁴⁴⁶ Ю. М. Козлов в статье О характере функций и полномочий общественных организаций, «Правоведение», 1964, № 3, стр. 48, правильно указывает: «... право дружинников доставлять нарушителей общественного порядка в органы милиции и т. п. непосредственно связано со спецификой их деятельности. Внешневластные полномочия общественных организаций... не превращают их в организации государственного характера».

⁴⁴⁷ См. А. Б. Сахаров, Роль общественности в укреплении советского правопорядка и законности, «Вопросы философии», 1960, № 3, стр. 32.

рушения (ст. 5, п. 11) и др. Во всех этих случаях нетрудно установить конкретные нормы права, нарушенные виновным. Вместе с тем в «Положении» в общей форме говорится о том, что в компетенцию товарищеских судов входит рассмотрение дел также о других правонарушениях, не влекущих за собой административной или уголовной ответственности (ст. 5, п. 13). Не исключено, что ответственность перед государством за эти правонарушения не установлена вообще, а применение тех или иных мер воздействия к виновным передано в исключительную компетенцию общественности. В других же случаях меры общественного воздействия являются только одним из возможных последствий правонарушения, установленных юридической нормой.

Так, «Положение о товарищеских судах Эстонской ССР» (ст. 5, п. 12) предусматривает, что в компетенцию этих судов входит рассмотрение дел о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, если суд, прокурор, следователь или орган дознания сочтут возможным передать дело именно в товарищеский суд. Аналогичная норма содержится в ст. 51 УК Эстонской ССР, а также в ст. 7 УПК Эстонской ССР. Дела о преступлениях, не переданных в товарищеский суд, рассматриваются судом в обычном порядке.

Отличие этих случаев от тех, когда за правонарушения меры государственного принуждения не установлены вообще, не носит принципиального характера. В обоих случаях за правонарушением следуют не его традиционные последствия — меры ответственности, применяемые органами Советского государства, а меры общественного воздействия.⁴⁴⁸ Своеобразие всех этих случаев состоит в том, что меры общественного воздействия выступают здесь в роли мер ответственности за нарушение правовых норм поведения, установленных государством.

Являясь правонарушениями, деяния, влекущие за собой применение мер общественного воздействия, характеризуются как общественной опасностью, так и противоправностью поведения виновного. Тем не менее при рассмотрении дел о правонарушениях органами советской общественности на первый план выдвигается момент нарушения общественного долга, пренебрежение своими обязанностями со стороны виновного, как члена данного коллектива.

⁴⁴⁸ Меры общественного воздействия могут исключать применение также других мер государственного принуждения, следуемых за правонарушения. Так, согласно ст. 61, ч. 4 УК Эстонской ССР к несовершеннолетнему, совершившему преступление, по суду могут быть применены меры общественного, педагогического или семейного воздействия, исключающие применение принудительных мер воспитательного характера, являющихся мерами государственного принуждения. За некоторые правонарушения меры общественного воздействия могут быть применены наряду с мерами государственного принуждения (см., например, ст. 26, ч. 4 УК Эстонской ССР).

Этот вывод подтверждается большим количеством изученных протоколов собраний коллективов трудящихся, а также общественных организаций, на которых предметом обсуждения были совершенные членами коллектива или организации преступления и решались вопросы о выделении общественных защитников или обвинителей или о взятии виновного на поруки общественности. В этих протоколах нет выступлений, в которых ставились бы вопросы о квалификации преступления, доказанности обвинения и т. п. Основное внимание уделяется общественно-политической, нравственной оценке деяния, обстоятельствам, отягчающим и смягчающим ответственность, а также моральному облику виновного.

Меры общественного воздействия применяются за мало-значительные правонарушения. Это, однако, вовсе не означает, что борьба с последними имеет второстепенное значение. С таким пониманием природы этих деяний общественное сознание не мирится. С этой точки зрения интерес представляют данные исследования правосознания советских граждан (см. гл. 1, § 1, п. 1).

Из всех опрошенных лиц около двух третей (68%) считают, что до сих пор ведется недостаточно решительная борьба с хулиганством, в том числе с мелким (около 20% опрошенных лиц). Необходимость более решительной борьбы с мелким хулиганством опрошенные объясняют общественной опасностью этих деяний. Почти половина (45%) опрошенных полагает, что слабо ведется борьба также с хищениями, причем почти четверть опрошенных специально упоминает о мелком хищении (вопрос № 18 анкеты).

Меры ответственности могут быть применены органами советской общественности и за нарушение правил общежития.

Отдельные правила общежития вырабатываются общественной практикой. Они закреплены в общественном сознании, в коммунистическом мировоззрении советских людей, в их моральных и политических убеждениях, в традициях и обычаях советского общества. Лишь в виде исключения отдельные правила общежития, не опосредствованные советским правом, зафиксированы в письменных источниках. В обобщенном виде они содержатся в моральном кодексе строителя коммунизма.

По смыслу советского законодательства любое несоблюдение правил общежития может повлечь за собой применение мер общественного воздействия. «Положение о товарищеских судах Эстонской ССР» в общей форме, без всяких ограничений устанавливает, что в компетенцию этих судов входит рассмотрение дел об антиобщественных поступках, конкретно не перечисленных в «Положении» (ст. 5, п. 13).

Меры общественного воздействия могут быть применены и за

невыполнение социалистических обязательств. В советской философской литературе указывается, что эти обязательства имеют нормативное значение. После принятия их они становятся правилами поведения. Общество строго взыскивает с тех, кто безответственно относится к принятым обязательствам или проявляет недобросовестность при их выполнении.⁴⁴⁹

Это положение имеет важное значение с точки зрения обеспечения выполнения, в частности, т. н. норм-заданий, в составе которых юридические санкции, как правило, отсутствуют (см. также гл. 1, § 1, п. 4). Выполнение этих заданий, как и любых социалистических обязательств является требованием, предъявляемым правилами социалистического общежития.

Однако, глубоко ошибочно огульное, массовое применение мер общественного воздействия за каждое незначительное отступление от правил общежития. Этим только подрывается авторитет товарищеских судов. Решения по таким делам не принимаются всерьез. Данные исследования правосознания советских граждан свидетельствуют о том, что одним из основных недостатков в работе товарищеских судов опрошенные признают занятие «мелочами и пустяками». К наказанию нужно прибегать только в том случае, «... когда общественное мнение стоит на стороне наказания».⁴⁵⁰

Крайне вредно отражается на правоохранительной деятельности советской общественности всякая кампанейщина и шумиха. К сожалению, такой подход к делу встречается даже на страницах юридической печати. Иногда результаты проверок оцениваются по количеству привлеченных к ответственности лиц. Вот о чем писалось в порядке обмена положительным опытом: «По материалам проверок к партийной и дисциплинарной ответственности привлечены двадцать пять человек, прокуратурой внесено пятнадцать представлений в руководящие органы и возбуждено восемь уголовных дел». Кроме того, к ответственности привлечен заместитель начальника проверяемой организации.⁴⁵¹

Исключительная осторожность требуется особенно в тех случаях, когда решается вопрос о применении мер общественного воздействия за нарушение правил общежития, конкретно не указанных в положениях о товарищеских судах или иных нормативных актах, устанавливающих компетенцию этих судов.

Наряду с отнесением в компетенцию товарищеских судов рассмотрения дел об антиобщественных поступках «вообще», эти положения предусматривают также меры общественного воз-

⁴⁴⁹ См. Л. А. Андреев, Изменение соотношения морали и права в процессе перехода к коммунизму. Вопросы марксистско-ленинской этики, М., 1964, стр. 37—38.

⁴⁵⁰ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, М., 1958, стр. 159.

⁴⁵¹ См. «Социалистическая законность», 1964, № 1, стр. 25—26.

действия за нарушение конкретных правил общежития. В частности, «Положение», действующее в Эстонской ССР, указывает на разрушение семьи, недостойное отношение к членам семьи, к родителям, а также к женщине (ст. 5, п. 5).

Какова же правовая природа всех этих поступков? Имеются ли основания для отнесения всех или части их к правонарушениям?

Этот вопрос возникает в связи с тем, что ст. 130 Конституции — основного закона Союза ССР — в общей форме обязывает каждого гражданина Союза ССР «уважать правила социалистического общежития». Конституция Союза ССР вместе с тем провозглашает: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «Кто не работает, тот не ест» (ст. 12). Она возлагает на каждого гражданина также обязанность «беречь и укреплять общественную социалистическую собственность» (ст. 131), а неприкосновенность личности возводит в конституционный принцип (ст. 127).

Не подлежит, конечно, сомнению, что противоправность некоторых деяний может непосредственно вытекать из статей Советской конституции. Бесспорно и то, что те или иные правила общежития могут быть включены в состав права и тем самым получить государственную санкцию. В частности, правила поведения, указанные в статьях 127 и 131 Конституции Союза ССР, обладают правовым характером.

Любые хищения социалистического имущества, а также любые посяательства на неприкосновенность личности в соответствии со статьями 127 и 131 Советской конституции носят противоправный характер (см. также гл. II, § 2, п. 1), несмотря на то, что в ряде случаев эти посяательства влекут за собой применение не мер государственного принуждения, а общественного воздействия.

В несколько ином плане должен быть решен вопрос о характере нарушения требования ст. 12 Конституции Союза ССР как о предпосылке для применения мер общественного воздействия.

Статья 12 Конституции Союза ССР обязывает каждого гражданина честно, по мере своих способностей, трудиться на благо общества. Обязанность трудиться — это нравственный, общественный долг каждого советского гражданина.

Обязанность трудиться на благо общества — одно из основных правил общежития. Пока соблюдение этого правила не станет привычкой и не все люди будут трудиться независимо от получения материальных благ в полную силу своих способностей, сознавая, что это необходимо для общества, коммунизм не победит. Отсюда понятно, что вопрос о выработке нравственных стимулов, обеспечивающих соблюдение этого основного пра-

вила общежития, вопрос о превращении нравственных стимулов в действенные принципы поведения — один из центральных вопросов строительства коммунизма. Он не может быть решен путем издания соответствующего нормативного акта, обязывающего трудиться в полную силу своих способностей. В частности, он не может быть решен путем восстановления уголовной ответственности за самовольное оставление работы, полностью отмененной Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 25 апреля 1956 г.⁴⁵²

Обязанность трудиться в полную силу своих способностей не поддается правовому регулированию вообще. Нормы права регулируют лишь отдельные стороны трудовой деятельности людей. Они возлагают на граждан конкретные обязанности в связи с этой деятельностью. Тем самым они опосредствуют лишь некоторые стороны правила общежития, возлагающего на граждан обязанность трудиться по своим способностям. Нарушение только этих конкретных обязанностей может быть признано правонарушением. За пределами юридического опосредствования этого правила поведения наличие состава правонарушения исключается.⁴⁵³

Анализ республиканского законодательства, относящегося к борьбе с антиобщественными, паразитическими элементами, подтверждает правильность этого вывода. Так, например, в соответствующем законе Киргизской ССР прямо говорится о нарушении правил общежития лицами, ведущими паразитический образ жизни. При этом закон указывает, что конституции Союза ССР и Киргизской ССР провозглашают труд обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «Кто не работает, тот не ест».⁴⁵⁴ Аналогичный закон Азербайджанской ССР признает, что паразитический образ жизни несовместим с принципами социализма.⁴⁵⁵ В то же время согласно этим, а также аналогичным законам других союзных республик при отсутствии данных о нарушении конкретных юридических обязанностей один факт невыполнения морального, общественного долга трудиться по мере своих способностей не может служить основанием для применения мер ответственности органами Советского государства. Невыполне-

⁴⁵² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1956, № 10.

⁴⁵³ О правовом закреплении нравственной обязанности трудиться см. также гл. II, § 2, п. 1.

⁴⁵⁴ См. «Социалистическая законность», 1959, № 3, стр. 81. В аналогичный Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 сентября 1965 г. («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1965, № 38, ст. 932) внесен ряд изменений. Закон Эстонской ССР «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» действует пока в редакции 8 июня 1961 г. («Ведомости Верховного Совета ЭССР», 1961, № 23, ст. 74).

⁴⁵⁵ См. «Социалистическая законность», 1958, № 8, стр. 91.

ние обязанности трудиться влечет за собой ответственность перед государством лишь при условии, что имеет место уклонение от участия в общественно полезном труде трудоспособных лиц в сочетании с совершением поступков, позволяющих вести паразитический образ жизни и извлекать нетрудовые доходы путем осуществления предоставленных в советском обществе трудящимся прав вопреки их хозяйственному назначению и социально-политическому содержанию.⁴⁵⁶ При отсутствии этих условий юридическая ответственность исключена, возможна лишь ответственность моральная.

Со ст. 12 до некоторой степени сходная ст. 130 Конституции Союза ССР. Было бы неправильно утверждать, что в ст. 130 Конституции Советское государство санкционировало все правила общежития вообще и тем самым превратило их в нормы права.

Статья 130 Конституции Союза ССР выражает собой общий принцип⁴⁵⁷ советского права. Она указывает на неразрывную связь юридических и нравственных требований в Советском государстве и закрепляет отказ от безразличного, нейтрального отношения к нормам коммунистической морали, к правилам общежития. Однако без включения в нормативные акты отдельных правил общежития (хотя бы в их обобщении в виде отдельных принципов) и превращения их тем самым в нормы права они не обладают юридическим характером.

Нельзя, однако, отрицать, что ст. 130 Советской конституции сама по себе может служить основой для включения тех или иных конкретных правил общежития или их видов в состав права. Тем не менее, на данном этапе развития советского общества государство, как правило, воздерживается от включения в подконституционные нормативные акты отдельных правил общежития и установления юридической ответственности за их нарушение, предоставляя общественности вести борьбу с этими нарушениями. Уже в силу одного этого обстоятельства понимание ст. 130 Конституции Союза ССР в смысле основы для признания всех правил общежития юридическими нормами лишено оснований. Такое понимание ст. 130 Советской конституции недооценивает роль общественности в период развернутого строительства коммунизма и исходит из явно ошибочного предположения о развитии советского общества в направлении все большего, а в конечном счете полного поглощения правовыми формами всех остальных общественных форм.

В то же время Советское государство всячески поощряет инициативу общественности при обеспечении соблюдения пра-

⁴⁵⁶ См. А. С. Шляпочников, Некоторые правовые вопросы усиления борьбы с паразитическими элементами, Уч. зап. ВЮН, вып. 14, М., 1962, стр. 98—99.

⁴⁵⁷ См. также гл. I, § 1, п. 4 и гл. II, § 2, п. 1.

вил общежития. Оно не только наделяет общественность полномочиями по применению мер воздействия к лицам, нарушившим эти правила. В Конституции Союза ССР провозглашено, что уважение правил общежития — нравственный, общественный долг каждого гражданина. Однако, при этом оно не пред-решает вопроса о юридической квалификации нарушения отдельных правил общежития.

Нарушения правил общежития имеют сходство с правонарушениями. И те, и другие находятся в противоречии с нормами поведения советского общества. Оба характеризуются как деяния безнравственные (см. также гл. II, § 2, п. 2). Неотъемлемым признаком и тех, и других является их общественная опасность (см. также гл. II, § 1).⁴⁵⁸ Подобно правонарушениям, несоблюдение правил общежития предполагает конкретные поступки человека. Наконец, подобно тому, как нет правонарушения при отсутствии вины, наличие вины предполагается также в случае нарушения правил общежития, влекущего за собой применение мер общественного воздействия. Статья 15 «Положения о товарищеских судах Эстонской ССР» достаточно определенно говорит о применении мер общественного воздействия к виновным.⁴⁵⁹

Сходство правонарушений и нарушений правил общежития находит свое выражение также в том, что в ряде случаев за первые могут быть применены те же меры общественного воздействия, которые применимы и за последние. Следовательно, с точек зрения и юридической, и нравственной оценок они весьма близки друг к другу. Да и сами лица, бывшие перед товарищеским судом, вряд ли придают особое значение тому, применены к ним меры общественного воздействия за нарушение юридических норм или за несоблюдение правил общежития.

3. Нередко при рассмотрении дела о правонарушении и возникает альтернатива: либо меры общественного воздействия, либо меры ответственности, применяемые органами Советского государства. Наиболее важное практическое значение этот вопрос имеет при определении вида ответственности за преступления.

⁴⁵⁸ Употребляемый в нормативных актах термин «антиобщественные поступки» обозначает нарушения правил общежития в целом. Отсюда вовсе не вытекает отсутствия общественной опасности некоторых из этих нарушений.

⁴⁵⁹ И. С. Самощенко в монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 141, правильно, как мы полагаем, указывает: «Вина — есть упречное состояние психики субъекта, которое заключается в отрицательном отношении его к интересам социалистического общества». Умысел и неосторожность представляют собой единственно возможные формы психического отношения лица к своему противоправному внешнему поведению и его общественно опасному результату (стр. 138). Думается, что эти понятия применимы к нарушениям всех социальных норм вообще, а в пределах общего понятия вины следовало бы различать вину юридическую и моральную.

Этот вопрос имеет как процессуальный, так и материально-правовой аспекты. С точки зрения процессуальной он решается в соответствии с нормами о компетенции органов советской общности, в частности, положениями о товарищеских судах⁴⁶⁰ и в плане настоящего исследования не представляет интереса. В связи с этим привлекает внимание материально-правовой вопрос: ли б о меры общественного воздействия, ли б о уголовные наказания з а п р е с т у п л е н и я, не представляющие большой общественной опасности.

Советское законодательство указывает на ряд обстоятельств, учитываемых при решении этой альтернативы. По сути дела — это те же обстоятельства, которыми суд руководствуется при назначении наказания (ст. 32 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»). Они лишь конкретизированы применительно к данной альтернативе. Даже тогда, когда закон не содержит подробных указаний на счет этих обстоятельств, все равно следует руководствоваться ст. 32 названных «Основ».

Согласно закону освобождение от уголовной ответственности может иметь место в случае передачи виновного на поруки общности (ст. 50 УК Эстонской ССР) или направления дела на рассмотрение товарищеского суда (ст. 51 УК Эстонской ССР). Освобождение допускается при условии, что преступление не представляет собой большой общественной опасности, а само лицо, совершившее преступление, может быть исправлено с помощью мер общественного воздействия. Кроме того, при передаче на поруки общности требуется чистосердечное раскаяние виновного; установлен также ряд других ограничений, касающихся, главным образом, отсутствия судимости лица за ранее совершенные преступления.

Более подробно эти вопросы урегулированы в УК РСФСР. В частности, в УК РСФСР установлено, что при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в связи с применением к виновному мер общественного воздействия, само лицо, совершившее преступление, не должно представлять большой общественной опасности. На необходимость учета при решении этого вопроса данных, характеризующих личность

⁴⁶⁰ Этими положениями предусмотрено, что на рассмотрение гражданско-правовых споров в товарищеских судах требуется, как правило, согласие сторон. Наложение дисциплинарного взыскания за дисциплинарный проступок не исключает возможности рассмотрения дела в товарищеском суде. Дела об административных проступках могут быть переданы товарищескими судами на рассмотрение в соответствующие административные органы, и наоборот. Дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, товарищеские суды рассматривают только в том случае, если суд, прокурор, следователь или орган дознания сочтут возможным передать материалы или прекращенное дело в товарищеский суд.

виновного, специально указывается также в «Положении о товарищеских судах Эстонской ССР» (примечание к ст. 5, п. 3).

В этом плане существенное значение имеют такие обстоятельства как чистосердечное раскаяние, явка с повинной, заглаживание причиненного ущерба, возмещение убытков, активное содействие раскрытию преступления, моральное осознание своей вины. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что виновный внутренне отмежевался от преступления и преодолел побуждения, под влиянием которых он действовал.

Наряду со всей совокупностью обстоятельств, характеризующих личность как до, так и после совершения преступления, должны быть учтены цель, которую виновный преследовал при совершении преступления, мотивы, которыми он руководствовался, а равно характер его психических процессов в целом. Все указанные обстоятельства имеют важное значение при решении вопроса об исправимости лица с помощью мер общественного воздействия. Объясняется это тем, что от морального облика виновного, глубины и характера его переживаний и т. п. обстоятельств самым непосредственным образом зависит превращение ситуационно порожденных мотивов в устойчивые личностные побуждения, «прививка» надлежащих мотивов посредством их генерализации, короче, убеждение правонарушителя с помощью мер общественного воздействия.

Разумеется, при решении альтернативы либо уголовные наказания, либо меры общественного воздействия не в меньшей мере должны учитываться характер и степень общественной опасности совершенного преступления. Это необходимо не только потому, что общественно-опасное деяние является основным критерием при оценке общественной опасности личности, но также потому, что от характера и степени общественной опасности деяния зависит, какими мерами могут быть достигнуты карательные цели уголовной ответственности. Нельзя освобождать от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, если меры общественного воздействия недостаточны для заглаживания и пресечения общественно опасных последствий преступлений и не обеспечивают достижения цели общего их предупреждения.

Наконец, при решении указанной альтернативы важное значение имеет также состояние самого коллектива, в компетенцию которого входит применение мер общественного воздействия. Если коллектив слабый, не изолирован от отсталых влияний, если его мнение не обладает авторитетом и он сам «не на стороне наказания», то освобождение от уголовной ответственности воспринимается как выручение преступника и потворство ему.

4. Не всякую общественную реакцию, связанную с нарушением правил общественного поведения, можно отнести к мерам

ответственности. «Общая атмосфера немого осуждения» не является мерой ответственности. Меры ответственности, применяемые советской общественностью, — это организованные меры общественного воздействия.⁴⁶¹

С этой точки зрения к мерам ответственности не может быть отнесено всякое выражение осуждения со стороны общественного мнения лицу за его поступки, заслуживающие порицания. О мерах ответственности можно говорить лишь тогда, когда осуждение выражено в специфической форме определенными органами общественности. К таким органам следует, прежде всего, отнести товарищеский суд.

Вообще это не общественное мнение, которое публично не высказывается и широко не распространяется,⁴⁶² например, через печать, по радио, в решениях собраний и т. д. С этой точки зрения определенные моменты организованности всегда присущи общественному мнению. Лишь по этим внешним формам представляется возможным судить об общественном мнении. Но сами по себе эти внешние формы как таковые недостаточны для признания осуждения со стороны общественного мнения мерой ответственности не только за посягательства на советский правопорядок, но и за нарушение правил общежития. Страх перед таким осуждением, боязнь лишиться доверия товарищей оказывает, конечно, предупредительное воздействие, а тем самым выступает и в качестве регулятора поведения людей. Ответственность же выражается в более конкретных формах, чем «общая атмосфера немого осуждения».)

На данном этапе развития Советского государства эти формы, в частности, процессуальные формы применения мер общественного воздействия, установлены, главным образом, в юридических нормах. Само правовое регулирование применения органами советской общественности мер ответственности вызывается как необходимостью охраны прав личности — эти меры обладают принудительным характером, — так и тем, что привлечение виновного к общественной ответственности имеет определенное правовое значение. Нередко, как указывалось выше, меры общественного воздействия исключают применение к виновному мер государственного принуждения. С этой точки зрения применение таких мер может иметь преюдициальное значение для деятельности государственных органов.⁴⁶³

⁴⁶¹ О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский в монографии Вопросы теории права, М., 1961, стр. 74—75, совершенно правильно, как мы полагаем, отличают от отрицательного общественного мнения организованные меры общественного принуждения.

⁴⁶² См. А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 28.

⁴⁶³ В юридической печати утверждалось, что юридическое значение можно признать за мерами общественного воздействия «...только в случаях, специально предусмотренных законом и лежащих вне сферы процесса их приме-

В нормативных актах, как правило, не конкретизировано, какие виды мер общественного воздействия подлежат применению именно за данный поступок. Так, положения о товарищеских судах содержат лишь общий перечень мер общественного воздействия, причем эти меры, за редкими исключениями, могут быть применены за любое деяние, рассмотрение которого отнесено в компетенцию этих судов.⁴⁶⁴

Порой в нормативных актах даже в общей форме не предусмотрены виды мер общественного воздействия за те или иные нарушения норм поведения. Указывается лишь на то, что поведение виновного должно обсуждаться или сурово осуждаться на собрании рабочих, служащих и колхозников.⁴⁶⁵

Представляется более правильным, если санкции статей уголовного закона не указывают на возможность применения мер общественной ответственности,⁴⁶⁶ ибо такая структура закона не стирает различий между уголовными наказаниями и мерами общественного воздействия. Во всяком случае, однако, неверно рассмотрение указания на возможность применения мер общественного воздействия в качестве структурного элемента правил общежития. Схема — гипотеза, диспозиция, санкция — здесь неприменима. Природе норм нравственности и правил общежития, в которых первые конкретизируются, противоречит признание указания на применение мер ответственности в качестве их составной части.

М. П. Карева также полагает, что воздействие со стороны общественного мнения «... не является предусмотренной в самой норме нравственности». В то же время она утверждает, что это — «конститутивный элемент соответствующей уставной нормы данной организации, нормы, которая может лишь подкреплять ту или иную норму коммунистической нравственности, но не сливается с нею».⁴⁶⁷

Подобные уставные нормы, конечно, возможны. Однако нельзя еще отказаться от применения к нарушителям правил общежития также мер общественного воздействия, предусмотрен-

нения». Согласно этой точке зрения применение мер общественного воздействия имеет для государственных органов лишь преюдициальное значение а «во всех иных случаях меры общественного воздействия не имеют юридического значения». См. М. Ф. Орзи х, Характер мер общественного воздействия в процессе реализации норм общеправового права, «Правоведение», 1964, № 4, стр. 13.

⁴⁶⁴ При установлении мер государственного принуждения законодатель иногда поступает таким же образом. Например, нормативные акты о дисциплинарной ответственности содержат тоже лишь общий перечень видов взысканий, которые могут быть применены за любой дисциплинарный поступок.

⁴⁶⁵ См. примеч. 441.

⁴⁶⁶ Именно по этому пути идет Особенная часть УК Эстонской ССР.

⁴⁶⁷ См. М. П. Карева, Право и нравственность в социалистическом обществе, М., 1951, стр. 112.

ренных юридическими нормативными актами. Пока сами нравственные нормы и выражающие их правила общежития не являются составной частью коммунистического мировоззрения всех членов советского общества, одно только общественное мнение само по себе, даже если оно подкреплено уставными нормами общественных организаций, не всегда достаточно для обеспечения соблюдения правил общежития.

§ 3. Убеждение и принуждение и меры ответственности, применяемые советской общественностью

1. Меры ответственности, применяемые советской общественностью, включают в себя в неразрывном единстве моменты убеждения и принуждения. При этом, однако, основным их содержанием является общественно-моральное осуждение нарушителей норм поведения. Выражая такое осуждение, общественность прежде всего убеждает, хотя она одновременно и принуждает.

Осуждение виновных является содержанием всех мер ответственности, применяемых советской общественностью. Это положение не вызывает каких-либо сомнений относительно мер карательных — основного вида мер ответственности, применяемых советской общественностью. Без выражения осуждения виновному кара немислима.

О том, что большинство из мер ответственности, применяемых советской общественностью, представляют собой меры карательные, наглядно свидетельствует, между прочим, их сходство с одноименными мерами государственного принуждения. В частности, общественное порицание может быть объявлено как судом, так и товарищеским судом. Сходны также общественный выговор и выговор как мера дисциплинарного взыскания. Близки друг к другу предупреждение как мера общественного воздействия и предупреждение как мера административной ответственности.

Вышеуказанные меры представляют интерес потому, что принуждение при их применении исчерпывается общественно-моральным осуждением нарушителей норм поведения. Но и в тех случаях, когда товарищеский суд применяет такие меры как штраф либо ставит вопрос о переводе на другую работу или увольнении виновного, общественно-моральное осуждение нарушителя норм поведения всегда налицо. Правда, наложенный штраф в случае его неуплаты взыскивается при содействии народного суда, перевод же на другую работу или увольнение производятся соответствующим должностным лицом. Но этому обязательно предшествует решение товарищеского суда о признании лица виновным в нарушении норм общественного поведения.

То же самое следует сказать о решениях товарищеского суда, которыми на виновного возлагается обязанность возместить за счет своего имущества причиненный неправомерными действиями ущерб в размере до 50 рублей, а по делам о хищении государственного или общественного имущества — в полном размере ущерба. В этих случаях налицо имущественная ответственность за правонарушения, тоже всегда связанная с общественным осуждением виновного.

Общественно-моральное осуждение виновного занимает в деятельности органов советской общественности по применению мер ответственности особое место. Это единственная мера принуждения, которой общественность в борьбе с нарушениями юридических норм или правил общежития может пользоваться самостоятельно, без содействия других органов.

Общественно-моральное осуждение в товарищеских судах и прочих органах советской общественности, уполномоченных на применение мер ответственности, выражает общественное мнение. С этой точки зрения товарищеские суды могут рассматриваться как органы общественного мнения, а само общественное мнение как средство общественного принуждения.

О том, что общественное мнение является средством принуждения, писал еще Ф. Энгельс. Он указывал, что у родового строя «... не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения».⁴⁶⁸ В советской философской, а также юридической литературе не вызывает сомнений факт, что общественное мнение может выступать как принудительная сила.

Само по себе общественное мнение необязательно связано с принуждением. Нередко оно выражает одобрение. Принудительную же силу оно приобретает в связи с выражением осуждения за нарушение общественного долга. А. К. Уледов, исследователь общественного мнения советского общества, правильно отмечает: «Орудиями принуждения, которыми пользуется общественное мнение, являются осуждение, гнев, презрение, а само принуждение носит духовный характер и не связано с ущемлением материальных прав и свобод человека».⁴⁶⁹ Такое же мнение высказывает Л. Ф. Шишкин: «... общественное мнение народа (класса) ... действует и как сила принуждения, когда, например, оно осуждает определенные поступки... Здесь налицо принуждение, но не государственное, не правовое, а общественное».⁴⁷⁰

Следует согласиться с тем, что принуждение посредством

⁴⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 168.

⁴⁶⁹ А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 52.

⁴⁷⁰ Л. Ф. Шишкин, Основы марксистской этики, М., 1961, стр. 115—116.

общественного мнения носит своеобразный характер. Это — принуждение моральное по своему содержанию. Оно не связано с лишениями или ограничениями других благ, кроме потери в общественном мнении личных качеств виновного (см. гл. IV, § 1, п. 2). Принуждение здесь не превышает того минимума, за пределами которого ответственность вообще исключается.

Советское законодательство охраняет честь и достоинство граждан. Защите чести и достоинства их служит ряд норм уголовного и гражданского права. Меры уголовно-правовой охраны предусмотрены ст. ст. 129 и 130 УК Эстонской ССР, а гражданско-правовой — ст. 8 ГК Эстонской ССР.

Против высказанного общественностью осуждения за нарушение лицом своего долга нет защиты. Гражданин, которому объявлено органами общественности о потере в общественном мнении его личных качеств в связи с совершенными им недостойными поступками, не может претендовать на восстановление своей чести и достоинства средствами охраны субъективных прав.

Своеобразие морального принуждения вообще, и в том числе принуждения путем общественного мнения, находит свое выражение в том, что меры, содержанием которых является этот вид принуждения, по сути дела не отбываются. В этом нет и надобности. В оглашении решения товарищеского суда совпадают и назначение взыскания, и приведение его в исполнение, а также отбытие его. Виновный ощущает осуждение со стороны общественного мнения и переживает его.

С юридической точки зрения осуждение посредством общественного мнения может быть признано мерой ответственности лишь тогда, когда оно выражено в установленных законодателем формах: за нарушение общественного долга виновному объявляется уполномоченными на то органами общественности предупреждение, порицание, выговор. В действительности, однако, общественно-моральная оценка поступков людей бесконечно индивидуальна по своему содержанию. По существу она не имеет своих измерителей⁴⁷¹ и не поддается нормативному регулированию вообще. Она всегда содержательнее заранее установленных форм. Фактически общественная реакция в конкретном случае выходит за пределы предусмотрен-

⁴⁷¹ С этой точки зрения весьма показательны данные конкретно-социологических исследований правосознания. Опрошенные лица не проводят четкого различия между общественным порицанием, выговором и предупреждением. Они не в состоянии были отграничить эти меры по тяжести друг от друга. Впрочем, в связи с этим указывалось на недифференцированное применение мер воздействия как на недостаток в работе товарищеских судов, хотя в целом опрошенные весьма положительно отзывались об этих судах.

ных законом видов мер ответственности и тем самым уже лишается своей «юридической оболочки».

За пределами внешней оболочки общественное мнение весьма подвижно. Оно непосредственно реагирует на все. Отношение к нарушителю общественного долга, сурово осужденному общественным мнением, непременно изменится, как только лицо заслужит положительной оценки.

В этом состоит существенное отличие применяемых советской общественностью мер ответственности, имеющих своим содержанием моральное осуждение, от таких мер воздействия, как штраф. Своеобразие последних заключается в том, что объем ограничений, которым виновный подвергается, точно определен. Штраф налагается в денежном выражении.

Несмотря на отмеченное своеобразие, осуждение со стороны общественного мнения выступает как средство воздаяния виновному. При этом, однако, на первый план выдвигается момент морального воздаяния. Соразмерность осуждения совершенным недостойным поступкам достигается, в первую очередь, путем индивидуализации самой оценки деяний виновного в соответствии с особенностями конкретного случая.

Из сказанного вытекает, что не следует увлекаться принудительным, а тем более карательным характером ряда применяемых советской общественностью мер ответственности. Общественное мнение, используемое в правоохранительной деятельности как средство принуждения, выступает также в роли средства убеждения. Именно это служит основанием для вывода о таком сближении в советском обществе убеждения и принуждения, что практически порой трудно, если невозможно, проведение четкого различия между ними.

А. К. Уледов указывает, что одной из важнейших практических задач, вставших сейчас перед советским обществом является воспитание каждого человека в духе высоких требований морального кодекса. «Решение этой задачи включает в себя обеспечение того, чтобы принципы морального кодекса строителя коммунизма стали глубоким убеждением человека, чтобы его моральные убеждения выступали вместе с тем и как моральные чувства, а на основе моральных убеждений и чувств сформировались бы привычки должного поведения». Роль общественного мнения в решении этой задачи состоит в том, что под его воздействием, через одобрение или порицание поступков человека, придается наибольшая убедительность нормам нравственности, формируются моральные взгляды людей. «Общественное мнение, воспитывая нравственные убеждения и чувства, придает цельность моральному облику человека».⁴⁷²

⁴⁷² См. А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 356—359.

Спрашивается, имеются ли основания утверждать, что общественное мнение теряет силу убеждения в тот момент, когда оно осуждает недостойные поступки людей? А этот вопрос возникает тотчас, когда за принуждением отрицают силу убеждения, ведь осуждение — это тоже вид принуждения.⁴⁷³

Изложенное служит основанием весьма важному с точки зрения исследуемой темы выводу: вопрос об убеждении и принуждении как средствах в механизме общественной ответственности — это по сути дела вопрос о воздействии, оказываемом общественным мнением на нарушителей юридических норм и правил общежития.

2. Общественное мнение может быть рассмотрено с различных точек зрения. В рамках настоящего исследования оно представляет интерес как особое состояние сознания. Под этим углом зрения возникает вопрос о воздействии общественного мнения на практическую деятельность людей, на их побуждения, эмоции, принципы поведения. В этом плане вопрос об общественном мнении советского общества основательно разработан А. К. Уледовым.⁴⁷³

Особым состоянием сознания являются также убеждения людей (см. гл. III, § 1, п. 2). С этой точки зрения общественное мнение и убеждения человека суть явления одного порядка; в одном случае речь идет о состоянии общественного, в другом — индивидуального сознания. Это — одна из причин, почему индивидуальное сознание доступно воздействию, оказываемому общественным мнением. §

В связи с этим необходимо отметить два обстоятельства.

Во-первых. Общественное мнение вырабатывается по вопросам, затрагивающим общие интересы людей. Ввиду отсутствия антагонизма между советским обществом и личностью, у нас общественное мнение не является чужой силой. Оно «... не может рассматриваться как что-то внешнее и пассивное. Оно выступает как внутренне присущая и активная сила общественности».⁴⁷⁵ Вследствие этого под влиянием общественного мнения внешние требования могут приобретать характер внутренних убеждений. В таком случае нормы поведения перестают быть

⁴⁷³ Это — лишнее доказательство справедливости критики в адрес И. С. Самощенко по вопросу о т. н. «принудительном убеждении». См. гл. III, § 1, п. 1. Впрочем, и сам И. С. Самощенко по сути дела допускает возможность «принудительного убеждения», когда утверждает: «Назначение правоохраны — принудительное искоренение пережитков прошлого из сознания отдельных советских людей, повышение уровня коммунистической сознательности этим путем» (разрядка наша — И. Р.). См. Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 280.

⁴⁷⁴ А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963.

⁴⁷⁵ А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 74.

чем-то внешним по отношению к человеку, воспринимаемым им как обязанности.

В плане исследуемой темы это обстоятельство представляет интерес в связи с тем, что по отношению к человеку принуждение — это явление внешнее. Если же принуждают посредством общественного мнения, то это свойство принуждения теряет свои резкие очертания. К тому же, общественное осуждение высказывается от имени коллектива, членом которого, как правило, состоит и сам нарушитель норм поведения. С коллективом он связан по работе или совместной деятельности. У них общие интересы.

Прежде чем высказаться по поводу совершенного поступка, коллектив обсуждает поведение виновного. Нередко коллектив при этом конкретизирует действующие в советском обществе нравственные принципы применительно к данному случаю.

Мнение коллектива относительно поступков виновного вырабатывается, как правило, при участии самого виновного. С него спрашивают, от него требуют ответа. Он должен высказаться по поводу совершенных им действий и подвергнуть свои поступки самокритическому анализу.

Практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев виновный дает перед коллективом правдивую оценку своему поведению, вскрывает причины нарушения общественного долга и искренне осуждает недостойные поступки. Все это сказывается и на принятом коллективом решении.⁴⁷⁶

Во-вторых. Общественному мнению присуща большая непосредственность. Объясняется это тем, что общественное мнение имеет своей основой принципы коммунистической нравственности, которые сами обладают большой непосредственностью (см. также гл. II, § 2, п. 2), а также тем, что общее умонастроение неизбежно передается человеку часто даже помимо его желания и захватывает при этом всю сферу индивидуальной психики.⁴⁷⁷

Такая непосредственность присуща общественному мнению и тогда, когда оно выражает осуждение за нарушение норм поведения. Ввиду этой непосредственности общественное осуждение сильно затрагивает эмоциональную сферу человека и вызывает переживания различной глубины, особенно в тех случаях, когда оно высказывается от имени того коллектива, членом которого виновный состоит.

Общественное осуждение затрагивает эмоции также пото-

⁴⁷⁶ Заслуживает одобрения участие находящегося под стражей обвиняемого по уголовному делу в обсуждении коллективом места его работы не только вопроса о взятии его на поруки, но и о его характеристике, практикуемое следственными органами Эстонской ССР.

⁴⁷⁷ См. А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 283. См. также гл. III, § 1, п. 1.

му, что коллектив не только порицает, но и поощряет. Он выражает осуждение за недостойные поступки, но вместе с тем высказывает уверенность в том, что положительное преобладает над отрицательным.

При осуждении поведения виновного общественностью недопустимы произвол и субъективизм. Надо проявлять большую осторожность, такт, чуткость и внимание. Следует руководствоваться стремлением оказать товарищескую поддержку провинившемуся. Большое значение при этом имеет также вера в человека, совершившего правонарушение. Все это позволяет стать на правильный путь тем, кто споткнулся. Интерес с этой точки зрения представляет указание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «...при человеческих отношениях наказание действительно будет не более как приговором, который провинившийся произносит над самим собой... В других людях он, напротив, будет встречать естественных спасителей от того наказания, которое он сам наложил на себя».⁴⁷⁸

Веру в человека, а также стремление оказать товарищескую помощь нельзя, однако, понимать как снижение требовательности. Такая «помощь» не вызывает положительных переживаний и лишь подрывает исправительный эффект мер общественного воздействия в отношении нарушителей правил поведения. Провинившемуся должно быть показано, что обратный путь в коллектив, волей которого он пренебрегал, лежит в повышении требовательности к себе, в непрекословном выполнении впредь своего долга. Именно это имеют в виду такие меры, как гарантийные письма от правонарушителей, конкретные обязательства перед коллективом. Эмоциональная насыщенность подобных мер несомненна.

Весьма сильное эмоциональное воздействие на нарушителей норм общественного поведения оказывает применение т. н. метода взрыва. Под этим методом А. С. Макаренко понимал «...мгновенное воздействие, переворачивающее все желания человека, все его стремления».⁴⁷⁹ Этот метод также эмоционально насыщен и состоит в том, что конфликт с обществом, с коллективом, доводится до последнего предела: ставится ребром вопрос — или быть членом общества или уйти из него. Последний предел может выражаться в самых различных формах: коллективный гнев, бойкот, осуждение, отвращение и пр. Подчиняясь эмоциональному влиянию коллектива, люди «взрывают» в себе старые представления и на их место становятся новые образы, представления о правоте и силе коллектива, ярко ощутимые факты собственного участия в его жизни.⁴⁸⁰

Но нельзя свести общественное воздействие только к эмоцио-

⁴⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 2, стр. 197.

⁴⁷⁹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, М., 1958, стр. 253.

⁴⁸⁰ См. А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, М., 1958, стр. 508—510.

нальной стороне. Ему присущи также рациональные моменты: разъяснение неразрывного единства личных и общественных интересов, приучение к самостоятельному применению моральных принципов строителя коммунизма и пр.

В результате этого посредством мер ответственности, применяемых советской общественностью, могут быть не только утверждены, но также выработаны новые коммунистические убеждения нарушителей юридических норм и правил общежития. Нередки случаи, когда общественное воздействие преобразует даже тех людей, в борьбе с дурными наклонностями которых оказались бессильными все меры правовой ответственности. Если же общественности не удастся оказать сильного воздействия на внутренние побуждения, то нарушители общественного порядка порой даже укореняются в своих общественно вредных стремлениях и расценивают применение к ним мер общественного воздействия как либеральничание и показатель того, что можно безнаказанно совершать новые проступки.

Меры ответственности, применяемые советской общественностью, оказывают воспитательное и предупредительное воздействие и на других членов советского общества. Обще-предупредительное значение этих мер выражается в том, что их применение в конкретной практической форме подтверждает неотвратимость общественной реакции на нарушение общественного долга, углубляет атмосферу нетерпимости к нарушениям правил общественного поведения. Разрушение чувства безнаказанности безнравственных поступков, реальность возможности лишиться доверия товарищей в случае нарушения общественного долга, бесспорно, оказывают сдерживающее влияние.

В случае применения советской общественностью мер ответственности здесь, на низшей ступени репрессивности, скрещиваются убеждение и принуждение. От нравственного осуждения поведения виновного можно как по лестнице подняться к наиболее острым формам принуждения. С другой стороны, моральное осуждение переходит к таким формам воздействия, из содержания которых всякое принуждение вообще исключено.

Действительно, с моральным принуждением должна сопряжаться более или менее длительная воспитательная работа в отношении виновного. При этом должны быть использованы все средства идеологического воздействия. Этот процесс, однако, не подвергается нормативному регулированию — он не связан с какими-либо лишениями или ограничениями для личности. Цель этой работы — формирование и утверждение в сознании человека коммунистических убеждений, прочность которых «зависит от глубины усвоенных знаний, от силы тех жизненных воздействий, которые подкрепляют по-

лученные знания, вызывая у человека соответствующие переживания». ⁴⁸¹

Воспитательная работа в отношении правонарушителя проводится коллективом, в состав которого входит и сам воспитываемый. С этой точки зрения показательно включение лиц, в отношении которых были применены меры общественного воздействия, в состав бригад, соревнующихся за звание коммунистического труда, предоставление простора положительной общественной инициативе и пр. При этом воспитываемый не рассматривается как пассивный объект воздействия, а сам привлекается к активному участию в этой работе. Принуждение, исчерпанное вынесением решения товарищеского суда, ⁴⁸² полностью сменяется убеждением. ⁴⁸³

Следует избегать двух, одинаково вредных крайностей в работе по охране общественного порядка, опасность которых налицо. Данные, свидетельствующие о том, что в деятельности некоторых органов советской общественности иногда в самом деле обнаруживаются нездоровые тенденции, получены при конкретно-социологическом исследовании социалистического правосознания.

Вот прообраз первой из них. Товарищеский суд одного из предприятий гор. Таллина, учитывая «смягчающие» обстоятельства, ограничился рассмотрением дела, без применения каких-либо мер воздействия в отношении виновного. Обстоятельства дела следующие. Слушатель одного из заочных учебных заведений причинил легкие телесные повреждения преподавателю за неудовлетворительную оценку на экзамене. Виновный голословно сослался на то, что такая оценка была получена ввиду принадлежности его и преподавателя к разным национальностям. Попытки выручить попавшего в беду землячка встречаются иногда при рассмотрении дела в товарищеских судах и в других случаях, когда потерпевшим по делу является член «чужого» коллектива. ⁴⁸⁴

⁴⁸¹ Основы коммунистического воспитания, М., 1962, стр. 161.

⁴⁸² Утверждение О. Ф. Шишова в статье О соотношении уголовного наказания и мер общественного воздействия в свете Программы КПСС, «Советское государство и право», 1962, № 6, стр. 80, о том, что меры общественного воздействия в большинстве своем являются «мерами не разового», а более или менее длительного воздействия, справедливо лишь в отношении воспитательной работы, которой сопровождается применение общественностью мер ответственности.

⁴⁸³ Мероприятия воспитательного характера осуществляются частично еще до рассмотрения дела в товарищеском суде. Нередко нарушитель норм поведения советского общества заранее предупреждается о необходимости точного выполнения общественного долга.

⁴⁸⁴ Поэтому нельзя согласиться с тем, что общественное воздействие — это воздействие силой дружеского осуждения, как ошибочно полагает И. С. Самощенко в статье Основные пути ликвидации правонарушений в советском обществе, «Правоведение», 1962, № 2, стр. 29.

Другая крайность в работе товарищеских судов состоит в бездушном, казенном подходе к делу. Опрошенные лица указывают, что заседания товарищеских судов иногда напоминают театральные представления, где роли заранее распределены, подготовлены тексты выступлений слушателей, а деловое разбирательство по сути дела отсутствует. В таких случаях проведение заседания товарищеского суда служит лишь показателем выполнения предусмотренного по плану культурно-массового мероприятия, не более.

Как в первом, так и во втором случае решение товарищеского суда, да и сам товарищеский суд не могут претендовать на какой-либо авторитет в коллективе.

Вопрос о поднятии авторитета товарищеских судов является сейчас одним из центральных вопросов улучшения их работы. Следовало бы подумать о том, как довести до сведения коллективов трудящихся понимание особой важности работы товарищеских судов. С этой точки зрения представляется целесообразным освобождение, хотя бы в виде эксперимента, председателей товарищеских судов от всех прочих общественных поручений. В то же время можно было бы наделить их определенными полномочиями по руководству и координации всей правоохранительной деятельностью в данном коллективе (шефство над правонарушителями, воспитательная работа с ними и наблюдение за их поведением, профилактическая работа и пр.).

§ 4. Меры общественного воздействия, лишенные принудительного характера

К мерам общественного воздействия, не обладающим принудительным характером, следует отнести, прежде всего, установление на бл ю д е н и я за поведением лиц, нарушивших нормы общественного поведения, а также возложение на общественность обязанности проведения с ними воспитательной работы.

Контроль за поведением лиц, совершивших общественно опасные деяния, не является осуществлением принуждения в отношении их. Это особый вид воздействия, одна из форм всенародного учета лиц, допустивших отклонения от норм общественного поведения.

В. И. Ленин еще до Великой Октябрьской социалистической революции предвидел, что всенародный контроль и учет «хранителей традиций капитализма» имеет решающее значение не только с точки зрения понимания неотвратимости общественной реакции как важнейшего фактора в деле предупреждения нарушений правил общежития, но и формирования привычки к соблюдению их без всякого принуждения вообще. В. И. Ленин

писал: «... когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туеядцев, барищей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием..., что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой».⁴⁸⁵

В. И. Ленин указывал, что «только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое, сотрудничество массы рабочих и крестьян в учете и контроле за богатыми, за жуликами, за туеядцами, за хулиганами может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества, эти отбросы человечества, эти безнадежно гнилые и омертвевшие члены, эту заразу, чуму, язву, оставленную социализму по наследству от капитализма».⁴⁸⁶

«Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», принятыми 25 декабря 1958 года, вопрос о мерах общественного воздействия по наблюдению за поведением лиц, совершивших преступления, был, по сути дела, только поставлен. Указанными «Основами» предусматривается, что законодательство союзных республик устанавливает порядок наблюдения за условно осужденными и порядок проведения с ними воспитательной работы (ст. 38, ч. 4).

Уголовные кодексы союзных республик не ограничились установлением этого порядка в отношении условно осужденных, а предусмотрели также ряд других случаев, когда в отношении лиц, совершивших преступления, устанавливается порядок наблюдения и проведения с ними воспитательной работы. Так, по УК Эстонской ССР такой порядок может быть установлен в отношении лиц, осужденных к исправительным работам без лишения свободы (ст. 26, ч. 4).⁴⁸⁷ Такой же порядок может быть установлен в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от наказания (ст. 55, ч. 3). Наконец, общественная организация или коллектив трудящихся устанавливают наблюдение за поведением лица, взятого на поруки, и осуществляют в отношении его необходимые меры воспитательного характера.⁴⁸⁸

⁴⁸⁵ В. И. Ленин, т. 25, стр. 446.

⁴⁸⁶ В. И. Ленин, т. 26, стр. 371.

⁴⁸⁷ В юридической печати это положение УК Эстонской ССР встретило поддержку. См. Л. Г. Крахмальных, Некоторые вопросы правового регулирования исправительных работ без лишения свободы, «Советское государство и право», 1965, № 4, стр. 131—132.

⁴⁸⁸ Нельзя согласиться с тем, что отдача на поруки является мерой принуждения, как это утверждают В. Д. Арсеньев и Г. Б. Виттенберг в статье Некоторые вопросы передачи на поруки, «Советское госу-

Согласно положениям о комиссиях по делам несовершеннолетних под наблюдение общественных организаций, коллективов трудящихся или отдельных граждан могут быть переданы также несовершеннолетние, допустившие правонарушения.

С точки зрения понимания природы указанной меры интерес представляет то обстоятельство, что она может применяться также наряду с уголовным наказанием (ст. 26, ч. 4 УК Эстонской ССР). Это обстоятельство свидетельствует о том, что она не ставит себе карательных целей и не является мерой ответственности вообще. Иначе трудно было бы объяснить применение наряду с нею уголовного наказания. Даже в тех случаях, когда лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности или наказания, она не заменяет ответственности перед государством ответственностью общественной.

Как правило, установлению порядка наблюдения за поведением правонарушителя и проведения с ним воспитательной работы предшествует обсуждение и осуждение поведения этого лица на общих собраниях коллективов трудящихся или общественных организаций. Но и это обстоятельство не может служить основанием для отнесения этой меры к мерам ответственности, применяемым советской общественностью. Подобное осуждение лишено специфической, юридически значимой фор-

дарство и право», 1960, № 1, стр. 123, а тем более — уголовным наказанием, как полагал И. Д. Перлов в статье Отдача на поруки, «Советская юстиция», 1959, № 9, стр. 23—24. В статье Замена уголовной ответственности мерами общественного воздействия и принцип неотвратимости наказания, «Советское государство и право», 1965, № 8, стр. 48—49, Г. В. Виттенберг утверждает, что принудительный характер передачи на поруки общественности состоит в том, что правонарушитель выбрал эту форму ответственности не добровольно, что он, обязан исправиться и что в течение срока поручительства на правонарушителя действует устрашающая сила уголовного закона, — если он не исправится, то уголовное преследование может быть возобновлено. Однако, во-первых, без согласия правонарушитель не может быть передан на поруки общественности (ст. 52, ч. 3 УК РСФСР), во-вторых, правовая обязанность и принуждение — понятия не тождественные (см. также гл. 1, § 1, п. 4), и, в-третьих, принуждение не следует смешивать с угрозой принуждением. К. К. Вавилов в статье Об основаниях освобождения от ответственности при передаче на поруки, Вестн. ЛГУ, 1963, № 5, стр. 110—111, усматривает принуждение при передаче на поруки и при контроле за поведением перевоспитываемого в указании на неверные моменты в его поведении, в обязанности отчитываться перед коллективом за свое поведение. Между тем понятие принуждения вообще не характеризуется этими признаками. И. С. Ной в сборнике Роль общественности в борьбе с преступностью, Воронеж, 1960, стр. 180, наоборот, правильно указывает, что в отдаче на поруки общественности нет ни кары ни принуждения вообще. Этой же, совершенно правильной точки зрения придерживается А. А. Лиеде в обстоятельной монографии Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве, Рига, 1963. А. А. Лиеде указывает: «Нравственная сущность общественного поручительства исключает применение как государственного, так и общественного принуждения к правонарушителю в процессе осуществления поручительства» (стр. 25).

мы, свойственной мерам общественного воздействия (см. выше, § 2, п. 4).

Наблюдение за поведением правонарушителя не сводится также к обычным мероприятиям воспитательного порядка, хотя контроль сам по себе, разумеется, оказывает воспитательное воздействие. Значение ее состоит в том, чтобы «хранители традиций капитализма» осознали невозможность уклонения от всестороннего учета и контроля.

Учет и контроль — это определенный порядок в жизни советского общества. По своим объективным свойствам он имеет предупредительное значение. Наблюдение за поведением правонарушителя не лишено этого значения и тогда, когда «хранитель традиций капитализма» пытается уклониться от него и не поддается воспитанию.

Однако только контроль за поведением правонарушителей, если он не сочетается с воспитательной работой, не является достаточно эффективным с точки зрения профилактики правонарушений, а тем более формирования и утверждения коммунистических убеждений. Необходимо также большая работа по исправлению и коммунистическому воспитанию лиц, взятых под контроль общественности. С этой точки зрения большой интерес представляет ряд законоположений советского права.

Условно-досрочно может быть освобожден от наказания осужденный, который доказал свое исправление. Тем не менее за поведением его может быть установлен контроль. На общественность может быть возложена обязанность осуществлять в отношении этого лица необходимые меры воспитательного характера.⁴⁸⁹ В связи с этим следует обратить внимание и на ст. 52, ч. 4 УК РСФСР (аналогичные правила содержатся и в уголовных кодексах других союзных республик), которая гласит: «Если лицо, взятое на поруки, в течение года не оправдало доверия коллектива, нарушило обещание примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление, не подчиняется нормам социалистического общежития или оставило трудовой коллектив с целью уклониться от общественного воздействия, то общественная организация или коллектив трудящихся, взявшие его на поруки, выносят решение об отказе от поручительства и направляют это решение в прокуратуру или суд для рассмотрения вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности за то преступление, в связи с совершением которого он был передан на поруки».

Формы общественного контроля за поведением лиц, допустивших правонарушения, а также проведения с ними воспитательной работы весьма многообразны. Они подробно описаны

⁴⁸⁹ См. также гл. V, § 1, п. 2.

в юридической литературе.⁴⁹⁰ Следует лишь отметить, что неправильно свести всю эту работу к беседам, назиданиям, увещаниям и выслушиванию отчетов. От пассивного выжидания, совершит ли лицо новое преступление или нет, следует решительно перейти к активному перевоспитанию.⁴⁹¹ Эта работа должна вестись планомерно посредством как интеллектуальных, так и эмоциональных факторов. Сам бывший правонарушитель не должен стоять в стороне от нее.

Этим не исчерпываются меры общественного воздействия, не обладающие принудительным характером вообще.⁴⁹² Сама жизнь порождает все новые формы общественного воздействия, в содержание которых принуждение вообще не входит. Эти формы не укладываются в рамки юридических норм, да и сам законодатель отказывается от правового регулирования их, предоставляя свободу общественной инициативе.

Жизнь порождает также все новые самостоятельные органы общества. В юридической литературе уже сообщалось о создании советов старейших жителей сел для рассмотрения таких дел бытового характера, в которых жизненный опыт пожилых людей и их авторитет могут быть особенно полезны. Рассматривая такие дела, совет старейших не связан с какими-либо формальностями. Он высказывает свое порицание в отношении антиморальных поступков и приводит примеры хорошего, заслуживающего похвалы, поведения. На этом дело кончается. Совет не уполномочен на применение каких-либо взысканий.⁴⁹³

В связи с этим невольно вспоминаются слова Ф. Энгельса о бесспорном уважении к старейшинам в догосударственном бесклассовом обществе.⁴⁹⁴

⁴⁹⁰ См., например, С. А. Бодерсков, Передача на поруки, М., 1961, стр. 72—78; С. А. Домахи и В. Г. Степанов, Общественное поручительство, М., 1962, стр. 69—76; Н. Ф. Кузнецова, Участие общественности в перевоспитании правонарушителей, осужденных условно или переданных на поруки. Советское государство и общественность в условиях развернутого строительства коммунизма, М., 1962, стр. 328—331; А. А. Лиеде, Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве, Рига, 1963, стр. 229—248; Ю. М. Ткачевский, Досрочное освобождение от наказания, М., 1962, стр. 79—82; Формы участия общественности в борьбе с преступностью, М., 1963.

⁴⁹¹ Это правильно отмечено в статье А. М. Яковлева Предупреждение повторного совершения преступлений условно осужденными и условно-досрочно освобожденными, «Советское государство и право», 1961, № 12, стр. 102—103.

⁴⁹² Например, направление нарушителей правил движения для прослушивания в нерабочее время лекций по правилам движения и пр.

⁴⁹³ См. Н. Г. Старовойтов, За дальнейшее улучшение работы Советов депутатов трудящихся по соблюдению социалистической законности, Советская общественность на страже социалистической законности, М., 1960, стр. 175—176.

⁴⁹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 171.

Глава VI

УБЕЖДЕНИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. Убеждение и принуждение и меры ответственности, применяемые органами государства ⁴⁹⁵

1. Взыскания, применяемые органами Советского государства за различные проступки, следует отнести к мерам кара-

⁴⁹⁵ Вопрос о классификации видов мер ответственности, а также видов правонарушений — предмет самостоятельных исследований. Поэтому нет необходимости входить в критическое рассмотрение различных точек зрения, высказанных по данному вопросу в советской юридической литературе. Наши соображения на этот счет изложены в статье О разграничении видов правонарушений и юридических санкций по советскому социалистическому праву, Уч. зап. ТГУ, вып. 61, Тарту, 1959. Некоторые положения этой статьи подвергнуты критике О. Э. Лейстом в работе Санкции в советском праве, М., 1962. В то же время О. Э. Лейст, подобно нам, все санкции разделяет на два основных вида: на санкции карательные и на санкции имущественные, именуемые им «правовосстановительными». В пределах санкций карательных он также различает уголовные наказания и различные виды взысканий. В отличие от нас, т. е. правовосстановительные санкции он понимает более широко. К правовосстановительным санкциям он относит ряд мер принуждения, рассматриваемых нами как меры по непосредственному принудительному осуществлению права (подробнее см. ниже, § 2, п. 1). Кроме того, он относит к этому виду санкций ряд мер, не являющихся принудительными вообще (см. гл. IV, § 1, п. 1). Разумеется, что эти меры остаются за пределами любой классификации юридических санкций (мер ответственности). Предлагаемая О. Э. Лейстом классификация «санкций», как он сам признает, не является всеобъемлющей и охватывает лишь большую их часть. См. также рецензию А. М. Васильева на монографию О. Э. Лейста «Советское государство и право», 1963, № 5, стр. 166. Подробно на вопросе о классификации видов правонарушений останавливался также И. С. Самощенко в монографии Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, гл. IV. Исходя из ошибочных, как мы пытались доказать (см. гл. II, § 1, п. 2), предположений об особом качестве преступлений, он все другие правонарушения охватывает общим термином «проступки» (стр. 162). Далее И. С. Самощенко утверждает, что деление проступков на виды обуславливается «...не их различной социальной значимостью», что верно, а тем, что они «...посылают на различные, более или менее обособленные стороны советского социалистического правопорядка» (стр. 162—163). Этот вывод уже подвергнут нами критическому разбору

тельными (см. также гл. IV, § 2, п. 3). Советскому праву известны три вида их — взыскания дисциплинарные, административные и процессуальные. Эти взыскания являются юридическими последствиями соответственно дисциплинарных, административных и процессуальных проступков.

По сравнению с уголовными наказаниями, взыскания являются менее тяжкими. Они обладают меньшей степенью репрессивности, причиняют правонарушителю не столь значительные ограничения как уголовные наказания.

Было бы, однако, неправильно формальное, буквальное понимание положения о том, что взыскания менее тяжки нежели уголовные наказания в том смысле, что максимальный предел их ни при каких обстоятельствах не может превышать минимального предела одноименных уголовных наказаний. Вполне возможно, что штраф, налагаемый в административном порядке, превышает минимальный размер штрафа, который в соответствии с уголовными кодексами союзных республик может быть назначен по суду. Тем более недопустим формализм при сравнении тяжести различных карательных мер потому, что многим видам взысканий одноименные уголовные наказания не соответ-

(см. гл. II, § 1, п. 2). Дополнительно следует отметить следующее. И. С. Самошенко пришел к выводу, что в случае наступления одновременно уголовной и гражданской ответственности за одно деяние (например, умышленное уничтожение имущества), нельзя найти различных объектов посягательства (стр. 223). Выход из этого положения он пытается найти в признании гражданской ответственности условий: «... в данном случае речь идет о возмещении или ликвидации вреда, причиненного именно преступлением...» (стр. 221). Но тогда следовало бы в принципе прийти к такому же выводу в случае совокупности административной (либо дисциплинарной) и гражданской ответственности. Ведь посягательство на тот же объект (имущество в данном примере) может, в зависимости от конкретных обстоятельств, образовать состав или преступления, или административного или дисциплинарного проступка, и вместе с тем повлечь за собой гражданскую ответственность. И. С. Самошенко обходит вопрос о разграничении видов правонарушений в этих случаях, ссылаясь на то, что таких случаев «сравнительно мало» (стр. 226). Тем не менее они встречаются и свидетельствуют о практической непригодности предложенных И. С. Самошенко критериев разграничения видов правонарушений. И не случайно, что подчас сам И. С. Самошенко вынужден искать критерия разграничения в таких признаках, как «закон устанавливает различные и самостоятельные санкции...» (стр. 208) или «... в пользу такого решения говорит именно то, что они запрещены с помощью гражданско-правовых санкций» (стр. 183). Ввиду этого неубедительна критика И. С. Самошенко в наш адрес в связи с нашим положением, выдвинутым в вышеуказанной статье, о том, что правонарушения и юридические санкции взаимно определяют друг друга, что неотъемлемым, существенным признаком любого правонарушения является применимость соответствующей юридической санкции, что в спорных случаях из применимости определенной санкции можно сделать вывод о наличии определенного правонарушения (стр. 165). Правильность этого вывода доказал сам И. С. Самошенко. К тому же он утверждает: «На наш взгляд «внешней формой» правонарушений следует считать характер юридической санкции, применяемой для запрета той или иной разновидности антиобщественных деяний» (стр. 163—164).

ствуют вообще. Так, например, выговор и строгий выговор, являющиеся дисциплинарными взысканиями, в перечне уголовных наказаний не фигурируют. Можно лишь утверждать, что в целом взыскания менее тяжки, чем уголовные наказания.

Положение о меньшей по сравнению с уголовными наказаниями тяжести взысканий следует понимать в том смысле, что среди последних преобладают меры морального воздействия. Основным содержанием их является общественно-нравственное осуждение виновного. Непосредственное внешнее воздействие на поведение человека при их применении, как правило, отступает на задний план (см. также гл. IV, § 1, п. 2). Но и тогда, когда принуждение, присущее взысканиям, выходит за эти минимальные пределы, оно за редкими исключениями является сравнительно небольшим и находится на грани наиболее легких уголовных наказаний. К таким видам взысканий следует отнести: штраф; увольнение от должности; исправительные работы без лишения свободы на срок до одного месяца, предусмотренные, впрочем, законодательством отнюдь не всех союзных республик; арест на срок до 15 суток и некоторые другие.

Законодательство последних лет, регулирующее применение взысканий, а также практика придают все большее значение моральному воздействию в борьбе с различными видами проступков. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 21 июня 1961 г.⁴⁹⁶ значительно ограничено применение штрафов, налагаемых в административном порядке. Отменено наложение штрафов на организации, учреждения, предприятия. В связи с этим распространение получила такая мера воздействия как предупреждение. С этой точки зрения большое принципиальное значение имеет содержащееся в преамбуле Указа от 21 июня 1961 года положение о том, что «в настоящее время, когда сфера административного принуждения все более сужается, такая мера как штраф должна применяться к гражданам, а также к должностным лицам в случаях, если меры общественного или дисциплинарного воздействия будут признаны недостаточными».

Это положение нельзя понимать в том смысле, что штраф исключает необходимость общественно-морального воздействия в отношении правонарушителя или заменяет его денежным взысканием. Подобный вывод сводился бы, по сути дела, к признанию штрафа своеобразной формой «разовой платы» за правонарушение, как метко выразился О. Э. Лейст,⁴⁹⁷ или откупа их. Между тем такой вывод лишен всяких оснований. Ведь дела об административных правонарушениях рассматриваются адми-

⁴⁹⁶ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1961, № 35, ст. 368.

⁴⁹⁷ См. О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 151.

нистративными комиссиями с участием представителей общественности, а решения о наложении административных взысканий доводятся до ее сведения. Все это свидетельствует о том, что денежное взыскание не заменяет, а дополняет общественно-моральное воздействие на правонарушителя, точнее, является одним из средств, с помощью которых оно оказывается.

Виды взысканий отличаются по своей тяжести. Наибольшей степенью репрессивности обладают некоторые административные взыскания.⁴⁹⁸ Но вряд ли будет правильно утверждать, что имеются существенные, принципиальные различия в репрессивности видов взысканий в целом.

По своей тяжести к взысканиям, применяемым органами Советского государства, весьма близки меры ответственности, применяемые общественностью. Подобно последним, лишения, которым подвергается виновный в случае наложения на него взысканий, либо исчерпываются одним лишь моральным принуждением (см. гл. IV, § 1, п. 2), либо только в незначительной мере превышают пределы этого вида принуждения.

Существенным признаком взысканий как мер карательных является их соразмерность тяжести совершенного правонарушения — степени общественной опасности содеянного. Ввиду своей небольшой репрессивности взыскания не могут быть применены в тех случаях, когда посягательство на советский правопорядок представляет собой значительную опасность. Если правонарушение является более или менее серьезным, то нельзя ограничиться выражением одного только общественно-морального осуждения виновному. Такая форма ответственности была бы несоразмерна содеянному. Правосознание не могло бы мириться с ней.

Диапазон общественной опасности тех правонарушений, за которые применяются взыскания, все же не является незначительным. Ограничение сферы применения взысканий слишком узкими рамками было бы ошибочно. Составы проступков весьма различны.

Развитие в последние годы советского законодательства об ответственности за правонарушения свидетельствует о расширении области применения взысканий. Это объясняется тем, что сфера уголовной ответственности сужается. За деяния, не представляющие собой значительной общественной опасности, она в ряде случаев заменена ответственностью административной или дисциплинарной.⁴⁹⁹ Нередко процесс перерастания уголов-

⁴⁹⁸ Согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» («Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1941, № 29) в виде административного взыскания предусматривалось даже лишение свободы на срок до 6 месяцев.

⁴⁹⁹ См. также В. И. Игитов, О сфере правового регулирования в области обеспечения общественного порядка, Вестн. МГУ, 1964, № 2, стр. 47.

ной ответственности в общественную проходит стадию административной или дисциплинарной ответственности.

Неодинаковые по степени опасности правонарушения, в том числе и проступки, требуют различного реагирования. В связи с расширением диапазона общественной опасности проступков особую актуальность приобретает вопрос об индивидуализации ответственности за них. Законодатель стал обращать этим вопросам все больше внимания.

Общетеоретическая разработка данного вопроса отстает от его законодательной регламентации и практики судебных и административных органов.

До последнего времени вопросу об индивидуализации ответственности за проступки обращалось мало внимания и в советском законодательстве. Однако ряд нормативных актов последнего времени содержат на этот счет четкие указания. Так, в Указе Президиума Верховного Совета Союза ССР от 21 июня 1961 г.⁵⁰⁰ говорится: «Размер штрафа устанавливается в зависимости от тяжести совершенного проступка с учетом личности и имущественного положения виновного». Еще более развернутое положение содержится в «Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил Союза ССР», ст. 72 которого гласит: «Всякое дисциплинарное взыскание должно соответствовать степени вины и тяжести совершенного проступка. При определении вида и меры взыскания принимаются во внимание: характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, прежнее поведение виновного, а также время нахождения его на службе и степень знания порядка службы».

К индивидуализации ответственности за проступки законодатель стремится и тем, что все чаще устанавливает весьма дифференцированные составы, например, административных правонарушений.⁵⁰¹ Все реже в законодательных актах можно найти т. н. общие деликты административного права.

Индивидуализация ответственности за проступки достигается, однако, прежде всего, путем применения к виновному различных видов принуждения в зависимости от того, какой состав проступка налицо. Но с точки зрения индивидуализации ответственности важное значение имеет также «дозировка» размера принуждения в соответствии с обстоятельствами конкретного дела. Такая «дозировка» возможна не только тогда, когда виновный подвергается штрафу или аресту, но и тогда, когда к нему применяется моральное принуждение. Советскому праву известны весьма разнообразные формы такого принуждения: предупреждение, постановка на вид, замечание, выговор, стро-

⁵⁰⁰ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1961, № 35, ст. 368.

⁵⁰¹ См., например, «Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР», 1964, № 52, ст. 240; 1964, № 52, ст. 242; 1965, № 14, ст. 46; 1965, № 14, ст. 47 и др.

гий выговор, общественное порицание. За этими различными названиями кроются неодинаковые по силе и форме виды воздействия.

Советское законодательство стремится ко все большему разнообразию.⁵⁰² Нельзя, однако, не заметить, что по форме меры морального воздействия мало отличаются друг от друга. Во всех этих случаях речь идет об осуждении, которое выступает под названием выговора, то как замечание, порицание и пр. (см. также гл. V, § 3, п. 1). Поэтому с точки зрения индивидуализации ответственности, а вместе с тем и воздаяния виновному большое значение имеет фактическая реакция окружающих на правонарушение. Разнообразие форм этой реакции беспредельно. Шаблон избегается также тем, что меры морального воздействия, в зависимости от конкретных обстоятельств, применяются различными органами: непосредственным или вышестоящим начальником по службе, административными комиссиями или другими административными органами, советской общественностью и пр. Административные комиссии вправе передавать материалы о проступках общественным организациям, коллективам трудящихся или товарищеским судам для применения к нарушителю мер общественного воздействия. Такое же право предоставлено начальнику при наличии дисциплинарного проступка. В соответствии со ст. 57, ч. 3, ст. 94, ч. 2 и ст. 394, ч. 4 УПК РСФСР за процессуальные проступки к виновному могут также применяться меры общественного воздействия. С другой стороны, товарищеский суд вправе передавать материалы в надлежащие органы для привлечения виновного к административной ответственности. Характерно и то, что за нарушение общественного порядка военнослужащий привлекается не к административной, а дисциплинарной ответственности (ст. 30 «Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Союза ССР»). На обвинителя и адвоката в случае повторного неподчинения распоряжениям председательствующего в судебном заседании процессуальное взыскание не налагается. Эти участники процесса привлекаются к дисциплинарной ответственности (ст. 225, ч. 2 УПК Эстонской ССР).

В связи с приведенными законоположениями внимание привлекают два обстоятельства.

Первое, — возможность наложения дисциплинарных взысканий не только непосредственными, но и вышестоящими начальниками по службе. Очевидно, что с точки зрения индивидуализации ответственности не все равно, кем взыскание налагается — управляющим треста или заведующим складом, ко-

⁵⁰² Например, «Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Союза ССР» 1960 г. предусматривает ряд неизвестных уставу 1946 г. мер дисциплинарной ответственности, содержащих моральное принуждение.

мандиром отделения или полка. Иногда и объем дисциплинарной власти зависит от должностного положения начальника.

Второе, — среди органов, применяющих меры ответственности за проступки, все большая роль принадлежит советской общественности. Это имеет своим последствием усиление общественно-нравственной реакции, вызываемой нарушением виновным своего долга. Тем самым открываются более широкие возможности для приведения применяемых взысканий в полное соответствие с особенностями данного случая. В результате этого достигается соразмерность взыскания степени общественной опасности проступка, хотя при этом за пределы морального принуждения и не выходят.

Правильная индивидуализация ответственности за проступки является, безусловно, необходимым условием эффективности применяемых взысканий. Справедливое, соразмерное содеянному общественно-нравственное осуждение виновного является основным средством воздействия на его внутренние побуждения. Отсутствие или незначительность непосредственного внешнего воздействия в случае применения взысканий может быть компенсировано за счет усиления общественно-нравственного осуждения виновного без ущерба для его исправления и воспитания только тогда, когда такое осуждение переживается им как справедливое.

Однако, при этом необходимо иметь в виду и другие цели юридической ответственности. Нельзя ограничиться одним только моральным принуждением в отношении правонарушителя, если это недостаточно для заглаживания нематериального ущерба, причиненного правопорядку, и не в состоянии устранить опасность правонарушения как источника разлагающего влияния на сознание других граждан. А. Б. Сахаров с полным основанием указывает, что правонарушения опасны не только сами по себе, как нарушение советского правопорядка, интересов государства и граждан; они опасны еще и тем разлагающим влиянием, которое могут оказать на сознание некоторых лиц, опасны как источник чуждых социалистической идеологии взглядов и установок. Нельзя не согласиться и с тем, что задача состоит в исключении возможности существования нездоровой обстановки, неправильных взаимоотношений между людьми, несправедливости, беззакония.⁵⁰³

Индивидуализация вида ответственности правоприменяющими органами имеет свои пределы. При высокой степени общественной опасности посягательства на правопорядок законом установлена уголовная ответственность. Наоборот, за незначительные правонарушения закон исключает возможность уголовной

⁵⁰³ См. А. Б. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961, стр. 130.

ответственности. Лишь в тех случаях, когда деяния сходны и по общественной опасности существенно не отличаются, законом подчас предусматривается, что за правонарушение, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, могут применяться либо уголовные наказания, либо взыскания. В этой смежной области, где границы между преступлениями, не представляющими большой общественной опасности, и проступками законом точно не определены, квалификация деяния как преступления или проступка устанавливается в каждом отдельном случае правоприменяющим органом.

В действующем уголовном законодательстве границы вышеуказанной смежной области сравнительно узки. Советские уголовные кодексы содержат точные составы преступлений. В необходимых случаях в их описание включено указание на конкретные отягчающие обстоятельства, при отсутствии которых привлечение к ответственности может иметь место только за проступок. Тем не менее, например, закон «Об уголовной ответственности за воинские преступления» в тридцати одной статье предусматривает, что при смягчающих обстоятельствах за деяния, предусмотренные как воинские преступления, наступает дисциплинарная ответственность. С такими пограничными случаями можно встретиться и при определении вида ответственности за нарушение служебного долга, а также при разграничении административной и уголовной ответственности (например, по ст. 148 УК Эстонской ССР за занятие запрещенным промыслом).

При решении вопроса о виде ответственности за данное малозначительное правонарушение, а также об индивидуализации взысканий за конкретный проступок должны быть учтены различные обстоятельства: степень общественной опасности проступка, обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность, личность виновного⁵⁰⁴ и пр. С точки зрения установления роли убеждения и принуждения в деле исправления и

⁵⁰⁴ О. М. Якуба в статье О признаках административного правонарушения, «Правоведение», 1964, № 3, стр. 58, утверждает, что административные проступки лишены общественной опасности, между прочим, потому, что общественная опасность является признаком, который относится ко всем элементам состава преступления, в том числе и к субъекту преступления, тогда как об общественно опасной личности субъекта административного проступка говорить нельзя. Анализом действующего законодательства этот вывод не подтверждается. В самом деле, имеются ли основания утверждать, что личность представляет общественную опасность в тех случаях, когда при обстоятельствах, описанных в ст. 204, ч. 1 УК Эстонской ССР, по неосторожности причинены легкие телесные повреждения с расстройством здоровья, и не представляет, когда телесные повреждения, причиненные при тех же обстоятельствах, не связаны с расстройством здоровья? Но именно этот признак служит в приведенном примере критерием разграничения преступлений и административных проступков.

перевоспитания виновного наибольший интерес представляют собой данные, относящиеся к личности виновного.

Судебная практика Верховного Суда Союза ССР, относящаяся еще ко времени, когда новые уголовные кодексы союзных республик не были изданы, придерживалась мнения, что вопрос о разграничении должностного преступления и дисциплинарного проступка должен быть решен как в зависимости от тяжести наступивших последствий, так и с учетом личности обвиняемого и всех обстоятельств, связанных с инкриминируемыми действиями. Особое значение личности как одного из самих существенных критериев при разграничении уголовного преступления и дисциплинарного проступка подчеркивалось в прекрасно мотивированном постановлении Пленума Верховного Суда Союза ССР еще от 27 декабря 1946 г. по делу Кинькаева⁵⁰⁵ и в ряде других постановлений.

Обобщение ряда нормативных актов, а также судебной практики позволяет утверждать, что наличие обстоятельств дела, смягчающих ответственность, а также обстоятельств, характеризующих личность и смягчающих наказание, иногда исключает состав преступления. Налицо лишь состав проступка. Это имеет место тогда, когда санкция уголовного закона предусматривает наиболее мягкие виды наказания, от которых можно перейти только к более мягким видам ответственности. В этих случаях смягчающие обстоятельства выполняют функцию индивидуализации ответственности тем, что обуславливают применение карательной меры менее тяжкого вида.

К обстоятельствам, исключающим при определенных условиях уголовную ответственность и свидетельствующих о том, что достаточно ограничиться наложением на виновного взыскания, законодательство и судебная практика относят, в частности: предотвращение самим виновным дальнейших вредных последствий своих неправомерных действий либо устранение уже наступившего ущерба; отсутствие умышленной вины либо корыстных или иных личных побуждений; совершение проступка впервые, при случайных обстоятельствах; положительная характеристика работы; неопытность; преклонный возраст или молодость; тяжелое семейное положение. С другой стороны, в ряде случаев уголовная ответственность может иметь место лишь при следующих обстоятельствах: повторное совершение аналогичного поступка; применение к виновному ранее мер воздействия за такие же нарушения; предупреждение виновного предварительного об ответственности за аналогичные деяния и пр. Такие и подобные обстоятельства могут быть учтены и при выборе конкретной меры взыскания за проступок.

⁵⁰⁵ См. «Судебная практика Верховного Суда Союза ССР», 1946, вып. X (XXXIV), стр. 16—17.

Учет указанных обстоятельств при индивидуализации вида ответственности за правонарушения, не представляющие большой общественной опасности, а тем более при назначении взыскания за конкретный проступок, имеет глубокий смысл. При незначительности и кратковременности непосредственного внешнего воздействия, оказываемого применением взысканий на виновного, основным средством исправления и перевоспитания его является общественно-нравственное воздействие, различные мероприятия воспитательного характера, средства убеждения. Этот метод эффективен в том случае, если виновный восприимчив к моральному воздействию, переживает свой проступок и поддается воспитанию при помощи мер убеждения.

В связи с этим речь идет о способности виновного к быстрому моральному исправлению, о реальной возможности его перевоспитания путем общественно-нравственного воздействия. Реализация этой возможности зависит от ряда условий и требует кропотливой работы.

Большой вред делу борьбы с проступками приносит массовое огульное применение взысканий.⁵⁰⁶

В случае чрезмерного применения взысканий они теряют свой эффект. При такой порочной практике наложение взысканий вряд ли переживается, едва ли сопровождается резким нравственным осуждением виновного со стороны окружающих. Вследствие этого взыскания лишаются убедительности и только затрудняют воспитательную работу среди трудящихся.⁵⁰⁷

Положительное значение с точки зрения упорядочения дисциплинарной и административной практики имело бы введение таких мер, как, например, освобождение от наложенного штрафа или снижение его размера в случае выполнения невыполненной обязанности в определенный срок,⁵⁰⁸ а также напоминание об обязанностях службы, предусмотренное, впрочем, ст. 30 «Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Союза ССР».

С точки зрения положительного воздействия на лицо, совершившее проступок, большое значение имеет быстрота привлечения к ответственности, а равно и другие обстоятельства, от которых зависит глубина переживания виновным своей ошибки,

⁵⁰⁶ В «Положении о Комитете партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров Союза ССР и о соответствующих органах на местах» (СП СССР, 1963, № 1, ст. 1) было сказано, что органы партийно-государственного контроля обязаны умело пользоваться предоставленными им правами и не перехлестывать в применении мер взыскания.

⁵⁰⁷ Имеются отдельные учреждения, предприятия, организации, в которых сложилась практика судить о качестве инвентаризаций, ревизий и работы балансовых комиссий по количеству привлеченных к дисциплинарной ответственности лиц.

⁵⁰⁸ «Положение о правах и обязанностях начальников морских торговых портов Союза ССР» (СЗ СССР, 1931, № 22, ст. 186) предусматривает, что начальник порта имеет право задерживать суда впредь до устранения неисправностей, уплаты штрафов и т. п.

например, обсуждение его поведения в коллективе, в котором он работает, наложение административных взысканий административными комиссиями с участием представителей общественности, а тем более на выездных заседаниях. Если на виновного наиболее сильное влияние может быть оказано общественностью, то за совершенный им проступок должны применяться меры общественного воздействия.

Порядок применения взысканий должен всецело содействовать большему воспитательному эффекту и, в частности, повышению убедительности принятого решения о наложении взыскания на правонарушителя. Важное значение имеет, например, то обстоятельство, что дисциплинарные взыскания налагаются властью начальника, которому виновный по роду служебной, трудовой или иной деятельности подчинен.

В советском обществе определенный круг лиц связан взаимными отношениями дисциплины как коллектив, который, прежде всего, сам заинтересован в упрочении дисциплины. Поэтому он и следит за поведением своих членов.

Советская дисциплина — это дисциплина сознательная, поддерживаемая самими трудящимися. В этом ее сила и мощь. Советское государство поощряет и стимулирует инициативу трудящихся в укреплении строгих начал дисциплинированности. Оно ратует за создание атмосферы нетерпимости вокруг нарушителей дисциплины, поддерживает местный почин в деле борьбы с недисциплинированностью, неаккуратностью, нерадивостью.

Лицо, стоящее во главе коллектива, не оторвано от него. Оно возглавляет усилия коллектива в установлении и внедрении строжайшей дисциплины. Ему предоставлена дисциплинарная власть.

Наложение дисциплинарного взыскания обращает внимание коллектива на необходимость улучшения работы по упрочению дисциплины. Каждый из членов коллектива должен делать для себя из факта наложения взыскания соответствующие выводы.⁵⁰⁹ За каждым взысканием должны следовать мероприятия воспитательного характера.

Порядок наложения дисциплинарных взысканий соотнобразуется также с требованием индивидуализации ответственности за проступки.

С точки зрения эффективности применения мер дисциплинарного воздействия важнейшее значение имеют морально-политическое состояние коллектива, в котором совершен проступок, а также данные, характеризующие личность виновного. Все эти обстоятельства хорошо известны лицу, наделенному дисциплинарной властью. Ему известны также обстоятельства, при кото-

⁵⁰⁹ См. также Ц. А. Ямпольская и Е. В. Шорина, Административно-правовые вопросы укрепления государственной дисциплины, М., 1955, стр. 161.

рых допущен проступок. Ввиду этого он в состоянии предвидеть насколько эффективное воздействие может быть оказано на нарушителя дисциплины, в том числе и со стороны самого коллектива. Начальник может судить также о том, за взыскание ли коллектив или нет. Если дисциплинарные проступки совершались систематически и коллектив не может ручаться за дальнейшее поведение виновного, то в виде меры воздействия может быть соответственно закону применено увольнение от должности, т. е. исключение из коллектива.

Под товарищеский суд целесообразно отдавать тех восприимчивых к общественному воздействию лиц, совершивших дисциплинарные проступки, которые уже подвергались дисциплинарным взысканиям и тем не менее продолжают нарушать свои служебные обязанности. Применение мер общественного воздействия в отношении нарушителей дисциплины целесообразно также тогда, когда надо вскрыть корни подобных, совершаемых сравнительно часто, нарушений и вести с ними упорную, продолжительную борьбу.

Содержащееся в положениях об административных комиссиях требование о том, что постановления о наложении взысканий должны, как правило, доводиться до сведения общественности по месту работы или жительства нарушителя, отнюдь не является формальным. То же самое следует сказать об объявлении приказа о наложении дисциплинарного взыскания по учреждению, предприятию или организации, в которой виновный работает. В результате выполнения этого требования общественное мнение мобилизуется на решительное осуждение виновного за совершенный им проступок. Поддержка же, оказываемая органам государства со стороны общественного мнения, является существенным условием эффективности применения взысканий.

Некоторое своеобразие присуще дисциплинарным взысканиям, применяемым в отношении военнослужащих. За нарушение общественного порядка военнослужащие, при отсутствии признаков состава преступления, привлекаются не к административной, а дисциплинарной ответственности. Это объясняется, очевидно, особым характером воинской дисциплины, сплоченностью Вооруженных Сил Союза ССР и значением коллектива в них.

Нарушение общественного порядка военнослужащими посягает на достоинство советского воина и воинскую честь. Это — нарушение не только общественного порядка, но и воинской дисциплины. В то же время строгость воинской дисциплины, сплоченность Вооруженных Сил Союза ССР, сами условия воинского быта являются факторами, в силу которых военнослужащий особенно доступен дисциплинарному воздействию. Исключительная эффективность дисциплинарного воздействия

связана в советских Вооруженных Силах также с исключительным значением единоначалия в войсках. На военного начальника возложены особые обязанности по воспитанию своих подчиненных и созданию нетерпимого отношения к нарушителям воинской дисциплины. Он должен постоянно подавать пример строгого и точного соблюдения норм коммунистической морали.

2. Уголовные наказания являются наиболее тяжким видом карательных мер, применяемых органами Советского государства. Они поражают наиболее существенные блага, принадлежащие виновному, — личную свободу, свободу передвижения и пр., а в виде исключения — даже жизнь.

Как правило, уголовные наказания выходят за пределы одного только морального принуждения. Единственное наказание, которое исчерпывается объявлением виновному осуждения за совершенное им преступление, — это общественное порицание.

Сохранение общественного порицания в перечне уголовных наказаний вызывает иногда сомнения. В частности, высказано мнение, что такое порицание более результативно, когда оно объявляется не государственным, а общественным органом.⁵¹⁰

Вряд ли такие предложения приемлемы. Следует думать не об исключении общественного порицания из перечня уголовных наказаний, а о повышении его эффективности. В условиях общественного государства это вполне возможно при сочетании государственного и общественного принуждения.

Достижение указанной цели возможно путем установления порядка приведения приговора суда об объявлении общественного порицания в исполнение. Именно в процессе приведения этого приговора в исполнение государственное принуждение может быть успешно сочетаемо с общественным.

Согласно действующему праву приговор суда об объявлении общественного порицания, как правило, не приводится в исполнение вообще. Вполне обоснованно возникает вопрос, можно ли признать общественное порицание объявленным самим фактом оглашения обвинительного приговора о назначении этой меры наказания, имея в виду, что такой приговор еще не вступил в законную силу? Тем более этот вопрос возникает в тех случаях, когда общественное порицание объявляется при рассмотрении дела в кассационной или надзорной инстанции в отсутствие обвиняемого. Поэтому представляется необходимым предусмотреть, что во всех случаях, когда приговор об объявлении общественного порицания не доводится до сведения общественности через печать или иным способом, он должен считаться приведенным в исполнение с момента обсуждения этого приговора в тех органах общественности, в которые направлена его копия.

⁵¹⁰ См. Н. Ф. Кузнецова, О путях сужения сферы уголовной ответственности, «Советское государство и право», 1964, № 7, стр. 61.

Уголовные наказания распадаются на различные, многочисленные виды в зависимости от вида присущего им принуждения. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что моменты морального принуждения налицо во всех уголовных наказаниях и довольно четко отличаются от иных, присущих им видов принуждения.

Дело в том, что применение наказаний распадается на две стадии. Это — одно из отличительных особенностей уголовных наказаний. В связи с этим можно различить две стадии также в процессе применения к виновному принуждения.

Наказание назначается судом, а в исполнение приводится лишь после вступления приговора в законную силу. В приговоре суда лицо, совершившее преступление, признается виновным, а тем самым ему выражают осуждение от имени Советского государства, т. е. его подвергают моральному принуждению. Лишения, выходящие за пределы одного только морального принуждения, виновный фактически претерпевает с момента приведения приговора в исполнение.

Большинство наказаний варьируется по размеру принуждения в зависимости от того, в каком объеме и на какой срок виновный лишается тех или иных благ. Так, штраф может быть большим или меньшим, свобода передвижения ограничена в различном объеме, срок ограничения личной свободы — более или менее продолжительным. С этой точки зрения большинство наказаний характеризуется их делимостью.

Вообще среди уголовных наказаний значительное место занимают т. н. срочные наказания. При этом нередко в процессе отбывания наказания меняется вид и размер лишений, которые осужденный претерпевает. Как правило, это бывает так в период нахождения осужденного в местах лишения свободы. Объем ограничения прав осужденного сужается, а иногда смягчается также вид принуждения по мере достижения целей наказания. Наоборот, размер лишений увеличивается, если лицо не поддается исправлению — нарушает требования режима, совершает новые правонарушения.

Кроме того, система наказаний по советскому уголовному праву допускает наряду с основными наказаниями применение также дополнительных наказаний. Вместе с тем обвинительный приговор, как правило, влечет за собой судимость. Все это — большое разнообразие видов принуждения, делимость наказаний, а также возможность сочетания дополнительных наказаний с основными — позволяет широко варьировать тяжесть наказаний за конкретные преступления.

Необходимость варьировки наказаний обусловлена тем, что тяжесть наказания должна соответствовать данному случаю и, прежде всего, — тяжести совершенного преступления. Между

тем, преступления беспредельно индивидуальны, степени их общественной опасности — безграничны.

В ряде случаев само применение или неприменение наказания зависит от степени общественной опасности совершенного преступления.

Так, в соответствии со ст. 10, ч. 3 УК Эстонской ССР в случае совершения преступления, не представляющего собой большой общественной опасности, несовершеннолетние могут быть освобождены от уголовного наказания, если их исправление возможно мерами воспитательного характера. Если же общественная опасность преступлений большая, то такое освобождение не допускается, несмотря на то, что для исправления несовершеннолетнего применение наказания не требуется.⁵¹¹

Еще более показательны те случаи, когда лицо, совершившее тяжкое преступление, доказало свое исправление и перевоспитание, но, тем не менее, к нему не применяется условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытого срока наказания более мягким видом его (ст. 55, ч. 5 УК Эстонской ССР). В то же время в отношении лиц, отбывающих наказание за менее тяжкие преступления, такое освобождение может иметь место.

Дело в том, что из всей массы преступлений по степени общественной опасности выделяются два вида их: тяжкие преступления и преступления, не представляющие большой общественной опасности. И с теми, и с другими связаны определенные уголовно-правовые последствия. Так, лишённые свободы за тяжкие преступления отбывают наказание в особых режимных условиях. Относительно освобождения этих лиц от наказания действуют особые ограничения и т. д.

С другой стороны, за преступления, не представляющие большой общественной опасности, уголовная ответственность может быть заменена другими мерами воздействия, в частности,

⁵¹¹ В ряде других случаев советское уголовное право допускает также освобождение не только от наказания, но и от уголовной ответственности, причем освобождение от наказания может быть условным. Подробное рассмотрение этих вопросов не входит в задачи настоящего исследования. Некоторые из них будут затронуты ниже. Здесь отметим лишь, что было бы неверно сводить условное осуждение к мерам чисто воспитательным. Подобная точка зрения была высказана Х. Х. Кадари в статье Условное осуждение по советскому уголовному праву, «Советское государство и право», 1956, № 1, стр. 76. Эта точка зрения, как мы полагаем, неверна потому, что условному осуждению присуща определенная репрессивность. Она заключается не только в самом факте осуждения виновного судом и в возможности применения к нему в виде дополнительного наказания штрафа, но и в том, что условно осужденный имеет в течение испытательного срока судимость. Нельзя согласиться и с утверждением Х. Х. Кадари о том, что «началом испытательного срока ... следует считать день вынесения приговора» (стр. 80). До вступления приговора в силу советский гражданин не может быть признан имеющим судимость.

мерами ответственности, применяемыми советской общественностью.

Для того, чтобы соразмерить тяжесть наказания тяжести совершенного преступления, уголовный закон, наряду с возможностью варьировать сами наказания, предусматривает также разнообразные составы преступлений, указывающие на род и меру наказания, соответствующие данному преступлению.⁵¹² В пределах, установленных в законе, наказание должно быть индивидуализировано применительно к особенностям конкретного случая. Это общее, исходное начало закреплено в ст. 32 и др. «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик».

Необходимость индивидуализации наказаний за конкретные преступления является требованием принципа индивидуальной ответственности по советскому праву. Этот краеугольный принцип не только уголовного, но и всего советского права вытекает в свою очередь из оснований юридической ответственности, которая в советском обществе обосновывается именно как ответственность индивидуальная.

Принцип индивидуальной ответственности по советскому праву вытекает не только из оснований юридической ответственности, но в то же время выражает собой действие других, более общих принципов, не специфичных уголовному праву и праву вообще. Такими принципами являются справедливость и социалистический гуманизм, которые не исключают, а, наоборот, дополняют друг друга. С требованиями этих принципов основания уголовной ответственности находятся в полном соответствии.

Требованием справедливости является воздаяние виновному соразмерно содеянному. Поскольку, однако, эта соразмерность при назначении наказания устанавливается применительно к степени общественной опасности преступления, являющегося результатом собственного решения виновного, то сама индивидуализация уголовной ответственности является требованием справедливости.

В силу требований социалистического гуманизма при назначении наказания следует иметь также в виду его тяжесть, а именно, оно должно назначаться с учетом состояния здоровья данного преступника, его возраста и пр. обстоятельств. Социалистический гуманизм исключает причинение физических страданий и унижение человеческого достоинства как цели наказания. Наконец, требованием социалистического гуманизма является принцип экономии карательных мер.

Все эти принципы назначения наказания нашли четкое законодательное закрепление в нормах советского уголовного права.

⁵¹² См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, М., 1957, стр. 313.

Согласно ст. 32 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» суд при назначении наказания учитывает характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность.

Характер и степень общественной опасности совершенного преступления указанные «Основы» не отождествляют с обстоятельствами дела. Нетрудно заметить, что характер и степень общественной опасности преступления могут видоизменяться в конкретных условиях места и времени даже при одинаковых обстоятельствах дела. «Основы» говорят, наряду с характером и степенью общественной опасности, об обстоятельствах дела как самостоятельных факторах, учитываемых при назначении наказания. Более правильным представляется при решении вопроса об общественной опасности конкретного преступления иметь в виду, насколько в данных условиях места и времени само преступление является общественно опасным. При этом «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» указывают в первую очередь на характер и степень общественной опасности преступления, как на обстоятельства, учитываемые судом при назначении наказания.

От характера и степени общественной опасности конкретного преступления прежде всего зависит мера конкретного наказания. Мера наказания, соответствующая характеру и степени общественной опасности преступления, может снижаться в зависимости от обстоятельств, характеризующих личность виновного. Советское уголовное право твердо и последовательно придерживается точки зрения, что уголовные наказания установлены только за конкретные преступные деяния. Оно отказывается от преследования т. н. опасных мыслей и не предусматривает наказаний за те или иные отрицательные черты характера, не нашедшие выражения в совершении конкретного преступления. Повышение наказания, хотя бы в рамках санкции уголовного закона, в зависимости от отрицательных черт личности за пределы, определяемые характером и степенью общественной опасности конкретного преступления, противоречит, очевидно, этому принципу. С другой стороны, качества личности, нашедшие выражение в совершении преступления, характеризуют не личность как таковую, а являются обстоятельствами дела, отягчающими или смягчающими ответственность. Как об особых факторах, от которых зависит мера наказания за конкретное преступление, можно говорить лишь о тех обстоятельствах, характеризующих личность, которые не связаны с совершением конкретного преступления. Эти обстоятельства могут служить основанием только для сни-

жения наказания.⁵¹³ В отличие от обстоятельств, смягчающих ответственность, более правильно обозначать их термином «обстоятельства, смягчающие наказание».

Дело в том, что лицо, совершившее преступление, является не только субъектом преступления, но и объектом, хотя и не пассивным объектом карательного воздействия. С этой точки зрения он характеризуется прежде всего тем, насколько он доступен воздействию, оказываемому применением наказания, насколько чувствительны для него лишения, причиняемые ему, как глубоки его нравственные переживания, как быстро он поддается исправлению и перевоспитанию.

Так, несовершеннолетний преступник поддается, как правило, быстрому исправлению. Перестройка его привычек и навыков относительно легко осуществима, т. к. у него нервные процессы гибки, подвижны и изменчивы. Он обычно глубоко переживает свои ошибки. С другой стороны, лишения, которым несовершеннолетние, а также лица престарелые и болезненные подвергаются, для них особенно чувствительны. И с этой точки зрения карательное воздействие в отношении их особенно сильное. Поэтому применяемые к ним наказания могут и должны быть, как правило, снижены.

Обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность, учитываемые при назначении наказания, находят свое выражение в совершенном преступлении. С этой точки зрения они являются сами по себе критериями общественной опасности преступления. Однако закон относит их к самостоятельным факторам, от которых зависит размер конкретного наказания. Эти обстоятельства предусмотрены в соответствующих перечнях, включенных в уголовный закон.

Из того, что в законе перечислены как смягчающие, так и отягчающие ответственность обстоятельства, причем перечень последних является исчерпывающим для суда, а повышение наказания до максимального предела, установленного в статьях Особенной части УК, предусмотрено законом специально,⁵¹⁴ напрашивается важный вывод. Законодатель ориентирует суд не на максимальные наказания, предусмотренные Особенной частью УК, а на средние, которые должны быть снижены

⁵¹³ Единственное исключение уголовный закон допускает в отношении лиц, повторно совершивших преступления, в частности, в отношении особо опасных рецидивистов. Этот вопрос выходит за рамки настоящего исследования. Следует лишь отметить, что суд вправе, в зависимости от характера первого преступления, не признать за ним значения отягчающего обстоятельства (ст. 38, ч. 2, п. 1 УК Эстонской ССР). Таким образом, закон в какой-то мере учитывает связь между первым и повторным преступлением.

⁵¹⁴ Такой случай предусмотрен ст. 35, ч. 1 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», регулирующей назначение наказаний за совокупность преступлений.

при наличии смягчающих обстоятельств. Максимальные наказания применяются тогда, когда суд установит наличие таких отягчающих ответственность обстоятельств дела, при которых применение среднего наказания было бы необоснованно. Если закон ориентировал бы суд не на средние, а на максимальные наказания, то отягчение ответственности было бы невозможно.

С другой стороны, следует полагать, что степень и характер общественной опасности конкретного преступления сами по себе, независимо от личности преступника и обстоятельств дела, не могут служить основанием для назначения наказания ниже низшего предела, предусмотренного законом. Основанием для такого снижения наказания являются только исключительные обстоятельства дела и личность преступника (ст. 37 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»). Равным образом степень и характер общественной опасности преступления, как правило, не могут служить основанием для повышения наказания до максимума.

Вышеизложенное может служить основанием для следующего вывода. Высший предел наказания определяется его соразмерностью содеянному. За этим пределом наказание необоснованно, а, стало быть, несправедливо. Далее отсюда вытекает, что принуждение по советскому уголовному праву не выходит за пределы кары. Однако, оно не всегда доходит до этих пределов. Осуществление справедливой кары подчиняется действию принципа социалистического гуманизма.

Выводы, сделанные выше по вопросу, о каре, как одной из целей юридической ответственности (см. гл. IV, § 2, п. 3), не только не опровергаются анализом действующего уголовного права, а, наоборот, находят в нем свое подтверждение. При этом, однако, ссылка на ст. 20 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» не содержит достаточного положительного материала для решения этого вопроса и служит источником противоречивых выводов.

Указанная статья гласит: «Цели наказания. Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных... а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». В части второй этой статьи говорится: «Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Если исходить из заглавия статьи, то следует признать, что кара является целью наказания. Этот вывод подтверждается также анализом части второй статьи. Если целью наказания причинение физических страданий не является, то причинение моральных страданий, по-видимому, признается целью наказания. Вместе с тем указанная статья не ставит знака равенства между наказанием и карой и, следовательно,

не исключает возможности признания кары одной из целей наказания. В статье указывается, что наказание не только является карой. С другой стороны, однако, эта статья, перечисляя цели наказания, все же не указывает на кару, как на цель. Все это и послужило причиной тому, что в советской юридической литературе, основываясь на тексте указанной статьи, делались прямо противоположные выводы.⁵¹⁵

Более перспективным представляется анализ некоторых других статей уголовных кодексов. С этой точки зрения внимание привлекают, прежде всего, ст. 49, 52, 55, 56 и некоторые другие УК Эстонской ССР, регулирующие, в частности, освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, не нуждающихся в исправлении и перевоспитании. Если признать, что кара не является целью наказания, то пришлось бы прийти к выводу, что наказание подчас, а именно в тех случаях, когда цели исправления и перевоспитания преступника уже достигнуты, может применяться вообще без всякой цели.

При этом неубедительна ссылка на общее предупреждение преступлений как на цель наказания в вышеуказанных случаях. Если под общим предупреждением понимать общевоспитательные цели наказания, то они достигаются не в результате того, что виновный отбывает наказание, а убедительностью судебного приговора, фактом нравственного отмежевания от преступления. Что же касается собственно общепредупредительного воздействия, то нельзя, конечно, отрицать устрашающего значения отбывания наказания. Неотвратимость наказания предупреждает не только тем, что виновному выносится обвинительный приговор, но и тем, что он отбывает назначенное судом наказание. Но вряд ли кого-либо устроит недопустимость, например, замены неотбытого срока наказания более мягким его видом, несмотря на то, что лицо, осужденное за тяжкое преступление, доказало свое исправление (ст. 55, ч. 5 УК Эстонской ССР). И вряд ли вообще лица, исправившиеся в процессе отбывания наказания, не подлежат в предусмотренных законом случаях условно-досрочному освобождению, или они должны продолжать отбывание более мягкого вида наказания лишь только потому, чтобы устрашать кого-либо. И уж решительно нет каких-либо оснований утверждать, что в случаях, указанных в ст. 55, ч. 2 УК Эстонской ССР, условно-досрочное освобождение от наказания либо замена наказания более мягким его видом допускается после отбытия не половины, а двух

⁵¹⁵ Так, например, И. И. Карпец в работе Индивидуализация наказания в советском уголовном праве, М., 1961, стр. 38—39, обосновывает вывод о признании кары целью наказания грамматическим толкованием закона. А. Л. Ремензон пришел в статье Некоторые вопросы теории советского исправительно-трудового права, «Советское государство и право», 1964, № 1, стр. 93—94, к противоположному выводу.

третьей наказания для того, чтобы устрашать неустойчивых граждан.

Спорным представляется вопрос о том, доходит ли кара в случае применения уголовных наказаний до возмездия. «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (ст. 20, ч. 2) исключают причинение лишь физических страданий и унижение человеческого достоинства как цели наказания, но о возмездии вообще не упоминают. Тем не менее вопрос о возмездии преступнику обходить нельзя.

М. И. Калинин говорил: «Государство заинтересовано не только в возмездии нарушителя закона, а и в уменьшении караемых нарушений, в исправлении виновников и, наконец, оно, карая виновника, стремится максимально предохранить от этой кары невинных».⁵¹⁶ Термин «возмездие» не был чужд также первым руководящим работникам советской юстиции. Им пользовался, в частности, Д. И. Курский.⁵¹⁷

Советская печать при описании судебных процессов нередко усматривает в строгих мерах наказания, назначенных лицам, совершившим особо тяжкие преступления, справедливое возмездие. В философской литературе указывается: «в юриспруденции справедливость есть правильная мера воздаяния, или, как говорили прежде, возмездия».⁵¹⁸

Вопрос о возмездии как о цели наказания, привлек к себе внимание во время Великой Отечественной войны. Зверства фашистских захватчиков вызывали в советском народе и у всех свободолюбивых народов единодушное желание покарать фашистских злодеев, воздать им должное за все содеянное. В применённых на основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. к фашистским извергам позорящих наказаний в виде смертной казни через повешение и ссылки на каторжные работы возмездие как цель наказания нашла яркое выражение. Идея возмездия лежит также в основе Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 марта 1965 г. «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений».⁵¹⁹

М. И. Исаев определил сущность возмездия как «...воздаяние, назначение наказания в соответствии с виной...», и указал, что «...от такого возмездия советское уголовное право... никогда не отказывалось».⁵²⁰ Ряд других советских криминалистов тоже считает, что в наказании содержится возмездие.⁵²¹

⁵¹⁶ М. И. Калинин, О социалистической законности, М., 1959, стр. 118.

⁵¹⁷ См. Д. И. Курский, Избранные статьи и речи, М., 1948, стр. 53.

⁵¹⁸ С. Уткин, Очерки по марксистско-ленинской этике, М., 1962, стр. 267.

⁵¹⁹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1965, № 10, ст. 123.

⁵²⁰ Советское уголовное право в период Великой Отечественной войны, ч. II, М., 1948, стр. 48—49.

⁵²¹ См. Н. А. Беляев, Цели наказания и средства их достижения

Однако чрезмерное расширение понятия возмездия было бы неправильным. Нельзя утверждать, что возмездием характеризуются все уголовные наказания вообще. В советских условиях возмездие — это лишь наивысшая степень кары. Во всяком случае нет оснований относить его к отличительным признакам наказаний вообще. Поэтому нет необходимости упоминать о возмездии и при законодательном определении целей наказания.

Итак, кара и возмездие не являются тождественными понятиями. Только кара является одной из неизменных целей наказания, возмездие же такими свойствами не обладает.

Понимание кары как цели наказания находит все большее распространение в уголовно-правовой литературе.⁵²² Так же смотрят на кару и сами осужденные.⁵²³

Признание кары одной из целей наказания, а вместе с тем и уголовной ответственности⁵²⁴ не снимает вопроса о том, каким образом и посредством каких механизмов осуществление справедливой кары служит достижению остальных целей уголовной ответственности. Это уже вопрос о каре как о средстве в уголовном праве.

Психологические аспекты вопроса об этом механизме были изложены выше в общетеоретическом плане (см. гл. IV, § 2, п. 2—3). Здесь следует отметить следующее.

В исправительно-трудовых учреждениях, Л., 1963 стр. 35; И. И. Карпец, Индивидуализация наказания в советском уголовном праве, М., 1961, стр. 41; Т. Л. Сергеева, Основания уголовной ответственности по советскому уголовному праву, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 1 (18), М., 1964, стр. 35; В. Г. Смирнов, Уголовная ответственность и уголовное наказание, «Правоведение», 1963, № 4, стр. 83; Б. С. Утевский, в уч. пособии Советское уголовное право, Общая часть, М., 1959, стр. 260.

⁵²² См., в частности, Н. А. Беляев, Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях, Л., 1963, стр. 33—36; И. И. Карпец, Индивидуализация наказания в советском уголовном праве, М., 1961, 38—39; В. Г. Смирнов, Уголовная ответственность и уголовное наказание, «Правоведение», 1963, № 4, стр. 83. Б. С. Утевский в уч. пособии Советское уголовное право, М., 1959, стр. 260, признает кару задачей наказания.

⁵²³ См. выше гл. IV, § 2, п. 3, а также Н. А. Беляев, Цели наказания и средства их достижения в советских исправительно-трудовых учреждениях, Л., 1963, стр. 36—37.

⁵²⁴ Следует отметить, что при понимании уголовной ответственности как обязанности претерпеть уголовно-правовые последствия совершенного преступления (см. гл. II, § 3, п. 1) вопрос о целях этой ответственности не может быть разрешен удовлетворительно. Наоборот, как только ставится вопрос о целях уголовной ответственности, обнаруживается бесплодность конструкции «ответственность — обязанность» с точки зрения практических задач борьбы с преступностью. Спрашивается, что является при таком понимании уголовной ответственности ее целью? Обеспечение ли возможности органов государства реализовать *ius puniendi*? Претворение ли в жизнь права государства на послушание или осуществление требований о беспрекословном подчинении органам власти? Утверждение ли авторитета советского уголовного права? И очень уж сложные рассуждения потребуются для того, чтобы дойти до практических задач борьбы с преступностью.

В той мере, в какой принуждение при осуществлении кары выходит за пределы одного только морального воздействия, она является средством обезвреживания преступника. В произведении «Как организовать соревнование?» В. И. Ленин, говоря о тысячах форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и туеядцами, усмотрел и в уголовном наказании поруку в достижении единой цели: «очисти ки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов от клопов — богатых и прочее и прочее».⁵²⁵

Но вместе с тем кара представляет собой моральное принуждение и в этом своем качестве оказывает сильное воздействие на внутренние побуждения людей. Это воздействие неэффективно, если кара несоразмерна содеянному, т. е. не является справедливой. По меткому выражению Б. С. Никифорова, закон, устанавливающий суровое наказание за деяние, не причиняющее существенного вреда, или приговор, присуждающий к длительному лишению свободы человека, вина которого незначительна, могут утратить, могут даже в этом смысле исправить наказанного, но они никого не могут перевоспитать: люди видят наказание, но не видят преступления. С другой стороны, закон, устанавливающий несоразмерно мягкое наказание за опасное преступление, а также приговор, присуждающий к незначительным мерам наказания при наличии серьезной вины не устрашают, а также не воспитывают: люди видят преступление, но не видят наказания.⁵²⁶

Признание кары средством достижения других целей наказания — заглаживания причиненного правопорядку ущерба,⁵²⁷ исправления и перевоспитания преступника, а также общевоспитательных целей — не может служить основанием для выведения этих целей за пределы самого наказания. Они, подобно каре, внутренне присущи наказанию.

Методологической основой для выведения целей наказания за пределы самого наказания является, очевидно, отождествление кары и наказания. Если кара равна наказанию, то все то, что не есть кара, находится за пределами наказания.

В советской юридической литературе такая точка зрения была высказана Н. А. Стручковым. Придерживаясь мнения, что кара и наказание — понятия тождественные, а исправление и перевоспитание преступника находятся за пределами наказания, он утверждает, что «... рядом с карой идет воспитание», но это — область педагогики. В частности, он полагает, что про-

⁵²⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 375.

⁵²⁶ См. Б. С. Никифоров, Некоторые вопросы уголовного права в условиях общенародного государства, «Советское государство и право», 1963, № 4, стр. 69.

⁵²⁷ Этот вопрос рассмотрен в гл. IV, § 2, п. 3 и нет необходимости к нему возвращаться.

цесс исправительно-трудового воздействия не входит в содержание наказания.⁵²⁸

Подобное понимание наказания весьма узко. Оно не соответствует закону. Если наказание не только является карой (см. ст. 20, ч. I «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик») и, следовательно, не исчерпывается карой, то очевидно, что оно является также исправлением и перевоспитанием, которые, подобно каре, не находятся за пределами самого наказания, а внутренне ему присущи.

Действительно, кара является свойством, а тем самым и признаком понятия наказания. Поскольку это свойство осознано, то кара, оставаясь свойством наказания, выступает и как его цель.⁵²⁹ Сказанное полностью применимо также к исправлению и перевоспитанию как объективным свойствам и вместе с тем как целям наказания. Сама же кара и исправление и перевоспитание соотносятся между собой как средство и цель. Так же обстоит дело с заглаживанием ущерба и с общевоспитательными целями наказания.

С Н. А. Стручковым можно согласиться лишь постольку, поскольку воспитательная работа в самом деле проводится независимо от наказания и не рассчитана специально на исправление и перевоспитание преступника. Порой отграничение этой работы от остальных форм исправительно-воспитательного воздействия на преступника, конечно, трудно. Но это объясняется тем, что со временем в советском обществе сам характер наказания изменится. Во всяком случае нет каких-либо оснований для выведения исправительно-трудового воздействия в полном его объеме или частично (а именно: в той мере, в какой оно не связано с принуждением) за пределы наказания. Было бы неправильно сводить наказание к одному только принуждению. В то же время изложенное понимание наказания вовсе не исключает использования достижений советской педагогики в процессе исправления и перевоспитания преступника посредством принуждения.

Рассмотрение кары как средства предполагает анализ отдельных видов наказания. Такой анализ входит в задачи советского уголовного права и не может быть исчерпан в рамках настоящего исследования. В то же время необходимо рассмотрение карательного воздействия применительно и к стадиям назначения и отбывания наказания.

⁵²⁸ См. Н. А. Стручков, Исправительно-трудовое право и педагогика, «Советское государство и право», 1964, № 5, стр. 71—72.

⁵²⁹ См. также гл. IV, § 2, п. 2. Непоследователен в этом вопросе М. Д. Шаргородский, утверждая в монографии Наказание по советскому уголовному праву, М., 1958, что свойство наказания, если оно осознано, становится целью, он в то же время находит, что кара не является целью наказания, хотя без кары — причинения страданий преступнику — нет самого наказания (стр. 16—18).

Данные конкретно-социологических исследований свидетельствуют о том, что одним из источников, из которых население черпает свои юридические знания, является суд. С учетом большой эмоциональности судебных процессов по уголовным делам (воспитание на отрицательных примерах — см. гл. III, § 2, п. 1) следует признать, что правосудие содействует формированию и утверждению правовых убеждений граждан. Очевидно, что назначение наказания судом оказывает также общевоспитательное воздействие.

Общевоспитательные цели уголовных наказаний⁵³⁰ нельзя отрицать. Они вытекают из ст. 2, ч. 2 УПК Эстонской ССР, а также из ст. 2, ч. 2 Закона «О судостроительстве Эстонской ССР». Неубедительно утверждение, что принципам советского демократизма и социалистического гуманизма противоречит применение таких острых мер государственного принуждения, как уголовные наказания в качестве средств воспитания советской общественности. Наоборот, необходимо прилагать все силы для того, чтобы применение наказаний максимально содействовало укреплению правосознания советского народа, созданию атмосферы нетерпимости вокруг преступников, мобилизации общественности на борьбу с преступностью.

О предупредительно-воспитательном воздействии, оказываемом уголовными наказаниями на самого виновного, некоторое представление можно получить по данным обследования лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы (см. гл. III, § 2, п. 1). Эти данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство обследуемых после условно-досрочного освобождения в течение неотбытого срока наказания не совершило каких-либо правонарушений вообще. Правила общежития ими соблюдались. Преступления были вновь совершены только тремя обследованными лицами.

Так, обследуемый № 33 был впервые осужден за групповую кражу личного имущества граждан, совершенную им до достижения восемнадцатилетнего возраста. От наказания за это преступление он был условно-досрочно освобожден (ст. 56, ч. 1, п. 1 УК Эстонской ССР), но в течение неотбытого срока наказания вновь совершил преступление — кражу социалистического имущества (ст. 88, ч. 2, пп. 1 и 2 УК Эстонской ССР), причем по предварительной договоренности с лицом, совместно с которым было совершено и первое преступление. Несмотря на это, от наказания за это преступление были оба снова условно-досрочно освобождены. В течение неотбытого срока наказания обследо-

⁵³⁰ А. А. Пионтковский в статье Основные вопросы уголовного права в проекте Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, «Советское государство и право», 1958, № 9, стр. 84—85, правильно отмечает, что наказание ставит общевоспитательные цели.

мый совершил опять преступления — угон транспортного средства (ст. 197 УК Эстонской ССР) и нарушение правил движения (ст. 204, ч. 1 УК Эстонской ССР). Учитывая вместе с тем, что обследуемый № 33 временами вообще не занимался общественно полезным трудом, а когда работал, то систематически допускал нарушения трудовой дисциплины, определение суда об условно-досрочном его освобождении было в порядке надзора отменено и он был предан суду.

Остальные обследуемые, совершившие в течение неотбытого срока наказания новые преступления, не были преданы суду. Один из них (обследуемый № 3) был привлечен к уголовной ответственности за преступление, совершенное в течение неотбытого срока наказания, но он был передан на поруки общественности. Некоторое время после условно-досрочного освобождения его поведение было безупречным, но затем он попал под дурное влияние других лиц. Наблюдения за ним не проводилось, он был полностью предоставлен самому себе и совершил мелкое хищение государственного имущества путем мошенничества (неуплата счета в ресторане). Другой обследуемый (№ 5) в течение срока неотбытого наказания допустил в нетрезвом состоянии аварию на мотоцикле своего друга (ст. 204, ч. 1 УК Эстонской ССР). Несмотря на то, что он после условно-досрочного освобождения продолжал употреблять алкогольные напитки и допускал нарушения трудовой дисциплины, дело о нем было прекращено ввиду того, что при аварии он сам получил тяжкие телесные повреждения.

Со стороны отдельных условно-досрочно освобожденных имели место и нарушения правил общежития.

Так, обследуемый № 31 продолжает после условно-досрочного освобождения пьянствовать, на работу появляется в нетрезвом виде, допускает самовольные отлучки, устраивает скандалы, имеет приводы в милицию. Дважды подвергался штрафу в административном порядке. Обследуемый № 31 имеет высшее образование по специальности физкультуры, но до совершения преступления нигде не работал. Он был осужден за крупные мошенничества по ст. 143 УК Эстонской ССР (редакции 1961 г). Перед условно-досрочным освобождением он представил администрации колонии справку о том, что в случае освобождения он поступит на работу на один из заводов, фактически же трудоустроился по специальности в одном из спортивных обществ. Вследствие злоупотребления алкогольными напитками, он был вскоре переведен на работу в одну из средних школ в качестве преподавателя физкультуры (это обосновывалось необходимостью предоставить ему, якобы, «последнюю возможность» исправить себя), но образ его жизни не изменился.

Интерес представляет также обследуемый № 24, бывший руководящий работник райисполкома, осужденный по ст. 204,

ч. 2 УК Эстонской ССР. После совершения в нетрезвом виде преступления и снятия с занимаемой должности, он поступил в качестве жестянщика на один из комбинатов, а после условно-досрочного освобождения продолжал работать в качестве жестянщика на этом же комбинате. На работе к нему отнеслись как к несчастному страдальцу, который был непрочь выпить с простым рабочим. Вскоре его авторитет оказался до того раздутым, что его избрали председателем месткома профсоюза. Но отныне прежняя работа его уже не устраивала. Он занял должность заведующего на одном из заготпунктов. Обследуемый систематически принимал здесь участие в пьянках, организованных заготовителями, и был замешан в спекулятивные махинации. Имелись также подозрения об участии его в хищениях, произведенных одним из заготовителей, который впоследствии скрылся. В результате обследуемый был уволен. Он трудоустроился грузчиком в другой организации. Выпивать он стал реже.

Один из освобожденных (обследуемый № 7) непосредственно после выхода из исправительно-трудовой колонии допустил ряд нарушений служебных обязанностей, но в результате принятых мер стал вскоре образцовым работником и заслужил доверие администрации и всего коллектива места работы.

Все остальные условно-досрочно освобожденные (их число 29) нарушений правил поведения не допустили, по работе характеризуются положительно, многие из них имеют поощрения за полезную инициативу (рационализаторские предложения и пр.), принимают активное участие в общественной жизни, у многих из них значительно расширился круг интересов. Это, в частности, относится к молодым возрастным группам, а также к лицам, имеющим до осуждения низкую профессиональную квалификацию или невысокий общеобразовательный уровень. Особо должно быть отмечено, что обследуемые, как правило, стали больше читать художественную и научно-популярную литературу, газеты и журналы, чаще посещать театры и концерты, у многих появилась тяга к учебе. У большинства из обследуемых изменилось отношение к семье. В ряде случаев была восстановлена разрушившаяся семейная жизнь.

Почти половина условно-досрочно освобожденных (14 обследуемых), до совершения преступления систематически пьянствовавших, полностью отказались от употребления алкогольных напитков. Некоторые обследуемые (4 человека) стали употреблять алкоголь умеренно, редко или во всяком случае реже, чем до осуждения. Пять обследуемых, употреблявших алкогольные напитки до осуждения, продолжают их употреблять и после освобождения. Двое обследуемых употребляют алкогольные напитки чрезмерно (обследуемые № 31 и 33, о которых было сказано выше), один, ранее не употреблявший

алкогольных напитков, стал их систематически употреблять (обследуемый № 28, о котором будет сказано ниже), а один обследуемый привык в исправительно-трудовой колонии к наркотикам (кодеину) и продолжает употреблять их также после освобождения (обследуемый № 32).

В связи с этим интерес представляет обследуемый № 9. Поступив после освобождения на работу в качестве экспедитора, он стал употреблять алкогольные напитки. Чтобы избавиться от этого, администрация места работы трудоустроила по договоренности с обследуемым, его жену в качестве грузчика на автомашину, которая обслуживалась обследуемым.

Все освобожденные возместили полностью или в основном (за исключением обследуемых № 28 и 31) материальный ущерб, причиненный преступлением.

Подводя итоги, можно отметить, что отбывание лишения свободы оказывает не только предупредительное, но также воспитательное воздействие. В результате осуждения и отбывания наказания формируются и утверждаются коммунистические убеждения в смысле твердых принципов поведения, и было бы неверно объяснять соблюдение правил общежития освобожденными, главным образом, страхом перед наказанием. Совершение отдельными лицами, освобожденными из мест лишения свободы, новых правонарушений можно было бы предотвратить. Имели, однако, место случаи, когда само условно-досрочное освобождение было необоснованно и, по крайней мере, преждевременно.

Достижение воспитательно-предупредительных целей наказания нельзя объяснить действием отдельно взятых, изолированных факторов (исправительный труд, повышение образовательного уровня, изоляция и т. д.). Указанные факторы действуют в их совокупности. Важное значение среди них принадлежит нравственным переживаниям виновного, имеющим своим источником, прежде всего, моральное осуждение виновного (см. также гл. IV, § 2, п. 2). Исправительно-предупредительное воздействие должно основываться на моральном осуждении особенно в тех случаях, когда сам вид наказания представляет собой средство т. н. «разового» воздействия (например, штраф). Но и в других случаях осуждение виновного и вытекающая, главным образом, из него эмоциональная насыщенность наказания имеют исключительно важное значение. Все же это лишь основа для дальнейшей воспитательно-предупредительной работы в отношении виновного.

Значение нравственного осуждения виновного состоит, прежде всего, в том, что оно нередко «взрывает» старые, вредные представления и расчищает путь для «прививки» желательных, общественно-полезных мотивов (см. также гл. V, § 3, п. 2). На этой основе должна строиться вся дальнейшая воспитательная работа с осужденными, в частности, приниматься меры воспита-

тельного порядка, лишённые принудительного характера вообще.

С точки зрения «взрыва» нежелательных, общественно вредных побуждений огромна роль судебного процесса и вынесенного обвинительного приговора. Непосредственное воздействие их на внутренние побуждения зависит прежде всего от того, насколько приговор убедителен, соответствует обстоятельствам дела, обоснован, а сам судебный процесс в целом эмоционален.

Об этом выразительно сказал М. И. Калинин на торжественном заседании по поводу 10-летия Советской прокуратуры. «... рычаг права, судебный рычаг, — указывал М. И. Калинин, — имеет отнюдь не второстепенное значение в успешном строительстве социализма. Если вы возьмете человека, бывшего хотя бы раз под судом, то он вам скажет и вы сами почувствуете, что процедура суда, само решение суда очень долго помнится этим человеком, оставляет навсегда след у него. А поскольку этот процесс оставляет след в памяти человека, постольку и влияние этого процесса на психологию человека, на его будущие поступки, должно быть огромно».⁵³¹ Еще в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда Союза ССР от 28 июля 1950 г. указывалось, что судебный «приговор имеет огромное воспитательное и общественно-политическое значение».⁵³²

В советской юридической литературе правильно отмечалось, что форма судопроизводства — публичность суда и пр. — является могучим средством непосредственного воспитательного воздействия.⁵³³ Разоблачая преступника, показывая общественную опасность преступления, вскрывая корни и причины недостойного поведения виновного, разъясняя на конкретных, главным образом, отрицательных примерах, как нельзя поступать и как должны поступать честные советские люди, суд осуществляет гигантскую воспитательную и профилактическую работу.

Исключительно на воспитательное воздействие, на формирование твердых правовых убеждений рассчитана политико-воспитательная работа среди заключенных в исправительно-трудовых учреждениях, которая, разумеется, карательных задач не ставит. На воспитательное воздействие рассчитано также привлечение общественности к исправлению и перевоспитанию преступников. Уже в процессе назначения наказаний общественность через своих представителей — общественных обвинителей и защитников — участвует в судебном разбирательстве, содействуя тем самым тому, чтобы поступки виновного получили пра-

⁵³¹ Советская прокуратура в важнейших документах, М., 1956, стр. 270.

⁵³² См. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963, М., 1964, стр. 331.

⁵³³ См. И. Т. Голяков, О задачах правосудия в социалистическом государстве, М., 1945, стр. 38.

вильную нравственно-политическую и юридическую оценку. Еще более ответственны задачи общественности в процессе исполнения наказаний.

Так, эффективность исправительных работ без лишения свободы во многом зависит от воспитательного воздействия со стороны коллектива, в который осужденный входит. Именно коллектив должен в первую очередь принять меры для исправления и перевоспитания осужденного к исправительным работам. В этом заключается одно из существенных отличий данного вида наказания от лишения свободы с точки зрения того воспитательного воздействия, которое должно быть оказано на осужденного. При этом необходимо заботиться о том, чтобы отбывающий исправительные работы без лишения свободы не оказался оторванным от коллектива. Опасность такой оторванности реальна в тех случаях, когда осужденный для отбывания наказания направляется в коллектив, в котором он раньше не работал и который не проявляет необходимую заботу о нем. От того, как сложится взаимоотношения с новым коллективом, во многом зависит успех в деле исправления и перевоспитания осужденного.

Общественность участвует также в исправлении и перевоспитании лиц, отбывающих лишение свободы. Забота об осужденных со стороны товарищей по прежней работе, моральная поддержка, а также возбуждение интереса у него к жизни коллектива — важные факторы воспитания.

Под этим углом зрения следует подходить и к оценке шефства общественности над местами лишения свободы. О конкретных формах этой работы можно судить, например, по работе, проводимой шефами — студентами в одной из колоний для несовершеннолетних в Эстонской ССР. Были осуществлены следующие мероприятия: встречи со спортсменом, победителем олимпийских игр и совместные тренировки с ним; встречи с депутатом Верховного Совета Союза ССР — героем социалистического труда — и участие последнего в течение дня при выполнении воспитанниками трудовых заданий; встречи со старыми коммунистами; совместный концерт студентов и воспитанников; организованный студентами совместно с воспитанниками ужин, после которого были проведены различные игры и народные танцы, причем студенты учили воспитанников, как должен себя вести культурный человек в обществе и пр.

Исправление осужденных стимулируется также тем, что в случае примерного поведения и добросовестного отношения к труду можно добиться облегчения своего положения и, в частности, досрочно освободиться от наказания. При этом положительной оценки заслуживает участие коллектива самих заключенных в воспитательной работе, проводимой в исправительно-трудовых учреждениях. В одной из исправительно-трудовых

колоний Эстонской ССР установился порядок, при котором перед представлением отбывающего лишение свободы к условно-досрочному освобождению от наказания его поведение подлежит обсуждению в совете коллектива. В случае обоснованных возражений со стороны совета представление к условно-досрочному освобождению не может иметь места.

Весь комплекс вышеописанных форм воздействия на осужденных за преступления лиц — воспитательная работа, лишенная моментов принуждения, участие общественности в этой работе, поддержка и помощь, оказываемые отбывающим наказание, и, прежде всего, развитие социально-полезных элементов их натуры⁵³⁴ и т. п. — безусловно необходим также потому, что нравственное осуждение и связанные с ним моральные переживания этих лиц, являющиеся отправной точкой в деле их исправления и перевоспитания, имеют также обратную сторону. Материалы, полученные в результате обследования условно-досрочно освобожденных от лишения свободы, свидетельствуют о том, что нравственные переживания иногда вызывают одиночество, подавленность и стыд, которые могут развиваться в чувство собственной неполноценности. Бывают случаи, когда такое лицо теряет инициативу, жизнерадостность, становится замкнутым и считает себя лишним человеком. Отбывание лишения свободы часто оставляет горький осадок.

Абсолютное большинство обследуемых (27 из 35) заявили, что после условно-досрочного освобождения факт отбытия наказания ни в быту, ни на работе не отражается, каких-либо затруднений ни при трудоустройстве, ни с жилплощадью у них не возникало. О совершенном преступлении им никто не напоминает, коллективы в обращении с ними проявляют максимальную тактичность: им поручаются ответственные участки общественной работы, оказывается доверие.⁵³⁵

Но не всегда бывает так.

Обследуемый № 28, 1918 г. рождения, холост, демобилизованный офицер Советской Армии, участник Отечественной войны, работал в качестве экспедитора, допустил растрату и был осужден к лишению свободы по ст. 93, ч. 2, пп. 1 и 2 УК Эстонской ССР. После условно-досрочного освобождения сестра, у которой он раньше жил, отказала ему в прописке. Он трудоустроился разнорабочим на одном из комбинатов, но вскоре был незаконно уволен ввиду «низкой профессиональной квалификации». Он поступил на работу в другую организацию и ему было предоставлено место в общежитии. В общественную

⁵³⁴ А. М. Яковлев, Об эффективности исполнения наказания, «Советское государство и право», 1964, № 1, стр. 101.

⁵³⁵ Иногда в этом отношении заходят слишком далеко. Так, одного из обследуемых готовят к принятию в кандидаты в члены КПСС, а другого (см. выше) избрали председателем месткома.

жизнь он не вовлекался и был предоставлен самому себе. Обследуемый жалуется, что на работе смотрят на него косо и часто намекают на прошлое. Он стал совершенно апатичным, ни с кем не общается и в свободное от работы время бесцельно бродит по городу. Невыносимое чувство одиночества, потеря веры в свои силы, твердо укоренившееся убеждение, что он лишний, никому не нужный человек и т. п. послужили непосредственной причиной чрезмерного, все более прогрессирующего употребления алкогольных напитков.

А вот случай противоположного характера.

Обследуемый № 11, молодой парень, осужденный по ст. 196 УК Эстонской ССР, после условно-досрочного освобождения никак не мог трудоустроиться. Как только узнали о его судимости, его отказали принять. Не имея ни жилплощади, ни заработка, он ночевал у товарищей и питался за их счет. Тогда на помощь ему пришел начальник отдела милиции. При содействии последнего он трудоустроился, ему дали место в общежитии и избавили от бывших заключенных, которые усиленно обрабатывали его с целью вовлечения в преступную деятельность. Когда он донес на них, его стали подозревать в «предательстве» и бывшие товарищи по заключению совершили на него в клубе нападение, причем дружинникам указали на него как на зачинщика драки. Он был арестован. При непосредственном участии начальника отдела милиции, который и впредь проявлял неустанный интерес к нему, действительные виновники были разоблачены.

В свете описанных фактов, а также имеющих место случаев рецидива чрезвычайную практическую важность приобретает вопрос об установлении порядка наблюдения за условно-досрочно освобожденными и проведения с ними воспитательной работы (ст. 55, ч. 3 УК Эстонской ССР).

Установление этого порядка нельзя рассматривать как продолжение отбывания наказания. Это — не мера принуждения вообще (см. также гл. V, § 4). Смысл его состоит в следующем.

В акте условно-досрочного освобождения от наказания всегда налицо элементы доверия. В условиях лишения свободы условно-досрочно освобожденный привык жить под наблюдением.⁵³⁶ Его деятельностью руководила администрация. Неизвестно, как он будет вести себя на свободе. Ведь основанием для его освобождения послужило безупречное поведение в колонии. К тому же ему может понадобиться различная помощь после освобождения. Ему должна быть вселена уверенность в свои силы, предотвращено возникновение чувства одиночества, показана перспектива полнокровной жизни. Замкнутость, отсут-

⁵³⁶ Отсюда понятно, какое значение с точки зрения предупреждения рецидива может иметь деконвоирование подлежащих освобождению заключенных.

ствие товарищей, оторванность от коллектива, воздержание от общения с условно-досрочно освобожденным — все это вызывает равнодушие у освобожденного, а следовательно, и безразличное отношение к соблюдению правил поведения.

Данные обследований подтверждают правильность этого вывода. Но материалы обследований свидетельствуют также о том, что с работой, проводимой с условно-досрочно освобожденными, еще не все обстоит благополучно. Только в двух случаях судом был установлен порядок наблюдения за условно-досрочно освобожденными и проведения с ними воспитательной работы. Общественность и администрация мест работы освобожденных нередко включались в это дело по собственной инициативе. В ряде случаев жизнью и работой освобожденных интересовались также участковые уполномоченные. С администрацией или отдельными сотрудниками исправительно-трудовых учреждений поддерживают личную связь или переписываются с ними 8 обследуемых. О поведении двух обследуемых от начальников отрядов колоний поступили запросы в адрес администрации места работы обследуемых. Однако, к сожалению, от этой работы суд, как правило, стоит в стороне.

Работа суда, а также наблюдательных комиссий с условно-досрочно освобожденными оставляет желать много лучшего. Рассмотрению дела об условно-досрочном освобождении суд, как правило, уделяет не более десяти-двенадцати минут (включая также вынесение определения). Разумеется, при такой спешке вникнуть в суть дела, а тем более оказать воспитательное воздействие невозможно. Позже суд интересовался жизнью условно-досрочно освобожденных только в двух случаях. Наблюдательные комиссии по данным обследований потребовали от администрации мест работы характеризующий материал относительно трех обследуемых, одного вызвали для собеседования на заседание комиссии, за одним был устроен постоянный контроль. Одного освобожденного посещал работник райисполкома. Вот и вся работа, проведенная по данным обследований наблюдательными комиссиями с условно-досрочно освобожденными. Впрочем, эта работа в целом поставлена лучше всего в районах.

В ходе обследований условно-досрочно освобожденные высказали также некоторые критические замечания по поводу существующих в исправительно-трудовых колониях порядков, снижающих исправительно-воспитательный эффект отбывания наказания. Наиболее часто указывалось на то, что заключенные, случайно попавшие в колонию (а к «случайным» эти обследуемые — их число 5, они осуждены за хулиганство и по ст. 204 УК Эстонской ССР — непременно относят и самих себя), недостаточно изолированы от рецидивистов и воров. Двое обследуемых жаловались на то, что шоферы организаций, на

строительных площадках которых заключенные работают, доставляют последним алкогольные напитки и наркотики. Указывалось и на то, что в колонии скучно (1 обследуемый) и питание недостаточное (1 обследуемый). Никаких претензий исправительно-трудовым колониям не предъявили 21 освобожденный. Большинство из них с уважением относится к сотрудникам колоний, положительно отзываясь о существующих там порядках и ценит усилия, направленные на исправление лишенных свободы. Жалоб на строгость режима в колониях не имеется.

Совершенно новым институтом советского уголовного права является условное освобождение из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства, а также организация исправительно-трудовых колоний-поселений.⁵³⁷ В основе этих институтов лежит идея искупления вины честным трудом на особо важных участках народного хозяйства. Тем самым в какой-то мере лица, совершившие преступления, реально возмещают вред, причиненный преступлением советскому обществу и государству в целом. Вместе с тем эти институты имеют в виду стимулирование исправления преступников и свидетельствуют о гуманном отношении к лицам, совершившим даже тяжкие преступления.

3. Специфика мер имущественной ответственности обуславливается их целевым назначением. От последнего зависят вид и пределы принуждения, присущего этим мерам, а также некоторые другие их особенности, представляющие интерес в плане настоящего исследования.

Меры имущественной ответственности являются мерами возмездительными. Они применяются прежде всего с целью загладить потерпевшему те вредные последствия правонарушения, которые выражаются в убытках.

Убытками называются те отрицательные имущественные последствия, которые одно лицо понесло в результате противоправного поведения другого лица.⁵³⁸ Моральный, неимущественный ущерб не является убытком. Лишь материальные, имущественные последствия нарушения нематериальных благ могут быть возмещены потерпевшему.⁵³⁹

⁵³⁷ См. Пост. Плен. Верховного Суда Союза ССР от 25 марта 1964 г., «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 4, стр. 6—8, а также П. Е. Подымов, Новый шаг по пути совершенствования советской исправительно-трудовой системы, «Советское государство и право», 1964, № 8, стр. 99—106.

⁵³⁸ См. О. С. Иоффе, Советское гражданское право, т. 1, Л., 1958, стр. 437. В ГК Эстонской ССР определение понятия убытков дано в ст. 222, ч. 2.

⁵³⁹ Исключение из этого общего правила составляет заглаживание морального вреда, понесенного вследствие распространения сведений, порочащих честь и достоинство граждан или организаций. Эти случаи предусмотрены ст. 8 ГК Эстонской ССР.

Принуждение, присущее мерам имущественной ответственности, состоит в том, что правонарушитель лишается части законно принадлежащего ему имущества в целях удовлетворения кредитора. Ввиду этого применение мер имущественной ответственности вызывает для нарушителя определенные неблагоприятные, отрицательные последствия.⁵⁴⁰

Если нарушены договорные обязательства, то на должника либо возлагается обязанность исполнить новое, дополнительное обязательство, которого не было в содержании первоначального обязательства до его нарушения,⁵⁴¹ либо должник лишается права, из которого вытекало нарушенное обязательство. Соответственно увеличивается правомочие кредитора.

Если убытки причинены вне договорных отношений, то на правонарушителя возлагается обязанность возместить за счет своего имущества вред либо в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т. п.), либо полностью покрыть причиненные убытки в денежном выражении (ст. 461 ГК Эстонской ССР).

Покрытие убытков в натуре состоит в непосредственном восстановлении прежнего состояния. Но и денежная компенсация за убытки приводит в конечном счете к восстановлению имущества потерпевшего. При этом, однако, речь идет не просто о возвращении сторон к первоначальному, существовавшему до правонарушения положению (например, возврат похищенной вещи потерпевшему), а о лишении правонарушителя части законно ему принадлежащего имущества в целях удовлетворения кредитора (например, взыскание в пользу потерпевшего стоимости похищенной вещи).

Основная форма удовлетворения кредитора — это исполнение должником своего обязательства в натуре (принцип т. н. реального исполнения). В определенных пределах советское гражданское право допускает принудительное исполнение обязательства при содействии аппарата государства. Эти пределы определяются фактической возможностью непосредственного принудительного исполнения обязательства в натуре (например, взыскание алиментов, возврат вещи и пр.). Кроме того, принцип личной свободы граждан не допускает, как пра-

⁵⁴⁰ См. Б. С. Антимонов, Основания договорной ответственности социалистических организаций, М., 1962, стр. 17.

⁵⁴¹ См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Л., 1955, стр. 14. Б. С. Антимонов в монографии Основания договорной ответственности социалистических организаций, М., 1962, стр. 17, правильно, как мы полагаем, указывает: «Договорная ответственность есть всегда дополнительное обязательство, содержащее в себе дополнительное правомочие кредитора и дополнительную обязанность должника, которых не было в содержании первичного обязательства до его нарушения».

вило, непосредственного принуждения к действиям, которые носят строго личный характер. В этих случаях остается только требование денежного возмещения убытков. Проводимое в указанных пределах непосредственное принудительное исполнение обязательств хотя и является формой удовлетворения кредитора, все же не является мерой имущественной ответственности вообще. Действительно, в этом случае первоначальное обязательство не меняет своего содержания. Не лишается и должник части своего имущества в целях удовлетворения кредитора. Это не возмещение убытков, а само реальное исполнение обязательства в принудительном порядке.⁵⁴² Оно должно быть отнесено к случаям непосредственного принудительного осуществления права (см. гл. IV, § 2, п. 1 и ниже § 2, п. 1).

Также не может быть признано возмещением убытков, а следовательно, мерой имущественной ответственности (и ответственностью вообще) восстановление прежнего состояния в форме возвращения сторон в первоначальное положение (реституция). Это — вид непосредственного принудительного осуществления права, при котором никто не лишается части ему принадлежащего имущества в целях удовлетворения кредитора.

⁵⁴² См. также А. Н. Арзамасцев, Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву, Л., 1956, стр. 75—77; О. С. Иоффе, Советское гражданское право, т. 1, Л., 1958, стр. 436. Нельзя согласиться с тем, что изъятие предмета обязательства по решению суда или арбитража и передача его кредитору, а тем более возложение на поставщика обязанности передать недоброкачественную продукцию качественной является формой ответственности за неисполнение договора. Такое утверждение, довольно распространенное в советской цивилистической литературе, высказано, в частности, Н. И. Красновым в работе Реальное исполнение договорных обязательств, М., 1959, стр. 69, 74, 112 и др. Передача кредитору по решению суда или арбитража предмета обязательства — это само исполнение, осуществляемое с применением мер государственного принуждения, а предъявление требования поставщику или иному лицу исполнить договор вообще не является мерой принуждения. Отнесение Н. И. Красновым мер по непосредственному принудительному осуществлению права к имущественным санкциям не согласуется и с его собственным утверждением о том, что все виды имущественных санкций являются наказанием (стр. 67), а некоторые из них даже возмездием (стр. 94). Ведь само реальное исполнение не может быть признано наказанием. И. С. Самощенко в статье Юридическая ответственность в советском обществе, Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 2 (19), стр. 30—31, также усматривает в непосредственном принудительном осуществлении права вид ответственности. Свой вывод он аргументирует тем, что такое осуществление 1) является видом защиты гражданских прав, 2) носит принудительный характер и 3) представляет собой реализацию санкции юридической нормы. Первые два соображения не имеют доказательственной силы. Защита гражданских прав и принуждение, с одной стороны, и гражданская ответственность, с другой, не являются тождественными понятиями. Что же касается последнего довода, то по этому вопросу наша точка зрения уже высказана (см. гл. IV, § 2, п. 1). Только видом санкции имущественную ответственность признает также учебник Советское гражданское право, т. I, М., 1965, стр. 511. Чрезмерное расширение понятия ответственности стирает границы между различными явлениями.

Кредитор притязает лишь на принудительное осуществление законно ему принадлежащих прав.⁵⁴³

В денежных обязательствах возмещение убытков от правонарушения и непосредственное принудительное осуществление права весьма сходны. В случае взыскания, причитающегося по такому обязательству, первоначальное обязательство как будто не меняет своего содержания. Само обязательство и его денежная компенсация совпадают. В то же время для удовлетворения кредитора далеко не всегда достаточно реального исполнения денежного обязательства. Неисполнение обязательства может быть связано также с уменьшением имущества потерпевшего — с причинением ему убытков. Поэтому и в денежных обязательствах требование возмещения убытков допустимо наряду с иском о реальном исполнении, но, безусловно, лишь при условии их фактического наличия после реального исполнения обязательства.

Разграничение мер имущественной ответственности и мер по непосредственному принудительному осуществлению права имеет значение, прежде всего, для уяснения специфики охраны советского правопорядка мерами имущественной ответственности. Мерами имущественной ответственности не может быть претворено в жизнь само правило поведения (диспозиция), являющееся сердцевинной юридической нормы. Имущественная ответственность направлена на ликвидацию нежелательных имущественных последствий правонарушения. Наоборот, меры по непосредственному принудительному осуществлению права реализуют диспозицию правовой нормы. В механизме правового регулирования и, следовательно, в деле охраны правопорядка эти два вида мер государственного принуждения выполняют различные задачи.⁵⁴⁴

Разграничение этих двух видов мер государственного принуждения содействует также раскрытию специфики принудительной стороны мер имущественной ответственности. Принуждение, присущее последним, состоит в лишении должника части принадлежащего ему имущества. Тем самым он

⁵⁴³ См. также А. Н. Арзамасцев, Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву, Л., 1956, стр. 75—76, 188; О. С. Иоффе, Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР, «Советское государство и право», 1956, № 2, стр. 58; Ю. К. Толстой, Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР, Л., 1955, стр. 105.

⁵⁴⁴ Именно это не понимает О. Э. Лейст в своей монографии Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 90—92, отождествляя обе эти меры. Что обе санкции — это бесспорно. Но это только одна сторона дела (см. также гл. IV, § 2, п. 1). Чтобы полностью использовать силу правового рычага, необходим дифференцированный подход к правовым явлениям. Точка зрения, изложенная в основном тексте, впервые высказана нами в статье К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности, Уч. зап. ТГУ, вып. 44, Таллин, 1956, стр. 170—171.

теряет владение, пользование и распоряжение этим имуществом. Последнее передается кредитору в покрытие его убытков. Следовательно, принуждение в отношении правонарушителя есть вместе с тем ликвидация ущерба, причиненного правонарушением потерпевшему. Впрочем, такой непосредственности нет при применении мер карательных. В случае применения последних отрицательная обратная связь между противодействием и действием, устранением опасности и созданием ее, заглаживанием вреда и его причинением может быть установлена только путем воздействия на внутренние побуждения правонарушителя.

Иногда с возместительной функцией мер имущественной ответственности связывают функцию распределительную. Согласно этой точке зрения, меры имущественной ответственности ставят целью не только возмещение убытков, но иногда также локализацию их в имущественной сфере потерпевшего или же распределение их между потерпевшим и причинителем.

Между тем, локализация убытков в имущественной сфере потерпевшего, а также распределение их между потерпевшим и причинителем предусматриваются нормами права, не регулируемыми юридическую ответственность. При решении этих вопросов следует отправляться от других институтов советского гражданского права.

Не свойственна мерам имущественной ответственности также цель перемещения имущества. Перемещение имущества социалистических организаций — это задача плано-регулирующих органов. Понятие правовой ответственности в данном случае не применимо.⁵⁴⁵

Иногда возмещение убытков является предметом договора, в частности, договора страхования. Невыполнение последнего влечет за собой применение принудительных мер по реальному исполнению обязательства. В большинстве случаев, однако, убытки возмещаются посредством мер имущественной ответственности.⁵⁴⁶

⁵⁴⁵ Вопросы об объеме имущественной ответственности (полная или ограниченная ответственность), а также о сменяемой имущественной ответственности выходят за пределы настоящей работы. Это — предмет отраслевых правовых дисциплин. За пределы настоящей главы выходят также вопросы, рассмотренные ранее в гл. IV, § 2, в частности, вопрос о значении мер имущественной ответственности с точки зрения устранения, заглаживания нематериального, имущественного ущерба, причиненного правопорядку и народному хозяйству в целом, а также ряд вопросов предупредительно-воспитательного воздействия, оказываемого мерами имущественной ответственности.

⁵⁴⁶ В связи с этим М. М. Агарков в статье К вопросу о договорной ответственности — Вопросы советского гражданского права, сб. 1, М., 1945, стр. 155, писал о возможности и полезности общей теории убытков. Не отрицая такой возможности и полезности, тем не менее следует иметь в виду пределы такой теории. Она не должна стирать границы между отдельными видами убытков, причиненных, с одной стороны, правонарушениями, а, с другой, — деяниями, на совершение которых лицо было управомочено.

Нельзя стирать границы между различными видами возмещения убытков. Существенным образом отличаются от остальных видов возмещения убытков меры имущественной ответственности. Это отличие состоит не в том, что меры имущественной ответственности носят возмездительный характер, а в том, что они являются мерами ответственности. Поэтому они и способны оказывать несвойственное другим видам возмещения убытков воздействие на сознание людей, а в результате этого содействовать формированию и утверждению правовых убеждений. Это объясняется тем, что имущественная ответственность по советскому гражданскому праву является ответственностью за вину. Она выражает собой осуждение правонарушителя за отрицательное, пренебрежительное отношение к государственным или общественным интересам, либо к законным интересам отдельного гражданина. Начало ответственности за вину закреплено в ст. 37 и др. «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик».⁵⁴⁷

Порой осуждение виновного за совершенное правонарушение находит в советском гражданском праве весьма отчетливое выражение. Согласно ст. 36, ч. 5 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» «Не допускается соглашение между социалистическими организациями об ограничении их ответственности, если размер ответственности для данного вида обязательств точно определен законом». Органы арбитража ведут борьбу с наблюдавшимся иногда стремлением к зачету санкций, взаимно причитающихся сторонами по договору. На расчетном счете предприятия и на его балансе должен остаться след нарушения договора.⁵⁴⁸

Из сказанного вытекает, что подобно остальным мерам ответственности, меры имущественной ответственности оказывают предупредительно-воспитательное воздействие.⁵⁴⁹ По меткому выражению Б. С. Антимонова, институт ответственности за гражданское правонарушение нельзя обратить в прошлое, свести только к возмещению вреда. Это — боевой институт права.⁵⁵⁰

Однако, предупредительно-воспитательному воздействию, присущему мерам имущественной ответственности, свойственны специфические особенности. Это воздействие имеет общий дисциплинирующий характер, например, в деле внедрения договорной дисциплины и начал хозрасчета в деятельность

⁵⁴⁷ О т. н. невиновной ответственности будет сказано ниже.

⁵⁴⁸ См. И. Б. Новицкий, Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии, М., 1955, стр. 95 и ряд инструктивных писем и решений Госарбитража при Совете Министров Союза ССР.

⁵⁴⁹ Об этом четко сказано в учебнике Советское гражданское право, т. 1, М., 1965, стр. 512.

⁵⁵⁰ См. Б. С. Антимонов, Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, М., 1952, стр. 8.

социалистических хозяйственных организаций⁵⁵¹ или выполнения родителями своих обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей. В советской юридической литературе правильно отмечалось, что хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функции с особенной силой проявляются именно в советском гражданском праве.⁵⁵²

Специфической чертой принудительно-воспитательного воздействия, присущего мерам имущественной ответственности, является также их стимулирующий характер.⁵⁵³

Советское государство пользуется мерами принуждения экономно и всячески поощряет добровольное и сознательное выполнение обязанностей. Поэтому ответственному за убытки лицу предоставлена сначала возможность их добровольной уплаты. После обращения кредитора в суд или арбитраж, даже после вынесения решения о взыскании убытков, эта возможность не исключена. Лишь после того, как ответчик не использовал предоставленной ему возможности, убытки взыскиваются в принудительном порядке.⁵⁵⁴

С этой точки зрения характерно, что в некоторых случаях нормы советского права обязывают стороны до обращения к содействию органов государства пытаться урегулировать спорные вопросы непосредственно между собой путем переговоров, применяя т. н. претензионный порядок. Введены особые органы решения споров — третейские суды, в которых главное значение придается инициативе участников гражданско-правовых отношений. Урегулированию взаимоотношений сторон непосредственно между собой служит и то, что акцепт платежного требования должником придает этому требованию силу исполнительного документа, а указанная в нем сумма подлежит беспспорному списыванию через банк. Дела по спорам между государственными, кооперативными (кроме колхозов) и другими общественными организациями на сумму до 100 рублей разрешаются вышестоящими по отношению к должнику органами, без участия суда или арбитража. Право на применение мер имущественной ответственности принадлежит также ведомственному арбитражу потребкооперации, не являющемуся органом государства.

Такой порядок свидетельствует не только о вспомогательной роли государственного принуждения, но вместе с тем стимули-

⁵⁵¹ См. также Советское гражданское право, т. 1, М., 1965, стр. 512.

⁵⁵² См. Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Киев, 1955, стр. 6.

⁵⁵³ В учебнике Советское гражданское право, т. 1, М., 1965, стр. 512, сказано, что одной из целей гражданско-правовой ответственности является «... побудить обязанное лицо к своевременному и качественному выполнению лежащих на нем обязанностей и тем самым предотвратить нарушение обязательства».

⁵⁵⁴ Об этом сказано более подробно в гл. II, § 3, п. 2.

рует, обеспечивает добровольную уплату причиненных убытков самим должником, без вмешательства органов государства.

Порядок рассмотрения дел в судах и в государственном арбитраже содействует также тому, чтобы должник мог воспользоваться предоставленной ему возможностью добровольной уплаты причиненных убытков до приведения в исполнение решения суда или арбитража в принудительном порядке. В арбитраже конкретные дела могут быть решены путем соглашения сторон, а в суде, прежде всего принимаются меры к примирению сторон. Кроме того, при рассмотрении дел в арбитраже стороны принимают активное участие. В то же время всесторонний анализ обстоятельств дела, вся процедура судопроизводства и все больший учет требований морального кодекса строителя коммунизма при решении конкретных дел,⁵⁵⁵ а также воспитательное воздействие, оказываемое в процессе рассмотрения дела, придают решениям суда и арбитража о применении мер имущественной ответственности такую убедительность, что они не могут не побудить должника возместить причиненные им убытки до взыскания их в принудительном порядке.

Большая убедительность решений суда, в том числе и решений о применении мер имущественной ответственности, обеспечивается также тем, что в соответствии с «Основами гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» представители общественности широко привлекаются к судебному рассмотрению гражданских дел.⁵⁵⁶ Нередко еще в процессе подготовки дела к слушанию суды запрашивают мнение общественных, в частности, профсоюзных организаций. Это имеет, разумеется, большое значение с точки зрения поднятия морального авторитета решения суда. Порой гражданские дела передаются судами на рассмотрение общественных организаций. Мелкие гражданские споры могут рассматриваться товарищескими судами. Нередко рассмотрение таких дел в товарищеских судах заканчивается примирением.⁵⁵⁷

Однако, о стимулирующем воздействии мер имущественной ответственности можно говорить и в несколько ином плане. Изъятие у социалистической хозяйственной организации части ее оборотных средств в покрытие причиненных убытков должно вызвать повышенную активность всего коллектива, направлен-

⁵⁵⁵ Нередко правила общежития имеют значение при решении даже вопроса о противоправности деяния. См. также И. С. Самощенко, Понятие правонарушений по советскому законодательству, М., 1963, стр. 86—87.

⁵⁵⁶ Этим вопросам посвящена работа Д. Ф. Кичатова, Привлечение общественности к рассмотрению гражданских дел, М., 1964. См. также С. М. Лурье, Об участии общественности в рассмотрении хозяйственных споров, «Советское государство и право», 1964, № 6, стр. 123—126.

⁵⁵⁷ См. также Е. И. Филиппов, О рассмотрении гражданско-правовых споров товарищескими судами, «Советское государство и право», 1964, № 10, стр. 117.

ную на то, чтобы восполнить образовавшийся пробел. В этом смысле можно говорить о стимулирующем воздействии мер имущественной ответственности и в отношении граждан. При этом речь идет не только и не столько о предупреждении новых правонарушений, сколько о побуждении к положительным, одобряемым и поощряемым Советским государством и всей общественностью действиям. Именно в этом заключается одна из специфических черт имущественной ответственности по советскому праву. Именно эта черта получит, очевидно, в условиях развернутого строительства коммунизма особое значение. В связи с этим возникает вопрос о мерах, повышающих материальную ответственность за плохую работу, за брак, о чем говорилось на июньском (1963 г.) Пленуме ЦК КПСС.⁵⁵⁸ Если такая материальная ответственность будет установлена в самом деле, то она послужит не только целям покрытия причиненных браком убытков, но, бесспорно, будет стимулировать и хороший труд.

В то же время имеются меры имущественной ответственности, которые стимулируют выполнение невыполненной конкретной обязанности. С этой точки зрения интерес представляет ст. 70, ч. 2 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик», согласно которой «суммы неустойки (пени), уплаченные подрядчиком за нарушение сроков отдельных работ, возвращаются подрядчику в случае окончания всех работ по объекту к установленному договором конечному сроку». С другой стороны, имеются меры имущественной ответственности, понуждающие к устранению допущенных неисправностей. Предоставляя неисправному контрагенту возможность устранить конструктивные недостатки в поставленной продукции, «Положение о поставках продукции производственно-технического назначения» (п. 61, абз. 4 и п. 62, абз. 3) устанавливает, что при неисправлении недостатков к изготовителю (поставщику) применяются также денежные санкции.

В период развернутого строительства коммунизма все возрастающее удовлетворение потребностей граждан за счет общественных фондов обуславливает меньшее значение удовлетворения интересов потерпевшего посредством ответственности причинителя. Все более на первый план выдвигается стимулирование правомерного поведения, дисциплинирование участников гражданского оборота, побуждение их своевременно и надлежащим образом исполнять принятые на себя обязательства, строго соблюдать нормы права.⁵⁵⁹ Широко разворачивается организаторская и воспитательная работа, которая сопровождает применение мер имущественной ответственности.

⁵⁵⁸ «Известия», 19 июня 1963 г., № 145.

⁵⁵⁹ См. Р. О. Халфина, Воспитательная роль гражданско-правовой ответственности в период развернутого строительства коммунизма, «Советское государство и право», 1963, № 6, стр. 74.

С этой точки зрения интерес представляют выездные заседания госарбитража на предприятия. В результате рассмотрения в арбитраже дел о недопоставках или иных нарушениях договорной дисциплины актив предприятия может совместно с администрацией наметить конкретные мероприятия для устранения неполадок в работе. Заслуживают внимания также обращения коллектива и общественности предприятия-должника к коллективу предприятия-кредитора с целью лучшей координации работы и преодоления возникших трудностей.

На одном из предприятий г. Таллина была выявлена недостача материальных ценностей на крупную сумму. Ввиду обезлички ответственности и плохого учета материальных ценностей установить конкретных виновников преступных деяний не удалось. Группа работников предприятия была привлечена к материальной ответственности по ст. 83 КЗоТ РСФСР. Судебное решение о взыскании убытков послужило основанием для налаживания учета, лучшей организации работы и установления личной ответственности за сохранность продукции. Вместе с тем, с работниками, обслуживающими материальные ценности, была проведена большая воспитательная работа.

В сфере имущественной ответственности в период развернутого строительства коммунизма намечается фактическое сужение применения мер государственного принуждения и ограничение его законодателем определенными пределами.

Сужение сферы фактического применения мер имущественной ответственности обусловлено различными обстоятельствами: усилением морального фактора в жизни советского общества, осознанием своего долга гражданами и должностными лицами, а также лучшей организацией выполнения хозяйственных договоров. Вследствие этого число имущественных правонарушений все более уменьшается. Немалая роль при этом принадлежит широкому распространению мер, обеспечивающих исполнение обязательств.

Советское гражданское право предусматривает ряд мер, обеспечивающих исполнение обязательств: неустойку, залог, поручительство, задаток и гарантию (ст. 35 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик»)⁵⁶⁰. Значение их заключается в следующем.

Основным видом мер имущественной ответственности является возмещение убытков, возникших в результате противоправных деяний. Как правило, размер этих убытков до и в момент совершения правонарушения еще неизвестен, а поэтому правонарушитель заранее не знает, какие невыгодные последствия его ожидают в случае неисполнения своих договорных обяза-

⁵⁶⁰ По нашему мнению, только первая является мерой имущественной ответственности. См. также Б. С. Антимонов, Основания договорной ответственности социалистических организаций, М., 1962, стр. 15.

тельств. Если же в договоре предусматриваются меры обеспечения обязательств, то угроза невыгодными последствиями, связанными с неисполнением обязательств, получит до того конкретную форму (причем кредитор освобождается от обязанности доказать размер причиненных убытков), что это не может не побудить должника быть исправным. Сторона в договоре с самого начала уверена в неотвратимости мер имущественной ответственности. Это, разумеется, имеет громадное обеспечительное и предупредительное, воспитательное и дисциплинирующее значение.

Кроме того, выполнение договора рассчитано, как правило, на более или менее продолжительный период времени. В случае нарушения договора в процессе исполнения договорных обязательств вопрос о возмещении убытков может быть поставлен лишь по истечении более или менее значительного промежутка времени. Неустойка является мерой воздействия, которой кредитор располагает на протяжении всего времени, в течение которого длится нарушение договорных обязательств, а не только в тот момент, когда выявляются причиненные ему убытки.⁵⁶¹

Наряду с этим в положениях о поставках продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления отмечается известное ужесточение санкций, в частности, в случаях поставки недоброкачественной продукции. Однако, как указывает С. С. Алексеев, «хотя в настоящее время сохраняется необходимость усиления ответственности сторон по планово-договорным обязательствам, законодатель не идет на то, чтобы в качестве общего правила усиливать денежные санкции. Напротив, в Положениях о поставках 1959 года и в Основах гражданского законодательства (ст. 36) четко проводится линия на установление определенных пределов ответственности по денежным санкциям».⁵⁶²

Природа отдельных мер имущественной ответственности усложняется иногда в силу различных привходящих обстоятельств, которые придают им некоторые черты, присущие мерам карательным. Бывает и так, что меры имущественной ответственности переплетаются с мерами по непосредственному принудительному осуществлению права. Во всех этих случаях уместно говорить о смешанных формах мер имущественной ответственности.

Некоторыми свойствами мер карательных обладают, в частности, имущественная ответственность в повышенном размере, неустойка, взыскание неосновательного обогащения, хотя

⁵⁶¹ См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Л., 1955, стр. 293.

⁵⁶² См. С. С. Алексеев, Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма, М., 1962, стр. 162.

последнее и тесно соприкасается с мерами по непосредственному принудительному осуществлению права. Ближайший анализ видов смешанных форм мер имущественной ответственности входит в задачи науки советского гражданского права.

В некоторых случаях обязанность возместить вред возлагается независимо от вины причинителя. Согласно ст. 37 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик», в виде исключения в случаях, предусмотренных законом или договором, вина не является условием возмещения убытков, причиненных невыполнением обязательств. Равным образом согласно ст. 90 тех же «Основ» обязанность возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, возникает независимо от вины.

В новом советском гражданском законодательстве принцип ответственности за вину проводится, однако, более последовательно, чем раньше. Изъятия из этого принципа крайне ограничены.⁵⁶³ Это обусловлено тем, что имущественная ответственность оказывает наиболее полное воспитательное воздействие тогда, когда она основывается на принципе вины. Нельзя себе представить, что при коммунизме общество скажет гражданину: «Ты не виновен в нарушении, ты не мог его предотвратить, но отвечать за него будешь».⁵⁶⁴

Важнейшим отступлением от принципа имущественной ответственности за вину является возложение обязанности возместить убытки, причиненные источником повышенной опасности. Эта обязанность возлагается независимо от наличия вины.⁵⁶⁵

⁵⁶³ См., в частности, С. С. Алексеев, Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма, М., 1962, стр. 169—176.

⁵⁶⁴ Р. О. Халфина, Воспитательная роль гражданско-правовой ответственности в период развернутого строительства коммунизма, «Советское государство и право», 1963, № 6, стр. 75, 83.

⁵⁶⁵ В советской юридической литературе широкое распространение получил взгляд, согласно которому причинение вреда источником повышенной опасности является деянием противоправным, хотя само по себе пользование этим источником не содержит ничего противоправного. См., в частности, Б. С. Антимонов, Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, М., 1952, стр. 72, 100; И. С. Самоуilenko, Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963, стр. 12—18; Е. А. Флейшиц, Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения, М., 1951, стр. 131, 135; ее же, Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, «Советское государство и право», 1962, № 8, стр. 39; К. К. Яичков, Система обязательств из причинения вреда в советском праве. Вопросы гражданского права, М., 1957, стр. 168—170 и др. Отсюда делается вывод, что возмещение вреда, причиненного действием источника повышенной опасности, является видом ответственности, но ответственности, не основанной на вине. Выше отмечалось (см. гл. II, § 2, п. 2 и 3), что отсутствием вины противоправность деяния не исключается. Невыполнение юридической обязанности остается деянием противоправным даже при отсутствии умысла или неосторожности (т. н. объективная противоправ-

Своеобразием советского гражданского права является то, что наличие вины в противоправном деянии предполагается, однако причинивший вред освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине.⁵⁶⁶ Статья 90 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» ограничивает возможность доказательства отсутствия вины причинителя только двумя случаями. Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, исключается, если будет доказано, что вред возник вследствие действия или непреодолимой силы или же умысла потерпевшего. В результате этого организации и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, фактически обязаны в ряде случаев возместить случайно (невиновно) причиненный вред.

Если обязанность возместить вред возникает даже тогда, когда он причинен невиновно, то к мерам имущественной ответственности приравнивается принудительное взыскание невиновно причиненных убытков. В этих случаях взыскание убытков не является мерой ответственности, а лишь строится «по модели» деликтной ответственности.⁵⁶⁷ Цели юридической ответственности, не связанные с возмещением убытков, таких взысканий не преследуют.

В советской юридической литературе широкое распространение получил взгляд, согласно которому возложение обязанности возместить вред, причиненный деятельностью, связанной с использованием источником повышенной опасности, стимулирует к безаварийной работе и введению новых изобретений и технических усовершенствований, устраняющих или уменьшающих опасность несчастных случаев даже тогда, когда убытки подлежат возмещению при невиновном их причинении. Беспорно, Советское государство прилагает много усилий для предупреждения вреда, возникающего от деятельности, связанной с использованием источниками повышенной опасности. Наша страна стремится к тому, чтобы техника была полностью подчинена

ность). Но отсутствие вины исключает состав правонарушения, а вместе с тем и юридическую ответственность. Противоправность отсутствует лишь тогда, когда вред является результатом действия непреодолимой силы — в этом случае нет действия в юридическом смысле.

⁵⁶⁶ С. С. Алексеев в статье О составе гражданского правонарушения, «Правоведение», 1958, № 1, стр. 51—53, полагает, что исходя из презумпции виновности, более правильно отнести вину не к составу гражданского правонарушения, а, рассматривая ее в негативном аспекте, как невиновность, — к особой правовой категории — основаниям освобождения от ответственности.

⁵⁶⁷ См. О. Э. Лейст. Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 79—80, а также С. М. Джорбенадзе, Крайняя необходимость в советском гражданском законодательстве, «Советское государство и право», 1960, № 10, стр. 74 и Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Киев, 1955, стр. 117—121.

контролю человека и не представляла опасности для окружающих. Но эта задача не осуществима путем одного только запрета причинить вред. Она не может быть полностью осуществлена стимулированием к введению новых изобретений и технических усовершенствований.

При современном уровне развития техники возможности отдельного владельца источника повышенной опасности в деле изживания опасности всех аварий вообще порой весьма ограничены. Источники повышенной опасности — это зачастую продукция крупных промышленных предприятий и представляют собой сложные агрегаты. Вряд ли, например, отдельный владелец автомашины в состоянии путем введения технических усовершенствований в сколько-нибудь значительной степени способствовать устранению опасности аварий. Это относится и к предприятиям местной промышленности, пользующимся в производственной деятельности машинами, выпущенными предприятиями тяжелой индустрии на основе последних достижений науки.

§ 2. Убеждение и принуждение и иные виды мер государственного воздействия

1. Применение мер по непосредственному принудительному осуществлению права само по себе не зависит от того, почему юридическая обязанность не выполнена и, в частности, является ли неисполнение результатом виновного поведения лица или же вызвана иными обстоятельствами. Указанные меры могут быть применены в случае неисполнения по любым причинам юридических обязанностей в срок. И лишь в силу особых оснований, при наличии исключительных обстоятельств, советское право прибегает к применению этих мер независимо от наступления срока для добровольного выполнения обязанностей. Так, например, обвиняемый может быть подвергнут приводу даже без предварительного вызова. Однако в силу ст. 123, ч. 3 УПК Эстонской ССР это может иметь место только в тех случаях, когда он скрывается или не имеет определенного места жительства. Равным образом в случае вынесения судебных решений с конститутивной силой путь непосредственному принудительному осуществлению права открывается одновременно с вынесением такого решения. Целесообразность подобного порядка обусловлена тем, что аппарат государства, уполномоченный на применение мер принуждения, приведен уже в действие. Решение суда и арбитража с конститутивной силой подтверждает право на принудительное исполнение.

Однако, фактически решение суда и арбитража далеко не всегда приводится в исполнение в принудительном порядке. Конкретные обязанности, которые возникают на основании соот-

ветствующего решения суда или арбитража, могут быть выполнены добровольно. Советское право и здесь, прежде чем прибегнуть к принуждению, ожидает добровольного исполнения обязанностей.

Само по себе было бы, конечно, возможно приступить к непосредственному принудительному осуществлению права, не дождавшись срока, установленного для добровольного исполнения обязанности. Но это противоречило бы значению принуждения в советском обществе. Советское государство прибегает к мерам принуждения, в том числе к непосредственному принудительному осуществлению права лишь тогда, когда основные средства правового регулирования — меры убеждения — исчерпаны.

Формы и способы непосредственного принудительного осуществления права приурочены к содержанию тех правовых обязанностей, которые подлежат выполнению. Обязанности, возлагаемые на граждан нормами права, могут заключаться или в совершении определенных действий, или же в воздержании от их совершения. Если обязанное лицо не совершило действий, которые оно обязано было совершить, то непосредственное принудительное осуществление права заключается в производстве при содействии органов государства тех действий, которые данное лицо обязано было совершить, и, как правило, за счет этого лица.

Случаи непосредственного принудительного исполнения обязанности при содействии органов государства в советском праве довольно многочисленны. Они предусмотрены различными отраслями советского права, главным образом, в сфере имущественных или финансовых отношений. К этим мерам следует отнести, например, взыскание не внесенной в срок квартирной платы, списание за счет бюджета сумм, имеющих на расчетном или текущем счете недоимщика в кредитном учреждении и т. д. Иногда эти меры носят не вещественный, а личный характер, например, привод.

Если обязанное лицо не воздержалось от совершения действий, то реальное исполнение обязанности невозможно. Возможно только восстановление прежнего состояния, реституция, т. е. возвращение сторон к первоначальному, закрепленному нормами права состоянию. Основная форма восстановления прежнего состояния по советскому праву — это восстановление нарушенного владения.⁵⁶⁸

⁵⁶⁸ М. А. Гурвич в монографии *Право на иск*, М.—Л., 1949, стр. 173—174, правильно утверждает, что виндикант не приобретает новых прав. Обязанность воздержаться от посягательств на чужую вещь не прекращается и не преобразуется. Именно эта обязанность и составляет, по его мнению, предмет исполнения по виндикационному притязанию. Должник не обязан по виндикационному иску совершать каких-либо положительных действий, в частности, доставлять вещь собственнику. Он обязан лишь воздержаться от

Прибегая к непосредственному принудительному осуществлению права, Советское государство может ставить цели, выходящие за пределы реального исполнения обязательств. Непосредственное принудительное осуществление права, в частности, способно оказывать воспитательное и предупредительное воздействие. Оно подкрепляет сознание неприкосновенности советского правопорядка, представление о безусловной необходимости выполнять обязанности, возлагаемые нормами советского права. Оно мобилизует внимание на чутком и заботливом отношении к гражданскому долгу, на точном соблюдении, аккуратном выполнении своих обязанностей перед государством и обществом. По организующему и мобилизирующему воздействию оно иногда сходно до некоторой степени с мерами ответственности.

Непосредственное принудительное осуществление права способно устранить даже некоторые проявления общественно опасного результата деяния. Вследствие этого в некоторых случаях оно исключает необходимость применения мер ответственности. Так, например, в случае виндикации вещи из чужого недобросовестного владения меры ответственности не подлежат применению, если убытки не были причинены, а применение мер карательных законом не предусмотрено.

Эти случаи показательны и в другом отношении.

Совершение правонарушения вызывает осуждение со стороны советской общественности и государства. Это осуждение находит свое выражение в применении к виновному мер ответственности. Однако, если, несмотря на наличие в действиях виновного состава правонарушения, меры ответственности все же применению не подлежат, то само непосредственное принудительное осуществление права может включать в себя отрицательную оценку деяния.

В период развернутого строительства коммунизма фактическое применение мер по непосредственному принудительному осуществлению права значительно сокращается. Это объясняется тем, что в ряде случаев, особенно тогда, когда неисполнение правовой обязанности является результатом невиновного

сопротивления действиям управомоченного, изымающего свою вещь, т. е. действиям, которыми управомоченный осуществляет свое право владения вещью, находящейся в сфере держания противника. Но ответчик не вынуждается к каким-либо положительным действиям. Другие авторы также указывают, что виндикация не является формой ответственности, ибо ответчик по виндикационному иску не лишается законно ему принадлежащих имущественных прав. См., например, А. Н. Арзамасцев, Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву, Л., 1956, стр. 76; И. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Л., 1955, стр. 11, 13; Ю. К. Толстой, Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР, Л., 1955, стр. 105.

поведения, достаточно обратить внимание на необходимость исполнить свою правовую обязанность.

2. Главное в деятельности органов Советского государства в борьбе с посягательствами на советский правопорядок и со всеми общественно опасными деяниями вообще — это профилактика, воспитательная работа, правоохрана в самом широком смысле. Принудительные меры по предупреждению этих деяний могут быть применены, однако, лишь в отдельных случаях, строго предусмотренных законом.

В зависимости от особенностей источника опасности лица среди мер по предупреждению общественно опасных деяний выделяются принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных либо алкоголиков или наркоманов. В плане настоящего исследования эти принудительные меры не представляют интереса, ибо содержанием их является принудительное лечение. Моменты убеждения им не свойственны.

Вторым видом принудительных мер предупредительного характера являются меры обеспечения. Эти меры применяются при наличии реальной опасности, что лицо совершит определенные действия, которые должны быть предотвращены. Так, например, применение процессуальных мер обеспечения, именуемых процессуальными мерами пресечения, имеет целью предотвратить уклонение обвиняемого от следствия и суда и, вместе с тем, обеспечить явку его в эти органы. Наряду с этими мерами предупреждения, имеющими своим содержанием личное обеспечение, имеются также меры, содержанием которых является имущественное, денежное или вещественное обеспечение — арест имущества, налагаемый с целью обеспечить гражданский иск или конфискацию имущества, задержание имущества, а также специальная конфискация. Согласно ст. 33 УК Эстонской ССР «независимо от конфискации имущества предметы, изъятые из гражданского оборота, обнаруженные при производстве уголовных дел, изымаются, а также изымается имущество, добытое преступным путем». Специальная конфискация имеет целью предотвращение и пресечение недопустимых форм гражданского оборота, прежде всего — извлечение нетрудовых доходов из преступной деятельности.

Основным содержанием мер обеспечения является непосредственное принудительное воздействие — применение этих мер объективно исключает возможность определенных общественно опасных деяний. Порой применение этих мер оказывает также некоторое стимулирующее воздействие. Такое воздействие присуще, в частности, некоторым мерам процессуального пресечения, особенно в тех случаях, когда с целью обеспечить явку обвиняемого оказывается на него не только государственное, но и общественное воздействие (ст. 72 УПК Эстонской ССР).

Поскольку, однако, эти меры применяются с целью обеспечить совершение определенных, конкретных действий процессуального характера, то анализ их входит в задачи науки советского уголовного процесса.

К мерам предупреждения и обеспечения примыкают, но не сливаются с ними принудительные меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних. Эти меры в общей форме предусмотрены ст. 10, ч. 3 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», которая гласит: «Если суд найдет, что исправление лица, совершившего в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, возможно без применения уголовного наказания, он может применить к такому лицу принудительные меры воспитательного характера, не являющиеся уголовным наказанием». Принудительные меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних правонарушителей либо нарушителей иных правил общественного поведения предусмотрены также положениями о комиссиях по делам несовершеннолетних. Однако мерами принуждения являются далеко не все меры воздействия, предусмотренные этими положениями. Некоторые из них, например, передача на поруки родителям или лицам, их заменяющим, являются мерами «чисто» воспитательными. Принудительного характера лишены также меры воздействия, применяемые в отношении несовершеннолетних правонарушителей на основании ст. 61, ч. 4 УК Эстонской ССР, которая указывает: «Если исправление несовершеннолетнего, указанного в ч. 3 статьи 10 настоящего Кодекса, возможно без применения принудительных мер, то суд или другие уполномоченные на то органы могут применить к нему меры общественного, педагогического или семейного воздействия, либо передать такого несовершеннолетнего под врачебный надзор. Эти же меры могут быть применены в отношении несовершеннолетнего судом и в случае прекращения им применения принудительных мер воспитательного характера». К принудительным мерам воспитательного характера УК Эстонской ССР относит помещение несовершеннолетнего в воспитательную колонию или в специальное воспитательное либо в специальное лечебно-воспитательное учреждение для детей и подростков.

Иногда к несовершеннолетним правонарушителям применяются меры воздействия имущественного характера. В частности, комиссиями по делам несовершеннолетних на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста, может быть возложена обязанность возместить причиненный ущерб, если несовершеннолетний имеет самостоятельный заработок и сумма ущерба не превышает 20 рублей, либо обязанность своим трудом устранить причиненный материальный ущерб, не превышающий 20 рублей.

Согласно законодательству РСФСР, принудительные меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних применяются, как правило, комиссиями по делам несовершеннолетних. Уголовное дело в связи с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних подлежит прекращению еще до судебного разбирательства. Лишь в случае, если в результате судебного разбирательства суд придет к выводу, что исправление лица, совершившего в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, возможно без применения уголовного наказания, то сам суд применяет к несовершеннолетнему одну из принудительных мер воспитательного характера. Однако и тогда суд выносит определение о прекращении уголовного дела.

Согласно ст. 8 УПК Эстонской ССР, отказ в возбуждении уголовного дела или прекращение дела в отношении несовершеннолетнего в связи с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних производится также определением или постановлением суда, прокурора или следователя с согласия прокурора. Однако, если суд в результате судебного разбирательства придет к выводу о целесообразности применения в отношении несовершеннолетнего принудительной меры воспитательного характера, то он выносит обвинительный приговор без назначения наказания и применяет к осужденному меру воспитательного характера (ст. 264 УПК Эстонской ССР). Виновный в этом случае освобождается не от уголовной ответственности, а только от наказания.

Основное при применении принудительных мер воспитательного характера — это исправление и воспитание несовершеннолетних, включая их трудовое воспитание, а в соответствующих случаях, кроме того, и лечение. Не случайно УК Эстонской ССР в ст. 61, ч. 2 среди обстоятельств, учитываемых при назначении конкретной меры воспитательного характера, на первый план выдвигает личность несовершеннолетнего. Характерно и то, что несовершеннолетние правонарушители содержатся в воспитательных учреждениях до исправления, но не больше, чем до достижения восемнадцатилетнего возраста. Однако этот срок может быть при определенных условиях продлен. Основанием для продления срока содержания в воспитательных учреждениях может служить то обстоятельство, что процесс исправления и трудового воспитания несовершеннолетнего еще не завершен. Для понимания природы принудительных мер воспитательного характера значение имеет и то обстоятельство, что эти меры могут применяться также в отношении несовершеннолетних, не достигших еще возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

При назначении вида принудительных мер воспитательного характера прежде всего следует руководствоваться тем, насколько

ко быстро несовершеннолетний поддается исправлению и воспитанию. Поэтому вряд ли правильно относить их к мерам карательным.

В правоохранительной деятельности органов Советского государства могут быть применены также различные виды мер пресечения, обладающих принудительным характером. К ним следует, в частности, отнести: меры удаления, например, удаление нарушителей порядка на судебном заседании из зала суда (ст. 225 УПК Эстонской ССР) либо пассажиров из поезда или других видов транспорта на основании соответствующих уставов или постановлений, регулирующих работу транспорта; отстранение от должности, например, главным государственным санитарным инспектором больных заразными болезнями, соприкасающихся по своей работе с пищевыми продуктами; меры по принудительному приостановлению эксплуатации машин, агрегатов и установок, техническое состояние которых угрожает непосредственной опасностью аварий, и пр.

Все эти меры направлены на пресечение общественно опасных явлений. Вместе с тем эти меры оказывают определенное предупредительное воздействие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I СОВЕТСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК И ЕГО ОХРАНА	
§ 1. Механизм правового регулирования и советский порядок	10
§ 2. Охрана советского порядка и ее виды	66
Глава II ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА СОВЕТСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК И БОРЬБА С НИМИ	
§ 1. Общественная опасность посягательств на порядок	76
§ 2. Противоправный характер посягательств на порядок	93
§ 3. О некоторых вопросах ответственности за посягательства на порядок	111
Глава III УБЕЖДЕНИЕ И БОРЬБА С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА СОВЕТСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК	
§ 1. Коммунистические убеждения и формирование их у лиц, совершивших посягательства на порядок	139
§ 2. Об условиях и способах формирования и утверждения правовых убеждений	161
Глава IV ПРИНУЖДЕНИЕ И БОРЬБА С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА СОВЕТСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК	
§ 1. Понятие принуждения и его признаки	176
§ 2. Виды мер принуждения в деле борьбы с посягательствами на порядок	187
Глава V УБЕЖДЕНИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	
§ 1. Советская общественность и ее правоохранительная деятельность	212
§ 2. Посягательства на советский порядок и меры общественного воздействия	234
§ 3. Убеждение и принуждение и меры ответственности, применяемые советской общественностью	249
§ 4. Меры общественного воздействия, лишенные принудительного характера	258
Глава VI УБЕЖДЕНИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА	
§ 1. Убеждение и принуждение и меры ответственности, применяемые органами государства	263
§ 2. Убеждение и принуждение и иные виды мер государственного воздействия	309